

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 101

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

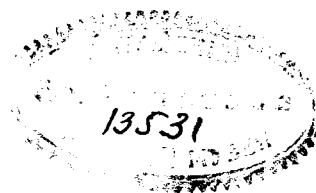
5.7
МЗЧ
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 101

К. Ф. СМЕРНОВ

ВООРУЖЕНИЕ САВРОМАТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1961

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. П. СМЕРНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Савроматы, по сведениям античных письменных источников и современным археологическим данным, представляли большую группу древних племен, родственных скифам Северного Причерноморья, массагетам и сакам Средней Азии. Все эти племена Евразии, относящиеся, по данным современного языкознания, к массиву ираноязычных народов древности, имеют много общего в происхождении, в характере хозяйства, быта и социального строя, материальной и духовной культуры. Эта общность определялась их родством, соседством и тесными взаимоотношениями. Различные стороны истории и культуры савроматов, и, в частности, их военное дело и вооружение, которым посвящена данная книга, нельзя изучать изолированно, не учитывая историко-культурного развития племен Скифии и древних ираноязычных народов Казахстана, Сибири и Средней Азии.

В обширных степях Евразии в VII—IV вв. до н. э. савроматы заселяли широкую полосу степей от Дона на западе до восточных границ современной Оренбургской области и р. Эльбы на востоке. Следы их пребывания обнаружены также в степях Северного Кавказа, на территории распространения городечной культуры (правый берег Волги, севернее Саратова), в южной Башкирии и в лесостепной части Челябинской области. В этих пограничных районах нам известны пока только отдельные савроматские погребения или отдельные вещи, характерные для материальной культуры савроматов. Взаимоотношения с соседями иной этнокультурной среды также оказывали значительное влияние на исторические судьбы и культуру савроматов.

Вооружение савроматов и снаряжение их боевых коней представляют существенную

часть савроматской археологической культуры, окончательно сложившейся к концу VII в. до н. э., когда в пределах основной территории расселения савроматов складываются две крупные локальные группы родственных в основном племен, которые я рассматриваю как наиболее ранние племенные объединения или союзы — поволжский (собственно савроматы Геродота, в том числе язаматы и сирматы) и самаро-уральский (протоаорсы или верхние аорсы Страбона). На общем фоне единства археологической культуры савроматов мы наблюдаем, однако, значительные различия в материальной и духовной культуре обеих локальных групп, в том числе и в оружии и конском снаряжении, т. е. в таких вещах, которые обычно широко распространены за пределами территорий определенных племенных или этнических групп и слабее всего подвергаются локальным изменениям. Следовательно, детальное исследование оружия и конского снаряжения важно не только для изучения военного дела; оно может пролить некоторый свет на этническую историю, особенно — производства и культурные связи народов нашей страны в древности.

Сложение савроматской археологической культуры, в том числе комплекса оружия и конского снаряжения, относится ко времени, когда первое крупное общественное разделение труда в обширную полосу евразийских степей, возникшее еще в эпоху древнеямной культуры, достигло кульминации и приняло особую специфическую форму. В это время в результате значительного развития производительных сил в среде скотоводческих племен выделялись племена номадов (кочевников и полукочевников), отличающихся по характеру хозяйства от своих предшественников и предков — в основном оседлых

пастушеских племен эпохи бронзы, у которых скотоводство как основная отрасль хозяйства еще органически сочеталось с примитивным мотыжным земледелием. Население Евразии перешло на высшую ступень варварства (по периодизации Ф. Энгельса), вступило в свой «героический период», т. е. «период железного меча, но также железного плуга и топора»¹. На этой ступени исторического развития, которая, по классическому выражению Ф. Энгельса, была «более богата успехами производства, чем все предыдущие ступени, вместе взятые»², население наших степей перешло к более прогрессивному типу хозяйства, к плавке железа и изготовлению из него основных орудий производства и оружия. Этот процесс в развитии производительных сил привел к значительному изменению в общественном устройстве и военном деле евразийских племен.

На юге нашей страны складываются союзы родственных племен, каковыми были геродотовы скифы и савроматы. Большую власть приобретают племенные вожди и военачальники, для которых война не только была средством защиты своего племени или союза племен, но в большей степени средством грабежа и обогащения за счет своих соседей или даже отдаленных богатых стран, куда совершали военные набеги северочерноморские варвары. Война для них становится постоянным промыслом.

В период военных походов скифов в страны Переднего Востока складывается новый вид усовершенствованного, преимущественно железного оружия и снаряжения боевого коня, который получил общее название «скифского» вооружения. Савроматское вооружение составляет часть этого «скифского» вооружения, но далеко не тождественно ему. В нем уже были заложены элементы, вызвавшие в дальнейшем появление новых видов оружия и определившие особенности сарматской военной тактики, которые имели свои преимущества по сравнению с оружием и военным делом скифов. Эти новые достижения в развитии военного дела обеспечили сарматам, значительная часть которых вышла из савроматской среды, победу

над скифами во II в. до н. э., несмотря на то, что савроматы и сарматы в общественно-экономическом развитии несколько отставали от скифов.

Сарматы в течение ряда веков господствовали в степях Восточной Европы и оказывали существенное влияние на общественно-политическую жизнь городов Северного Причерноморья. Значительная роль их в развитии военного дела древнего мира общеизвестна. Гораздо слабее изучены источники их военного превосходства. В этом отношении чрезвычайно интересен савроматский комплекс вооружения. Довольно хорошая изученность скифского оружия существенно помогает провести необходимые сравнения и отметить особенности савроматского вооружения.

Сравнение с хорошо датированным оружием и конским убором Скифии и Северного Кавказа позволяет наметить эволюцию типов оружия и конского убора у савроматов с VII по IV в. до н. э. Это очень важно для уточнения датировки савроматских археологических комплексов, да и не только савроматских, ибо на Урале, в Сибири, Казахстане и Средней Азии мы встречаемся с оружием и предметами конского убора, чрезвычайно близкими в деталях или даже тождественными савроматским. Следовательно, и для разработки подробной хронологии начала железного века в восточных областях Евразии савроматское вооружение представляет определенный интерес.

Между тем, в историко-археологической литературе оружию и военному делу савроматов не уделялось должного внимания.

Материал по савроматскому оружию и конскому убору накапливался уже в последней четверти XIX в., когда стали известны случайные находки и были проведены раскопки курганов в Оренбургской губернии, в степных областях Поволжья и Дона. До первых обобщающих работ М. И. Ростовцева по скифо-сарматской археологии сведения о находках оружия и конского снаряжения с савроматской территории были лишь частично опубликованы в кратких сообщениях А. А. Спицына³, отчете Ф. Д. Нефедова⁴, в статьях местных археологов —

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947, стр. 214.

² Там же.

³ ОАК за 1895 г., стр. 26—30; ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, новая серия. СПб., 1896, стр. 140—169.

⁴ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных

членов Оренбургской⁵, Саратовской⁶ и Воронежской⁷ ученых архивных комиссий, а также в отчетах и известиях археологической комиссии.

В трудах М. И. Ростовцева, подытожившего успехи дореволюционной русской археологии по скифо-сарматскому разделу, собраны основные сведения о находках оружия и предметов конского убора в Поволжье и Приуралье, дана их общая датировка, но специального анализа этого материала не проведено⁸. М. И. Ростовцев лишь отметил единство оружия со скифским и обратил внимание на значительное сходство оренбургских акинаков с сибирскими кинжалами и довольно раннее появление длинных мечей в Приуралье. Он же впервые поставил вопрос о формировании меча прохоровского типа.

Специальная работа В. Гинтерса о скифских и сарматских мечах⁹, мало затрагивая разбираемую в нашей книге конкретную проблему, интересна для нас материалами, касающимися датировки и эволюции некоторых типов мечей.

Раскопки савроматских и раннесарматских курганов, проведенные советскими археологами в 1887 и 1888 гг. МАВГР, т. III. М., 1899, стр. 1—41.

⁵ А. Аниховский. Раскопки кургана в пос. Красногорском. Тр. ОУАК, вып. XVI. Оренбург, 1906, стр. 69—76; И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Тр. ОУАК, вып. XXII, 1910; его же. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1906 г. Тр. ОУАК, вып. XIX, 1907, стр. 101—116; Н. Макаренко. Продолжение раскопки кургана около пос. Красногорского Оренбургского уезда. Тр. ОУАК, вып. XVI, стр. 76—94; А. В. Попов. Дневник раскопок. II. Курганы на Бердинской горе. Тр. ОУАК, вып. IV, 1898, стр. 113—116; его же. Исследования последних курганов на Бердинской горе 8—11 мая 1905 г. Тр. ОУАК, вып. XVI, стр. 202—205.

⁶ Б. В. Зайковский. Бугор Стеньки Разина. Тр. СУАК, вып. 24, 1908, стр. 44—55; его же. Городище Бельджамен. Тр. СУАК, вып. 24, стр. 33—44; его же. Археологические разведки в окрестностях слободки Даниловки Камышинского уезда Саратовской губернии. Тр. СУАК, вып. 30. Саратов, 1913, стр. 215—228.

⁷ В. Н. Тевяшов. Отчет о раскопках в Острожском уезде в 1900—1901 годах. Тр. ВУАК, вып. I. Воронеж, 1902, стр. 93—112.

⁸ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37. Пг., 1918; его же. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 592 и сл.; его же. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, S. 477—484.

⁹ W. Ginters. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.

хеологами на Нижнем Дону (А. А. Иессен, И. И. Ляпушкин), в степном Поволжье (П. С. Рыков, П. Д. Рау, Б. Н. Граков, И. В. Синицын, В. П. Шилов, К. Ф. Смирнов) и в Южном Приуралье (Б. Н. Граков, К. В. Сальников, И. А. Зарецкий, Д. И. Захаров, М. П. Грязнов, В. С. Сорокин, К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова), обогатили наши знания по данному вопросу. Значительная часть новых находок уже опубликована.

Публикуя материалы раскопок, советские исследователи не раз касались отдельных вопросов истории савроматского оружия и конского убора или военного дела савроматских племен в целом¹⁰. Здесь следует в первую очередь указать работы П. Д. Рау¹¹, Б. Н. Гракова¹², А. И. Мелюковой¹³, В. Д. Блаватского¹⁴, а также отдельные высказывания Н. И. Сокольского¹⁵, В. П. Шилова¹⁶, К. Ф. Смирнова¹⁷ и Е. К. Максимова¹⁸.

В публикуемой монографии я рассматриваю предметы савроматского вооружения и конского снаряжения, хранящиеся в Госу-

¹⁰ В дальнейшем изложении, в тех случаях, когда упоминаются уже опубликованные материалы, мы ограничиваемся ссылкой на издание.

¹¹ P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

¹² B. Grakov. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. ESA, III. Helsinki, 1928, p. 25—62; его же. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV, Helsinki, 1929, p. 169—182; его же. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 100, 121.

¹³ А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов. Архив ИА, № 1011 (кандидатская диссертация. М., 1950).

¹⁴ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 113 и сл.

¹⁵ Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 137 и сл.

¹⁶ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 424, 425, 432—434, 460.

¹⁷ К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья I в. до н.э.—IV в. н.э. (кандидатская диссертация. М., 1945); его же. Вопросы изучения сарматских племен в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 200—203; его же. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, № 60, 1959, стр. 319, 320.

¹⁸ Е. К. Максимов. Меч и копье из коллекции Саратовского музея. СА, 1959, № 1, стр. 201—203; его же. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья. Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. III. Саратов, 1960, стр. 90 и сл.

дарственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, археологическом музее МГУ, Саратовском, Куйбышевском, Оренбургском и Челябинском областных музеях краеведения, использую архивные данные Института археологии АН СССР, зарисовки вещей из Астраханского, Сталинградского, Хвалынского, Уфимского, Свердловского и Алма-Атинского музеев. Я стремился по возможности полнее описать этот материал, охарактеризовать особенности савроматского вооружения и его эволюцию в тесной связи с развитием военного дела у савроматов с VII по IV в. до н. э. Работа целиком построена на археологическом материале и носит в основном источниковедческий характер. Я сознательно не привлек скудные сведения письменных источников по данной проблеме, ибо они будут использованы в

готовящейся мною к публикации монографии о ранней истории и культуре сарматов, где будет дана общая характеристика военного дела савроматов.

При подготовке данной работы большую помощь мне оказали мои коллеги и товарищи по работе, предоставив ряд зарисовок пропавших вещей или вещей из тех музейных коллекций, которые мне не удалось лично изучить. Выражаю глубокую благодарность Б. Н. Гракову, И. В. Сiniцыну, В. П. Шилову, В. С. Сорокину, Е. К. Максиму, М. Г. Мошковой, К. В. Сальникову, Е. М. Берс, В. А. Филиппченко, М. Х. Садыковой, В. Г. Петренко за это содействие и разрешение использовать в издаваемой монографии отдельные еще не опубликованные или опубликованные лишь частично материалы.

Глава I

ОРУЖИЕ САВРОМАТОВ

1. САВРОМАТСКИЕ МЕЧИ (VII—IV вв. до н. э.)

Мечи и кинжалы, соответствующие по форме мечам, довольно часто встречаются в савроматских погребениях, причем к концу савроматского периода, т. е. в IV в. до н. э., их количество возрастает вместе с другими видами наступательного оружия. Этот факт весьма интересен. Он показывает, что роль войны в жизни савроматских племен увеличилась. Данные письменных источников и археологии свидетельствуют, что именно с IV в. до н. э. начинаются перемещения отдельных савроматских групп в основном в западном направлении.

У скифов Северного Причерноморья меч-акинак никогда не являлся главным видом наступательного оружия рядовых воинов, т. е. основного контингента скифского войска. Вероятно, у сарматов, начиная с раннего этапа их развития, дело обстоит иначе. В Поволжье и Приуралье мечи встречаются не только в относительно богатых савроматских могилах, но очень часто и в могилах рядовых общинников. Правда, так же как и скифы, савроматские воины в VI—IV вв. до н. э. были прежде всего стрелками из лука. Однако в савроматском вооружении, в отличие от скифского, меч был широко распространен и занимал второе место вслед за луком со стрелами.

По ряду формальных признаков мечи савроматской эпохи Поволжья и Приуралья подразделяются на ряд групп (отделов), внутри которых намечается несколько типов. Большинство этих мечей по своей форме соответствует мечам скифской эпохи Северного Причерноморья. Поэтому в основу

типологической классификации можно положить признаки, которые были выделены А. И. Мелюковой для классификации скифских мечей: отдел определяется формой навершия, а тип — формой перекрестья¹.

Такое деление, конечно, имеет свой недостаток — оно не отражает основного функционального назначения каждого отдельного меча или группы мечей. Зато оно дает возможность точнее сравнить савроматские мечи со скифскими, выявить их локальные особенности и проследить эволюцию мечей в течение VII—IV вв. до н. э., так как изменение отдельных деталей рукоятки меча хорошо прослеживается хронологически. Подробно разработанная датировка скифских мечей² позволяет уточнить датировку и савроматских мечей.

Перейдем к описанию отделов и типов савроматских мечей.

I. Еще В. Гинтерс справедливо отметил, что древнейшие экземпляры скифских мечей имеют навершия в виде прямых брусков овального или угловатого сечения³. Этот признак характерен не только для ранних скифских мечей, но и для мечей скифского типа на обширной территории их распрост-

¹ А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов. Архив ИА, № 1011 (кандидатская диссертация. М., 1950).

² W. Ginters. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928 (далее — Ginters); А. И. Мелюкова. Вооружение... В работе уточнены даты, предложенные В. Гинтерсом и рядом других исследователей, писавших о скифских мечах.

³ Ginters, S. 6 и сл.

ранения от Венгрии и Германии до Минусинской котловины⁴. В эту группу (отдел) мечей входят и немногочисленные наиболее ранние бронзовые образцы мечей скифского типа с территории Скифии и древней Сарматии⁵. Последние имеют брусковидное перекрестье.

Чтобы не нарушать разработанную А. И. Мелюковой типологическую классификацию скифских мечей, я начну описание мечей савроматской группы не в хронологическом порядке, а в той последовательности, которая принята А. И. Мелюковой: первый тип, по этой классификации, представлен мечами с почковидным перекрестьем, второй тип — мечами с бабочковидным перекрестьем, третий тип — мечами с сердцевидным перекрестьем, которое формально представляет как бы промежуточную форму между первыми двумя перекрестьями.

1. На территории Сарматии и в прилегающих к ней районах найдено всего два железных меча с брусковидным навершием и почковидным перекрестьем.

Один из них был найден мною в частично ограбленной центральной могиле кургана 1 урочища Лапасина у с. Любимовки на Бузулуке (раскопки 1956 г.). Его рукоятка снабжена боковыми валиками; перекрестье широкое; лезвия клинка от его основания идут параллельно друг другу и суживаются к острию лишь в нижней трети клинка; в сечении клинок линзовидный (Оренбургский музей; рис. 1, 2). Длина меча 55 см. Мечи этого типа встречаются среди кинжалов ананьинской культуры Прикамья⁶, бронзовых кинжалов Минусинской котловины⁷ и Казахстана⁸. Однако наиболее точные ана-

логии им мы находим среди значительной серии мечей VI в. до н. э. с характерным почковидным перекрестьем, найденных в лесостепной части Скифии. Таковы, например, мечи из Старшей могилы⁹, из кургана 2 близ с. Прусы Черкасского уезда¹⁰ и кургана 5 у с. Рыжановки¹¹, из курганов 13 у с. Кириковка Ахтырского уезда Харьковской губернии (раскопки Е. Мельник 1900—1901 гг.)¹³ и, наконец, из Феттерсфельде¹⁴.

Второй короткий акинак этого типа найден случайно у с. Средняя Липовка Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ГИМ, № 30384/414; рис. 1, 3). Он отличается от первого меча более длинной рукояткой и соответственно большей длиной навершия. Вдоль клинка с обеих сторон имеется продольное, треугольное в сечении ребро, что отличает этот меч от аналогичных скифских акинаков Северного Причерноморья, хотя продольные треугольные ребра иногда встречаются и на ранних приднепровских мечах иного типа¹⁵. На сибирских кинжалах подобные ребра встречаются очень часто. Однако ближе всего по форме перекрестья и ребру на лезвии липовский кинжал стоит к мечу VI в. до н. э. из могильника у г. Минеральные Воды¹⁶. Оба савроматских меча, имеющие все ранние признаки скифских акинаков, могут быть датированы VI в. до н. э.

2. На территории древней Сарматии мне известно 12 мечей и кинжалов с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем.

Среди них наиболее архаичен обломок меча, найденный на бугре Стеньки Разина у с. Лапоть близ Камышина (Саратовский

⁴ Мечи с брусковидным навершием в Сибири встречаются и в более позднее время, чем в Восточной Европе.

⁵ В письменных источниках термин «Сарматия» впервые встречается у Теофраста (372—287 гг. до н. э.), т. е. восходит уже к IV в. до н. э.

⁶ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 100, табл. XXI, 6, 8.

⁷ G. Merhart. Bronzezeit am Yenissei. Wien. 1926, S. 40, Taf. IV—V, 13.

⁸ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, 61, 1956, стр. 12, рис. 3, 5; С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, XV, 1951, стр. 155, рис. 2, 1; А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата). Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, т. 1, археология. Алма-Ата, 1956, стр. 256, табл. II, 5.

⁹ В. А. Іллінська. Курган Старша могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. Археологія, т. V. Київ, 1951, стр. 199, табл. I, 1.

¹⁰ ДП, вып. III, табл. XXXVIII, 166; Ginters, S. 26, Taf. II, b.

¹¹ Раскопки Д. Я. Самоквасова; ГИМ.

¹² ДП, вып. III, табл. XLV, 461; Ginters, S. 10, Taf. 3, c.

¹³ Тр. XII AC, т. I, стр. 686, рис. 131.

¹⁴ Furtwängler. Der Goldfund von Vetttersfelde. Berlin, Taf. 18, 2; Ginters, S. 14, Taf. 5, a.

¹⁵ Случайная находка у с. Сухино Каневского уезда (дар Яржимбовского, 1896, ГЭ, Дн. 1932, 76/1); меч из кургана 425 у с. Кулешовка Пирятинского уезда Полтавской губернии (раскопки Н. Е. Бранденбурга).

¹⁶ Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. КСИИМК, 58, стр. 58, рис. 20, 1 a.

музей, № 600; рис. 1, 4) ¹⁷. От него сохранилась литая бронзовая рукоятка с брусковидным навершием и четким бабочковидным перекрестьем. В прорезь перекрестья был вставлен конец железного клинка, лишь незначительная часть которого цела. Клинок сверху заканчивался плоским стержнем, заполнявшим продольную прорезь рукоятки. Таким образом, плоская рукоятка по бокам была ограничена валиками. В верхней части железной основы рукоятки было пробито прямоугольное отверстие, причем выбитый кусок железа с одной стороны загнут вдоль рукоятки. Длина рукоятки с перекрестьем 11 см.

Подобное сочетание бронзовой рукоятки и железного клинка известно на мечах эпохи перехода от бронзового века к железнюму (VIII—VII вв. до н. э.) с Кавказа ¹⁸ и из Приднепровья (в памятниках чернолесского этапа ¹⁹), хотя последние отличаются от описываемого по форме рукояти. Вероятно, интересующий нас меч относится ко времени не позже второй половины VII в. до н. э.

Рукоятки с боковыми валиками широко распространены среди ранних скифских акинаков с брусковидным навершием в Северном Причерноморье и на Кавказе. Правда, здесь очень редко встречаются рукоятки с продольной прорезью. Известные мне мечи с прорезью из Приднепровья отличаются от камышинского тем, что они имеют поперечные перекладины ²⁰. Перекрестье камышинского меча по форме очень близко перекрестьям железных акинаков из могильников у г. Минеральные Воды, Нестеровского ²¹ и Карасского могильника на Чесноковом близ Пятигорска (каменный ящик

VIII) ²². Последний датируется А. И. Мелюковой VII — началом VI в. до н. э. ²³ Такое же перекрестье имеет меч из кургана 401 у с. Журовки ²⁴. Он датирован А. И. Мелюковой концом VI — первой половиной V в. до н. э.

Прорезные рукоятки, приближающиеся по форме к рукоятке камышинского меча, типичны для сибирских (минусинских) бронзовых и железных кинжалов ²⁵. Среди последних часто встречаются экземпляры с близким бабочковидным перекрестьем ²⁶. Такие же перекрестья мы встречаем на кинжалах Северного Казахстана ²⁷. Они же известны на железных мечах ананьинской культуры Урала и Прикамья ²⁸. Однако в целом камышинский меч стоит ближе всего к северочерноморским и кавказским мечам скифского типа, так как железный стержень, заполняющий прорезь рукоятки описываемого меча, делает ее сплошной, как у скифских мечей, а остальные детали рукоятки весьма характерны для ранних скифских акинаков.

Особенно интересна одна деталь. В верхней части рукоятки камышинского акинака с внутренних сторон валиков имеются небольшие выступы, образовавшиеся, вероятно, в результате неудачной отливки петли (рис. 1, 4). Эта неудача вызвала необходимость несколько ниже пробить отверстие, которое бы заменило петлю. Подобные петли или шишечки имеются на ручках под навершием у ряда наиболее архаических мечей Скифии и Кавказа ²⁹.

²² МРЗ, стр. 127; ГИМ, № 2022.

²³ А. И. Мелюкова. Вооружение..., стр. 165.

²⁴ ИАК, вып. 14, 1905, стр. 62, рис. 10; Ginters, S. 46, Taf. 21, b.

²⁵ А. М. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, pl. III, 9; F. R. Martin. L'âge du bronze au Musée de Minousinsk. Stockholm, 1893 (далее — Martin), pl. 23, 4; pl. 24, 6; Ginters, Taf. 36, g, n.

²⁶ Martin, pl. 24, 7; pl. 23, 3, 4, 6; pl. 22, 4—6, 10, 11; A. M. Tallgren. Collection Tovostine, p. 10, fig. 6; pl. III, 2—6; pl. XII, 4.

²⁷ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников, стр. 12, рис. 3, 2, 3.

²⁸ А. В. Збруева. История населения..., стр. 100, табл. XXI, 10, 11.

²⁹ Е. Придик. Мельгуновский клад 1763 года. МАР, № 31. СПб., 1911, табл. I; Н. М. Егоров. Указ. соч., стр. 58, рис. 20, 1a; Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). М., 1959, табл. LIII; его же. Город бога Тейшебы (Кармир-Блур). СА, 1959, № 2, стр. 177, рис. 6.

¹⁷ Б. В. Зайковский. Археологические разведки в окрестностях слободки Даниловки Камышинского уезда Саратовской губернии. Тр. СУАК, вып. 30. Саратов, 1913, стр. 216, рис. IX на стр. 224, стр. 228.

¹⁸ МАК, вып. VIII. М., 1900, табл. XCV, 3, 4.

¹⁹ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в среднем Поднепровье. (Чернолесский этап). Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 103, рис. 11.

²⁰ Меч из коллекции Е. А. Зноско-Боровского (ДП, вып. III, табл. LV, B); Ginters, Taf. 12, c; меч из с. Сухино Каневского уезда (дар Яржимовского, 1896, ГЭ).

²¹ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской области. КСИИМК, XX, 1945, стр. 69, рис. 33, 15 (на рисунке перекрестье перевернуто); Н. М. Егоров. Указ. соч., стр. 58, рис. 20, 1a.

Совершенно тождественные бронзовые рукоятки мечей, средняя часть которых заполнена железной полосой, известны в могильнике Кумбулта на Северном Кавказе (собрание П. С. Уваровой)³⁰. Это наталкивает на мысль, — не кавказского ли происхождения камышинский меч?

Камышинский меч хорошо разъясняет первоначальное назначение боковых валиков у скифских акинаков. Они служили прежде всего для того, чтобы придать большую прочность рукоятке.

К той же группе ранних скифских акинаков относится железный акинак с обломанным клинком из Юловской волости Вольского уезда (Саратовский музей, № 603; рис. 1, 5). Длина сохранившейся части 20,3 см. Его рукоятка имеет три продольных валика. Тождественную рукоятку мы видим на железном мече VI в. до н. э. из долины р. Сукко Черноморского округа³¹, акинаках из Казаровского могильника³² и из кургана у деревень Дарьевки и Васильковой Киевской области³³. Такое же перекрестье имеется у приднепровских акинаков с брусковидным навершием из Роменского уезда³⁴ и из кургана 425 у с. Кулешовка Пирятинского уезда Полтавской губернии (раскопки Н. Е. Бранденбурга, ГЭ), который датируется А. И. Мелюковой рубежом VI—V вв. до н. э.³⁵ Следовательно, вольский акинак может быть датирован VI в. до н. э.

Близкие, хотя и не тождественные формы, имеются среди сибирских кинжалов с тройным валиком на рукоятке³⁶. В целом подобная форма кинжалов и коротких мечей характерна для Скифии и Кавказа раннего скифского времени (VII—V вв. до н. э.).

Железный меч из кургана 5 у слободы Владимировской Острогожского уезда Воронежской губернии (раскопки В. Н. Тевя-

шова 1900 г.)³⁷ имеет узкую плоскую рукоятку с брусковидным навершием и постепенно суживающийся к острию треугольный клинок. Его перекрестье сохранилось плохо, но, очевидно, оно было бабочковидным (рис. 1, 6). Длина меча около 46 см. Мечи подобной формы, для которых характерна нерасчлененная рукоятка и треугольный клинок, появляются в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе с конца VI в. и особенно типичны для V в. до н. э.³⁸ Владимировский меч может быть отнесен ко времени не позднее V в. до н. э.

Меч из кургана 4 у с. Норка³⁹ имеет широкую плоскую рукоятку с брусковидным навершием и узким, вероятно, бабочковидным перекрестьем (ГИМ, № 35218; рис. 1, 7). Его длина 36 см. Кинжалы и короткие мечи этой формы встречаются на обширной территории Евразии, включая и Западную Сибирь. Среди них особенно близки железные мечи из некоторых погребений Луговой могильника Чечено-Ингушской АССР (раскопки Е. И. Крупнова 1956 г.)⁴⁰. Эти погребения относятся к VI—V вв. до н. э. По комплексу стрел (рис. 14, В) савроматское погребение из Норки датируется тем же временем, а точнее, концом VI в. до н. э.

Несколько иной облик имеют мечи описываемого типа из заволжских и приуральских районов Сарматии.

Железный акинак, длиной 36 см, найденный в 1912 г. на днах у с. Квасниковка на левом берегу Еруслана (Саратовский музей, № 686; рис. 1, 8) по форме узкой рукоятки и треугольного клинка близок акинаку из слободы Владимировской и отличается от него широким бабочковидным перекрестьем. Он, вероятно, имел брусковидное навершие, набивавшееся на штырь, которым заканчивается рукоятка. Судя по форме перекрестья, характерного для многих архаи-

³⁰ МАК, вып. VIII, табл. XCV, 3, 4.

³¹ Находка крестьян в 1928 г. (дар А. И. Кузнецова, ГИМ, № 67423).

³² Курган 27, раскопки Е. А. Зноско-Боровского, Киевский исторический музей, № 12717/Б, 1905, 78/1.

³³ Смела, т. II, табл. XV, 7; Ginters, Taf. 12, d.

³⁴ ДП, вып. II, табл. II, 53; Ginters, S. 26, Taf. 11, a.

³⁵ А. И. Мелюкова. Вооружение..., стр. 164.

³⁶ Martin, pl. 21, 5; pl. 22, 10—12; pl. 24, 5; A. M. Tallgren. Collection Tovostine, pl. XII, 2; G. Meghart. Bronzezeit am Yenissei. Wien, 1926, S. 40, Taf. IV—V, 13.

³⁷ В. Н. Тевяшов. Отчет о раскопках в Острогожском уезде в 1900—1901 годах. Тр. ВУАК, вып. I. Воронеж, 1902, стр. 93—112, табл. III.

³⁸ Тр. XII АС, т. I, стр. 686, рис. 131; ДП, вып. II, табл. II, 53; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 215, рис. 140; Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 102, рис. 6, 1, 2.

³⁹ P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929 (далее — Rau), S. 84.

⁴⁰ Е. И. Крупнов. Новые данные..., стр. 102, рис. 6, 1—3.

ческих мечей Скифии и Кавказа, акинак из с. Квасниковка должен быть не моложе конца VI в. до н. э.

Меч, случайно найденный у дер. Измайлово Бугурусланского уезда⁴¹, отличается от скифских мечей Причерноморья и Кавказа бабочковидным перекрестьем с заостренными крыльями и прорезными фигурами двух животных, обращенных мордами друг к другу (Куйбышевский музей, № 1266; рис. 1, 9). Боковые части рукоятки были украшены винтообразной нарезкой; верхняя грань перекрестья прямая, нижняя — слегка изогнута. Длина меча 68 см.

Среди приднепровских мечей, как уже отмечено выше, лишь два меча имели прорезные рукоятки, но иной формы, причем перекрестья у обоих по контурам очень близки перекрестью измайловского меча⁴². В более западных районах только один длинный меч из Алдоболи (Румыния) имеет перекрестье в виде двух животных, обращенных головами в разные стороны, рукоятку с двумя боковыми валиками и навершие в виде когтей хищной птицы⁴³. А. И. Мелюкова относит этот меч ко времени не позднее V в. до н. э. (скорее, первой половины V в. до н. э.).

Несмотря на отсутствие тождественных форм среди сибирских бронзовых кинжалов, измайловский меч все же сближается с сибирскими кинжалами, для которых характерны прорезные рукоятки и особенно изображения на перекрестье фигур животных, обращенных головами друг к другу. Последний мотив обычно встречается на кинжалах с навершием в виде головы хищной птицы⁴⁴ или фигуры животного⁴⁵. Некоторые сибирские кинжалы имеют также винтообразную нарезку на боковых валиках рукоятки⁴⁶.

Приблизительная дата измайловского меча может быть установлена, учитывая фор-

му навершия и перекрестья, в пределах V в. до н. э.

Близок мечам и кинжалам урало-сибирского круга прекрасной сохранности железный акинак, длиной 35 см, найденный в 1907 г. у ж.-д. станции Марычевка (ГИМ, № 44657; рис. 1, 10). Его брусковидное навершие, набитое сверху на суживающийся конец плоской рукоятки, слегка изогнуто вниз и имеет небольшие утолщения по бокам. На рукоятке с обеих сторон есть невысокие боковые валики, а между ними расположен рельефный орнамент в виде кружков. Клинок сильно расширяется к основанию рукоятки, и на его верхнюю часть с обеих сторон набито бабочковидное перекрестье, крылья которого почти не выходят за пределы лезвий клинка. Каждое крыло перекрестья путем чеканки трактовано как сильно стилизованная голова хищной птицы с подчеркнутым глазом и спиралевидным клювом. Марычевский акинак сближается с теми кинжалами и мечами Сибири и Прикамья (ананьинская культура), у которых перекрестье сделано в виде голов кабана⁴⁷, хищника⁴⁸, лося⁴⁹ и особенно грифонных голов, обращенных в разные стороны⁵⁰. Рукоятки этих кинжалов также украшены кружками, но расположенными в иной композиции⁵¹. На перекрестье кинжала с р. Суры у с. Ядрина (коллекция П. И. Щукина, ГИМ)⁵² грифоньи головы трактованы приблизительно в том же стиле, что и на перекрестье марычевского кинжала: подчеркнуты глаза, восковицы и спирально загнутые огромные клювы. Эти спирали напоминают спиральные элементы орнамента на горшке из савроматского погребения у с. Клястицкого близ г. Троицка⁵³, а также на черепке сосуда с Сероглазовской дюны на

⁴⁷ Ginters, S. Taf. 36, 1.

⁴⁸ Martin, p. 168, pl. 12, 2, 3; A. M. Tallgren. Collection Tovostine, pl. III, 15; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 137, табл. XXII, 3.

⁴⁹ Ginters, S. 82, Taf. 38; А. В. Збруева. История населения..., стр. 176, табл. XXXII, 8 (рукоятка кинжала с городища Грохань).

⁵⁰ Д. А. Клеменц. Указ. соч., табл. XIV; A. M. Tallgren. Collection Tovostine, pl. III, 1.

⁵¹ А. В. Збруева. История населения..., стр. 176, табл. XXXII, 8, 10.

⁵² Там же, стр. 176, табл. XXXII, 10.

⁵³ Н. П. Кипарисова, К. В. Сальников. Савроматское погребение близ г. Троицка. СА, 1958, № 2, стр. 249, рис. 4.

⁴¹ ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, новая серия. СПб., 1896, стр. 166, рис. 41, Б; Béla Posta. Archaeologische Studien auf russischem Boden, I. Budapest, 1905, S. 102, Abb. 57; Ginters, Taf. 12, b.

⁴² Меч из с. Сухино Каневского уезда (дар Яржимбовского 1894 г., ГЭ); меч из коллекции Е. А. Зноско-Боровского — ДП, вып. III, табл. IV, В; Ginters, Taf. 12, c.

⁴³ Ginters, S. 44, Taf. 20.

⁴⁴ Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. XIV; G. Merhart. Op. cit., S. 160, Taf. IX—X, 5; Ginters, S. 80, Taf. 36, d.

⁴⁵ Ginters, Taf. 36, k.

⁴⁶ Martin, pl. 24, 2.

Ахтубе, на котором, по нашему мнению, изображена голова грифона. Спиральный и кружковый орнамент, связанный с кругом сильно стилизованных зооморфных изображений, встречается и на рукоятках днепровских акинаков, но изредка⁵⁴. Также редки в Приднепровье акинаки с изображением головы грифона или орла на перекрестье⁵⁵.

Однако марычевский акиnak имеет и черты, не свойственные сибирским кинжалам. Навершия в виде слегка изогнутого книзу брусочка иногда встречаются в ранних мечках из Северного Причерноморья и Кавказа, например, на мече из Старшей могилы⁵⁶, на бронзовом акинаке из с. Каменка⁵⁷ и мече из могильника у г. Минеральные Воды⁵⁸. Форма клинка марычевского акинака с характерным расширением у основания безусловно заимствована с Кавказа, где бронзовые мечи и кинжалы с клинком подобной формы были широко распространены в конце эпохи бронзы; их навершия, правда, иной формы, также почти не выходили за пределы лезвий клинка⁵⁹. Эта форма клинка сохранилась у некоторых северокавказских мечей раннего железного века, например, у железного меча из Ставропольского музея (№ 3205)⁶⁰. Исследователь Т. М. Минаева справедливо связывает этот меч с кавказскими мечами эпохи бронзы. Наконец, рельефные кружки на рукоятке марычевского кинжала можно сопоставить с такими же изображениями на рукоятках кинжалов предскифского времени, один из которых найден на р. Березовка близ Кисловодска, а другой в Венгрии, в кургане у г. Печ⁶¹. Тот же орнамент мы видим на верхней час-

ти бронзового наконечника ножен акинака из Урус-Мартана (Северный Кавказ)⁶².

Мотив орлиной или грифоньей головы на перекрестьях мечей и кинжалов скифского типа, вероятно, также южного происхождения. Мы находим его на луристанских бронзах (Западный Иран)⁶³.

Итак, несмотря на ряд сибирских параллелей, марычевский акиnak вряд ли был сибирского происхождения. Наиболее существенная деталь его формы тесно связывает марычевский акиnak с Кавказом и странами Переднего Востока. Отмеченные черты сходства этого акинака с ранними приднепровскими и кавказскими мечами позволяют нам отнести его также к раннему скифскому времени, не позднее VI в. до н. э.

Железный короткий акиnak (длина около 42 см), найденный на пашне около с. Ильинское Белозерской волости Оренбургского уезда, имеет плоскую сплошную рукоятку с продольными бороздками, бабочковидное перекрестье и треугольный клинок с продольным ребром (Центральный музей Казакской ССР; рис. 1, 11)⁶⁴. На его плоском навершии с заостренными концами выбито не совсем ясное изображение с кружками в центре, которое в целом напоминает головы грифонов, обращенных друг к другу затылками.

Среди сибирских кинжалов имеется много экземпляров, тождественных ильинскому акинаку по всем деталям формы, кроме навершия, часто сделанного в виде грифоньих голов, образующих фигурные волути. Мне известен лишь один минусинский кинжал из коллекции Товостина⁶⁵, форма клинка и перекрестья которого такая же, как и у ильинского акинака, а сплошное навершие изображает две головы животного (изображение неясно), обращенные затылками друг к другу. Среди скифских акинаков таких наверший не имеется. В целом ильинский

⁵⁴ ИАК, вып. 17, 1905, стр. 98, рис. 37; ДП, вып. II, табл. II, 56; Ginters, S. 40, Taf. 18, c; S. 42, Taf. 19, d.

⁵⁵ ДП, вып. II, табл. III, 51; Ginters, S. 41, Taf. 11, c.

⁵⁶ В. А. Іллінська. Курган Старша могила..., стр. 199, табл. I, 1.

⁵⁷ Смела, т. III, табл. XI, 5; Ginters, Taf. 12, a.

⁵⁸ Н. М. Егоров. Указ. соч., стр. 58, рис. 20, 1a.

⁵⁹ МАК, вып. VIII, стр. 25, рис. 31; табл. VIII, 3; табл. IX, табл. X, 1—3.

⁶⁰ Т. М. Минаева. Железный меч из коллекции Ставропольского музея. СА, 1958, № 1, стр. 231, рис. 1.

⁶¹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 76, рис. 16 и 17.

⁶² А. А. Спицын. Медная оправа кинжала из Терской области. ИАК, вып. 4, 1902, стр. 132—135; Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 47, 48 и табл. XVI, 4; А. А. Иессен. Ранние связи Приуралья с Ираном. СА, XVI, 1952, стр. 225, рис. 14, 2.

⁶³ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London—New York, 1941, p. 173, fig. 292.

⁶⁴ МАП, № 37, табл. VII, 15.

⁶⁵ А. М. Tailgren. Collection Tovostine, pl. III, 12, b.

акинак можно отнести к группе восточных, сибирских форм V—IV вв. до н. э.

Железный меч из Акжарского могильника под Актюбинском (курган 4, раскопки В. С. Сорокина 1955 г.) тождествен во всех деталях, кроме навершия, описанному ильинскому акинаку (рис. 1, 12)⁶⁶. Его навершие целиком не сохранилось, но, судя по утолщениям на конце рукоятки, оно было брусковидным. Длина меча 55 см. По комплексу вещей из кургана 4 (бронзовые наконечники стрел и глиняный сосуд, близкий ранним прохоровским формам) меч может быть датирован концом V в. до н. э.

Ко второй половине V в. до н. э., судя по комплексам бронзовых наконечников стрел (рис. 26, Б, В), относятся обломки двух железных коротких акинаков, найденных М. Г. Мошковой в курганах 2 и 7 Ново-Кумакского могильника под Орском (Оренбургский музей; рис. 1, 13, 14). Они имеют плоские нерасчлененные рукоятки с коротким брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем с округлыми крыльями. Хорошо сохранившаяся рукоятка меча из кургана 7 тождественна рукояткам крымских акинаков, один из которых был найден В. Ф. Гайдукевичем в погребении (район Мирмекия) с чернофигурным лекифом второй четверти V в. до н. э.,⁶⁷ другой — И. Т. Кругликовой на поселении у с. Героевка близ Нимфея, в мусорной яме, содержавшей античный керамический материал V в. до н. э.

Железный акинак из кургана 2 у с. Клястицкое⁶⁸ под г. Троицком имеет плоскую и узкую рукоятку с небольшим брусковидным навершием (Челябинский музей; рис. 1, 15); его перекрестье сохранилось плохо, но, по-видимому, оно было довольно широким; клинок найден в обломках. Акинак сохранился на длину около 30 см. По форме он очень близок короткому железному мечу из кургана 5 у слободы Владимировской (рис. 1, 6). Как и последний, клястицкий акинак может быть датирован V в. до н. э.

Дате не противоречит и набор бронзовых стрел, найденный в одной могиле с акинаком (рис. 25, Б).

Все 12 акинаков второго типа принадлежат к группе коротких мечей, предназначенных главным образом для колющего удара в рукопашном бою. Их размеры колеблются в пределах от 30 до 68 см. Все они имеют треугольные клинки с узким острым концом; полосы клинков относительно тонкие с узким ромбическим или линзовидным сечением. Таким образом, по форме клинков и размеру они соответствуют скифским акинакам.

3. С территории Сарматии происходит лишь один бронзовый акинак третьего типа — с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестьем. Он был случайно найден учениками одной из актюбинских школ в 1948 г. в обрыве р. Каргалы на территории колхоза Кызыл-ту близ Актюбинска (Актюбинский музей; рис. 1, 1)⁶⁹. Длина акинака 44 см. Его размер, форма рукоятки и клинка, наконеч, материал, из которого отлит акинак, — все говорит о том, что он представляет один из наиболее древних образцов акинака на территории нашей страны. Среди многочисленных бронзовых кинжалов скифского типа из Сибири нет ему подобных по форме перекрестья, хотя по форме рукоятки, украшенной пятью узкими продольными валиками, актюбинский акинак может быть сопоставлен с рядом минусинских кинжалов с брусковидными навершиями⁷⁰. Некоторые детали рукоятки актюбинского акинака имеют аналогии среди наиболее ранних железных акинаков с брусковидным навершием и бабочковидным или сердцевидным перекрестьем Кавказа и Скифии. По форме перекрестья он ближе всего стоит к мечам из могильника у с. Брили в верховьях р. Риони⁷¹, из Кармир-Блур (раскопки 1957 г.)⁷², из кургана 24 у с. Куриловка Киевской области (раскопки Е. А. Зноско-Боровского; Киевский истори-

⁶⁹ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников, стр. 12, рис. 3, 7.

⁷⁰ А. М. Tallgren. Collection Tovostine, pl. III, 6; pl. XII, 2; Martin, pl. 22, 10—13; pl. 23, 5; pl. 24, 1, 3, 5.

⁷¹ Г. Ф. Гоберджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, табл. XLIV, 4; (на груз. языке).

⁷² Б. Б. Пиотровский. Город бога Тейшебы..., стр. 177, рис. 6 (на рисунке форма перекрестья передана неточно).

⁶⁶ В. С. Сорокин. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области. КСИИМК, 71, 1958, стр. 81.

⁶⁷ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг., стр. 215, рис. 140.

⁶⁸ Н. П. Кипарисова, К. В. Сальников. Савроматское погребение близ г. Троицка, стр. 248, рис. 3, 1.

ческий музей, № 5453) и из Луговского могильника (Елабужский район Татарской АССР)⁷³. Меч из Луговского могильника датируется А. В. Збруевой первой половиной VI в. до н. э.⁷⁴ У куриловского и луговского акинаков перекрестья несколько уже, чем перекрестье актюбинского акинака, зато контуры последнего почти целиком совпадают с контурами перекрестья закавказских мечей из с. Брили и Кармир-Блур, которые надежно датируются концом VII — началом VI в. до н. э. Рукоятки ранних акинаков Скифии и Кавказа обычно снабжены по бокам парой продольных валиков⁷⁵, реже посредине рукоятки проходит третий продольный валик⁷⁶. И только наиболее архаические железные мечи из могильника у г. Минеральные Воды и меч неизвестного происхождения из Киевского исторического музея имеют такое же продольное членение рукоятки, как актюбинский акинач⁷⁷. Здесь же заметим, что перекрестье рукоятки киевского меча тождественно перекрестью бронзового акинака из с. Тимошовки, который отнесен А. И. Тереножкиным к VII в. до н. э.⁷⁸

Актюбинский акинач отличается от ранних сакских и мидийских акинаков, известных по изображениям на гробнице Дария⁷⁹ и на золотой пластине из Аму-Дарьинского клад⁸⁰ и по Персепольским рельефам⁸¹. Концы крыльев перекрестий этих акинаков острые, а в целом они похожи на короткие мечи типа найденных в Мельгуновском⁸² и Келермесском⁸³ курганах.

⁷³ А. В. Збруева. О датировке акинака из Луговского могильника. КСИИМК, XV, 1947, стр. 143, рис. 76.

⁷⁴ Там же, стр. 145.

⁷⁵ Ginters, S. 10, Taf. 3, c; S. 26, Taf. 11, b, c.

⁷⁶ Ibid, Taf. 12, d; Смела, т. II, табл. XV, 7; Б. Б. Пиотровский. Город бога Тейшебы..., стр. 177, рис. 6.

⁷⁷ Н. М. Егоров. Указ. соч., стр. 58, рис. 20, 1 а.

⁷⁸ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени..., стр. 103, рис. 11, 5.

⁷⁹ П. К. Степанов. История русской одежды, вып. I, II. М., 1916, табл. I, 1.

⁸⁰ O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1905, pl. XIII, 48; Ginters, S. 22, Taf. 9, c; F. Sarre. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923.

⁸¹ O. M. Dalton. Op. cit., p. 16, fig. 9 и 15; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, p. 265, fig. 368, pl. LXXV, LXXIX, LIX.

⁸² Е. Придик. Мельгуновский клад 1763 года, стр. 4, рис. 2 и табл. I—II; Ginters, Taf. 2, a, b.

⁸³ П. К. Степанов. Указ. соч., рис. 17; Ginters, S. 10, Taf. 3, b.

Точно датировать актюбинский акинач, найденный вне археологического комплекса, трудно. Типологически он может быть включен в серию наиболее ранних акинаков, времени начала VI или еще VII в. до н. э. Этот акинач должен быть поставлен как одна из разновидностей уже сложившейся формы короткого меча скифского типа в начало типологического ряда железных мечей с прямым навершием и бабочковидным или сердцевидным перекрестьем всей обширной территории, на которой эти мечи найдены. Происхождение короткого меча скифского типа до сих пор остается неизвестным. Среди железных коротких мечей савроматской территории актюбинский акинач не имеет прямых дериватов.

Лишь условно к третьему типу мечей можно отнести еще два железных меча из Поволжья. Один из них найден в кургане 4 второй группы у с. Луговое (бывшее Визенмиллер) во время раскопок П. С. Рыкова 1925 г. В Саратовском музее сохранился лишь обломок клинка. Из дневника П. С. Рыкова мы узнаем, что меч имел прямое навершие «с крышечкой» (?) и «сердцевидное» перекрестье, которое перержавело. Общая длина меча 48 см, длина ручки 12 см.

Другой меч найден в кургане G 4:4 у с. Макаровка (бывшее Меркель) в раскопках П. Д. Рау 1929 г. В музее г. Энгельса, где он должен храниться, я его не нашел и сужу о нем лишь по публикации П. Д. Рау (без рисунка), где он обозначен как акинач с «сердцевидным» перекрестьем и прямым навершием⁸⁴. Общая длина меча 46 см. Судя по бронзовым наконечникам стрел (рис. 18, А), погребение у с. Макаровка относится к V в. до н. э.

II. Следующая группа (отдел) савроматских мечей объединяет мечи с простым антенным навершием. Навершия нескольких экземпляров в результате окисления железа подверглись сильной деформации и не сохранили четких очертаний. Поэтому возможно, что некоторые из этих мечей имели зооморфное навершие и должны, таким образом, относиться к третьему отделу. Но поскольку форма навершия сейчас неопределима, мы будем рассматривать их среди мечей второго отдела. По форме перекрестья я разделяю их на два типа: с почко-

⁸⁴ Рау, S. 72.

видным и бабочковидным перекрестьями. Четкой сердцевидной формы перекрестья у мечей этой группы не встречено.

1. Мечи с почковидным перекрестьем представлены девятью экземплярами, которые обнаружены на территории степного Поволжья и Южного Приуралья. Два из них, совершенно одинаковой формы, найдены в известном кургане А 12 у с. Цветочное (бывшее Блюменфельд) (ГИМ; рис. 2, 1, 2)⁸⁵. Длина обоих около 48 см. Несмотря на сильное окисление плоских рукояток, можно с полной уверенностью утверждать, что они имеют короткие, сильно загнутые, почти смыкающиеся волюты и широкие перекрестья; лезвия массивных клинков, линзообразных в сечении, параллельны и лишь в нижней части постепенно суживаются, завершаясь острым концом.

Короткий акинак такой же формы, длиной 33 см, был найден в погребении 1 кургана 5 у с. Мирное (бывшее Фриденберг)⁸⁶; его наверху от сильной ржавчины превратилось в плоский диск с небольшим углублением в середине; перекрестье несколько уже перекрестий блюменфельдских акинаков (Саратовский музей, № 612; рис. 2, 3).

К тому же типу мечей относится железный акинак, длиной около 42 см, найденный в погребении 35 кургана 8 Калиновского могильника⁸⁷. От него сохранилась лишь нижняя часть клинка с железным наконечником ножен (ГЭ; рис. 2, 4).

Пятый меч, найденный Д. И. Захаровым в кургане у с. Сара (Оренбургский музей; рис. 2, 5), отличается от поволжских тем, что имеет два продольных валика по краям ручки и относительно узкое почковидное перекрестье. Его клинок суживается лишь у самого острия. Длина меча 40,8 см.

Другой южноуральский короткий акинак, найденный в погребении 2 кургана 15 Ново-Кумакского могильника (М. Г. Мошкова, 1959 г.), очень похож на акинак из с. Мирное (бывшее Фриденберг). Его плоская

рукоятка заканчивается сильно закрученными, сливающимися друг с другом волютами, перекрестье тождественно фриденбергскому (Оренбургский музей; рис. 2, 6). Длина акинака 29 см.

Все эти мечи, судя по комплексам инвентаря могил, и прежде всего по комплексам бронзовых наконечников стрел, относятся к концу VI — началу V в. до н. э.

Аналогичные акинаки не раз были найдены в Северном Причерноморье, главным образом в погребениях того же времени Среднего Поднепровья (с. Куриловка, курган 71⁸⁸, с. Секирное, курган 86⁸⁹, случайная находка у Ивановского склада близ с. Смела⁹⁰, случайная находка в окрестностях с. Смела⁹¹, меч из с. Журовка⁹², меч из Полтавского музея, № 420), Нижнего Поднепровья (Марицынский могильник, курган 1^т 93), Таманского полуострова (некрополь Гермонассы, могила 5, 1931 г.⁹⁴) и Крыма (Байдарская долина, каменный ящик 21⁹⁵). Акинаки очень близких форм имеются и среди ананьинских древностей Прикамья⁹⁶. Среди бронзовых кинжалов Сибири эта форма встречается очень редко (Минусинская котловина⁹⁷).

Все описанные выше савроматские мечи данного типа являются короткими. Седьмой экземпляр, найденный Б. Н. Граковым в кургане 5 у пос. Матвеевского Актюбинской области, отличается своей длиной. Сохранились целиком плоская рукоятка, широкое перекрестье и круто загнутые, примыкаю-

⁸⁸ Смела, т. III, стр. 132.

⁸⁹ Смела, т. II, стр. 6.

⁹⁰ Смела, т. I, табл. VII, 2; Ginters, S. 42, Taf. 19, a.

⁹¹ Киевский исторический музей, № 21439 (сохранение А. Бобринского).

⁹² ИАК, вып. 17, стр. 98, рис. 37; Ginters, S. 42, Abb. 19, d.

⁹³ Ginters, Taf. 18, d.

⁹⁴ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 160, рис. 4, 1.

⁹⁵ ИАК, вып. 30, 1909, стр. 141, рис. 17.

⁹⁶ Tr. I AC, табл. IV, 8; J. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, v. II. Helsingfors, 1877, p. 108, № 408; Ginters, S. 82, Taf. 39, a, e; A. M. Tallgren. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919, fig. 13; A. В. Збруева. История населения..., стр. 100, табл. XXI, 20.

⁹⁷ A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande à Helsingfors, I. Helsingfors, 1916, p. 8, fig. 1, p. 9, fig. 2, p. 18, fig. 14; егo же. Collection Tovostine, p. 10, fig. 6.

⁸⁵ В. Граков. Monuments de la culture scythique entre le Volga et le monts Oural. ESA, III. Helsinki, 1928, p. 29, fig. 17.

⁸⁶ Рау, S. 80, Abb. 22.

⁸⁷ В. П. Шилов. Раскопки Калиновского курганного могильника. КСИИМК, 59, 1955, стр. 120, рис. 49, 17; егo же. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 352, стр. 423, рис. 38, 19, 20, стр. 424. Форма акинака определена В. П. Шиловым по отпечатку на дне могилы.

щие друг к другу волюты (рис. 2, 7). По форме рукоятки меч тождествен новокумакскому акинаку. Массивная полоса его клинка с параллельными лезвиями сохранилась в обломках неполностью; однако, по сообщению Б. Н. Гракова, меч имел общую длину около 1 м. Этот меч также следует отнести ко времени не позже V в. до н. э., чему не противоречит и бронзовый наконечник стрелы, найденный в той же могиле (рис. 23, Г).

Наиболее поздним из мечей этого типа является акинак из кургана 3 группы Алебастрова гора у пос. Нежинского (ГИМ, № 66441; рис. 2, 8). Его плоская рукоятка, равная по ширине клинку, снабжена навершием с короткими волютами; перекрестье широкое, почти овальное; лезвия сохранившейся части массивного клинка с линзовидным сечением параллельны. Навершие подобной формы, как уже было отмечено выше, не раз встречались у акинаков Северного Причерноморья и ананьинского Прикамья и не являются признаком позднего времени. То же можно сказать о перекрестье, хотя и заметна его определенная деградация. Другие вещи из этой могилы, а именно: удила, бронзовый уздечный набор (рис. 58, 1—6) и наконечники стрел (рис. 30, В) — имеют довольно архаические формы; они, как и описываемый меч, могут быть датированы еще V в. до н. э. Однако находка кинжала прохоровского типа в той же могиле около второго костяка позволяет отнести весь комплекс к IV в. до н. э., скорее всего, к началу этого века.

Кроме перечисленных савроматских мечей первого типа следует упомянуть также железный меч, найденный П. С. Рыковым в 1926 г. в кургане 4 на левом берегу р. Чеган близ г. Уральска. Он известен нам только по рукописному отчету П. С. Рыкова⁹⁸. Меч имел длину 50 см, ширина клинка у основания, вероятно, достигала 8 см. Навершие меча — «серповидное», а перекрестье — «сердцевидное»; самый стержень рукоятки украшен рядом вертикальных смежных линий. Здесь же был найден кинжал длиной 26—27 см и шириной до 4 см, с массивной рукояткой и сердцевидным пе-

рекрестьем. О форме навершия ничего не сказано.

Е. К. Максимов относит этот меч к группе «переходных» и датирует IV в. до н. э.⁹⁹ По данным П. С. Рыкова мы вправе его отнести к описываемому типу мечей с простым антенным навершием и сердцевидным или почковидным перекрестьем, но оснований говорить о деградации типа нет. Деградация хорошо видна на позднем акинаке из кургана 3 группы Алебастрова гора. Здесь поражает исключительная ширина клинков меча и кинжала, что действительно характерно для ряда нижнедонских и поволжско-уральских мечей конца V—IV в. до н. э.

2. Среди мечей второго типа — с бабочковидным перекрестьем — самым ранним является меч из кургана у хут. Черниговского под Магнитогорском (ГЭ, 1301/1; рис. 3, 1)¹⁰⁰. Его рукоятка расчленена на три части невысокими боковыми валиками; навершие сильно окислено, однако форма вполне определима: концы навершия сильно загнуты и сливаются друг с другом, образуя два небольших отверстия. Перекрестье очень близко перекрестью бронзовой рукоятки камышинского акинака VII в. до н. э. (рис. 1, 4). Вдоль узкого клинка с параллельными лезвиями с каждой стороны имеется по четко выраженному ребру в виде валика с уплощенной вершиной. Длина меча 52 см.

На территории Скифии мечи этого типа найдены главным образом в Среднем Приднепровье и датируются VI—первой половиной V в. до н. э. Но среди них нет экземпляров, тождественных описанному. По форме навершия ближе всего к нему мечи из кургана 5 у с. Скоробор Полтавской области (VI или первая половина V в. до н. э., по А. И. Мелюковой)¹⁰¹, Марицынского могильника (начало V в. до н. э.)¹⁰² и некрополя Гермонассы (вторая половина VI в. до н. э.)¹⁰³. Однако концы их наверший не при-

⁹⁹ Е. К. Максимов. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья. Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. III. Саратов, 1960, стр. 100.

¹⁰⁰ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГР, III. М., 1899, табл. 8, в.

¹⁰¹ ГИМ, раскопки В. А. Городцова 1901 г.

¹⁰² Ginters, S. 40, Taf. 18, a, d.

¹⁰³ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи..., стр. 160, рис. 4, 1.

⁹⁸ П. С. Рыков. Отчет за 1926 г. об археологических раскопках близ г. Уральска. Архив ЛОИА, 1927, д. 187.

мыкают друг к другу. По форме клинка близок черниговскому мечу упомянутый выше меч с продольным ребром из с. Сухина. Мечи, навершия которых очень похожи на навершия черниговского, мы находим в кругу ананьинской культуры Прикамья (некоторые мечи из Ананьинского могильника)¹⁰⁴. Для сибирских кинжалов простые антенные навершия вообще не характерны, а среди несложных подобных наверший¹⁰⁵ нет тождественных черниговскому.

Меч из кургана у хут. Черниговского не только по форме, но и по комплексу бронзовых наконечников стрел из этого погребения, относящихся ко времени не позднее второй половины VI в. до н. э., может быть признан одним из самых ранних савроматских мечей с простым антенным навершием.

На территории Поволжья в кургане 5 у г. Энгельса найден столь же древний железный кинжал (Саратовский музей, № 611, рис. 3, 2)¹⁰⁶. У него узкий треугольный клинок, широкое бабочковидное перекрестье, плоская рукоятка с тремя продольными бороздками и навершием в виде двух сильно закрученных, слившихся друг с другом волют¹⁰⁷. По форме навершия он очень близок кинжалу из Ново-Кумакского могильника (рис. 2, 6). Длина кинжала около 27 см. Кинжал был найден в ножнах, о которых подробно будет сказано ниже. Широкое бабочковидное перекрестье кинжала типично для скифских акинаков VI в. до н. э. По комплексу бронзовых наконечников стрел (рис. 14, Б) савроматское погребение в кургане 5 датируется второй половиной VI в. до н. э.

Другой поволжский меч второго типа найден в 1904 г. на территории распространения городецкой культуры, в районе г. Вольска (ГИМ, № 43888; рис. 3, 3)¹⁰⁸.

Широко расставленные концы его навершия круто загнуты; плоская четырехгранная в сечении рукоятка имеет на одной стороне глубокий продольный желобок, а вдоль треугольного клинка идет четко выраженный валик с округлой вершиной; перекрестье узкое, бабочковидное. Длина меча 45,5 см. Меч, вероятно, можно датировать, учитывая его форму в целом и такой архаический признак, как продольный валик на клинке, временем не позднее V в. до н. э.

Массивный меч из савроматского кургана у с. Осьмушкино на Бузулуке (ГЭ, 1302/1; рис. 3, 4)¹⁰⁹ имеет длину 60 см; у него плоская рукоятка и широкий у основания (7 см) треугольный клинок; концы волют навершия примыкают друг к другу, образуя овальное кольцо, а относительно узкое перекрестье скорее напоминает не крылья бабочки, а сломанный под тупым углом брусок, как у вольского меча. Перекрестье этого вида, напоминающие перекрестья приуральских мечей IV в. до н. э. (см. ниже), известны и у некоторых ранних акинаков Северного Кавказа¹¹⁰. По форме клинка и по общей длине меч очень близок мечам IV в. до н. э. из Елизаветовских курганов в дельте Дона¹¹¹. На территории распространения ананьинской культуры самую близкую аналогию бузулукскому мечу по форме навершия и перекрестью мы находим в Зуевском могильнике¹¹². Такое же перекрестье имеет обломок меча, найденный на городище им. М. И. Касьянова у с. Михайловка Гафурийского района Башкирии (находка Г. В. Юсупова в 1953 г., рис. 3, 5)¹¹³. Меч из с. Осьмушкино не может быть точно датирован, приблизительно его можно отнести к группе мечей конца V—IV в. до н. э.

¹⁰⁹ Ф. Д. Нефедов. Указ. соч., стр. 35, табл. 8, а.

¹¹⁰ Мечи из погребений 37, 49, 50 Лугового могильника. См. Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа, стр. 102, рис. 6, 1—3.

¹¹¹ ИАК, вып. 35, 1910, стр. 88, рис. 2, стр. 104, рис. 9 и табл. V, 23 а, б; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 146; ИАК, вып. 56, 1914, стр. 226, рис. 22, стр. 230, рис. 22, стр. 243, рис. 57; Ginters, S. 46, Taf. 21, f; МИА, № 33, стр. 140, табл. III, 1, 2, 4, 5.

¹¹² А. В. Збруева. История населения..., стр. 100, табл. XXI, 12.

¹¹³ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, стр. 65, табл. II, 11.

¹⁰⁴ Тр. I АС, атлас, табл. 4; Ginters, S. 82, Taf. 39, a, d; А. В. Збруева. История населения..., стр. 100, табл. XXI, 13, 15.

¹⁰⁵ А. М. Tallgren. Collection Tovostine, pl. XII, 3; Martin, pl. 22, 6.

¹⁰⁶ П. Рыков. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. Саратов, 1925, стр. 35 и сл.; Рац, S. 82, 83.

¹⁰⁷ В саратовском музее верхняя часть рукоятки с навершием не уцелела; сужу о ней по рисунку Б. Н. Гракова и описанию П. С. Рыкова.

¹⁰⁸ ОАК за 1904 г., стр. 134; Н. В. Трубникова. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 123, рис. 39.

Короткий меч из кургана 5 на Бердинской горе (Оренбургский музей, 2067/1; рис. 3, 6)¹¹⁴ не сохранил перекрестья; его навершие, подобно навершию вольского меча, имеет круто загнутые внутрь концы, которые не смыкаются друг с другом. Этот вид навершия мы видим у акинаков второй половины VI—V вв. до н. э. из различных районов Северного Причерноморья и Кавказа¹¹⁵. Такие же навершия имеют некоторые мечи и кинжалы ананьинской культуры Прикамья¹¹⁶. Акинак с Бердинской горы найден вместе с бронзовыми наконечниками стрел, характерными для южноуральских погребений начала V в. до н. э. (рис. 22, Б).

Из южной Башкирии происходит прекрасный сохранившийся железный акинак, случайно найденный близ с. Берлячево Гафурийского района (Уфимский музей, № 335; рис. 3, 7). Длина акинака 35,5 см. Судя по форме рукоятки, расчлененной тремя валиками, и четкой форме широкого бабочковидного перекрестья, этот меч относится к группе ранних мечей данного типа, т. е. ко времени не позднее второй половины VI в. до н. э.

III. В Поволжье и Приуралье выделяют мечи или кинжалы с зооморфным навершием, которые иногда можно рассматривать, как производные от мечей с простым антенным навершием. Но в целом они все же составляют отдельную четкую группу, имеющую аналогии главным образом среди мечей Северного Причерноморья. Эти мечи подразделяются по форме перекрестья на два типа.

1. Древнейшим из этой группы мечей является железный акинак с навершием в виде двух глаз и когтей хищной птицы и сердцевидным перекрестьем, происходящий из имени Соловка Бугурусланского уезда (ГЭ, Во 1918 I/1; рис. 4, I). Акинак очень хорошо сохранился, но конец его был обломан и округло заточен. Современная его длина 31,5 см. Плоская ручка акинака с обеих сторон расчленена на четыре продольных

валика; его клинок, линзовидный в сечении, постепенно суживается к концу. Зооморфный мотив навершия был одним из наиболее популярных в скифо-савроматском мире. Подобный мотив — сочетание орлиного глаза и когтя или лапы — расшифрован и объяснен Б. Н. Граковым как символ силы и меткости удара¹¹⁷. Он был широко распространен на скифских мечах в Северном Причерноморье с конца VI и до начала III в. до н. э.¹¹⁸ и изредка встречался на мечах ананьинской культуры, например, на мече из Ананьинского могильника с таким же перекрестьем, как у описываемого меча¹¹⁹. Для сибирских кинжалов более характерно изображение орлиных голов, однако мотив глаза и когтя орла встречается и здесь. Общим элементом является колодочка, составляющая основание навершия¹²⁰. Так, например, почти тождествен бугурусланскому акинаку во всех деталях один из бронзовых кинжалов Минусинской котловины¹²¹. На скифских мечах подобное навершие обычно сочетается с бабочковидным перекрестьем, и лишь меч из Марицынского могильника¹²², датирующийся концом VI или началом V в. до н. э., имеет почковидное или сердцевидное перекрестье. Меч того же времени из Гришинцев (Каневский уезд)¹²³ имеет такое же навершие и продольное членение рукоятки на четыре части. Учитывая эти последние аналогии, а также весьма архаические признаки рукоятки и перекрестья, мы должны отнести бугурусланский меч к группе наиболее ранних мечей данного типа.

2. Среди савроматских мечей с зооморфным навершием чаще всего встречаются ме-

¹¹⁷ Б. Граков. Скифы. Київ, 1947, стр. 70, 71, 79—81.

¹¹⁸ Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 74 и сл.; Е. К. Максимов. Меч и копье из коллекции Саратовского музея. СА, 1959, № 1, стр. 261 и сл.

¹¹⁹ Ginters, S. 82, Taf. 39, b.

¹²⁰ Ginters, S. 80, Taf. 36, a, c, g; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 137, табл. XXII, 3, стр. 183, табл. XXX, 11; А. В. Збруева. История населения..., стр. 176, табл. XXXII, 9; Д. А. Клеменц. Указ. соч., табл. XIX; W. Radloff. Aus Sibirien, B. II. Leipzig, 1893. S. 86, Taf. 3, 3; Martin, pl. 22, 4—6.

¹²¹ Ginters, S. 80, Taf. 36, f.

¹²² Ibid., S. 40, Taf. 18, d.

¹²³ Ibid., S. 46, Taf. 21, a; ИАК, вып. 54, 1914, стр. 105, рис. 27.

¹¹⁴ А. В. Попов. Исследование последних курганов на Бердинской горе 8—11 мая 1905 г. Тр. ОУАК, т. XVI. Оренбург, 1906, стр. 202—205.

¹¹⁵ Ginters, S. 40, Taf. 18, a, d; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи..., стр. 160, рис. 4; Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского уезда. Тр. ГИМ, XII, 1941, стр. 180, табл. V, 7.

¹¹⁶ Ginters, Taf. 39, d; А. В. Збруева. История населения..., стр. 100, табл. XXI, 11—13.

чи и кинжалы с узким бабочковидным перекрестьем. Наиболее ранним среди них является довольно длинный меч (длина 54,5 см) очень хорошей сохранности из с. Озерки близ Аткарска (Саратовский музей, № 601; рис. 4, 2) ¹²⁴. Его круто загнутые в спираль волюты на колодке, покрытой тонкой сетчатой насечкой, также изображают когти с орлиным глазом у основания; посредине плоской ручки с обеих сторон проходят продольные желобки; постепенно суживающийся тонкий клинок имеет ромбическое сечение; перекрестье узкое бабочковидное; такие же перекрестья, как мы отметили выше, довольно часто встречаются у савроматских мечей, особенно из Приуралья, а также у железных акинаков Северного Кавказа. Не является новой деталью и узкий продольный желобок вдоль рукоятки, встречающийся на архаических акинаках Причерноморья ¹²⁵, Северного Кавказа ¹²⁶ и Сибири. По форме своей рукоятки и перекрестья этот меч очень близок мечу с простым антенным навершием из Вольска (рис. 3, 3), вдоль рукоятки которого также проходит желобок. Меч из Вольска датирован нами V в. до н. э. К тому же времени относится и меч из Озерков. Некоторые акинаки этого типа из Северного Причерноморья очень похожи на меч из Озерков ¹²⁷. Пожалуй, ближе всего к нему стоит железный акинак неизвестного происхождения (Киевский центральный исторический музей, без номера), рукоятка которого также имеет продольный желобок, но отличается формой бабочковидного перекрестья.

Меч, аналогичный аткарскому по форме и длине, был найден Е. И. Крупновым в 1957 г. в Луговом могильнике Чечено-Ингушской АССР (погребение 14). Значитель-

но дальше типологически отстоят от меча из Озерков мечи и кинжалы из Прикамья и Сибири.

В полной зависимости от скифской модели меча находится меч из кургана 11 могильника Кара-Оба у с. Джангалы на р. Малый Узень (Западный Казахстан) ¹²⁸. Этот массивный меч, предназначенный главным образом для колющего удара, имеет широкую плоскую рукоятку с узким бабочковидным перекрестьем и широкий у основания, треугольный клинок, лезвия которого постепенно суживаются к концу (Саратовский музей, № 1821; рис. 4, 3). Его длина не менее 50 см. Навершие сильно окислено, но вполне может быть реконструировано. Реконструкцию совершенно правильно дал И. В. Синицын: навершие представляет две лапы хищной птицы, соединенные посредине перекладиной ¹²⁹. В Северном Причерноморье наиболее ранние мечи этой модели появляются уже в V в. до н. э. ¹³⁰ Караобинский меч близок мечам, которые в большом количестве найдены в богатых погребениях конца V—IV вв. до н. э. лесостепной Скифии (Аксутинцы ¹³¹, Осняги ¹³², Лубны ¹³³, Волковцы ¹³⁴) и особенно степной Скифии (царские курганы Солоха, Куль-Оба) ¹³⁵. Не только по форме рукоятки, но и по общим пропорциям, форме и размеру массивного клинка караобинский меч особенно близок мечам из нижнедонских погребений IV в. до н. э. ¹³⁶ Скорее всего, именно с Нижнего Дона, где происходил контакт савроматов со скифами и меотами, эта модель меча проникает к савроматам Заволжья и Южного Приуралья. Второй нижневолжский акинак, по фор-

¹²⁴ Е. К. Максимов. Меч и копьё..., стр. 262, 263, рис. 1 и 2, 1.

¹²⁵ На мечах из кургана 425 у с. Кулешовка рубежа VI—V вв. до н. э. (раскопки Н. Е. Бранденбурга; ГЭ); из кургана Т₁ Марицынского могильника (конец VI или начало V в. до н. э.) — Ginters, S. 40, Taf. 18, d; из кургана 401 у с. Журовка (то же время) — ИАК, вып. 14, стр. 62, рис. 10; Ginters, S. 46, Taf. 21, b.

¹²⁶ Меч из гробницы VIII Каррасского могильника (конец VII — начало VI в. до н. э.) — МРЗ, стр. 127; ГИМ, № 2022; меч из кургана на шоссе Нальчик — Шалушинское — МИА, 3, 1941, стр. 23, рис. 6, 1.

¹²⁷ Ginters, S. 46, Taf. 21, d; ДП, вып. III, табл. LV, b.

¹²⁸ И. В. Синицын. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 67, рис. 27, 1.

¹²⁹ И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1956, стр. 92, рис. 3.

¹³⁰ Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием, стр. 74—79, рис. 22.

¹³¹ Там же, стр. 77, рис. 22, 4; Смела, т. II, табл. XXII, 4.

¹³² Тр. XIV АС, т. III, табл. III, 4.

¹³³ Хранится в ГИМ, № 21035.

¹³⁴ ДП, т. II, табл. VII, 59.

¹³⁵ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 110, рис. 180; Ginters, Taf. 21, c; ДБК, табл. XXVIII, 10.

¹³⁶ Ginters, S. 46, Taf. 21, f; ИАК, вып. 35, стр. 104, рис. 9; табл. V, 23; ИАК, вып. 56, стр. 229, рис. 44; стр. 243, рис. 57, стр. 230, рис. 20 и 22; МИА, № 33, стр. 140, табл. III, 2, 4, 5.

ме рукоятки и клинка совершенно аналогичный караобинскому, был найден в развеянном погребении на дюнах урочища Исикай Красноярского района Астраханской области (Астраханский музей; рис. 4, 4). Его длина 37 см.

Из Южного Приуралья происходят три таких меча. Один из них был найден на пашне у с. Новая Богдановка Оренбургского уезда (Центральный музей Казахской ССР, г. Алма-Ата; рис. 4, 5). М. И. Ростовцев, опубликовавший этот меч, отметил полное совпадение его навершия с навершиями аксютинских и солохинских мечей¹³⁷. Боковые валики на рукоятке меча ребристы, а центральная углубленная полоса украшена изображением двух лежащих волков; на бабочковидном перекрестье изображены две птицы (грифоны?)¹³⁸. Длина меча 41,5 см. Зооморфная орнаментация ручки и перекрестья известна и на ряде скифских и меотских мечей¹³⁹. Сюжет и композиция изображения на акинаке из с. Новая Богдановка особенно близки изображениям на золотой рукоятке меча из Частых курганов¹⁴⁰. На плоской рукоятке меча представлены три хищника, припавшие к земле, а на перекрестье — два сидящих грифона, обращенные мордами и передними лапами друг к другу. Точно такой же сюжет мы видим на перекрестьях мечей из Чертомлыка¹⁴¹ и из кургана 8 группы «Пять братьев» у станицы Елизаветовской на Нижнем Дону (раскопки В. П. Шилова 1959 г.).

Схема навершия другого южноуральского меча, найденного около с. Воскресенское Челябинского уезда, по М. И. Ростовцеву¹⁴², такая же, но трактована более грубо. Вероятно, именно этот меч ныне хранится в Центральном музее Казахской ССР (г. Алма-Ата) под № КП 2276/5

¹³⁷ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37. Пг., 1918, табл. VII, 14.

¹³⁸ Сужу по рисунку меча, сделанному В. Г. Петренко с натуры.

¹³⁹ Смела, т. II, табл. XXII, 4; Ginters, Taf. 21, c, f; Taf. 16, a, b, Taf. 17, a, b, c; ИАК, вып. 35, стр. 104, рис. 9; МАР, № 34, табл. II, 5 и V (к статье М. И. Ростовцева); СА, VIII, 1946, стр. 26, рис. 11.

¹⁴⁰ Ginters, Taf. 16, b; МАР, № 34, табл. II, 5; СА, VIII, стр. 26, рис. 11.

¹⁴¹ МАР, № 34, табл. V (к статье М. И. Ростовцева); Ginters, Taf. 17, b.

¹⁴² М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области..., стр. 58.

(рис. 4, 6)¹⁴³. Его плоское ажурное навершие представляет известную схему когтей или лап орла, соединенных перекладиной; плоская ручка в средней части украшена елочным орнаментом, сделанным насечкой; под навершием и по краям узкого бабочковидного перекрестья также имеется орнамент из тонких поперечных насечек; треугольный клинок меча в нижней части обломан. Длина сохранившейся части меча 30 см.

В 1959 г. М. Г. Мошкова нашла в погребении раннепрохоровской культуры кургана 18 Ново-Кумакского могильника железный меч описываемого типа, который по форме рукоятки с когтевидным навершием близок мечам из Кара-Обы и Исикай (Оренбургский музей; рис. 4, 7). Меч имеет узкое бабочковидное перекрестье и довольно узкий клинок. Он сильно деформирован и покрыт напыльями окислов; клинок изогнут в средней части. Длина меча не менее 65 см. Меч был найден вместе с колчаном, содержащим выразительный набор южноуральских бронзовых стрел второй половины IV в. до н. э. (рис. 37, А).

Наконец, к группе мечей с зооморфным навершием, судя по публикации Ф. Д. Нефедова¹⁴⁴, относится железный акинак длиной 31 см из кургана 2 у станицы Павловской Оренбургского уезда. Навершие акинака, вероятно, также было когтевидным (рис. 4, 8).

Акинаки описанной скифо-меотской модели не проникали восточнее савроматского мира. К северу от савроматов они известны только в Прикамье¹⁴⁵, куда попадали, вероятно, через савроматов.

IV. Особую группу савроматских мечей Поволжья составляют мечи без металлического навершия, с сердцевидным перекрестьем. Пока их известно всего два.

Один из них, длинный массивный меч с широким сердцевидным перекрестьем, был найден в кургане 12 юго-восточной группы Покровского могильника (г. Энгельс)¹⁴⁶.

¹⁴³ А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата), стр. 256, табл. II, 4.

¹⁴⁴ Ф. Д. Нефедов. Указ. соч., стр. 30, рис. 6.

¹⁴⁵ Известия общества изучения Прикамского края, вып. I. Сарапул, 1917, стр. 24, рис. 2, 3; А. В. Збруева. История населения..., стр. 100, табл. XXI, 21.

¹⁴⁶ П. Рыков. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. Саратов, 1926, стр. 42.

Длина лишь одного клинка этого меча составляла, по отчету П. С. Рыкова, 117 см. Его ручка имела форму массивного стержня, суживающегося в середине (Саратовский музей, № 472; рис. 5, 1).

Другой меч, хранившийся до Отечественной войны 1941—1945 гг. в Саратовском областном музее под № 616 (место находки неизвестно, получен в 1908 г. от И. К. Куфеля), очень хорошо сохранился (рис. 5, 2). Его плоская ручка с округлым концом была снабжена по краям двумя продольными валиками и отверстием на конце, вероятно, для прикрепления деревянной или костяной обкладки ручки или навершия из того же материала. Перекрестье сердцевидное, широкое, как и у первого меча. Длинный клинок с продольным ребром в середине имел параллельные лезвия; самый конец клинка обломан. Длина сохранившейся части меча 111 см.

Оба меча, за исключением детали рукоятки, очень близки друг другу. Развитая форма сердцевидного перекрестья, свойственная скифским и савроматским мечам VI—V вв. до н. э., а также комплекс стрел из кургана 12 Покровского могильника (рис. 14, Д) позволяют отнести эти мечи ко времени не позднее начала V в. до н. э.

К западу от Волги, кроме известного меча из Алдоболи (Румыния)¹⁴⁷, известен только один длинный меч, близкий поволжским по форме рукоятки, перекрестья и клинка. Это меч, найденный у г. Чугуева¹⁴⁸. Он отличается от саратовского меча (№ 616) лишь своим антенным навершием, концы которого сильно загибаются внутрь, образуя два кольца. Навершия подобной формы, как мы видели, встречаются и у савроматских мечей.

Среди скифских древностей Причерноморья известны мечи больших размеров, чем акинак средней длины; однако ни один из них, в том числе и архаический меч из Кармир-Блура, не достигает метровой длины. Постепенное удлинение акинака происходило, по-видимому, под влиянием мечей савроматских форм, в результате тесного контакта савроматов со скифами. Думаю, что чугуевский меч появился в результате прямого воздействия савроматского оружия.

Описанный савроматский тип меча без навершия не имеет себе подобных ни на Западе, ни на Востоке. Только в ананьинском Прикамье известны два кинжала с длинными стержневыми рукоятками без наверший. Оба найдены в Зуевском могильнике: один имел почковидное бронзовое навершие¹⁴⁹, другой — сердцевидное навершие и бронзовые ажурные ножны¹⁵⁰.

V. В IV в. до н. э. в Скифии появляется особая группа мечей с плоским овальным навершием. Большинство этих мечей датируется второй половиной IV в. до н. э. и началом III в. до н. э. Для мечей сарматов того же времени подобная форма навершия не является характерной, хотя несколько подобных экземпляров и найдено в Поволжье и Приуралье.

Единственный поволжский экземпляр был случайно найден во время распки поля в Черкасской волости Хвалынского уезда в 1911 г. (Саратовский музей, № 617; рис. 6, 1)¹⁵¹. Его ручка имеет боковые ребристые валики, перекрестье узкое бабочковидное, с косой насечкой по краям; клинок, ромбический в сечении, постепенно суживается к острию; конец меча обломан. Длина сохранившейся части меча 55 см.

В двух курганах у пос. Нежинского близ Оренбурга (раскопки Б. Н. Гракова 1928 г.) были найдены в обломках два меча; оба — с узким бабочковидным перекрестьем.

Один из них обнаружен в кургане 2 группы Алебастрова гора. Его реконструкцию дал Б. Н. Граков: бобовидное навершие, плоская, слегка суживающаяся в середине рукоятка, четко выраженное бабочковидное перекрестье; клинок треугольный (рис. 6, 2). Длина меча 61 см.

Другой меч, длиной 52 см, найден в кургане 6 группы «Башкирское стойло». От него сохранились лишь плоская рукоятка с овальным навершием и узким бабочковидным перекрестьем (ГИМ, № 61881; рис. 6, 3).

Оба меча найдены в могилах раннепрохоровского типа с соответствующим инвентарем IV в. до н. э., причем в кургане 2 группы Алебастрова гора был найден также обломок меча с серповидным навершием,

¹⁴⁹ А. В. Збруева. История населения..., стр. 102 и табл. XXI, 9.

¹⁵⁰ Там же, стр. 102 и табл. XXI, 10, 10 а.

¹⁵¹ Этот меч известен мне по рисунку Б. Н. Гракова; в Саратовском музее я его не нашел.

¹⁴⁷ Ginters. S. 44, Taf. 20.

¹⁴⁸ Тр. III АС. Киев, 1878, табл. III, 6; Ginters, Taf. 19.

характерным для всей прохоровской культуры.

В Приуралье известны и длинные мечи данного типа. Три таких меча найдены в известном Красногорском кургане между Оренбургом и Орском¹⁵². Один из них имел овальное навершие и, вероятно, узкое бабочковидное перекрестье, хотя на рисунке оно представлено в виде широкого прямого бруска (рис. 6, 4). Длина меча, по Н. Макаренко, около 1,5 аршина — не менее 1,2 м.

Раннесарматские мечи с овальным навершием возникли под определенным влиянием моделей скифских мечей с таким же навершием, которые известны нам по находкам в курганах у с. Броварка¹⁵³, из Чертомлыка¹⁵⁴, Мирзы Кекуватского¹⁵⁵, Никопольского могильника и Частых курганов¹⁵⁶. Таким образом, в Скифии и восточной части Сарматии развивались параллельно варианты одного типа, как отражение одной эпохи в родственных и соседних культурах. Так, меч из группы «Башкирское стойло» по форме рукояти тождествен мечам из курганов конца V—IV в. до н. э. у с. Броварка Полтавской области¹⁵⁷. Однако в Северном Причерноморье мы не находим таких мечей описанного типа, которые бы достигали в длину 1 м или более. Лишь к востоку от Оренбургских степей, в земле древних апасианов (в нижнем течении Сыр-Дарьи) есть аналогии длинным раннесарматским мечам с овальным навершием и узким бабочковидным перекрестьем. Такой меч недавно был найден Хорезмской экспедицией в кургане IV в. до н. э. на городище Чирик-Рабат.

¹⁵² А. Аниховский. Раскопки кургана в пос. Красногорском. Тр. ОУАК, вып. XVI. Оренбург, 1906, стр. 69—76. В Оренбургском музее, куда эти мечи были переданы, я их не нашел и сужу по описанию и рисунку в отчете Н. Макаренко. Н. Макаренко. Продолжение раскопки кургана около пос. Красногорского Оренбургского уезда. Тр. ОУАК, вып. XVI, стр. 76—94, рис. 5.

¹⁵³ В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, 1957, стр. 237, рис. 2, 1; стр. 239, рис. 3, 1.

¹⁵⁴ ДГС, вып. II, альбом, табл. XXXVII, 3; XL, 9, 12, 14; Ginters, S. 36, Taf. 17, b, c; MAP, № 34, табл. V (к статье М. И. Ростовцева).

¹⁵⁵ Ginters, S. 34, Taf. 17, a; MAP, № 34, табл. V, 3 (к статье М. И. Ростовцева).

¹⁵⁶ Ginters, S. 34, Taf. 16, b; MAP, № 34, табл. II, 5 (к статье М. И. Ростовцева); СА, VIII, стр. 26, рис. 11.

¹⁵⁷ В. А. Ильинская. Памятники скифского времени..., стр. 237, рис. 2, 1; стр. 239, рис. 3, 1.

VI. В IV в. до н. э. преимущественно в Приуралье широко распространяется новая группа мечей, имеющих короткое, слегка изогнутое брусковидное навершие с перекрестьем в виде сломанного под тупым углом бруска и режы — с дуговидным перекрестьем. Все мечи этой группы, найденные в могилах, включаются в комплексы начала прохоровской культуры.

1. На территории расселения сарматов мне известно 11 мечей с коротким брусковидным навершием и угловатым перекрестьем. Самым западным местом находки таких мечей был курган 1 северо-восточной группы у станции Сайхин в Западном Казахстане (Саратовский музей, № 1931; рис. 7, 1)¹⁵⁸. Здесь найдена верхняя часть массивного длинного меча, преднамеренно сломанного; он имеет широкий (до 6 см), линзовидный в сечении клинок с параллельными лезвиями. Длина этой части меча 49 см.

Вероятно, с территории Нижнего Поволжья происходит кинжал с серповидным навершием и перекрестьем «в виде двух сопоставленных базами прямоугольных треугольников», представляющий один из вариантов описываемого типа¹⁵⁹.

У обломка верхней части меча того же типа, найденного Ф. Д. Нефедовым в 1888 г. в кургане 3 у с. Преображенское в бассейне Бузулука¹⁶⁰, хорошо сохранилось перекрестье в виде изогнутого почти под прямым углом бруска с округлыми концами (ГЭ, 1302/6; рис. 7, 2). Подобный тип перекрестья М. И. Ростовцев справедливо назвал переходным от «сердцевидной крестовины к прямой»¹⁶¹, вернее, от узкого бабочковидного перекрестья к прямому, характерному для большинства сарматских мечей прохоровской и сусловской культур. Выше мы уже отмечали, что некоторые савроматские мечи с антенным навершием V—IV вв. до н. э. имели перекрестья, близкие по форме описываемому (рис. 3, 3, 4).

¹⁵⁸ И. В. Силицын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959, стр. 143, рис. 48, 3.

¹⁵⁹ Кинжал мне известен лишь по описанию М. И. Ростовцева. Он хранился в музее Саратовской архивной комиссии под № 1082. В Саратовском областном музее я его не видел. М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области..., стр. 61.

¹⁶⁰ Ф. Д. Нефедов. Указ. соч., табл. 7, 1.

¹⁶¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области..., стр. 61.

Совершенно одинаковы железные мечи из трех погребений кургана 1 урочища Лапасина у с. Любимовка на Бузулуке, из наших раскопок 1956 г. (Оренбургский музей; рис. 5, 3). Они различаются лишь по длине, которая колеблется от 42 до 94 см. Все три меча были найдены в однотипных могилах с большими полукруглыми подбоями вместе с колчанами бронзовых стрел IV в. до н. э. (рис. 32, 33, А).

Почти такую же форму имеет длинный меч с узким, линзовидным в сечении лезвием, найденный М. Г. Мошковой в 1959 г. в кургане 13 Ново-Кумакского могильника под Орском (Оренбургский музей; рис. 7, 3). Его длина 1 м. Он отличается от любимовских мечей массивной, почти круглой в сечении рукояткой и более коротким и массивным, слегка изогнутым навершием. В той же могиле найден набор бронзовых наконечников стрел второй половины IV в. до н. э. (рис. 38, А).

Еще два меча этого типа, с широкими и слегка изогнутыми перекрестьями, были найдены Н. К. Минко в курганах под Челябинском. Один из них — короткий, происходит из кургана 15 (1907 г.) у пос. Исаковского, другой, длиной 60 см, — из кургана 25 (1909 г.) у пос. Синеглазова (рис. 7, 4) ¹⁶².

Сюда же надо отнести один короткий меч (длина 49 см), найденный где-то в Оренбургских степях (Центральный музей Казахской ССР, г. Алма-Ата, № КП 2276/7; рис. 7, 5) ¹⁶³. В отличие от описанных мечей он имеет прямое брусковидное навершие, которое нередко у мечей прохоровского типа.

Самым восточным местом находки мечей этого типа на сарматской территории был курган у с. Буруктал Адамовского района Оренбургской области, раскопанный геологами в 1954 г. (Оренбургский музей; рис. 7, 6). В кургане обнаружен длинный массивный меч. Его ручка, шестигранная в сечении, с продольным углублением с обеих сторон, оплетена тонкой золотой проволокой; золотая инкрустация в виде вбитых в железо

золотых проволочек частично сохранилась на коротком брусковидном навершии; короткое и широкое перекрестье слегка изогнуто в середине; широкий у основания (6,5 см) клинок, постепенно суживающийся к концу, имеет ромбическое сечение. Длина сохранившейся части 65 см.

Описанные мечи можно считать переходными от скифо-савроматских к раннесарматским мечам прохоровской культуры. Они характерны для раннего этапа развития этой культуры преимущественно в пределах Южного Урала.

В Скифии и на Северном Кавказе мечи этого типа не были распространены, хотя некоторые экземпляры IV—III вв. до н. э. имеют короткие, слегка изогнутые навершия, появившиеся здесь, вероятно, под влиянием сарматских форм мечей. Из Приднепровья мне известен лишь один меч с серповидным навершием (курган 19/21 Никополь-строя, из раскопок 1934 г.; Никопольский музей). В Прикубанье некоторые мечи синдо-меотской группы ¹⁶⁴ имеют такие же навершия, например, мечи из Курджипского кургана и Елизаветинского могильника (погребение 2, раскопки В. А. Городцова 1934 г.). В том же могильнике (черепичная гробница 18, раскопки 1931 г.) был найден длинный меч (длина 1,16 м) с прямым перекрестьем и коротким, слегка изогнутым навершием. Он датируется комплексом вещей III в. до н. э. ¹⁶⁵

Зато к северу от сарматского мира мечи этого типа проникают на территорию современной Башкирии и далее к северу и северо-востоку в пределы Свердловской области и в бассейн Синары Курганской области. Назовем такой меч, длиной более 80 см, с городища Курмантау Гафурийского района Башкирской АССР (Уфимский музей; рис. 5, 4) ¹⁶⁶, короткий меч из с. Ревда Екатеринбургской губернии ¹⁶⁷ и меч длиной 88 см из раскопок крестьянина Ладейщикова в конце XIX в. на левом берегу Синары у с. Огневское Курганской области (рис. 5, 5) ¹⁶⁸.

¹⁶⁴ К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станции Пашковской. МИА, № 64, 1957, стр. 304, 305.

¹⁶⁵ Н. В. Анфимов. Археологические разведки по Среднему Прикубанью. КСИИМК, 60, 1955, стр. 48.

¹⁶⁶ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения Гафурийского района..., стр. 60, рис. 7.

¹⁶⁷ Ginters, S. 59, Taf. 24, c.

¹⁶⁸ Рисунок этого меча мне любезно предоставила

¹⁶² Рисунок меча воспроизведен по фотографии в отчете Н. К. Минко. Н. К. Минко. Отчеты о раскопках в окрестностях г. Челябинска (рукопись). Архив ЛОИА, д. № 219 за 1904 г. и 63 за 1903 г.; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 192.

¹⁶³ А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников..., стр. 256, табл. II, 1.

Короткие мечи и кинжалы данного типа найдены также в Южной Сибири (Минусинская котловина)¹⁶⁹, на Алтае и Памире¹⁷⁰, где они появились не позже III в. до н. э., судя по находкам их с оружием второй стадии тагарской культуры¹⁷¹, и в Тамдинской (Памирской I) курганной группе на Восточном Памире, которую А. Н. Бернштам суммарно датировал V—III вв. до н. э.¹⁷² Трудно сейчас сказать, появилась ли эта форма на Востоке только под влиянием сарматских мечей степей Урала или развилась самостоятельно, что не исключает, конечно, влияния культурных взаимодействий. Второе предположение вполне вероятно, так как среди бронзовых кинжалов Южной Сибири есть целый ряд кинжалов «скифского» типа с узким бабочковидным перекрестьем. Эфесы типичных бронзовых кинжалов майэмурского этапа Алтая (VII—V вв. до н. э.) очень похожи на перекрестья раннепрохоровских мечей. Они могли послужить основой для параллельного и самостоятельного развития в Южной Сибири меча или кинжала близких южноуральским формам.

2. Вторым типом мечей раннего этапа прохоровской культуры являются южноуральские мечи со слабо изогнутым серповидным наконечником и дуговидным перекрестьем. Они появились в Оренбургских степях одновременно с мечами первого типа. Их относительно ранняя дата довольно точно установлена в результате раскопок Новокумакского могильника, произведенных М. Г. Мошковой в 1959 г. Там было найдено два меча этого типа. Меч из кургана 16 (Оренбургский музей; рис. 7, 7) имеет плос-

кую рукоятку с коротким, слегка изогнутым наконечником и довольно широкий клинок. Длина меча 64 см. Меч из кургана 12 (Оренбургский музей; рис. 7, 8) отличается формой рукоятки, овальной в сечении, с относительно длинным серповидным наконечником; клинок меча узкий, линзовидный в сечении. Длина меча 1 м.

В обоих курганах были найдены бронзовые наконечники стрел IV в. до н. э. (рис. 36, 37, Б).

Остальные мечи данного типа из Южного Приуралья представляют случайные находки. Среди них назовем короткий меч из пос. Нижне-Красинского (Центральный музей Казахской ССР, г. Алма-Ата, № КП-2276/8; рис. 7, 10)¹⁷³; его рукоятка почти тождественна рукоятке новокумакского меча из кургана 12 (рис. 7, 8). Короткий меч с треугольным клинком, ромбическим в сечении, найден близ с. Путятина Шарлыкского района Оренбургской области (Оренбургский музей; рис. 7, 9). Его длина 36 см. Перекрестье этого меча не сохранилось, но по округлому изгибу основания клинка и следу от перекрестья можно догадаться, что оно было дуговидным. Почти тождественны по форме меч неизвестного происхождения из Оренбургского музея (рис. 7, 11) и меч из пос. Борисовского Троицкого уезда (рис. 5, 6)¹⁷⁴. Длина первого из них — 52,5 см (конец обломан), длина второго — более 70 см. У обоих рукоятки, прямоугольные в сечении, слегка расширяются в середине; довольно тонкие, постепенно суживающиеся к острию клинки имеют ромбическое сечение. Подобные мечи весьма удобны как для колющего, так и для рубящего удара. Весьма оригинален длинный меч (длина его 97 см) очень хорошей сохранности из с. Усть-Караболка Багарякского района Челябинской области (Челябинский музей; рис. 5, 7). Его рукоятка тождественна рукоятке меча из пос. Нижне-Красинского (рис. 7, 10). Длинный и очень тонкий клинок, ромбический в сечении, изогнут в нижней части, как клинок сабли; отсюда следует, что меч использовался как рубящее оружие всадника.

Следует отметить, что хотя, может быть, и случайно эти мечи распространены глав-

Г. М. Берс; он хранился в личной коллекции В. Я. Толмачева.

¹⁶⁹ С. В. Киселев. Тагарская культура. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV. М., 1928, стр. 264—265 (таблица); Martin, pl. 23, 3; W. Radloff. Aus Sibirien, В. II, S. 122, Taf. 10, 11, 12. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 143, табл. XXV, 6; А. В. Збруева. История населения..., стр. 100, табл. XXI, 18.

¹⁷⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 306, рис. 132.

¹⁷¹ С. В. Киселев. Тагарская культура, стр. 264—265 (таблица); его же. Древняя история Южной Сибири, стр. 160, 161.

¹⁷² А. Н. Бернштам. Указ. соч., синхронистическая таблица (Историко-археологическая классификация памятников Центрального Тянь-Шаня, Памиро-Алая и Ферганы), 43.

¹⁷³ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области..., табл. VII, 9.

¹⁷⁴ ОАК за 1902 г., стр. 142, рис. 255; Ginters, S. 52, Taf. 24.

ным образом в северных районах раннепрохоровской культуры. На северной периферии сарматского влияния мне известна еще одна находка короткого меча подобного типа в погребении на ул. Аксакова в Уфе (1934 г.). Здесь он был найден с колчаном бронзовых стрел, что лишний раз свидетельствует об относительно ранней дате этого типа меча. На территории ананьинской культуры также известен короткий железный меч с дуговидным перекрестьем, орнаментированной рукояткой с двумя боковыми валиками и навершием в виде двух фигурок животных, лежащих головами друг к другу¹⁷⁵. Этот меч был найден на Висимской даче в Пермской губернии. Форма рукоятки и стилистическая трактовка животных заставляют датировать этот меч временем в пределах IV—III вв. до н. э.¹⁷⁶

Приблизительно в это же время мечи подобной формы проникают в Среднее Прикубанье. Длинный меч описанной модели был найден во впускном курганном погребении у станицы Кореновской Краснодарского края на степной речке Бейсужок. Н. В. Анфимов, опубликовавший эту интересную находку¹⁷⁷, справедливо связывает появление подобного меча в Прикубанье с продвижением сарматов на юг. Меч из станицы Кореновской чрезвычайно похож на длинные мечи из пос. Борисовского и с. Усть-Караболки. Он отличается только более коротким навершием. На востоке, в пределах Минусинской котловины, среди бронзовых кинжалов с прорезными рукоятками и серповидным навершием также изредка можно встретить кинжалы с дуговидным перекрестьем¹⁷⁸.

3. Последние два типа мечей характеризуют, как мы отметили выше, уже не савроматскую культуру, а прохоровскую — на стадии ее сложения в недрах предшествующей культуры. В это же время вырабатывается и собственно прохоровский тип меча с

серповидным, реже прямым навершием и с тонкой брусковидной крестовиной. Этот тип мечей господствует в сарматском мире в течение еще двух столетий. О появлении меча прохоровского типа в IV в. до н. э. свидетельствует несколько находок в раннепрохоровских погребальных комплексах, причем дважды вместе с мечами «скифской» формы (см. выше).

На последнее обстоятельство обратил внимание Б. Н. Граков при исследовании курганов у пос. Нежинского близ Оренбурга в 1927—1928 гг., отнеся начало прохоровской культуры к IV в. до н. э.¹⁷⁹

Б. Н. Граков уже давно отметил находку кинжала прохоровского типа на Кубани, где он был случайно найден казаками вместе с крючком, характерным для Частых и Мاستюгинских курганов¹⁸⁰. Эти крючки с изображением лежащего зверя встречаются в могилах, датированных рубежом IV—III вв. до н. э. Следовательно, можно считать, что мечи прохоровского типа к рубежу этих двух веков распространились далеко на юго-запад вместе с пришельцами-сарматами.

В целом о форме ранних экземпляров прохоровского типа меча можно судить пока что только по относительно хорошо сохранившемуся короткому мечу из кургана 2 группы «Башкирское стойло» (ГИМ; рис. 7, 12)¹⁸¹. Его длина 38 см. Ручка, в отличие от большинства прохоровских мечей и кинжалов, имеет архаический признак — два продольных валика по бокам, а в углубленной части рукоятки сохранились древесные волокна от деревянной обкладки. Курган 2 был датирован Б. Н. Граковым по типу бронзового зеркала IV в. до н. э., скорее, концом этого века¹⁸².

К тому же IV в., судя по всему погребальному комплексу, относятся кинжалы, найденные в курганах 2 и 3 группы Алебастрова гора. Они сохранились очень плохо, и о форме их я сужу по чертежам неопубликованного отчета Б. Н. Гракова о его раскопках 1928 г.

¹⁷⁵ МАР, № 26, табл. XXVII, 8; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 98, табл. XXII, 9; А. В. Збруева. История населения..., стр. 100, табл. XXI, 19.

¹⁷⁶ А. В. Збруева. История населения..., стр. 104.

¹⁷⁷ Н. В. Анфимов. Археологические разведки по Среднему Прикубанью, стр. 48, рис. 17, 1.

¹⁷⁸ И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I. Томск, 1908, табл. 1, 11.

¹⁷⁹ Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV. М., 1928, стр. 145—156.

¹⁸⁰ Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского..., стр. 152, 153.

¹⁸¹ Там же, стр. 148, рис. 1.

¹⁸² Там же, стр. 154.

Перейдем к рассмотрению вопроса о способе ношения меча у савроматов. По некоторым сохранившимся атрибутам мы можем составить представление о ножнах, их украшении и способе прикрепления меча к поясу. Остатки древесных волокон, сохранившихся на клинках мечей, свидетельствуют о том, что мечи и кинжалы носились в деревянных ножнах. На некоторых мечах сохранились **наконечники ножен** из кожи (кинжал из кургана 5 Покровского могильника) или железа (обломок меча из кургана 8 Калиновского могильника, рис. 2, 4). Оба плохо сохранившихся наконечника ножен имеют на конце округлые расширения, как на многих ножнах сакских¹⁸³, мидо-персидских¹⁸⁴ и скифских акинаков. Наконечник калиновских ножен с несильно расширяющимся концом, напоминающим утиный нос, более всего похож на наконечники келермесских, мельгуновских и чертомлыцких ножен¹⁸⁵. Железный наконечник такой же формы мы видим у одного из венгерских акинаков¹⁸⁶ и у акинака, изображенного на скифской каменной бабе из Днепропетровского музея¹⁸⁷. Можно думать, что савроматам был знаком тип ножен для коротких мечей (с боковым выступом для подвешивания на поясе), которые мы видим у скифов и иранских народов Средней Азии и Персии. Ножны акинака из кургана 5 у г. Энгельса были украшены выше наконечника бронзовой ромбовидной бляшкой; на деревянных ножнах длинного меча из кургана 12 того же могильника, в верхней части, близ рукоятки меча, была тонкая бронзовая пятиугольная пластинка. Эти бронзовые пластинки, вероятно, не имели конструктивного значения, а служили лишь украшением ножен.

Судя по положению мечей в могилах, савроматы, подобно скифам, носили мечи с правого, реже с левого бока, или спереди на

поясе, с наклоном рукоятки в правую сторону. Последний способ ношения акинака у народов Скифии и Северного Кавказа известен по изображению на скифских каменных бабах¹⁸⁸. По находкам в савроматском Блюменфельдском кургане Б. Н. Граков установил, что савроматские воины прикрепляли короткий меч к поясу при помощи дополнительных ремней с пряжками¹⁸⁹. Об этом свидетельствуют находки круглых железных пряжек около рукояток мечей (рис. 8, 5, 6) и обрывков узких ремней с железными наконечниками-обоймицами (рис. 8, 7, 8).

Кроме пряжек, для скрепления портупей меча с поясом могли употребляться бронзовые наконечники в виде когтя (рис. 50, 11, 15), чаще всего встречающиеся в составе уздечного набора скифского типа. Все они имеют колодочку с четырьмя боковыми отверстиями для вывода отростков, перекрещивающихся или завязанных ремешков. Об их использовании на поясе в качестве пряжки свидетельствует изображение воина в скифской одежде и колпаке на рельефе с могилы Артаксеркса II в Персеполе¹⁹⁰. Об этом же говорит находка бронзового наконечника в одном из погребений прохоровской культуры в могильнике Кара-Оба (курган 11, погребение 2) в Западном Казахстане¹⁹¹. Наконечник лежал у края колчана, близ перекрестья длинного меча и безусловно служил для прикрепления того или другого оружия к поясу.

Ножны скифских мечей, как это видно на некоторых каменных изваяниях скифских воинов¹⁹², иногда украшались кистями. Это подтверждается также находками металли-

¹⁸³ См. на золотой бляхе из Аму-Дарьинского кладка: O. M. Dalton. *The Treasure of the Oxus*. London, 1926, pl. XIV, 48; Ginters, S. 22, Taf. 9, c.

¹⁸⁴ O. M. Dalton. *The Treasure of the Oxus*, p. 16, fig. 9, 15; Ginters, S. 22, Taf. 9, c; G. Perrot et Ch. Chipiez. *Histoire de l'art dans l'antiquité*, t. V. Paris, 1890, p. 798, fig. 472.

¹⁸⁵ Ginters, Taf. 1, a, b; Taf. 3, b; Taf. 22, d.

¹⁸⁶ Ibid., p. 28, Taf. 14, d.

¹⁸⁷ T. S. Passek, B. A. Latinin. *Sur la question des «kamennye baby»*. ESA, IV, 1928, p. 295, fig. 3.

¹⁸⁸ T. S. Passek, B. A. Latinin. *Op. cit.*, p. 294, fig. 1, 2; p. 296; fig. 4; A. A. Миллер. *Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом*. Изв. РАИМК, т. IV. Л., 1925, стр. 103, рис. 2; стр. 108, рис. 6; стр. 109, рис. 7; A. A. Спицын. *Археологические заметки*. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV, стр. 487, рис. 2 и табл. XXVII, 1; A. И. Мелюкова. *Каменная фигура скифа-воина*. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 126, рис. 39.

¹⁸⁹ B. Grakov. *Monuments de la culture Scythique*, p. 27, fig. 2.

¹⁹⁰ E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East*, pl. LXIX.

¹⁹¹ И. В. Силицын. *Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане*, стр. 69, рис. 28, 3.

¹⁹² A. И. Мелюкова. *Каменная фигура скифа-воина*, стр. 39, рис. 39; T. S. Passek, B. A. Latinin. *Op. cit.*, p. 294, fig. 2.

ческих ворворок в ряде савроматских могил (рис. 8, 9—13). Ворворки найдены около рукояток мечей в кургане 1 урочища Лапасина у с. Любимовки (рис. 8, 12, 13). Ножны или концы пояса украшались также отдельными бусинками из стекла и пасты (рис. 8, 15, 16). В Блюменфельдском кургане А 12, кроме одиночных бус, близ меча было найдено бронзовое колесико (рис. 8, 14). Колесики известны в нескольких савроматских женских и мужских могилах. Они, вероятно, служили амулетами или талисманами. Их форма могла быть связана с солярным культом. Такое же колесико было найдено П. Д. Либеровым в одном из курганов урочища «Частые курганы», где оно тоже лежало около меча.

Определенно магический характер носили клыки кабана, часто украшенные изображениями животных. Они были найдены при мечах в Блюменфельдском кургане (рис. 8, 1) ¹⁹³, в кургане 5 первой группы у с. Мирное (бывшее Фриденберг) (рис. 8, 3) ¹⁹⁴, в кургане 9 Калиновского могильника (рис. 8, 2) ¹⁹⁵ и в кургане 5 Матвеевского могильника (рис. 8, 4). Все эти амулеты имели отверстия в широкой части и, вероятно, прикреплялись к портупее.

Подводя итоги анализу савроматских мечей, мы должны прежде всего отметить большую близость основной группы этих мечей со скифскими, особенно для раннего времени (VII—VI вв. до н. э.). Это сходство, в первую очередь в оформлении рукояток (навершие, перекрестье), говорит о едином источнике происхождения железного оружия у скифов и савроматов, о каком-то едином центре, откуда форма «скифского» акинака широко распространилась по просторам Евразии, дойдя на западе до Венгрии, а на востоке — до Южной Сибири. Как на территории Скифии, так и на территории расселения савроматов, прототип скифского акинака не обнаружен. Эта форма, вероятно, была очень быстро выработана в среде ираноязычных воинов в период их походов в страны Переднего Востока. Греки считали

акинак оружием персов и мидийцев ¹⁹⁶. Однако, как справедливо заметила А. И. Мелюкова ¹⁹⁷, только один тип скифского акинака, наиболее близкий к изображенным на персидских рельефах VI—V вв. до н. э. (с брусковидными навершием и бабочковидным перекрестьем), может быть привнесен с иранского Востока, точнее с территории древнего Ирана или Мидии. Гипотеза о персидском или мидийском происхождении всех типов акинака, и особенно кинжалов с почковидным перекрестьем, должна быть поставлена под сомнение, поскольку все изображения персидских акинаков восходят ко времени не ранее VI в. до н. э., в то время, как на территории Скифии, по А. И. Мелюковой, наиболее ранние акинаки относятся уже к VII в. до н. э. Не позднее конца этого века они появились и у савроматов (биметаллическая рукоятка меча с бугра Стеньки Разина и актюбинский бронзовый акинак).

Находка длинного меча скифского типа в одной из кладовых Урартской крепости Тейшебаини (Кармир-Блур) окончательно подтверждает, что скифская форма меча сформировалась не позднее конца VII в. до н. э. Однако она не решает вопроса, переднеазиатского или закавказского происхождения эта форма. Ведь жители этой крепости пользовались и другой формой меча, свойственной урартийцам, а скифский тип меча здесь появился вместе со скифами, которые, как считает Б. Б. Пиотровский, пришли сюда с севера, длительное время жили здесь и изготовляли свои вещи, характерные для жителей Прикубанья и Приднепровья.

У савроматов мечи были значительно больше распространены, чем у скифов, будучи оружием не только военных дружинников и племенной знати, но и рядовых воинов. Савроматы уже с конца VI в. до н. э. стали использовать не только короткие мечи и кинжалы, но и длинные всаднические мечи (длиной более 1 м), приспособленные для колющего и главным образом рубящего удара, т. е. тактическое применение меча у савроматов было более эффективным, чем у скифов. В этом отношении савроматы вместе с меотами Прикубанья, которые

¹⁹³ В. Grakov. *Monuments de la culture scythique...*, p. 38, fig. 20.

¹⁹⁴ Рау, S. 81, Abb. 23, c.

¹⁹⁵ В. П. Шилов. Раскопки Калиновского курганного могильника, стр. 120, рис. 49, 16; его же. Калиновский курганный могильник, стр. 423, рис. 38, 13; стр. 425, рис. 39.

¹⁹⁶ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области..., стр. 50, 51, 55; Ginters; А. И. Мелюкова. Вооружение..., стр. 190—193.

¹⁹⁷ А. И. Мелюкова. Вооружение..., стр. 190.

также рано стали применять в бою длинный рубящий меч¹⁹⁸, превзошли своих западных соседей. Савроматы выработали и свои собственные модели меча (мечи без металлического навершия, мечи с перекрестьем в виде согнутого под углом бруска или дуговидным, мечи прохоровского типа). Многие мечи и кинжалы савроматов, отличаясь от скифских по деталям рукоятки, сближаются с сибирскими формами.

Формы савроматских мечей особенно ярко отражают картину тесных связей савроматов со скифами, с населением Северного Кавказа, с северными соседями — носителями ананьинской культуры и с населением Южной Сибири. Северокавказские параллели, как это видно из анализа некоторых мечей, преимущественно восходят к раннему времени (VII—V вв. до н. э.). Контакт со скифами продолжался в этом плане постоянно, и в IV в. до н. э. некоторые скифские модели меча (мечи с когтевидным и с плоским овальным навершиями), вероятно, от населения дельты Дона¹⁹⁹ проникали к савроматам Поволжья и Приуралья. Я не останавливаюсь здесь подробно на мечах дельты Дона, где савроматы постоянно жили бок о бок с приазовскими меотами и скифами, так как этому вопросу уже посвящен этюд в работе Н. И. Соколовского «Боспорские мечи». На Нижнем Дону мы находим наиболее ранний меч с кольцевым навершием или с сомкнутыми волютами (меч V в. до н. э. из раскопок А. А. Миллера в кургане I у станицы Елизаветовской)²⁰⁰. Он-то и мог послужить одним из прототипов сарматских мечей с кольцевым навершием и прямым перекрестьем, которые распространяются в Поволжье параллельно с мечами прохоровского типа не позднее II в. до н. э.²⁰¹

¹⁹⁸ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 34; Н. И. Соколовский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 144; К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 153, рис. 48, 3; его же. Меотский могильник..., стр. 305.

¹⁹⁹ Н. И. Соколовский. Боспорские мечи, стр. 137—142.

²⁰⁰ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145, рис. 210; «Archäologische Anzeiger». Berlin, 1911, S. 197, Abb. 5; МИА, № 33, стр. 138, рис. 3, 2.

²⁰¹ Этот вопрос я подробно разбираю в своей

Древнее население Башкирии, Зауралья и носители ананьинской культуры также постоянно испытывали воздействие савроматской культуры; формы мечей здесь часто зависели от савроматских моделей. С сибирскими кинжалами некоторые экземпляры савроматских мечей сближаются по ряду деталей. Это прежде всего мечи, которые имеют прорезные рукоятки, изображения фигур зверей или орлиных голов на перекрестье, нарезки на боковых валиках рукоятки, навершия в виде пары грифонов, голов, продольное треугольное в сечении ребро на клинке, колодочки у основания зооморфного навершия, узкое бабочковидное перекрестье, приближающееся по форме к перекрестью в виде согнутого под тупым углом бруска. Однако, несмотря на значительные параллели с южносибирскими кинжалами, на савроматской территории мы не находим ни одной модели, тождественной сибирским. Следовательно, хотя взаимное воздействие и имело место, но в той и другой областях развитие форм этого вида оружия шло самостоятельным путем.

У савроматов мы наблюдаем большое разнообразие типов мечей, которое исчезает к концу IV—III вв. до н. э., когда начинает безраздельно господствовать лишь один, прохоровский тип меча в его двух основных вариантах — с серповидным или прямым брусковидным перекрестьем.

Наличие в Южном Приуралье длинных мечей переходных типов, относящихся в основном к IV в. до н. э. (мечи с согнутым под углом или дуговидным перекрестьем), свидетельствует о том, что прохоровский тип сложился в среде южноуральской группы сарматов. Он не мог развиваться непосредственно из скифского акинака уже потому, что прохоровские мечи по длине значительно превосходят скифские, достигая 1,3 м. Так как длинные мечи у савроматов появились не позднее V в. до н. э., то совершенно неправ был М. И. Ростовцев, считавший, что «в эпоху эллинизма с Востока пришла новая форма железного меча с длинным лезвием, серповидным набалдашником и

кандидатской диссертации и в статье о новых сарматских памятниках Нижнего Поволжья по материалам Сталинградской экспедиции, см. К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, № 60, 1959, стр. 320.

прямой крестовиной»²⁰². Вполне вероятно, что серповидное навершие развилось из древнего брусковидного через короткое, слегка изогнутое навершие, характерное для переходных мечей IV в. до н. э., и под влиянием волютного навершия. Влияние более древнего волютного навершия на сложение формы прохоровского типа меча допускал и М. И. Ростовцев²⁰³.

Согнутое под тупым углом брусковидное перекрестье, из которого, вероятно, и вырабатывается прямое, могло развиться из узкого бабочковидного перекрестья более древних савроматских мечей. Однако нельзя исключать влияние восточных, южносибирских кинжалов майэмирско-тагарской эпохи с узкими перекрестьями, приближающимися по форме к уральским мечам со «сломанной» или дуговидной крестовиной. Эти кинжалы в Минусинской котловине и на Алтае известны с позднекарасукского времени²⁰⁴. С территории Узбекистана извест-

тен бронзовый кинжал с перекрестьем, близким по форме перекрестьям майэмирских кинжалов. Он был найден А. И. Тереножкиным на строительстве Большого Ташкентского канала и отнесен к группе находок конца эпохи бронзы и начала железного века²⁰⁵.

Хотя для меня и представляется несомненным появление мечей раннепрохоровского времени как результат эволюции некоторых более древних моделей савроматских мечей, однако нельзя отказываться от предположения, что здесь не обошлось без посторонних влияний — менее всего западных, более всего — восточных (сибирских) и, может быть, среднеазиатских. Эти влияния, отражая тесное культурное общение, определили, по-видимому, отдельные детали нового, более эффективного в бою, чем скифский акинак, длинного меча, с которым сарматы выступили на завоевание новых территорий на Северном Кавказе и в Скифии.

²⁰² М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области..., стр. 61.

²⁰³ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области..., стр. 60, 61.

²⁰⁴ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК,

XVIII, 1947, стр. 12, рис. 5, 5, 8, 9; Н. Л. Членова. Бронзовый меч из Минусинской котловины. КСИИМК, 60, 1955, стр. 135—138.

²⁰⁵ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. Узбекского ФАН СССР, № 9. Ташкент, 1940, стр. 30, 31, рис. 2.

2. ЛУК И СТРЕЛЫ

Савроматы, подобно скифам, были конными стрелками из луков. Сколь велико было значение этого вида оружия у кочевников поволжских и приуральских степей, говорят находки остатков колчанов со стрелами в могилах. Они обычны для мужских погребений, реже бывают в женских и встречаются даже в детских могилах. Число стрел в могилах колеблется от одного экземпляра до трех сотен; одиночные стрелы обычно лежат без колчанов; в колчанах же находят от нескольких до полутора-двух сотен стрел в каждом. Вероятно, как правило, стрелы клали в могилы вместе с луками, однако до сих пор, вследствие плохой сохранности дерева, мы не имеем ни одной достоверной находки остатков лука.

О форме и размерах савроматского лука мы можем судить лишь по косвенным данным и, прежде всего, по бронзовой бляшке, украшавшей кожаный колчан из кургана

у пос. Благословенского под Оренбургом (рис. 9, 5). Б. Н. Граков справедливо предположил, что эта бляшка представляет характерный сложный короткий лук скифского типа сигмаобразной формы¹. Подобные луки мы видим у скифских лучников, изображенных на многочисленных золотых бляшках из богатых скифских курганов, на известных сосудах из Кульобского и Воронезского курганов. Оренбургская бляшка, представляющая сложный короткий лук, не имеет аналогий в скифском мире. Полную аналогию ей мы находим среди вятских древностей ананьинской культуры (бронзовая бляшка с Буйского городища²),

¹ B. Grakov. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV. Helsinki, 1929, p. 176, 177, fig. 11.

² А. А. Спицын. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАНР, т. I. М., 1893, табл. XII, 22; А. В. Збруева. Исто-

испытывавшей большое культурное воздействие савроматов Южного Урала. Рельефное изображение сложного лука мы видим на одной из широких лопастей оригинального бронзового наконечника стрелы крупной величины из савроматского погребения рубежа VI и V вв. до н. э. у с. Сара на Урале (рис. 21Б, 23).

Другим доказательством того, что у савроматов бывовал небольшой сложный лук, служат небольшие и легкие бронзовые наконечники стрел, древки которых, как доказал Э. Ленц, достигали в длину в среднем 60 см³. Приблизительно такую же длину имеют остатки колчанов или древков стрел из более поздних сарматских погребений Поволжья и Приуралья, где удалось проследить эти находки *in situ*. Стрелы такой длины могли быть пущены лишь из малого сложного лука с большой убойной силой⁴. Можно думать, что савроматские луки делались из разных пород дерева с применением бересты и сухожилий, но без роговых или костяных накладок, которые известны в сарматских погребениях первых веков нашей эры, а в погребениях савроматов не встречены ни разу. Длина савроматских луков, вероятно, соответствовала приблизительно размерам скифского лука. Судя по соотношению длины стрелы и самого лука на оренбургской бляшке, савроматский лук имел длину не менее 80 см. На древки стрел шла, вероятно, главным образом береза, реже ясень и тополь. Остатки древков, найденные нами в погребениях у с. Любимовка на Бузулуке (1956 г.) и в курганах по Илеку (1957 г.), были определены Г. Н. Лисицыной, — все они оказались березовыми. Большинство древков стрел из Ново-Кумакского могильника под Орском (раскопки М. Г. Мошковой 1958—1959 гг.) также сделаны из березы, но есть древки и из тополя. Древки из ясеня были найдены в кургане 5 у г. Энгельса⁵. Для древков употреблялся

и тростник. Остатки таких тростниковых древков были найдены М. Г. Мошковой в савроматском погребении у с. Аландского (курган 1, 1958 г.). Тростниковые древки встречались и в более поздних — сарматских — погребениях Поволжья. В ряде савроматских могил во втулках бронзовых наконечников стрел торчали короткие древки, выструганные из древесины плотного дерева. Их нижние концы, выходящие из втулки, несколько заострены и не производят впечатления обломанных или истлевших (с. Политотдельское, курган 19, погребение 24, К. Ф. Смирнов, 1953 г.). Поэтому можно думать, что древко было составное: деревянный сплошной стержень вставлялся во втулку наконечника, а его нижний конец — в полость тростникового древка. Подобный способ скрепления бронзового наконечника стрелы предполагает и Э. Шмидт для стрел из сокровищницы Персеполя ахеменидского времени⁶. Тростниковые древки были известны древним воинам Центрального Казахстана, причем М. П. Грязнов отмечает здесь тот же способ скрепления бронзового втульчатого наконечника стрелы с древком⁷. Тростниковые древки стрел вообще широко использовались в древности, в частности у персов⁸, родственных сарматам по языку и применявших такое же вооружение.

Деревянные древки, как показали находки из кургана у с. Сара, делались из гладких прутьев или кусков крупного дерева. Так же были выструганы березовые древки из погребений, исследованных нами на Волге в районе с. Политотдельского, на Бузулуке у с. Любимовка и на Илеке. Концы древков окрашивались. Так, например, древки стрел в кургане III,3 у с. Луговое (бывшее Визенмиллер) на Еруслане были окрашены в красный и белый цвета⁹. Следов

рия населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 52, табл. IX, 7.

³ Э. Ленц. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ г. Журовки Киевской губернии. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 64—65.

⁴ Э. Ленц. Указ. соч., стр. 65; Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах. Тр. V АС в Тифлисе. М., 1887, стр. 337 и сл.

⁵ П. Рыков. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. Саратов, 1925, стр. 15.

⁶ E. Schmidt. Persepolis, v. II. Contents of the Treasury and other discoveries. The University of Chicago Oriental Institute Publications, v. LXIX. Chicago-Illinois, 1957, p. 99, fig. 20, A.

⁷ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 134, рис. 3.

⁸ E. B uland a. Bogen und Pfeil bei den Völkern des Altertums. Wien und Leipzig, 1913, S. 44.

⁹ П. Рыков. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области, т. I. Саратов, 1926, стр. 117.

оперения стрел в савроматских могилах не обнаружено; в более поздних — сарматских — погребениях Поволжья известно оперение стрел из жестких перьев беркута¹⁰. Можно допустить, что подобное оперение было и у савроматских стрел. Во время раскопок кургана 5 у г. Энгельса было установлено, что концы древков расширялись и имели зарубку для накладки стрелы на тетиву лука. Такое же устройство нижней части древка известно в поволжских могилах прохоровской культуры (с. Луговое, курган II, 4, погребение 3).

В савроматских могилах часто вместе со стрелами встречаются остатки колчанов из кожи, реже из луба и бересты. Судя по этим остаткам, колчаны имели форму узких футляров длиной 60—70 см. Сверху колчаны, вероятно, закрывались куском кожи, снабженной костяной, деревянной или бронзовой застежкой. Бронзовая палочка-застежка была найдена в Блюменфельдском кургане А 12, костяная — в центральном погребении Второй Аландской группы на Урале (рис. 9, 13, 14). Костяные и бронзовые застежки от колчана той же конструкции были известны еще в конце эпохи бронзы в Центральном Казахстане¹¹, Грузии¹² и Азербайджане¹³. Из этих ранних экземпляров наиболее похожа по форме на блюменфельдскую костяная застежка из могильника Бегазы Карагандинской области¹⁴. Ее можно считать прототипом скифских и савроматских колчаных застежек. В могилах Северного Причерноморья скифского времени такие застежки неоднократно найдены вместе с колчанами. Так, бронзовые застежки, тождественные блюменфельдской, обнаружены в курганах Посулья (бывший Роменский уезд)¹⁵, Мельгуновском (Литом) кургане¹⁶, в кургане у с. Макеевка Черкасской

области¹⁷ и в Ольвийском некрополе¹⁸. Все они найдены в погребениях VI и первой половины V в. до н. э.

В погребениях, где обнаружены пучки стрел и органические остатки колчанов, не раз встречались предметы, связанные с украшением колчана или имеющие отношение к системе прикрепления колчана к поясу. В кургане у хут. Веселого близ Ак-Булака рядом с бронзовыми наконечниками стрел лежали три плоские бляхи из тонкого бронзового листа, вырезанные в форме рыб (рис. 9, 7, 8)¹⁹. На месте глаз у них проделаны отверстия, в одном из которых сохранилась бронзовая заклепка. Находки этих блях вместе со стрелами заставляют предполагать, что они служили украшением передней части колчана.

Вероятно, того же назначения была костяная пластинка из кургана у станции Лебяжьей, найденная вместе с костяными наконечниками стрел (рис. 9, 1). Колчан из луба в кургане у пос. Благословенского был украшен, как уже сказано, бронзовой бляшкой, изображающей лук со стрелой (рис. 9, 5), и, кроме того, выпуклой ажурной бляшкой в виде розетки (рис. 9, 6). Б. Н. Граков сопоставил это украшение с известными в большом количестве в скифских памятниках розеткообразными бляшками, применявшимися главным образом для украшения уздечек. Он предполагал, что эти бляшки воспроизводят глаза грифона²⁰. Такие бляшки известны и в савроматском конском уборе, о котором речь будет идти ниже. Однако все они не ажурные, а сплошные и значительно меньше нашей. К западу от савроматской территории литые розеткообразные бляшки крупного размера, похожие на оренбургскую, известны только в Частых курганах²¹. Но самые близкие ей аналогии

¹⁰ И. В. Сивиницн. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, № 78, 1960, стр. 32.

¹¹ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., стр. 134, рис. 3, 4.

¹² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 73, рис. 79; стр. 311, табл. XXVIII; стр. 324, табл. XLVII.

¹³ МАК, т. VI. М., 1911, стр. 187, табл. XVI, 11, 12.

¹⁴ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 132, рис. 42, 3.

¹⁵ Смела, т. III, табл. V, 15, 16; МРЗ, стр. 37.

¹⁶ МАР, № 31, 1911, стр. 209, рис. 14.

¹⁷ Е. Ф. Покровська. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи. Археологія, т. XI. Київ, 1957, стр. 151, рис. 3, 5.

¹⁸ С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 50, 1956, стр. 174, рис. 17, 2.

¹⁹ И. А. Зарецкий. Пос. Благословенка и Ак-Булак, 1935. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 158.

²⁰ В. Граков. Deux tombeaux..., p. 179.

²¹ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 25; рис. 10, 7; также в кургане 11, раскопки П. Д. Либерова 1954 г.

встречены к северу от Оренбургских степей, на территории ананьинской культуры (могильник близ г. Уфы) ²², т. е. в районе тесного контакта савроматов с ананьинцами. Эти бляшки, вероятно, имели не чисто орнаментальный, а скорее магический характер. Они символизировали не только орлиный глаз, но и солнце. Украшения, символизирующие солнце, мы находим в памятниках андроновской культуры Казахстана. В одном из поселений андроновской культуры, у аула Канай в Восточном Казахстане С. С. Черников нашел каменную литейную форму для отливки круглой ажурной бляшки в виде штурвального колеса с восемью спицами и восемью кружочками по краю. По форме она очень близка оренбургской бляшке. Я думаю, что между обеими бляшками существует определенная связь, и отношу их к одной группе предметов солярного культа.

К той же категории символических изображений можно отнести амулеты в виде литых массивных колесиков, которые в савроматских могилах находились близ мечей (Блюменфельд, курган А 12; рис. 8, 14) или около стрел (р. Жаксы-Каргала, курган 2+; рис. 9, 12; курган Елга у с. Преображенского на Бузулуке; рис. 9, 11). В последнем случае эти амулеты были, вероятно, прикреплены к колчану. Они имеют приблизительно тот же ареал, что и розеткообразные ажурные бляшки. На территории расселения савроматов мне известно восемь таких амулетов. Кроме того, мы их находим в Ананьинском и Зуевском могильниках ²³, в Частых и Мастюгинских курганах ²⁴, на Кубани ²⁵ и Нижнем Дону. Нижнедонские находки, вероятно, также связаны с савроматским населением. О том, что эти амулеты прикреплялись к определенным предметам, свидетельствуют остатки ремня, сохранившиеся в одном из колесиков в кургане 3 группы

«Частые курганы» (раскопки Воронежской ученой архивной комиссии) ²⁶.

В кургане у пос. Благодословенского поблизости от остатков колчана были найдены синяя глазчатая бусина (рис. 9, 15) и бронзовая ворворка (рис. 9, 9). Оба предмета, по-видимому, украшали ремни колчана. Подобные предметы также встречались около мечей и составляли украшения портупей или системы ремней, служивших для прикрепления акинака к поясу; их же мы встречаем и в уздечном наборе. С украшением колчаных ремней можно связать и железную сферическую ворворку (рис. 9, 10) в кургане D 4 (погребение 5) у совхоза «Красный Октябрь» (бывший хут. Шульц), где были найдены бронзовые наконечники стрел. К той же группе вещей я отношу и костяную трубочку-пронизку из кургана у станции Лебяжьей (рис. 9, 2). В целом савроматский колчан со всеми его аксессуарами, судя по могильным находкам, должен был напоминать колчаны мидийцев и персов, изображенные на Персепольских рельефах ²⁷. Это узкий футляр с округлым нижним концом, крышка футляра застегивалась при помощи ремешка и палочки-застежки из различного материала; колчаный ремень украшался бусиной или ворворкой с кисточкой.

Судя по положению пучков стрел в могилах (остриями в сторону ног), стрелы лежали в колчане наконечниками вниз. Обычное положение пучков стрел при покойнике — слева, часто вдоль бедра. Следовательно, колчан со стрелами воины носили, как правило, на левом боку. С правой стороны покойника стрелы встречаются значительно реже и обычно единицами. Достоверно можно говорить здесь о трех случаях — в Блюменфельдском кургане А 12 и дважды в кургане у с. Любимовка в группе Лапасина (погребения 1 и 5). Положение этих колчанов не могло быть случайным. Найденные здесь акинаки были пристегнуты на поясе спереди, ближе к левому боку погребенного (в Блюменфельдском кургане А 12) или у левого бедра (в погребении

²² В. В. Гольмстен. Могильник близ г. Уфы. М., 1914; В. Граков. Deux tombeaux..., p. 179, fig. 15; А. В. Збруева. История населения..., стр. 42, табл. VI, 8.

²³ А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919, p. 134, fig. 103, 4; p. 136, fig. 104, 8.

²⁴ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы»..., стр. 25, рис. 10, 9; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 53.

²⁵ В кургане 5 у станции Некрасовской, раскопки Н. И. Веселовского 1905 г., ГЭ.

²⁶ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы»..., стр. 23.

²⁷ G. Rawlinson. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World, t. II. London, 1871, p. 314; E. Bulaud. Bogen und Pfeil..., S. 43, Abb. 28.

нии 5 кургана 1 у с. Любимовка). Следовательно, савроматские воины, носившие меч с левой стороны, прикрепляли колчаны со стрелами на правом бедре по обычаю хорезмийцев.

К поясу или портупейному ремню колчаны прикреплялись металлическими крючками, которые найдены в ряде савроматских могил и всегда вместе с остатками колчанов или наконечниками стрел. Обычно они выкованы из довольно массивной железной пластины или стержня, способного выдерживать тяжесть наполненного стрелами колчана (рис. 10). Плохая сохранность железа не позволяет воспроизвести все формы этих крючков. Из более или менее сохранившихся крючков одни имеют вид массивного крючка, согнутого из круглого стержня (рис. 10, 9, 11), другие сделаны из прямоугольного стержня, иногда загнутого в виде восьмерки (рис. 10, 10, 12). Крючки такой формы, которые всеми исследователями связываются с колчанами, были найдены на широкой территории Урала, Сибири и Средней Азии. Они известны в Ананьинском могильнике²⁸, близ Семипалатинска²⁹, в Минусинской котловине и на Алтае, в памятниках саков Сыр-Дарьи (Кайрак-Кумы в Таджикистане)³⁰. В Скифии они встречаются значительно реже³¹.

Крючки с широкой, раскованной в верхней части пластиной, в которой пробито отверстие (рис. 10, 5, 13), также находят себе аналогии среди предметов ананьинской культуры. Такие крючки встречены в памятниках зоны активного общения савроматов с ананьинцами на Южном Урале (Уфимский могильник)³². Бронзовый крючок подобной формы найден на Алтае, в кургане IV в. до н. э. урочища Арагол³³.

Пластинчатые крючки с расширением в верхней части и заклепкой, лапкой или петлей на внутренней стороне (рис. 10, 1—4, 6—8) также употреблялись у савроматов, населения Среднего Дона и у ананьинцев Урала и Камы для привязки колчана или пристегивания пояса³⁴. Широкая часть бронзовых ананьинских крючков этого типа обычно покрыта рельефным, реже прорезным зооморфным орнаментом, изображающим голову хищника. Крючки с зооморфным орнаментом известны в курганах Среднего Дона (Частые и Мастюгинские курганы)³⁵.

Расширенная верхняя часть железного крючка с бронзовой петлей из Любимовского кургана (рис. 10, 7) также покрыта зооморфным орнаментом. В отличие от ананьинских и донских крючков здесь изображена голова хищной птицы, но детали головы не рельефны, а переданы путем инкрустации бронзовыми проволочками, которые изображают глаз, клюв и шею. Этот крючок по своей форме и плоскостной передаче орнамента ближе всего стоит к некоторым крючкам из Ананьинского могильника³⁶.

На савроматской территории мне известен лишь один литой бронзовый крючок с зооморфным орнаментом (случайная находка близ с. Кише в Калмыкии; рис. 10, 1). По форме и орнаменту этот крючок также может быть сопоставлен с некоторыми крючками ананьинской культуры, а особенно с теми из них, которые найдены в погребениях Воронежской области и Предкавказья. Конец этого крючка, изображающий ушастую голову грифона, аналогичен концам крючков из городища Грохань, Частых

²⁸ А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino..., p. 16, fig. 15; p. 157, fig. 114; А. В. Збруева. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 52.

²⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 299, табл. XXIX, 3.

³⁰ Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1956, табл. 3, 7.

³¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 126, табл. XIII, 3.

³² В. В. Гольмстен. Могильник близ г. Уфы; А. В. Збруева. История населения..., стр. 42, табл. VI, 5.

³³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 299, табл. XXIX, 15.

³⁴ J. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, t. II. Helsingfors, 1877, p. 470—473; А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino..., p. 150, fig. 113, p. 151, fig. 114, 8, 9; А. В. Збруева. История населения..., стр. 42, табл. VI, 9; стр. 78, табл. XVII, 3, 4, 15, 20; стр. 168, табл. XXXI, 1—6, 9.

³⁵ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы»..., стр. 25, рис. 10, 1, стр. 38, рис. 27, 1—3; А. В. Збруева. История населения..., стр. 168, табл. XXXI, 7—10.

³⁶ J. Aspelin. Op. cit., t. II, p. 114, fig. 473; А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino... p. 151, fig. 114, 9 (крючок также железный); его же. Études archéologiques sur la Russie orientale durant l'ancien âge du fer. ESA, VII, 1932, p. 23, fig. 32.

курганов и развеянного погребения урочища Бажиган Чечено-Ингушской АССР³⁷.

Савроматские воины во время стрельбы из лука, вероятно, надевали на руку предохранители от удара тетивы. Об этом говорит одна находка в кургане 15 у пос. Исакковского под Челябинском (Н. К. Минко, 1907 г.). На левой руке погребенного воина лежали две бронзовые пластинки с двумя и тремя выпуклинами в средней части и отверстиями по краям (рис. 9, 3, 4). Судя по положению у начал кисти руки, они были нашиты на рукав одежды. Подобные пластины были и у ананьинцев, хотя их назначение в Прикамье могло быть иным³⁸.

Подавляющее большинство наконечников стрел на савроматской территории отлито из бронзы; очень редко встречаются кованые железные, которые по своей форме, как правило, подражают бронзовым наконечникам. Еще реже встречаются костяные наконечники весьма архаических форм.

Классификация наконечников стрел, которые в могильном инвентаре представляют наиболее массовый материал, играет большую роль в датировке археологических комплексов, в вопросе выявления локальных вариантов культуры и даже может послужить определенным основанием для этногенетических построений. Хронологическая классификация наконечников стрел, найденных на территории Скифии и Северного Кавказа, создана в результате исследований П. Д. Рау, Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой³⁹. Работами первых двух исследователей положены основы такой же классификации для савроматских стрел. Однако савроматские стрелы изучены значительно

хуже, чем скифские. Кроме того, за последние десятилетия накопился новый материал по стрелам с территории Поволжья и Приуралья. Этот материал существенно дополняет классификацию П. Д. Рау и позволяет внести в нее ряд важных коррективов. Опираясь на опыт вышеназванных исследователей, я предлагаю в данной работе новую классификацию преимущественно бронзовых наконечников стрел Поволжья и Приуралья, используя старый и новый материал. Отмечу, что при классификации были учтены бронзовые стрелы не только савроматского времени, но и раннесарматского этапа (конец IV—II вв. до н. э.), в конце которого они совершенно исчезают из употребления у сарматов.

Б. Н. Граков справедливо отметил, что в причерноморских, поволжско-уральских и тургайских степях наблюдается при всей пестроте типов однообразие основных черт наконечников стрел и одинаковая последовательность их хронологической смены⁴⁰. Это обстоятельство позволяет нам, сопоставляя наконечники стрел Поволжья и Приуралья с бронзовыми стрелами Скифии и Кавказа, определить хронологию савроматских комплексов и четко выявить их своеобразие на фоне общего развития этого вида оружия. При сопоставлении савроматских стрел со скифскими, которые в большинстве случаев датируются надежно, удастся определить более или менее точно дату комплексов стрел из савроматских колчанов, но отнюдь не отдельных типов стрел, бытовавших на протяжении значительного времени.

Прежде, чем перейти к классификации и разбору эволюционных рядов отдельных типов стрел, остановимся и на вопросе их происхождения.

В эпоху бронзы на территории, занятой позднее савроматами, были обычны каменные (кремневые и кварцевые) и костяные наконечники стрел. Первые не оказали никакого влияния на формы савроматских стрел, за исключением одного случая для переходной эпохи, о чем будет сказано ниже. Костяные наконечники стрел, характерные для срубной и андроновской культур, напротив, сыграли значительную роль в формировании определенных типов «скифских» (в широком смысле) и особенно сав-

³⁷ А. В. Збруева. История населения..., стр. 168, табл. XXXI, 9; С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы»..., стр. 38, рис. 27, 1—3; Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 97, рис. 26, 18, 19.

³⁸ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. МАВГР, т. III, табл. 10, 6, 7; табл. II, 6; А. В. Збруева. История населения..., табл. XVII, 5, стр. 79.

³⁹ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Тр. секции археологии РАНИОН, т. V. М., 1930, стр. 70—90; P. Ra u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929 (далее — Ра u). А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов. Архив ИА, № 1011 (кандидатская диссертация. М., 1950).

⁴⁰ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел..., стр. 72.

роматских бронзовых наконечников. Прямую зависимость ряда скифо-савроматских наконечников от определенных костяных наконечников эпохи бронзы мы покажем при разборе отдельных типов бронзовых стрел.

В нашей классификации наконечники стрел подразделены на группы по форме насада, на отделы — по поперечному сечению головки стрелы и на типы — по форме головки и насада. Таким образом, выделяются две группы наконечников — втульчатые и черешковые, пять отделов — плоские (двухлопастные), трехлопастные, трехгранные, четырехгранные (или ромбовидные) и круглые, и большое количество различных типов и их вариантов в каждом отделе.

Наиболее ранние из бронзовых наконечников стрел Поволжья и Приуралья, которые мы датируем VII в. до н. э. на основании сопоставления с комплексами других областей, относятся к типам, общим для огромной территории распространения так называемых «скифских» наконечников стрел. Но уже в VI в. до н. э. выделяются две обширные области, в наборах стрел которых хорошо заметны локальные различия: это, во-первых, территория Нижнего Поволжья (к югу от Самарской Луки) и, во-вторых, Самаро-Уральская область.

А. ВТУЛЬЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Большинство бронзовых наконечников стрел относится к группе втульчатых. В нашей отечественной и зарубежной литературе сложилось единое мнение, что так называемые «скифские» наконечники стрел впервые появились в обширной степной и лесостепной области СССР. Хотя их появление нельзя связывать только со скифами, но последним принадлежит ведущая роль в распространении этих стрел на Переднем Востоке вплоть до Египта⁴¹.

В раннюю группу мы можем включить, вслед за П. Д. Рау, бронзовые наконечники стрел, происходящие, к сожалению, только

из случайных находок или сборов на дюнах (табл. I, Б; рис. 11). В целом вся эта серия типологически соответствует тем комплексам находок на других территориях, которые датируются в большинстве случаев первой половиной VII в. до н. э., т. е. временем до окончательного сложения скифской и савроматской археологических культур. Важнейшие из этих находок — стрелы из первого погребения кургана 2 у с. Ендже⁴², кургана 2 у Малой Цимбалки⁴³, кургана 5 у станицы Некрасовской⁴⁴, кургана 376 у с. Константиновка⁴⁵, литейная форма Новочеркасского клада⁴⁶, стрелы из кургана у станицы Чернышевской⁴⁷ и с горы Бештау⁴⁸.

I. Наиболее ранние металлические наконечники стрел нашей территории принадлежат к отделу плоских или двухлопастных с хорошо выраженной втулкой, идущей через всю головку стрелы (табл. I, А). Теперь можно считать доказанным, что двухлопастные стрелы «скифского» типа произошли от бронзовых втульчатых наконечников стрел эпохи бронзы той же территории.

Уже в эпоху бронзы в Поволжье и Казахстане в памятниках срубной, андроновской и карасукской культур появляются бронзовые наконечники стрел, среди которых преобладают втульчатые различных типов (табл. I, А). Все они сделаны по образцам одновременно существовавших бронзовых наконечников копий.

⁴² Р. Попов. Могилить гробове при с. Ендже. ИБАИ, т. VI, 1930—1931. София, 1932, стр. 101, рис. 88; стр. 102, рис. 89.

⁴³ П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 160, табл. I, 8—15.

⁴⁴ Рау, Taf. XIV, 2; А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 120, рис. 8.

⁴⁵ А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 г. ИАК, вып. 4, 1902, стр. 33.

⁴⁶ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 108, рис. 29.

⁴⁷ Тр. VIII АС, т. IV, табл. 83, 17; Х. И. Попов. Каталог Донского музея, стр. 45, № 645, 646, табл. VII, 26, 29, стр. 70, 71, № 971—1032; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 65, 67, рис. 10.

⁴⁸ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 108; его же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э., стр. 125, рис. 14.

⁴¹ Н. Bonnet. Die Waffen der Völker des Alten Orients. Leipzig, 1926; E. Bulanda. Bogen und Pfeil...; Flinders Petrie. Tools and Weapons. London, 1917, p. 34; его же. Gerar. London, 1928, p. 15; R. Ghirshman. Fouilles de Nadi-Ali dans le Seistan Afghan. Revue des arts asiatique, t. XIII, Nr. I. Paris, 1939.

1. Тип наконечника стрелы с овальной или лавролистной головкой и выступающей наружу втулкой считается наиболее древним (табл. I). Варианты этого типа различаются по большей или меньшей ширине головки, по длине втулки, наконеч, по наличию или отсутствию крючка-шипа на боку втулки. Эта форма восходит, как считает П. Д. Рау, к евразийскому копыю сейминского типа⁴⁹ или приближающимся к нему образцам копий из Восточной Европы (Украины⁵⁰, Дона⁵¹, Северного Кавказа⁵², Нижнего Поволжья⁵³, Южного Приуралья⁵⁴) и Сибири⁵⁵ второй половины II и начала I тысячелетия до н. э.

⁴⁹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет ГИМ за 1914 г. М., 1915, стр. 199, рис. 46, стр. 201, рис. 47, 48; О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад, М., 1949, табл. I, II; M. Gimbutas. Borodino, Seima and their contemporaries. Proceedings of the Prehistoric Society, v. XXII, 1956, p. 152, fig. 8; p. 160, pl. XII, 10, 11; p. 168, fig. 24, 3, 4; ESA, VI, 1931, S. 179, Abb. 6; A. M. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, 1926, p. 135, fig. 76, 6.

⁵⁰ ДП, вып. I, табл. XI, 37; В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Тр. секции археологии РАНИОН, т. II. М., 1928, стр. 58, рис. 34; A. M. Tallgren. La Pontide préscythique..., p. 197, fig. 108, 2, 4, 10; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 134, рис. 30, 18—21, 24, 26.

⁵¹ A. M. Tallgren. La Pontide préscythique..., p. 197, fig. 108, 1.

⁵² ОАК за 1895 г., стр. 129, рис. 298, 299; А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 200, табл. V, 6; его же. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА, № 23, 1951, стр. 112, рис. 49, стр. 113, рис. 50; Н. М. Егоров. Боргустанский клад 1941 года. СА, XV, 1951, стр. 293; Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 137, рис. 49; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 126, рис. 33, 7, 8.

⁵³ P. Rykov. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga. ESA, I, 1927, S. 75, Abb. 19, S. 77, Abb. 20, 1; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 61, рис. 14, 9; M. Gimbutas. Borodino, Seima and their contemporaries, p. 166, fig. 21, 1, 7.

⁵⁴ А. А. Формозов. Археологические памятники в районе Орска. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 120, рис. 32.

⁵⁵ J. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, t. II, 1877, p. 61, fig. 249, 251; A. M. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, pl. VII, 10; M. Gimbutas. Borodino, Seima and their contemporaries, p. 157, fig. 13, 8.

Б. А. Куфтин отнесся с сомнением к гипотезе П. Д. Рау относительно генезиса древнейших втульчатых лавролистных стрел «скифского» типа на том основании, что стрелы этого типа обнаружены на Переднем Востоке в слоях конца II тысячелетия до н. э.⁵⁶ Действительно, в зарубежной литературе появление этих стрел на Переднем Востоке относится ко времени еще до мидийских и скифских войн. Так, например, Флиндерс Петри датирует ранние втульчатые наконечники стрел лавролистного типа из Гера (район Газы) X в. до н. э., хотя и признает специально евразийскими большинство втульчатых стрел этого комплекса, особенно шипастых, типичных, как он считает, для Центральной Азии, Сибири, Каспия и Прикарья⁵⁷. Приблизительно так же датирует появление в Анатолии лавролистных втульчатых стрел Э. Шмидт (V слой Алишарского холма)⁵⁸. Однако этот слой датируется широко — фригийско-мидо-ахеменидским временем. С другой стороны, втульчатых стрел описываемого типа нет в некрополе Б Сялка (Персия), который датируется X—VIII вв. до н. э. Там господствуют плоские черешковые стрелы⁵⁹. Но даже если такие стрелы действительно появились на Переднем Востоке не позднее X в. до н. э., это не опровергает выдвинутой нами точки зрения о появлении стрел данного типа в евразийских степях независимо от образцов Переднего Востока и даже раньше их или параллельно им. Втульчатые лавролистные и ланцетовидные стрелы известны в комплексах срубной культуры Поволжья⁶⁰, особенно андроновской культуры Казахстана, с начального этапа ее развития⁶¹, в слое

⁵⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 43.

⁵⁷ Flinders Petrie. Gerar, p. 15, 16, pl. XXIII, 30, XXIX.

⁵⁸ E. Schmidt. Anatolia throughout the Ages. Discoveries at the Alishar mound 1927—1929. Oriental Institute Communications, Nr. 11. Chicago, 1931, p. 138, fig. 166, 196.

⁵⁹ R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937, t. II. Paris, 1939.

⁶⁰ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 120, рис. 14, 14.

⁶¹ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, т. 5, археология. Алма-Ата, 1958, стр. 216 и сл., табл. IV, 17; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1948, стр.

эпохи поздней бронзы Вуадилля (Фергана)⁶² на Верхнем Узбое⁶³ и на Омской стоянке в Западной Сибири⁶⁴. В целом дата этих памятников охватывает время от середины II тысячелетия до н. э. по VIII в. до н. э.

В ту же группу ранних бронзовых стрел нашей территории входят донские и кубанские находки, представленные стрелами из станиц Чернышевской и Некрасовской и литейной формой Новочеркасского клада. Однако они, если принять дату, предложенную А. А. Иессеном — VIII в. до н. э.⁶⁵, не являются самыми древними среди бронзовых стрел территории СССР.

Лавролистные втульчатые стрелы, характерные для VIII—VI вв. до н. э. для всей территории Евразии, известны в Поволжье главным образом среди находок на дюнах, т. е. на временных стоянках ранних кочевников (рис. 11, 12; табл. I, Б, В). В небольшом количестве они найдены в погребениях конца VI и V вв. до н. э. как в Поволжье, так и в Самаро-Уральской области (рис. 12; 14, А 1, Б 1; 15, А 3, 4, Б 1; 16 А, 2; 19 А, 2, 21 А 1; 28; табл. I, В, Г). Все варианты этого типа хорошо известны в Скифии. Только один уральский экземпляр в погребении рубежа VI и V вв. до н. э. у с. Сара несколько своеобразен. Он имеет широкую головку с узким ромбическим нервюром, представляющим продолжение втулки (рис. 21 А, 1). Облик этого наконечника весьма архаичен; он очень похож на бронзовый наконечник стрелы, найденный на поселении поздней бронзы в районе г. Степняка (Северный Казахстан)⁶⁶. Отдельные подобные экземпляры наконечников,

датируемые карасуко-тагарским временем, найдены в Минусинской котловине⁶⁷.

Лавролистные стрелы этого варианта встречаются редко и только в восточной части Евразии — от Южного Урала до Минусинска. Они появились, вероятно, не без влияния листовидных черешковых и втульчатых стрел с нервюром, широко распространенных на Переднем Востоке в конце эпохи бронзы и в мидо-ахеменидское время⁶⁸; в то же время они были известны и в Средней Азии, например, в дельте Мургаба⁶⁹, в Семиречье⁷⁰ и в Хорезме (на поселениях амирабадской культуры).

Флиндерс Петри отмечал, что в Египте втульчатые стрелы с широкой листовидной головкой с нервюром появились только после скифского вторжения⁷¹. В Мидии и ахеменидской Персии, напротив, они были довольно обычны⁷². В частности, они хорошо представлены в ахеменидском Персеполе⁷³. Таким образом, экземпляр из с. Сара, отличаясь от лавролистных стрел Скифии и Кавказа, входит в группу плоских втульчатых стрел обширной восточной области, в том числе и ахеменидской Персии.

Почти все известные мне савроматские стрелы типа 1 — бронзовые. Лишь один наконечник, найденный в комплексе, датированном П. Д. Рау второй половины VI в. до н. э. (с. Норка, курган 4, погребение 1, рис. 14, В, 1), выкован из железа. Такие железные стрелы, как отмечает Б. Н. Граков, довольно часто встречаются в Скифии в VI в. до н. э., а потом совсем исчезают⁷⁴.

⁶⁷ F. R. Martin. *L'âge du bronze au Musée de Minousinsk*. Stockholm, 1893 (далее — Martin), pl. 26, 31.

⁶⁸ R. Ghirshman. *Fouilles de Tepe-Sialk...*, pl. LXXV; L. Woolley. *Carchemish, t. II. The Town Defences*. London, 1921, p. 81, fig. 20; E. Schmidt. *The Treasury at Persepolis and the other discoveries in the Homeland of the Achaemenians*. Chicago, 1939, p. 47, fig. 28; его же. *Persepolis*, v. II, pl. 76.

⁶⁹ В. М. Массон. *Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба*. КСИИМК, 64, 1956, стр. 64, рис. 24.

⁷⁰ МИА, № 14, 1950, табл. XLI, 1—10; А. Н. Бернштам. *Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня*. СА, XI, 1949, стр. 348, таблица-вклейка, 21 и 65.

⁷¹ Flinders Petrie. *Tools and Weapons*, pl. XLII, 212—215, 237—238; pl. XLI, 41—44; его же. *Tanis*, v. II, London, 1883, pl. XXXIX; E. Buland. *Bogen und Pfeil...*, S. 12, Abb. 10.

⁷² E. Buland. *Bogen und Pfeil...*, S. 44, Abb. 29.

⁷³ E. Schmidt. *Persepolis*, v. II, pl. 76, 19.

⁷⁴ Б. Н. Граков. *Каменское городище...*, стр. 131.

108, рис. 33, 1, 2; С. С. Черников. *Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1947 г.* Изв. АН Казахской ССР, № 67, серия археологическая, вып. 2, 1950, стр. 52, рис. 15, 3; его же. *О работах Восточно-Казахстанской экспедиции (1952 г.)*. КСИИМК, 64, 1956, стр. 43—60; его же. *Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане*. КСИИМК, 53, 1954, стр. 47, рис. 23, 6, 7.

⁶² Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. *Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины*. СА, 1957, № 3, стр. 133, рис. 4.

⁶³ М. А. Итина. *Памятники первобытной культуры Верхнего Узоя*. Тр. Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 301, рис. 12.

⁶⁴ Н. Л. Членова. *О культурах бронзового века лесостепной зоны Западной Сибири*. СА, XXIII, 1955, стр. 41, рис. 3, 6—8.

⁶⁵ А. А. Иессен. *К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э.*, стр. 67, рис. 10, стр. 108, рис. 29.

⁶⁶ С. С. Черников. *Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане*, стр. 47, рис. 23, 6.

Типологические различия среди бронзовых втульчатых копий Евразии, легших в основу бронзовых наконечников стрел, определили более или менее одновременное возникновение на нашей территории различных типов двухлопастных втульчатых стрел.

2. Второй, выделяемый нами тип, в который включены лавролистные стрелы с обрезанной втулкой, как и первый, не моложе V в. до н. э. (табл. I). Эти стрелы возникли еще в эпоху бронзы из соответствующей формы бронзового наконечника копья, представленного, например, находкой из г. Цурюпинска или из с. Обуховка Херсонской области⁷⁵. Такие копия известны и в Южной Сибири⁷⁶. Все стрелы этого типа, относящиеся к концу эпохи бронзы (табл. I, A 12—15), найдены на территории срубной и андроновской культур — от Самарской Луки до Ферганской долины и Восточного Казахстана⁷⁷. Форма наконечников этого типа довольно редка. Они встречаются в раннеархаических погребениях Скифии и Северного Кавказа⁷⁸, в памятниках VII—VI вв. до н. э. Южной Сибири⁷⁹ и Средней Азии⁸⁰. Вместе с другими скифскими стрелами ранних форм они попадают на Передний Восток⁸¹. Ни в одной из этих областей,

включая и территорию савроматов, этот архаический тип стрел не получил широкого развития и к V в. до н. э. исчез повсюду.

3. Наконечники стрел с узкой ланцетовидной головкой и выступающей втулкой (табл. I), редкие на территории савроматов, также восходят к копиям эпохи бронзы. Население срубной культуры степного Поволжья и андроновцы Казахстана уже хорошо знали бронзовые стрелы этого типа. Показательна находка бронзового втульчатого наконечника стрелы с узкими лопастями и четырехгранной в сечении втулкой, обнаруженного на поселении срубной культуры у с. Осиновый Гай на р. Большой Узень Саратовской области (табл. I, A 16). Идентичны поволжской стреле бронзовые наконечники, найденные на Алексеевском поселении на Тоболе⁸², на андроновском поселении у дер. Малая Красноярка в Восточном Казахстане⁸³ и в погребении карасукского этапа у с. Дындыбай в Центральном Казахстане⁸⁴ (табл. I, A 17—19). Стрелы описываемого типа, сложившегося в восточных областях Евразии, почти неизвестны в Скифии, но встречаются в памятниках раннескифского времени Северного Кавказа⁸⁵, в том числе в степных районах северо-восточного Кавказа⁸⁶, исторически тесно связанных с савроматами Поволжья. Известны они и в Южной Сибири⁸⁷ и в Казахстане⁸⁸. Втульчатые стрелы ланцетовидного типа встречаются и на Переднем Востоке. Флиндерс Петри, публикуя бронзовые наконечники стрел из Герара, отметил узкую ланцетовидную форму (№ 11), которую он сравнивает только с минусинскими стрелами и относит к «азиатской» группе стрел, значительно шире

⁷⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 139, рис. 34, 19, 29—30; А. М. Tallgren. La Pontide préscythique..., p. 197, fig. 108, 3.

⁷⁶ В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 34—35, табл. VIII, 22.

⁷⁷ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 120, рис. 14, 14; С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане, стр. 47, рис. 23, 7; его же. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции (1952 г.), стр. 51, рис. 49, 2; Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины, стр. 133, рис. 4.

⁷⁸ С. Рыжановка, курган 5, раскопки Д. Я. Самоковцова, ГИМ; с. Великие Будки, курган 478, раскопки Н. Е. Бранденбурга, ГЭ; с. Лозовая, раскопки Д. Я. Самоковцова, ГИМ; станица Усть-Лабинская, раскопки Н. И. Веселовского, 1903 г., ГИМ.

⁷⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 253, табл. XXVI, 5; Martin, pl. 26, 1, 29; И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I. Томск, 1908, табл. II, 9, 10, 13; J. Aspelin. Op. cit., t. I, p. 62, № 255.

⁸⁰ В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 421, рис. 36.

⁸¹ R. Koldewey. Das wieder erstehende Babylon. Berlin—Leipzig, 1913, S. 256, Abb. 184.

⁸² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 108, рис. 33, 1.

⁸³ С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции (1952 г.), стр. 51, рис. 19, 2.

⁸⁴ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., стр. 134, рис. 3.

⁸⁵ Станица Келермеская, курган 1, раскопки Шульца, ГЭ; станица Усть-Лабинская, раскопки Н. И. Веселовского 1903 г.

⁸⁶ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, 55, 1954, стр. 104, рис. 42, 10, 13.

⁸⁷ G. Merhart. Bronzezeit am Yenissei. Wien, 1926, S. 32, Taf. III, 15; Martin, pl. 26; И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. II, 24.

⁸⁸ ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, стр. 228, рис. 6.

распространенной в Азии, чем в Европе⁸⁹. И действительно, как нас убеждают находки конца эпохи бронзы, родиной этого типа стрел были степи Заволжья и Казахстана, может быть также — Южной Сибири.

На территории савроматов стрелы двух наиболее поздних вариантов этого типа найдены в ярком комплексе начала V в. до н. э. из кургана, раскопанного в 1927 г. в Соболевской волости (рис. 19 Б, 51, 53).

4. Наконечники стрел с трапециевидной головкой и выступающей втулкой — ранний и редкий тип у савроматов VII—VI вв. до н. э. (табл. I). Лишь один из таких наконечников найден в комплексе стрел второй половины VI в. до н. э. (с. Луговое — бывшее Визенмиллер, — курган III, 3, раскопки П. С. Рыкова 1925 г.; рис. 13, А I). Остальные наконечники этого типа происходят из случайных находок и могут быть отнесены к раннему времени только типологически (рис. 11, В 4). Среди втульчатых лавролистных стрел Минусинской котловины имеются экземпляры, приближающиеся по форме головки к наконечникам стрел этого типа (табл. I, А 21). Крупные экземпляры минусинских наконечников Н. Л. Членова относит к переходному карасуко-тагарскому времени (VIII—VII вв. до н. э.); остальные — к тагарскому времени⁹⁰. Такие наконечники стрел известны в Монголии⁹¹; изредка встречаются в Северном Причерноморье, в частности в Ольвийском некрополе конца VI в. до н. э.⁹² Стрелы этого типа происходят от длинновтульчатых плоских стрел с трапециевидной головкой, которые найдены, например, в Прикубанье в погребении конца эпохи бронзы из станицы Некрасовской Краснодарского края (курган 5, раскопки Н. И. Веселовского 1905 г.)⁹³. Восточнее эти стрелы представлены ранними минусинскими экземплярами.

5. Наряду с первым (лавролистным) типом двухлопастных наконечников стрел ши-

роко были распространены также двухлопастные стрелы с ромбовидной головкой и выступающей втулкой, представленные двумя вариантами: А) с асимметричной головкой и Б) с симметрично-ромбовидной головкой (табл. I). Подавляющее большинство их происходит из случайных находок на стоянках степного Поволжья (рис. 11, 12). Бронзовые копья, послужившие прототипом для первого, наиболее раннего варианта наконечников стрел этого типа, были известны в конце эпохи бронзы в Северном Причерноморье⁹⁴. Стрелы с ромбической головкой имеются среди нижнедонских стрел VIII в. до н. э.⁹⁵ Подобные же ранние формы появились в конце карасукской эпохи в Минусинской котловине.

Лавролистные и ромбовидные стрелы были основными видами наконечников для всего VII и отчасти VI в. до н. э. в Скифии, у савроматов и повсюду, где встречаются «скифские» наконечники стрел. Как в Северном Причерноморье, так и в Поволжье в погребальных комплексах V в. до н. э. стрелы этого типа во втором варианте встречаются очень редко; вероятно, они попадали сюда случайно (рис. 16 А, I).

В это время таких стрел уже не изготовляли, и в колчан воинов V в. до н. э. они могли попасть только, если их находили на земле или в более древних могилах, случайно разрытых или ограбленных в те времена. П. Д. Рау называл этот тип стрел «доскифским», так как подобные наконечники распространились на большой территории еще до сложения скифской археологической культуры. Ярko подтверждают это мнение такие выразительные комплексы первой половины VII в. до н. э., как погребение в кургане II у с. Ендже в Северной Болгарии, где преобладают стрелы варианта А⁹⁶, и погребение в Малой Цимбалке в Нижнем Приднепровье, где найдены стрелы варианта Б⁹⁷. Справедливо и другое

⁸⁹ Flinders Petrie. *Gerar*, p. 15 и pl. XXIX, II.

⁹⁰ В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, стр. 32—35, табл. VIII, 26.

⁹¹ С. В. Киселев. Монголия в древности. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947, стр. 364, рис. 3.

⁹² Рау, Taf. IV, 1 E.

⁹³ Рау, Taf. XIV, 2 M.

⁹⁴ A. M. Tallgren. *La Pontide préscythique...*, p. 197, fig. 108, 7; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 134, рис. 30, 8.

⁹⁵ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 67, рис. 10.

⁹⁶ Р. Попов. Могилище гробовое при с. Ендже, стр. 102, рис. 89; стр. 103, рис. 90, Б, В, Г.

⁹⁷ П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени, стр. 160, табл. I; Рау, Taf. XIV, 2 C, D, E.

утверждение П. Д. Рау, что асимметрично-ромбовидные стрелы широко употреблялись только в VII в. до н. э., к концу этого столетия они вышли из употребления.

6. Производными от стрел типов 1 и 5 являются наконечники с овальной или овально-ромбической головкой, короткой втулкой и шипом, образованным острым продолжением одной из лопастей (табл. I). В савроматских памятниках они представлены лишь двумя экземплярами, один из которых найден на р. Ахтубинке в Астраханской области (рис. 12, В 1), другой — в погребении у хут. Черниговского в Южном Приуралье (рис. 15, А 1), где обнаружен выразительный для этой области набор стрел VI в. до н. э. В Северном Причерноморье стрелы этого типа встречаются редко. Наиболее ранняя надежная дата наконечников типа 6 на юге Восточной Европы устанавливается по находкам стрел в известном архаическом погребении рубежа VII—VI вв. в Цукурском лимане⁹⁸ и в кургане 38 конца VII в. до н. э. у Гуляй-Города в районе Смелы⁹⁹. Поздняя их дата по находкам в кургане «Старшая могила» в Посулье определяется временем не позднее первой половины VI в. до н. э.¹⁰⁰ В восточных областях Евразии этот тип представлен лучше. Укажем находки в Восточном Казахстане, например, на дюнах близ Семипалатинска¹⁰¹, в Южной Сибири, в частности — на Алтае¹⁰², в Монголии¹⁰³. Стрелы лавролистного варианта этого типа, известного у нас по находке на Ахтубинке (рис. 12, В 1), найдены в Центральном Казахстане в одном из погребений могильника Бегазы предскифско-

го времени¹⁰⁴. Близок им и бронзовый наконечник с лавролистной головкой из погребения у озера Кизыл-Куля в Минусинской котловине (курган 1, погребение 1, из раскопок А. В. Адрианова 1895 г.), найденный вместе с набором архаических костяных наконечников. Думаю, что П. Д. Рау был прав, считая этот комплекс хронологически близким кургану у станции Лебяжьей¹⁰⁵. Во всяком случае он относится ко времени не позднее VII в. до н. э. Возможно, что этот тип и возник в восточных степях Евразии еще в позднекарасукское время.

7. Наконечники стрел с крышевидной (башневидной) головкой с острыми шипами и выступающей втулкой представлены двумя экземплярами, происходящими из случайных находок с Нижней Волги (табл. I). Условно, учитывая архаический облик этих стрел, восходящий к наконечникам копий и редких стрел эпохи бронзы, например, из поселения у Малой Красноярки на Иртыше (табл. I, А 28), их можно отнести к VII в. до н. э. В составе Красноярецкого клада VIII в. до н. э. имеется литейная форма для копья¹⁰⁶, контуры которого напоминают контуры узкого наконечника стрелы данного типа из Саратовской области (рис. 12, Д 1). Другой вариант (рис. 12, Е) почти тождествен наконечнику из кургана Малая Цимбалка¹⁰⁷. В скифских погребениях Северного Причерноморья конца VII в. до н. э. стрелы типа 7 не найдены, нет их и на других территориях распространения «скифских» стрел. Эта форма не получила особого развития в скифскую эпоху.

8. Наконечники стрел со сводчатой шипастой головкой и выступающей втулкой на савроматской территории редки и относятся к VI—V вв. до н. э. (табл. I). В Скифии они встречаются еще реже, преимущественно в погребальных комплексах VI в. до н. э. Так, например, один экземпляр найден в колчане из кургана 478 у с. Великие Будки. Отдельные эк-

⁹⁸ Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, стр. 56, рис. 17; Рау, Таб. II, I, А, В, С.

⁹⁹ Смела, т. I, табл. IV.

¹⁰⁰ В. А. Іллінська. Курган Старша могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. Археологія, т. V. Київ, 1951, стр. 196—212, табл. II, 18—20.

¹⁰¹ ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, стр. 228, рис. 6.

¹⁰² J. Aspelin. Op. cit., t. I, p. 62, № 257; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, табл. XVIII, 4; табл. XXI, 25; его же. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 12, рис. 5, 11.

¹⁰³ С. В. Киселев. Монголия в древности, стр. 364, рис. 3.

¹⁰⁴ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы, стр. 132, рис. 42, 2; М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., стр. 155, рис. 16, 3.

¹⁰⁵ Рау, Таб. XVII, 3 D.

¹⁰⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 134, рис. 30, 7.

¹⁰⁷ П. Д. Либеров. Хронология..., табл. I, 13; Рау, Таб. XIV, 2 A.

земляры, похожие, но далеко не тождественные савроматскому варианту (рис. 12, Д 2; 15, В 1; табл. I, В 18, 19), найдены в Старшей могиле¹⁰⁸ и в кургане у с. Глинище Зеньковского района Харьковской области¹⁰⁹. Наконечник этого варианта, более всего похожий на стрелу из бывшего с. Делер Саратовской области (рис. 12, Д 2), найден в комплексе, который Б. З. Рабиновичем датирован временем не позднее конца VI в. до н. э. Следует думать, что савроматские стрелы данного типа были восточного происхождения. Во всяком случае, именно в Минусинской котловине¹¹⁰ и Монголии¹¹¹, в сакских погребениях Восточного Памира (Тамдинский могильник, курган 10)¹¹² и в древнем Хорезме (такры у крепости Беркут-кала)¹¹³ мы находим наконечники стрел, тождественные савроматским экземплярам (табл. I, В 18, 19, Г 7, 8), только без отверстий на лопастях. Стрелы из Мечетсайского кургана на Илеке уникальны благодаря своим отверстиям на лопастях (рис. 23, А, 1, 2). Эти отверстия, сделанные, скорее всего, для того, чтобы во время полета стрелы раздавался свист, ведут свое происхождение, очевидно, от отверстий на прорезных копьях, появившихся в конце эпохи бронзы у населения позднесрубной и андроновской культур. Хронологически наиболее близкими являются копья с прорезами из погребений ананьинской культуры.

Среди наконечников копий и стрел эпохи бронзы Евразии нет экземпляров, которые могли послужить прямым прототипом стрел для данного типа. Лишь черешковые стрелы срубной и андроновской культур, сделанные из бронзы или кости, имеют сводчатые узкие или широкие головки, оканчиваю-

щиеся внизу шипами¹¹⁴. Среди них по своим контурам ближе всего стоит к савроматским вариантам бронзовый наконечник стрелы из андроновского погребения федоровского этапа у с. Канай на р. Иртыше в Восточном Казахстане (табл. I, А 29)¹¹⁵. Он подражает, как и костяной наконечник из кургана у станции Лебяжьей¹¹⁶, каменным стрелам с короткими черешками сейминской, срубной и андроновской культур. В восточных районах Евразии, как и на Переднем Востоке, к началу железного века широко распространились черешковые стрелы со сводчатыми шипастыми головками. Вероятно, описываемый тип втульчатой стрелы был изобретен в то же время и в той же восточноевразийской среде.

9. В колчанах из половецких погребений конца VI—V вв. до н. э. имеются два экземпляра наконечников со сводчатой головкой без шипов и выступающей втулкой (табл. I, Г). Этот довольно редкий тип двухлопастной стрелы известен в погребениях Скифии VI—начала V в. до н. э., в Прикамье (Ананьинский могильник)¹¹⁷, Сибири¹¹⁸ и Средней Азии¹¹⁹.

10. Среди наконечников, относящихся к отделу плоских, имеется небольшая серия базисных стрел со сводчатой головкой. В савроматских памятниках Поволжья найден, кажется, лишь один экземпляр этого типа со срезанными под тупым углом лопастями (табл. I, В, 20; рис. 13, А 2). Он входит в состав комплекса стрел второй половины VI в. до н. э. Тождественные и близкие экземпляры встречаются в Скифии и на Северном Кавказе в погребениях VI и начала V в. до н. э., а также в Южной Сибири¹²⁰.

¹⁰⁸ В. А. Іллінська. Курган Старша могила..., стр. 201, табл. II, 2, 3.

¹⁰⁹ Б. З. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. СА, I, 1936, стр. 85, рис. 2, г.

¹¹⁰ Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея, атлас. Томск, 1886, табл. VII, 16; Martin, pl. 26, 33.

¹¹¹ С. В. Киселев. Монголия в древности, стр. 364, рис. 73.

¹¹² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 309, рис. 135, 11, 12.

¹¹³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 129, рис. 73.

¹¹⁴ P. Rykov. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit..., S. 83, Abb. 25; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, рис. 49, 5; С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции (1952 г.), стр. 54, рис. 21, 2.

¹¹⁵ С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции (1952 г.), стр. 54, рис. 21, 2.

¹¹⁶ Rau, Taf. XVII, 1 D.

¹¹⁷ А. В. Збруева. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 7.

¹¹⁸ Martin, pl. 26, 15.

¹¹⁹ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» (составлены под руководством А. Н. Бернштама). МИА, № 14, 1950, табл. XLI, 11.

¹²⁰ И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. I, 14.

Стрелы двух последних типов, редко встречаясь на территории Евразии вообще, более характерны все же для юга Восточной Европы (Скифии и Северного Кавказа), чем для восточных областей.

Они не имеют прототипов в материалах конца бронзового века и, по-видимому, их следует рассматривать как результат развития архаических лавролистных наконечников стрел.

II. Наконечники стрел, относящиеся к типу трехлопастных, наиболее многочисленны как в Скифии, так и у савроматов. Для Поволжья и Южного Приуралья я выделяю 13 типов. Многие из них включают ряд разновидностей весьма явного локального характера (табл. II и III).

1. Наконечники стрел с лавролистной в плане головкой и выступающей втулкой (табл. II), как в свое время отметил П. Д. Рау¹²¹, очень типичны в серии архаических стрел Скифии и Прикубанских степей конца VII—VI вв. до н. э. В этих районах они изредка встречаются почти в неизменном виде и в первой половине V в. до н. э. П. Д. Рау называл их типично скифскими («сколотскими») стрелами. Вместе с плоскими лавролистными и ромбическими наконечниками они встречены в Закавказье¹²², в странах Переднего Востока — там, где найдены в значительном количестве евразийские архаические стрелы: в Египте¹²³, в южной Палестине (Герар)¹²⁴, Вавилоне¹²⁵, Кархемеше¹²⁶ и городах Ассирии (Ашуре и Ниневии)¹²⁷. Исследователи этих городов относят находки стрел к слоям второй полови-

ны VII—VI вв. до н. э. Для установления более точной даты показательны находки «скифских» стрел, в том числе и стрел данного типа, и литейных форм для них в позднехеттском городе Кархемеше, в слое, относящемся к периоду разрушения города Небухаднессаром в 604 г. до н. э.¹²⁸ Стрелы этого типа в Северном Причерноморье найдены в самых архаических скифских погребениях, которые также датируются концом VII в. до н. э.

Следует отметить, что этот тип стрелы был известен не только скифам и их непосредственным соседям в Причерноморье и на Кавказе, но и иранскому населению древней Персии и Афганистана. Э. Буланда считал его характерным для мидийской и древнеперсидской группы бронзовых стрел¹²⁹. Трехлопастные стрелы типа I были найдены Р. Гиршманом в слоях начала I тысячелетия до н. э. на тепе Сорх-Даг близ Нади-Али в Афганистане¹³⁰. Много стрел и дротиков этого типа найдено в сокровищнице Персеполя, в составе вооружения ахеменидских персов¹³¹. Э. Шмидт прямо отмечает, что эти трехлопастные стрелы (и дротики) представляют наиболее распространенный вид ахеменидско-персидского оружия¹³². Следовательно, стрелы типа I в такой же степени были персидскими, как и скифскими. Более того, вероятно, они широко распространились в Скифии благодаря контакту скифов с мидянами и персами, так как на территории Скифии и в более восточных районах Евразии нет убедительных прототипов этих стрел, в то время как для большинства типов, как мы показали выше, они имеются. У ахеменидских воинов были не только трехлопастные стрелы, но и дротики. Находки этих стрел в Нади-Али, в слоях, которые Р. Гиршман склонен отно-

¹²¹ Рау, S. 13 и сл.

¹²² J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, t. I—II, 1889, p. 100, fig. 58; Fr. Bayern. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasus. Berlin, 1885, S. 35, Taf. VII, 4; С. И. Макалатия. Раскопки Двинского могильника. СА, XI, 1949, стр. 228, рис. 5; Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 301, рис. 93; его же. Кармир Блур, т. I. Ереван, 1950, стр. 86, рис. 55; J. de Morgan. La Préhistoire Orientale, t. III. Paris, 1927, p. 291, fig. 284.

¹²³ Flinders Petrie. Tools and Weapons, pl. XLII.

¹²⁴ Flinders Petrie. Gerar, pl. XXIX, 5, 17.

¹²⁵ R. Koldewey. Das wieder erstehende Babylon, S. 256, Abb. 184.

¹²⁶ L. Woolley. Carchemish, t. II, pl. 22 и 23; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 44, рис. 41.

¹²⁷ G. Rawlinson. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World, t. III. London, 1871,

p. 454; A. Andrae. Festungswerke von Assur. Leipzig, 1912, S. 143; H. Bonnet. Die Waffen der Völker des alten Orients, S. 1956, Abb. 73; Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 301, рис. 93, E.

¹²⁸ L. Woolley. Carchemish, t. II, p. 125.

¹²⁹ E. Bulanda. Bogen und Pfeil..., S. 44, Abb. 29.

¹³⁰ R. Ghirshman. Fouilles de Nadi-Ali dans le Seistan Afghan. Revue des Artes Asiatiques, t. XIII, Nr. 1. Paris, 1939, p. 17, pl. III, 12, 14, 25, p. 21, pl. V, 41, 42.

¹³¹ E. Schmidt. Persepolis, v. II, pl. 76, 2, 7, 8.

¹³² Ibid., p. 99.

силь не только к раннеахеменидскому, но и к немного более раннему времени (VIII в. до н. э.)¹³³, могут послужить указанием на довольно раннее появление их на юго-востоке древнеиранского мира.

П. Д. Рау отмечал, что находки стрел типа 1 на Волге единичны, а в более восточных областях, в том числе в Сибири, их совсем нет¹³⁴. Последнее замечание не вполне верно. Подобные стрелы, хотя и редко, но все же встречаются у ананьинцев Прикамья¹³⁵, а также в Южной Сибири¹³⁶ и областях Средней Азии, некогда входивших в Ахеменидское царство¹³⁷. Так, Б. А. Литвинский собрал их на сакских стоянках в Кайрак-кумах вместе с самыми архаическими двухлопастными стрелами типов 1 и 2 и с трехгранными втульчатыми (см. ниже, III отдел).

Савроматы Поволжья и Приуралья пользовались стрелами рассматриваемого типа в конце VII—VI в. до н. э. В отделе трехлопастных стрел эти архаические наконечники с тонкими, хорошо выраженными лопастями и часто с крючком-шипом на втулке довольно малочисленны, но их не меньше, чем стрел основного лавролистного типа отдела двухлопастных. В Поволжье, как и в Скифии, описываемые стрелы применялись лишь до начала V в. до н. э. (известны в колчане Блюменфельдского кургана А 12, рис. 16 А, 4). В Самаро-Уральской области они употребляются до начала прохоровской культуры, т. е. до конца IV в. до н. э., причем уже в V в. до н. э. появляются экземпляры укороченных пропорций с короткими массивными ребрами (табл. II, Г 3). В Поволжье такой вариант представлен лишь одним наконечником в колчане второй половины VI в. до н. э. из кургана III, 3 у с. Луговое (бывшее Визенмиллер, рис. 13, А 15).

В IV в. до н. э. в Самаро-Уральской области редкие экземпляры типа 1 деградируют в мелкие наконечники с узкой, почти трехгранной головкой (табл. II, Г).

Следующие четыре типа, являющиеся производными от первого, представлены у савроматов лишь единичными экземплярами.

2. Единственный наконечник стрелы с трапециевидной головкой и выступающей втулкой найден в кургане 19 у с. Политотдельское Сталинградской области (рис. 14, А 2) вместе со стрелами второй половины VI в. до н. э. В Северном Причерноморье подобные наконечники в ряде комплексов датируются концом VI—началом V в. до н. э.¹³⁸ Этот тип, вероятно, развился в Скифии под влиянием характерной для нее серии «башневидных» стрел, в целом чуждых савроматам. Вероятно, на Волгу стрелы этого типа попали из Скифии; в других местах они мне неизвестны.

3. Наконечники стрел со сводчатой головкой, косо срезанными вниз лопастями и выступающей втулкой, найденные у савроматов, не имеют шипов. К этому варианту относятся крупные наконечники с вытянутой головкой, тонкими и четко выраженными лопастями (табл. II, В 11, 12). Как и в Скифии, у савроматов они не встречаются позже V в. до н. э. В Скифии и на Кавказе стрелы типа 3, часто снабженные шипами, довольно широко распространились уже в конце VII в. до н. э. Савроматские экземпляры из сел Черებაево и Сара (табл. II, В 11, 12 и рис. 21 А, 28) — не самые ранние. Они ближе всего стоят к стрелам из кургана 4 у с. Аксютинцы, раскопанного С. А. Мазараки, и датируются П. Д. Рау последней третью VI в. до н. э.¹³⁹ Здесь заметно сходство даже в такой детали, как наличие рельефных «веточек», идущих от втулки поперек лопастей (экземпляр из с. Черებაево на Волге, табл. II, В 11). По пропорциям савроматские

¹³³ Ghirshman. Fouilles de Nadi-Ali..., p. 20.

¹³⁴ Рау, С. 13 и сл.

¹³⁵ А. В. Збруева. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 29; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 85, табл. XVIII, 3.

¹³⁶ И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. 18, 19.

¹³⁷ М. М. Дьяков. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабадан). МИА, № 37, 1953, стр. 281, рис. 19, 1; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959, стр. 46, рис. 12, стр. 201, табл. XXXIV, 9, 12, 15.

¹³⁸ Курган 7 у с. Опишлянки (Витова могила) и 13 у с. Деревки, раскопки И. А. Зарецкого в Харьковской области, ГИМ — А. Zakharow. Zaretsky's Excavations. ESA, VII, p. 69, 77, fig. 12, 15; В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы. КСИИМК, 54, 1954, стр. 26; Ольвийский некрополь, погребение 12, 1910 г. — С. И. Капосина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 50, 1956, стр. 174, рис. 17.

¹³⁹ Рау, Taf. III, 2 Q, I, K, R.

экземпляры очень близки также стрелам из Ольвийского некрополя (погребение 12, 1910 г.)¹⁴⁰ и из кургана 2 у с. Дудчанцы Полтавской области¹⁴¹. Оба комплекса датируются концом VI — началом V в. до н. э.

4 и 5. В савроматских колчанах конца VI — первой половины V в. до н. э. найдено несколько стрел с обрезанными втулками. Одну такую стрелу (из кургана 5 у Бердинской горы под Оренбургом) мы относим к типу 4: с лавролистной головкой (рис. 22, Б 8), а четыре другие (из Блюменфельдского кургана А 12, Ковыловки и кургана у с. Сара на Урале) — к типу 5: с ромбическо-лавролистной головкой (табл. II, В 14—17; рис. 16 Б, 57; рис. 18, Б 7; рис. 21 А, 13, 23). В Скифии и на Северном Кавказе стрелы обоих типов встречаются редко и вместе со стрелами типа 1. Они хорошо представлены в ахеменидском Персеполе, где найдены и крупные наконечники дротиков той же формы¹⁴²; встречаются в более западных странах Переднего Востока вплоть до Египта, куда были занесены ираноязычными народами. Несмотря на недостаточность материалов по бронзовым стрелам из Средней Азии, мы находим и там отдельные экземпляры последних двух типов (в Фергане)¹⁴³.

Следует отметить, что в целом для более северных районов — Сибири, Казахстана, Среднего Урала и Прикамья — трехлопастные стрелы всех перечисленных типов не были характерны. Это лишний раз подтверждает, что к савроматам незначительное количество таких стрел попало из Скифии или Северного Кавказа.

Следующая серия стрел представлена наконечниками с шипастой сводчатой или треугольной головкой и выступающей втулкой. Эти стрелы преобладали среди других и были характерными как для скифов, так и для савроматов. Они широко распространились

на территории Евразии благодаря изобретению в VII в. до н. э. трехстворчатой формы для отливки стрел.

6. Стрелы со сводчатой головкой и выступающей втулкой (табл. II) употреблялись савроматами в течение почти всего периода существования бронзовых втульчатых стрел, т. е. с конца VII до II в. до н. э. Различия в ширине и толщине лопастей, в оформлении их нижних краев, в длине втулки, в соотношении втулки и лопастей определяют большое количество вариантов данного типа.

Древнейшими являются массивные сводчатые стрелы крупных размеров, которые появились в Поволжье, как в Скифии и на Кавказе, уже в конце VII в. до н. э. Показательны находки таких стрел в Кармир-Блуре¹⁴⁴ и в Келермесских и Мельгуновском курганах¹⁴⁵. Ни в одном из этих районов на рубеже VII и VI в. до н. э. они не занимают господствующего положения.

Для обоснования ранней даты появления этих стрел там, где прослеживаются следы пребывания или культурного воздействия скифов, имеют значение их находки не только в Кармир-Блуре, но и в ряде закавказских могил вместе с бронзовыми кинжалами ходжалы-кедабекского типа, например в могиле 48 в бывшей Елизаветпольской губернии в Азербайджане (раскопки А. А. Иванова)¹⁴⁶. Б. А. Куфтин датирует найденную здесь стрелу временем не ранее VII в. до н. э.¹⁴⁷ На Переднем Востоке сводчатые трехлопастные стрелы обнаружены вместе со «скифскими» стрелами других типов¹⁴⁸. Такие стрелы из Аль-Мина (Сирия) и Кархемыша Л. Вулли относит к концу VII в. до н. э.¹⁴⁹

Савроматские лучники широко использовали сводчатые наконечники стрел в VI—

¹⁴⁰ С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии, стр. 174, рис. 17.

¹⁴¹ В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, 1957, стр. 239, рис. 3, 11.

¹⁴² E. Schmidt. The Treasury of Persepolis..., 1939, p. 47, fig. 28; его же. Persepolis, v. II, pl. 76, 3.

¹⁴³ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИМК, 69, 1957, стр. 83, рис. 29.

¹⁴⁴ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 187, рис. 53, Е, Ж.

¹⁴⁵ Rau, Taf. I, 1 C, G; 2 G, H, J, K; Taf. III, 1 E, F.

¹⁴⁶ А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, т. VI. М., 1911, стр. 120, табл. VIII, 35, 36.

¹⁴⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триаleti, стр. 49.

¹⁴⁸ H. Bonnet. Die Waffen des Völker des alten Orients, S. 165, Abb. 173; Flinders Petrie. Gerar, pl. XXIX, 6, 7.

¹⁴⁹ L. Woolley. The excavations at al-Mina. The Journal of Hellenic Studies, LVIII, p. II, 1938, p. 147, fig. 25, A 5; его же. Garchemish, t. II, pl. 22, b.

IV вв. до н. э., причем в их колчанах преобладали такие стрелы, у которых лопасти четко отделялись от втулки, возвышаясь над ней, и края лопастей заострялись в шипы (табл. II). Многочисленность стрел данного типа позволяет наглядно показать, с одной стороны, локальные различия в наборах стрел Поволжского и Самаро-Уральского районов, с другой стороны, — отличие савроматских стрел от скифских.

В Поволжье уже во второй половине VI в. до н. э. изготавливается легкая трехлопастная сводчатая стрела с узкой головкой и короткой втулкой, очень изящных пропорций (рис. 13, А 10—12, рис. 14, А 10—14, В 5—8). Она встречается здесь почти во всех погребениях V в. до н. э., которые содержат целые комплексы стрел. В этом отношении показателен набор стрел в Блюменфельдском кургане А 12, где такие наконечники занимают господствующее место (рис. 16А, 5—56). Многие из них на лопастях имеют рельефное изображение змеи, некоторые — три параллельно расположенных валика. Это, по-видимому, метки двух отдельных мастеров, отливавших стрелы в формах, на одной из створок которых были вырезаны эти знаки. В Самаро-Уральской области они встречаются очень редко — одна в кургане VI в. до н. э. у хут. Черниговского (рис. 15, А 11) и одна в кургане, раскопанном в 1927 г. в бывшей Соболевской волости (рис. 19 А, 45). Здесь преобладают стрелы более массивные, и среди них выделяется группа наконечников (варианты В и Г на табл. II), у которых втулка проходит через всю головку стрелы, а лопасти превращаются в короткие массивные ребра; втулки часто делаются шестигранными. Такие стрелы можно встретить даже в погребениях раннепрохоровской культуры, т. е. на рубеже IV—III вв. до н. э. В целом же в течение IV в. стрелы типа 6 у савроматов мельчают, отливка их становится более небрежной, смягчается стык между лопастями; начинают преобладать стрелы с узкими головками, приближающиеся к треугольным. В уральских погребениях развитой прохоровской культуры III—II вв. до н. э. найдены уже только эти последние стрелы. В поволжских погребениях этого времени все чаще и чаще начинают встречаться, не смешиваясь в одном колчане с бронзовыми, железные втульчатые стрелы с длинной втулкой и коротки-

ми лопастями¹⁵⁰. Они явно западного происхождения, так как известны в большом количестве в колчанах воинов Среднего и Нижнего Дона и особенно Прикубанья уже с V в. до н. э.¹⁵¹ Пара таких наконечников, найденная в Блюменфельдском кургане А 12 начала V в. (рис. 16 Б, 71), вероятно, попала сюда с Нижнего Дона. Точно такие же наконечники составляли колчан воина в кургане 43, исследованном И. И. Ляпушкиным в 1951 г. у хут. Карнауховского на Дону (рис. 29, Ж 2—17). Они во всем подражают бронзовым наконечникам, найденным в тех же комплексах¹⁵².

В Скифии и Прикубанье массивные трехлопастные стрелы типа 6, как справедливо отметил П. Д. Рау, характерны только для архаического периода (конца VII—VI в. до н. э.)¹⁵³. К этому времени здесь относятся экземпляры (особенно в Келермесских курганах), тождественные архаическим савроматским стрелам из Поволжья и Приуралья¹⁵⁴. В Скифии со временем этот тип стрелы изменяется приблизительно в том же направлении, что и в Поволжье, но у скифов, в отличие от савроматов, особенно самаро-уральской группы, подобные стрелы не преобладают в колчанах V—IV вв.

Населением ананьинской культуры в результате довольно тесного контакта с савроматами стрелы типа 6 применялись довольно часто¹⁵⁵. Они встречаются в Зауралье, Сибири¹⁵⁶ и Казахстане¹⁵⁷, хотя и не господ-

¹⁵⁰ В наших таблицах изображены лишь те железные наконечники стрел, которые найдены вместе с бронзовыми.

¹⁵¹ Рау, Taf. VII, 2 H, J.

¹⁵² Ibid., Taf. VII, 2 F.

¹⁵³ Рау, S. 13 и сл.; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, 51, 1953, стр. 63, рис. 28, 1.

¹⁵⁴ Рау, Taf. I, 1 C, G, 2G, H, J, K; Taf. II, 3G; Taf. III, 2 S; В. А. Иллінська. Курган Старша могила..., стр. 201, табл. II, 15—17.

¹⁵⁵ А. В. Збруева. История населения..., стр. 37, табл. IV, 3, стр. 52, табл. IX, 4, стр. 89, табл. XIX, 11, 30, 40, 41, 51, стр. 269, табл. LII, 9, стр. 238, табл. XLII, 2; ее же. Городище Грохань. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 61, рис. 21, 2; ее же. Свиногорское городище. МИА, № 1, 1940, стр. 103, рис. 2, 10; J. Aspelin. Op. cit., t. II, p. 110, № 438; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории..., стр. 85, табл. XVIII, 4, 5.

¹⁵⁶ A. Heikel. Antiquités de la Sibirie Occidentale. Helsingfors, 1894; pl. XXIX, 3; Martin, pl. 26, II, 20, 25, 43.

¹⁵⁷ А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана

ствуют здесь. Известные мне казахстанские стрелы, найденные восточнее территории савроматов, очень похожи на самаро-уральские. Массивные самаро-уральские савроматские стрелы типа 6 также целиком соответствуют стрелам подобного типа, найденным на территории древнего Хорезма¹⁵⁸.

7. К типу 7 относятся четыре оригинальных наконечника, найденных в большом комплексе стрел конца VI — начала V в. до н. э. из кургана у с. Сара. Это крупные стрелы, с широкими дуговидными лопастями и короткими втулками (табл. III, В; рис. 21 А, 3—5; 21 Б, 52). Контуры их четки, грани прекрасно выработаны и заточены. Своими пропорциями и изяществом они напоминают некоторые легкие наконечники стрел типа 6 из Блюменфельдского кургана А 12 (рис. 16 А, 33, 48—50, 54), но последние значительно мельче. Точные аналогии этим стрелам неизвестны.

8. Столь же оригинальным является пятый крупный наконечник стрелы из с. Сара, (табл. III, В 5) с широкой треугольной головкой и длинной узкой втулкой, с рельефным изображением сигмаобразного лука на одной из лопастей (рис. 21Б, 23). Длина наконечника 8,5 см; таким образом, по величине он может быть сопоставлен с татаро-монгольскими стрелами эпохи Золотой Орды.

Находки в кургане у с. Сара показали, что у савроматов Приуралья имелись наконечники стрел таких размеров, которые предполагают существование лука, более длинного, чем обычный скифский лук.

9. Менее многочисленны, чем стрелы типа 6, но также показательны для савроматов наконечники типа 9 — с треугольной головкой и выступающей втулкой (табл. III). Их варианты различаются по тем же деталям, что и варианты типа 6. Стрелы обоих типов часто встречаются в одних и тех же колчанах. Контуры головок стрел безусловно не всегда зависели от литейной формы, скорее — от заточки. Однако необходимость выделить стрелы с треуголь-

(с. Алма-Ата). Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, т. 1, археология. Алма-Ата, 1956, стр. 258, табл. III, 10, 11, 12, 14, 16; К. А. Акишев. Саки Семиречья. Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, т. 7, археология. Алма-Ата, 1959, стр. 210, табл. I и VI.

¹⁵⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 79, рис. 17, стр. 88, рис. 26, стр. 110, рис. 45, стр. 121, рис. 63, стр. 129, рис. 73.

ной головкой в отдельный тип диктуется тем, что на территории Евразии эта форма появилась уже в VII в. до н. э. параллельно с массивными сводчатыми стрелами и развивалась до самого конца существования бронзовых втульчатых стрел. Наиболее ранние экземпляры этих наконечников найдены в таких погребальных комплексах предскифского времени, как не раз уже упомянутое курганный погребение в Ендже¹⁵⁹. Аналогичные болгарским наконечники стрел типа 9 появляются у савроматов Приуралья не позднее VI в. до н. э., судя по находке в кургане у хут. Черниговского (рис. 15, А 12, 13). Можно допустить их появление в Поволжье уже в VII в., учитывая находку такой стрелы на дюне у хут. Сероглазово вместе с архаическими стрелами других типов (табл. III, А). В Скифии точно такая же стрела найдена в кургане 38 конца VII в. до н. э. у Гуляй-Города близ Смелы¹⁶⁰, но более заметно их распространение здесь, как и у савроматов, только с VI в. до н. э.¹⁶¹ Таким образом, становится понятным, почему этот тип, хорошо известный скифам, не был характерен в серии скифских стрел рубежа VII—VI вв. до н. э. в странах Переднего Востока. Во время своих походов в эти страны скифы еще редко пользовались стрелами этого типа.

На иранском Востоке стрелы типа 9 появились рано, может быть, раньше, чем сводчатые стрелы типа 6. Чуть ли не самыми ранними экземплярами типа 9 являются стрелы, найденные Р. Гиршманом в некрополе Б Сялка, наиболее поздняя дата которого определяется VIII в. до н. э.¹⁶² Это единственные втульчатые наконечники стрел «скифского» облика, найденные в Сялке. Находка их подтверждает предположение о том, что первоначально «скифские» трехлопастные стрелы появились на иранском Востоке. В колчанах персепольских воинов ахеменидского времени Э. Шмидт обнаружил несколько мелких наконечников стрел с узкими лопастями¹⁶³. Такие стрелы преоб-

¹⁵⁹ Р. Попов. Могилы гробов при с. Ендже, стр. 103, рис. 90 А.

¹⁶⁰ Смела, т. I, табл. IV.

¹⁶¹ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на Среднем Днестре, стр. 63, рис. 28, 1; Rau, Taf. IV, 1 f, g, J.

¹⁶² R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Sialk..., t. II, pl. XCII, 17, 18.

¹⁶³ E. Schmidt. Persepolis, t. II, pl. 76, 11.

ладали у приуральских лучников главным образом в IV в. до н. э. (табл. III, Г).

На территории расселения савроматов стрелы данного типа находятся приблизительно в том же соотношении, как и стрелы типа 6: их больше в Самаро-Уральской области, чем в Поволжье. Их количество в колчанах савроматов, начиная с VI в. до н. э., постоянно увеличивается, достигая наибольшего числа в IV — начале III в. до н. э. В Самаро-Уральской области чаще встречаются массивные варианты, более грубо отлитые, с узкими головками, есть и меньшие по размеру; последние используются здесь до III—II вв. до н. э. (табл. III, Д). На Волге же во второй половине IV и в начале III в. до н. э., т. е. в раннепрохоровских погребениях, появляются легкие и крупные стрелы вытянутых пропорций с хорошо выраженными лопастями и короткими втулками. Эти стрелы широко распространяются в Скифии и на Кубани со второй половины V в. до н. э.¹⁶⁴, но особенно характерны для IV — начала III в. до н. э., в том числе для колчанов в знаменитых царских курганах (Чертомлык, Огуз, «Козел», Краснокутский и др.)¹⁶⁵. Этот вид крупной и легкой стрелы с треугольной головкой можно признать за типично скифский; из Скифии он попал к савроматам Поволжья. С Дона и Прикубанья проникают в тот же савроматский район железные наконечники. Наиболее ранний их образец типа 9 найден в погребении V в. до н. э. у с. Макаровка (рис. 18, А 29). Однако значительное количество их в сарматских колчанах приходится уже на III—II вв. до н. э. (табл. III, Д).

Последние четыре типа представлены базисными стрелами, т. е. стрелами с обрезанной втулкой. Они различаются между собой по форме лопастей и оформлению их нижних краев.

10 и 11. Базисные сводчатые (тип 10) и треугольные (тип 11) стрелы появляются в колчанах савроматов Поволжья уже с VI в. до н. э. (табл. III, Б). Они разде-

ляются на два основных варианта: с лопастями, находящимися на одной линии с втулкой и с лопастями косо срезанными. У савроматов этих стрел немного. Причем стрелы типа 10 найдены только в поволжских комплексах VI—V вв. до н. э., и лишь единичные экземпляры встречаются в Оренбургских степях (рис. 24, А 42). Стрелы типа 11, известные в той и другой областях, в основном найдены в комплексах начиная с V в. до н. э., без изменения они сохраняются до II в. до н. э. Эта форма наконечников характерна для наиболее поздних бронзовых стрел Поволжья и Приуралья (табл. III, Д).

Базисные трехлопастные стрелы обычны для Скифии, откуда они и попали к савроматам. Здесь они появились еще в начале VI в. до н. э.¹⁶⁶, но широко распространились только с конца VI — начала V в. до н. э.¹⁶⁷ Уже в это время в Скифии появились стрелы обоих типов, преимущественно сводчатые, но, как и у савроматов, с IV в. до н. э. первое место занимают треугольные базисные стрелы¹⁶⁸.

Оба типа наконечников, которые мы вправе назвать скифскими или северочерноморскими, не были совсем чуждыми и восточнее пределов савроматской территории. Отдельные, случайные их экземпляры, вероятно, через савроматов, проникали севернее и восточнее в область ананьинской культуры, в Западную и Южную Сибирь¹⁶⁹. Несмотря на недостаток сведений о бронзовых стрелах Средней Азии, мы можем говорить о наличии таких же стрел у хорезмийцев¹⁷⁰, что объясняется их соседством и тесными связями с восточносавроматской

¹⁶⁶ Б. З. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов..., стр. 85, рис. 2, з.

¹⁶⁷ Рау, S. 13—18, Taf. IV, 1 B, H, 2 A; Taf. V, 1 A, D, 2 I, 3 A, E; Taf. XIII, M; Е. Ф. Покровська. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи. Археологія, т. XI. Київ, 1957, стр. 150, рис. 2, 8—12.

¹⁶⁸ Е. Покровська. Розкопки коло с. Макиївки. АП УРСР, т. II. Київ, 1949, табл. I, 22, 23; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел, стр. 247, рис. 7, 6; K. Michalowski. Mirmeki. Wykopaliska odcinka Polskiego w r. 1956. Warszawa, 1958, стр. 95, рис. 118.

¹⁶⁹ В. Н. Чернецов. Зеленая Горка близ Салехарда. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 73, рис. 24, 13; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 253, табл. XXVI, 2.

¹⁷⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 129, рис. 73, стр. 130, рис. 74, а.

¹⁶⁴ С. И. Капошина. Погребения скифского типа в Ольвии. СА, XIII, 1950, стр. 209, рис. 5; Рау, Taf. VII, 1 E, J, 2 D.

¹⁶⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 129, табл. XVIII, 8, 10, 11; Рау, Taf. VIII, 2 G, 3 H; Taf. IX, 1 G, 3 G; Taf. X, 2 H, 3 B, G; Taf. XI, 1 P, 2 A, C; Taf. XII, A, H, J.

группой. Стрела типа 10, найденная Хорезмской экспедицией на городище Чирик-Рабат в Кызыл-Ординской области Казахстана (раскопки Ю. А. Рапопорта 1957 г.), аналогична савроматским экземплярам из погребений второй половины VI — начала V в. до н. э. (курган у с. Норка и Блюменфельдский курган А 12, рис. 14, В 9; Б, 58). По сведениям из литературы мне известны отдельные экземпляры стрел типов 10 и 11 из Таджикистана¹⁷¹.

12 и 13. Наконечники стрел с внутренней втулкой, с опущенными и ниже втулки шипами, со сводчатой (тип 12) и треугольной (тип 13) головками (табл. III) представляют многочисленную и наиболее характерную группу бронзовых втульчатых стрел восточных областей Евразии — Урала, Западной Сибири, Казахстана и отчасти Средней Азии. Найденные на территории Среднего Урала несколько литейных форм для отливки шипастых наконечников с внутренней втулкой свидетельствуют о местном производстве таких стрел в районах, богатых медной рудой¹⁷². Эти районы были основным центром производства как трехлопастных, так и не менее распространенных здесь трехгранных стрел с внутренней втулкой и опущенными вниз острыми шипами. Естественно поэтому, что у савроматов и ранних сарматов Самаро-Уральской области эти стрелы были в большом ходу, у савроматов Поволжья их значительно меньше. Сводчатые стрелы типа 12 появляются в VI в. до н. э., о чем свидетельствуют наиболее ранние находки их в выразительном комплексе в кургане у хут. Черниговского (рис. 15, А 15—17). Появившись в VI в. до н. э., стрелы типа 12 достигли своего расцвета в V в. и просуществовали до II в. до н. э. Однако в колчанах IV—II вв. до н. э. они встречались в небольшом количестве. Кроме того, как правило, эти поздние стрелы — меньшей величины, уже

и более грубо обработаны (табл. III, Г, Д).

Наиболее ранние стрелы типа 13 найдены в погребении конца VI — начала V в. до н. э. у с. Сара (рис. 21 Б, 16, 17, 28, 38, 39). Их в V в. немного. Это обычно крупные, хорошо обработанные наконечники. В отличие от стрел типа 12, они широко распространяются только в IV в.; в погребениях III—II вв. до н. э. встречаются преимущественно более мелкие и более грубо отлитые экземпляры; как поздняя разновидность встречаются наконечники башневидных контуров (табл. III, Д 41, 44, 45).

Поволжские стрелы обоих типов имеют одну отличительную деталь: большая часть их снабжена неглубоким вырезом базы, т. е. их шипы менее длинные и острые, чем у большинства уральских экземпляров (табл. III).

По своему происхождению стрелы типов 12 и 13 тесно связаны с трехгранными, имеющими такую же внутреннюю втулку и опущенные вниз шипы. Основная область распространения этих трехгранных стрел полностью совпадает с ареалом стрел трехлопастных типов. Вся эта серия произошла от костяных наконечников, о чем будет сказано подробнее при разборе соответствующих трехгранных форм.

В странах Передней Азии, где побывали скифы, наконечники стрел типов 12 и 13 не найдены. Это и понятно, поскольку такие наконечники распространялись в восточных областях Евразии только с VI—V вв. до н. э.: они не входили в состав скифских колчанов в то время, когда скифы совершали свои походы на Передний Восток. Поэтому они отсутствуют и на скифских военных путях на Северном Кавказе и в Закавказье.

Небольшое число наконечников типа 12 было найдено в сокровищнице Персеполя¹⁷³. Опубликованный Э. Шмидтом экземпляр принадлежит к той разновидности широких сводчатых стрел с длинными шипами, которые особенно типичны для колчанов савроматских воинов Приуралья V в. до н. э. Э. Шмидт отнес этот тип к группе редких для Персеполя стрел иностранного происхождения¹⁷⁴. Это совершенно верно, и надо думать, что в ахеменидскую столицу эти стрелы были занесены с севера — от савроматов, саков или хорезмийцев.

¹⁷³ E. Schmidt. Persepolis, v. II, pl. 76, 12.

¹⁷⁴ Ibid., p. 99.

¹⁷¹ Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Карамазарских горах. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.». Тр. ИИАЭ АН Таджикской ССР, т. LXIII. Сталинабад, 1956, стр. 44, рис. 5.

¹⁷² A. M. Tallgren. L'époque dite d'Ananino..., p. 133, fig. 102; P. Dmitriev. Über die Gusstechnik auf dem Burgberge Irtjaš in Uralgebiete. ESA, VI, 1931, S. 121—125, Abb. 1; П. А. Дмитриев. Об археологических исследованиях в Свердловской области летом 1940 г. КСИМК, XII, 1946, стр. 24, рис. 10, б.

В Скифии и Прикубанье эти восточноевразийские стрелы начинают изредка появляться в колчанах конца VI—V вв. до н. э.¹⁷⁵, причем они принадлежат к разновидности наконечников с короткими шипами, которые встречаются и у савроматов Поволжья. Вероятно, благодаря связям савроматов со скифами, эта форма проникла в Скифию и на Северный Кавказ. Но такие стрелы и в более позднее время не были здесь широко распространены, встречаясь в колчанах скифов и синдо-меотов чаще всего единицами¹⁷⁶. В Скифию проникали с востока и стрелы разных вариантов типа 13 (с острыми длинными шипами), характерные для приуральских савроматов. 11 таких наконечников стрел мне известно из погребения IV в. до н. э. на городище у с. Колонтаево на Днестре (раскопки Г. Т. Ковпаненко и Е. Ф. Покровской в 1957 г.). Кажется, в лесостепной части Скифии с IV в. до н. э., судя по упомянутой находке на Колонтаевском городище и в кургане 4 у с. Осняги, раскопанном В. А. Городцовым¹⁷⁷, довольно широко входят в употребление стрелы различных вариантов с внутренней втулкой и длинными шипами. Их здесь найдено по нескольку десятков. В небольшом количестве они известны и в степной Скифии IV—III вв. до н. э.¹⁷⁸ Но там это главным образом трехгранные стрелы с небольшими ложками в нижней части наконечника, т. е. формы, типичной для Скифии того времени. С савроматскими стрелами их сближает больше общая идея, направленная на усиление боевой эффективности стрелы.

III. Отдел трехгранных наконечников у савроматов характеризуется обилием стрел различных типов, большая часть которых не занимает господствующего места в савроматских колчанах. Одни типы представляют самостоятельно развившиеся, «чистые» формы, другие возникли в результате воздействия господствующих трехлопастных стрел на основные типы трехгранных (табл. IV и V).

В нашей археологической литературе вы-

сказано мнение о происхождении трехгранных стрел скифского времени от трехгранных втульчатых костяных стрел эпохи бронзы¹⁷⁹. Сейчас накопился достаточный материал, подтверждающий эту точку зрения. В ряде случаев можно проследить генетическую связь различных форм костяных стрел с определенными типами бронзовых наконечников раннего железного века.

1. Наконечники стрел с непрофилированной головкой и выступающей втулкой, встречающиеся в колчанах савроматов обеих областей (табл. IV), представляют, как правильно отметил П. Д. Рау, бронзовую копию минусинской костяной стрелы¹⁸⁰. Среди них легко выделяются три варианта: А) с четко выделенной головкой и длинной втулкой (табл. IV, В 1, 4, Г 1—3), Б) с такой же головкой и короткой втулкой (табл. IV, В 2, 3), В) с трехгранным острием, постепенно переходящим во втулку (табл. IV, Г 4—10); последние напоминают по профилю пулевидные стрелы с круглым сечением и являются производными от варианта А.

Наконечники стрел вариантов А и Б встречаются уже в колчанах VI в. до н. э., наконечники стрел варианта В — в колчанах V в.; все три варианта позднее первой половины IV в. до н. э. не применялись (рис. 29, Д, Е; 31, 14—16).

Упомянем кстати, что в колчанах савроматов V в. до н. э. найдено также несколько железных наконечников первого типа (рис. 16 Б, 72—75; 22, А, В).

В странах Переднего Востока известны только стрелы варианта А. Их точную раннюю дату дают находки в Кархемыше, относящиеся, как выше отмечено, к концу VII в. до н. э.¹⁸¹ Не моложе и стрелы этой формы, найденные в Герае и названные Флиндерсом Петри «специально азиатскими»¹⁸². В Скифии и на Северном Кавказе общая дата распространения наконечников типа 1 соответствует хронологическим рамкам этого типа у савроматов. «Чистая» форма встречается только в архаических

¹⁷⁹ Рау; А. И. Мелюкова. Вооружение..., А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э.

¹⁸⁰ Рау, S. 15.

¹⁸¹ L. Woolley. Carchemish, t. II, pl. 22, b; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 44, рис. 41.

¹⁸² Flinders Petrie. Gerar, p. 15, pl. XXIX, 18.

¹⁷⁵ Рау, Taf. VII, 1 G, K, L, 2 C.

¹⁷⁶ Ibid., Taf. IX, 1 F, 3 F; Taf. XI, 1 N.

¹⁷⁷ Ibid., Taf. X, 1 G, H.

¹⁷⁸ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре, стр. 129, табл. XVIII, 5; Рау, Taf. VIII, 3 D; Taf. X, 1 D.

погребениях¹⁸³; особенно показательны находки в Келермесских курганах¹⁸⁴. Позже бытуют разновидности этой формы¹⁸⁵. В Южной Сибири, где имеются костяные прототипы для данной формы, этот тип стрелы связан с памятниками тагарской культуры¹⁸⁶. В Прикамье подобные стрелы относятся к ананьинской эпохе¹⁸⁷, известны они и в Казахстане¹⁸⁸.

2. В Самаро-Уральской области найдено несколько наконечников стрел, которые объединены нами в особый тип, производный от первого. Это стрелы с различного вида головками, отделяющимися головку от втулки (табл. IV, В, Г, Д). Они относятся к концу VI—V в. до н. э. В погребениях Скифии VI — начала V в. до н. э. известны стрелы с небольшими выемками у основания головки, тождественные или похожие на один из вариантов типа 2 (табл. IV, Г, 12)¹⁸⁹. В целом же эту небольшую группу савроматских стрел можно считать местной, приуральной. На ее формирование существенно влияли трехгранные стрелы иных типов, в результате чего определились различные формы ложков-выемок на головках этих стрел.

3 и 4. Различные варианты наконечников стрел со сводчатой (тип 3) и треугольной (тип 4) головками и выступающей втулкой (табл. IV) встречаются в колчанах савроматов обеих областей. Судя по находке на позднеандроновском поселении у Садчиковского поселка на Тоболе¹⁹⁰, западноандроновскому населению были известны костяные втульчатые стрелы с трехгранной головкой. Приблизительно к тому же времени относится находка такой же стрелы в некрополе Б Сялка

в Иране¹⁹¹. Среди костяных наконечников стрел архаического скифского времени изредка встречаются стрелы, тождественные бронзовым экземплярам типа 3. Б. А. Куфтин опубликовал такую стрелу из погребения начала VI в. до н. э. у с. Цицамури Мцхетского района Грузии¹⁹². Столь же архаичны, если не древнее, бронзовые стрелы типа 3, найденные на дюнах Кайрак-Кумов в Таджикистане (сборы Б. А. Литвинского). В Скифии и на Кубани стрелы типов 3 и 4 найдены в погребениях конца VII — первой половины VI в. до н. э.¹⁹³ К тому же времени следует отнести находку аналогичной стрелы на р. Иловле (табл. IV, Б 1). Остальные савроматские стрелы типов 3 и 4 происходят из датированных комплексов конца VI—V в. до н. э. Подобные мелкие экземпляры единично встречались и в колчанах IV—II вв. до н. э. В Скифии они также попадались в комплексах этого времени редко (тип 4)¹⁹⁴. Специально савроматскими вариантами типа 3 являются стрелы V в. до н. э. с короткими головками и длинными втулками, иногда с выемками на гранях (табл. IV, Г 28—34). Для комплекса из кургана, раскопанного в 1927 г. в бывшей Соболевской волости, характерны оригинальные стрелы типа 4, грани которых имеют дугообразные выемки в основании (рис. 19Б, 23—30).

В сарматских погребениях III—II вв. до н. э. появляются железные втульчатые стрелы с трехгранной головкой треугольных очертаний (табл. IV, Е 2—5).

Стрелы типов 3 и 4, в том числе и их длинновтульчатые варианты, характерные для савроматов, бытовали также у населения ананьинской культуры¹⁹⁵.

5. Очень характерны для савроматов наконечники стрел, у которых массивная

¹⁸³ ИАК, вып. 17, 1905, стр. 88, рис. 16.

¹⁸⁴ Rau, Taf. I, 1 H, 2 E.

¹⁸⁵ Ibid., Taf. III, 2 H, N; Taf. X, 1 E; В. А. Іллінська. Курган Старша могила..., стр. 201, табл. II, 21.

¹⁸⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 253, табл. XXVI, 8, 15.

¹⁸⁷ А. В. Збруева. История населения..., стр. 269, табл. LII, 10.

¹⁸⁸ ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, стр. 229, рис. 7.

¹⁸⁹ Rau, Taf. III, 2 D; Б. З. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов..., стр. 85, рис. 2, е.

¹⁹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). МИА, № 21, 1951, стр. 167, рис. 14, 17; см. нашу табл. IV, верхняя стрела.

¹⁹¹ R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Sialk..., t. II, pl. XCII, 17.

¹⁹² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 44, рис. 41, 6; «Archäologischer Anzeiger», B. XL, 1—2. Berlin, 1925, S. 49—50.

¹⁹³ Rau, Taf. I, 1 F; Taf. II, 3 E, F; Taf. III, 1 G; В. А. Іллінська. Курган Старша могила..., стр. 201, табл. II, 22.

¹⁹⁴ Rau, Taf. X, 2 G.

¹⁹⁵ А. В. Збруева. История населения..., стр. 52, табл. IX, 6; стр. 89, табл. XIX, 12, 32, 42, 51; J. Aspelin. Op. cit., t. II, p. 110, № 436; Р. Б. Ахмеров. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 28, рис. 10, 4.

трехгранная головка, четко отделенная от втулки, переходит в массивные лопасти или ребра, заканчивающиеся чаще всего острыми шипами (табл. IV). В них мы видим сочетание втульчатой трехгранной формы с трехлопастной.

Четыре основных варианта этого типа различаются между собой по форме нижней части массивной сводчатой головки: А) с узкими ложками, отделяющими лопасти от втулки, Б) с дуговидным (арочным) вырезом в основании головки, В) с прямым вырезом, Г) с вилкообразным вырезом. Все четыре варианта чаще всего встречаются в Самаро-Уральской области. Из них стрелы вариантов А и Б происходят из колчанов конца VII—V в. до н. э., стрелы варианта В — из колчанов VI—V вв. до н. э., стрелы варианта Г — из колчанов конца VII—IV в. до н. э.

В Скифии и Прикубанье попадаются наконечники стрел в основном только вариантов А и В: первый из них главным образом в архаических погребениях конца VII—VI в. до н. э.¹⁹⁶, другой — в погребениях второй половины VI—V в. до н. э.¹⁹⁷ В поволжских погребениях преобладают стрелы варианта В. Вариант Г в Поволжье представлен только одним экземпляром из архаической могилы конца VII в. до н. э. в Усатове на Торгу-не (рис. 12, 34). В Скифии стрелы варианта Г также почти не встречаются. Из просмотренного мною материала я могу указать лишь на два экземпляра с узкой головкой, найденных С. А. Мазараки в кургане 4 у с. Аксютинцы конца VI — начала V в. до н. э.¹⁹⁸ Большого распространения стрел типа Б к северу и востоку от территории савроматов не заметно, хотя мы и находим экземпляры вариантов А и Г в памятниках

ананьинской культуры¹⁹⁹ и Южной Сибири²⁰⁰, а стрелы вариантов А и Б известны на территории древнего Хорезма и у саков Семиречья²⁰¹.

Пять наконечников стрел, тождественных наконечнику из кургана 19 у с. Политотдельское на Волге (вариант Б, рис. 14, А 18), найдены в сокровищнице Персеполья²⁰². Они определенно северного, может быть, непосредственно савроматского или сакского происхождения.

6. Стрелы с узкими треугольными головками с пирамидальным острием, переходящим в лопасти, и обычно короткой втулкой делятся на два основных варианта по тому же принципу, что и массивные сводчатые стрелы типа 5: А) с прямым основанием острия и Б) с вильчатым вырезом у основания острия (табл. IV). Те и другие в небольшом количестве попадались в колчанах Поволжья и Приуралья; из них вариант А был распространен с конца VI до рубежа IV—III вв. до н. э., вариант Б — преимущественно в IV в. до н. э. Этот тип стрелы появился в Скифии со второй половины VI в. до н. э.²⁰³, но широко распространился там только в своем первом варианте (А) в IV — начале III в. до н. э.²⁰⁴ Стрелы первого варианта больше всего распространены в Скифии, стрелы второго варианта, имеющие характерный для савроматов вилкообразный вырез, — на савроматской территории. Через савроматов стрелы скифского варианта А проникали к ананьинцам²⁰⁵.

7. В поволжских погребениях второй половины VI в. до н. э. найдены два втульчатых наконечника с трапецевидной головкой, имеющей трехгранное острие, переходящее в

¹⁹⁹ А. В. Збруева. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 40, 41; ее же. Свиногорское городище, стр. 103, рис. 2, 9.

²⁰⁰ Martin, pl. 26, fig. 17.

²⁰¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 129, рис. 73; К. А. Акишев. Саки Семиречья, табл. VI.

²⁰² E. Schmidt. Persepolis, v. II, pl. 76, 10.

²⁰³ Рау, Taf. III, 2 E, P; Taf. VI, 1 G, L, 3 D; Taf. XIII, M, O, P.

²⁰⁴ Ibid., Taf. IX, 1 H; Taf. X, 1 A, I, 3 C, D, E; Taf. XII, C, K; Е. В. Махно. Курганы скифского часу біля с. Мали Будки. Археологія, т. VIII. Київ, 1953, стр. 125, рис. 3, 3, 4; Е. Ф. Покровська. Розкопки коло с. Макиївки, табл. I; ее же. Курганы IV ст. до н. э. біля Холодного Яру поблизу м. Смели. Археологія, т. X. Київ, 1957, стр. 68, табл. I, 4.

²⁰⁵ J. Aspelin. Op. cit., t. I, p. 62, fig. 265.

¹⁹⁶ Рау, Taf. I, 2 H; Taf. III, 1 E; Taf. IV, 2 D; Скоробор, курган 4, ГИМ; Солодское, курган 2, ГИМ.

¹⁹⁷ Рау, Taf. IV, 2 F; Taf. V, 1 B; Е. Ф. Покровська. Розкопки курганів в V ст. до н. е. поблизу м. Шполи, стр. 150, рис. 2, 7; а также: с. Великие Будки, курган 478, раскопки Н. Е. Бранденбурга, ГЭ; Марицынский могильник, курган 19—М. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. «Prehistorische Zeitschrift», В. V. Berlin, 1913. Abb. 14; «Золотой» курган у Симферополя; с. Аксютинцы, курган 4, раскопки С. А. Мазараки, ГИМ.

¹⁹⁸ Коллекция ГИМ, II отдел, место хранения 83/39 а, б.

лопасти, косо срезанные внизу; оба имеют крючок-шип на втулке (табл. IV, В 37, 38). Стрела этого типа появилась в Скифии только в погребениях последней трети VI в. до н. э.²⁰⁶, т. е. в то же время, что и родственные ей скифские трехлопастные стрелы типов 2 и 3 (табл. II, Б, В). Она скифского происхождения и восточнее Поволжья не проникала.

8 и 9. Наконечников стрел со сводчатой (тип 8) и треугольной (тип 9) головками, украшенными рельефной поперечной крестообразной или А-образной каймой, с выступающей, иногда коротко обрезанной втулкой (табл. V, Б, В, Г) значительно больше в Самаро-Уральской области, чем в Поволжье. Они составляют руководящий тип в колчане из Соболевского кургана начала V в. до н. э. (рис. 19 А, 14, 24, 28, 30, 31, 41, 43, 44, 60, 63—65, 67; 19 Б, 1—17, 22, 61). Стрелы обоих типов с крестообразной каймой появляются уже в погребениях VI в. до н. э. (рис. 15, Е 7, 8). Наиболее поздние находки стрел обоих типов относятся к IV в. до н. э. (рис. 38, Б 4).

В Скифии стрелы с рельефным орнаментом в виде поперечной каймы или косоугольного креста («елочки») появляются уже в VI в. до н. э.²⁰⁷, причем наиболее ранними являются находки стрел типа 8 с поперечной каймой в Мельгуновском кургане²⁰⁸. Наконечник стрелы из Камышина (табл. V, В 1) аналогичен наконечникам из Дзюбиной могилы (Полтавская область)²⁰⁹, которую П. Д. Рау датировал серединой V в. до н. э.²¹⁰, из кургана I^Г Марицынского могильника²¹¹.

В кургане 505 у с. Броварка на р. Псел (раскопки Н. Е. Бранденбурга 1902 г.) найдены стрелы типа 9 с крестовидным орнаментом, аналогичные соболевским (рис. 19 А, 63—65, 67). Весь комплекс хорошо датируется первой половиной V до н. э.²¹²

Этим, пожалуй, и ограничиваются полные аналогии в скифском мире. С середины V в. до н. э. и до конца существования бронзо-

вых стрел в Скифии, как отмечает Б. Н. Граков²¹³, были типичны различные, чаще всего узкие трехгранные стрелы с короткой втулкой, с различным рельефным, главным образом крестообразным, орнаментом²¹⁴. Однако они в Скифии развились самостоятельно и далеко от савроматских стрел типа 9. Лишь в «Частых курганах» под Воронежем, в инвентаре которых имеется ряд черт, общих с савроматской материальной культурой, мы находим стрелы, аналогичные соболевским наконечникам с поперечной каймой²¹⁵.

К северным соседям савроматов, насколько мне известно, проникают в каком-то количестве стрелы типа 8 с поперечной каймой²¹⁶.

Остальные типы отдела III относятся к серии трехгранных наконечников с внутренней втулкой.

10. Наконечники сводчатые с ровным основанием и гладкими гранями, имеющими иногда небольшие ложки у основания, найдены у савроматов в очень небольшом количестве и только в колчанах конца VI — начала V в. до н. э. (табл. V, В). Среди них оригинальным является железный наконечник из кургана у с. Сара (рис. 22, А 11).

В Скифии и на Кавказе стрелы этой формы в двух ее вариантах — с гладкими гранями и с небольшими выемками — также встречаются редко. Время их бытования здесь совпадает с датой савроматских находок, но включает также и IV в. до н. э.²¹⁷ Хотя стрелы этого типа и не были найдены в архаических скифских и савроматских погребениях, однако их можно считать пережиточной формой древнейших костяных стрел, известных в памятниках андроновской культуры. Правда, и там, среди костяных втульчатых наконечников разнообраз-

²¹³ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре, стр. 130, табл. XVIII.

²¹⁴ Рау, Taf. VIII, 3 А, С, F, J; Taf. IX, 3С; Taf. X, 1 С, F, 2 F, 3 H; Taf. XI, 1 D; Taf. XII, В; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел, стр. 237, рис. 2, 2.

²¹⁵ Частые курганы, курган 7 (конец VI—V в. до н. э.). Воронежский музей; курган 11 (рубеж IV—III вв. до н. э.), ГЭ.

²¹⁶ А. В. Збруева. Свиногорское городище, стр. 103, рис. 2, 3.

²¹⁷ Рау, Taf. XI, 2 В, Е; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел, стр. 237, рис. 2, 14; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре, стр. 129, табл. XVIII, 6.

²⁰⁶ Рау, Taf. III, 2 Q; Taf. IV, 1 С.

²⁰⁷ Ibid., Taf. III, 2 M, R.

²⁰⁸ Ibid., Taf. III, 1 F.

²⁰⁹ ОАК за 1899, стр. 121.

²¹⁰ Рау, Taf. V, 2 D.

²¹¹ М. Ebert. Op. cit., Abb. 14.

²¹² В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел, стр. 238 и рис. 2, 14, d.

ность сводчатых стрел с ровным основанием встречается редко. Таковы, например, два наконечника из Садчиковского поселения (табл. V, А 2, 3)²¹⁸. Они более вытянутых пропорций, чем скифо-савроматские наконечники V—IV вв. до н. э. Однако их дальнейшее развитие в Евразии подтверждают находки наконечников стрел тех же вытянутых пропорций в памятниках ананьинской и тагарской культур²¹⁹.

11. Значительно большую популярность в скифское время имели стрелы типа 11: с массивной сводчатой головкой, переходящей в лопасти или массивные ребра, отделенные от втулки продольными ложками. Эта форма образовалась из сочетания простейших трехгранных и трехлопастных базисных стрел. У савроматов они известны главным образом в поволжских колчанах второй половины VI—V в. до н. э. (табл. V, Б, В), в Скифии они очень типичны для того же времени²²⁰. Здесь особенно распространены стрелы того варианта, которые были найдены в Блюменфельдском кургане А 12 (рис. 16 Б, 39—53, 55). Массивные крупные стрелы из кургана III, 3 у с. Луговое (бывшее Визенмиллер) отличаются локальным своеобразием (рис. 13, А 17, 21, 23—26). Единственный экземпляр из приуральского района, найденный в Мечетсайском кургане 2 (рис. 23, А 29), тождествен блюменфельдским наконечникам. Восточнее Южного Приуралья стрелы типа 11 мне вовсе не известны.

12. Узкие треугольные наконечники стрел с ровной базой и прямоугольными выемками у основания очень редки у савроматов. Известные мне два экземпляра с территории Поволжья явно скифского происхождения (табл. V, Б, Г). Такие стрелы широко распространились в Скифии с конца V в. до н. э., просуществовав здесь до III в. до н. э.²²¹ Однако наконечник

стрелы данного типа из Камышина (табл. V, Б 9) связан с более ранним вариантом треугольных стрел с узкими ложками в нижней части, которые в Скифии были известны уже в VI в. до н. э.²²² Экземпляр из Жигулей (табл. V, Г 2) аналогичен скифским вариантам IV в. до н. э.²²³ Они хорошо представлены в Чертомлыцком кургане и в рядовых скифских могилах никопольских курганов.

Найденные в Южном Приуралье трехгранные наконечники с ровной базой (из курганов станицы Павловской и аула Джанатан) отличаются от скифских: они имеют треугольное отверстие втулки, а вдоль граней проходят узкие ложки (рис. 34, Ж 4). Эти особенности придают им сугубо местные черты, свойственные большой серии трехгранных наконечников типа 17, характерных для сарматов Южного Приуралья в IV—III вв. до н. э. Наконечники стрел, аналогичные описанному варианту, найдены К. В. Сальниковым на зауральском городище «Чудаки»²²⁴. Два наконечника этого варианта найдены в раннесарматском погребении у с. Ушкалка на Днестре. Принадлежность этого погребения сарматам, судя по всему погребальному комплексу и, прежде всего, по найденным здесь глиняным сосудам, курильнице и всему набору бронзовых наконечников, типичному для приуральских сарматов конца IV—III в. до н. э.²²⁵, представляется мне бесспорной.

Бронзовые трехгранные наконечники с треугольной головкой и ровной базой, относящиеся к скифской эпохе, восходят, как и сводчатые, к аналогичным костяным наконечникам эпохи бронзы, найденным в памятниках срубной культуры Поволжья и Украины (табл. V, А)²²⁶.

стр. 129, табл. XVIII, 4; М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 158, рис. 44.

²²² Лозовая, раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ; урочище Солодское, курган I, ГИМ.

²²³ В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел, стр. 247, рис. 7, 6; Б. А. Шрамко. Курган и городище у с. Циркуны. КСИИМК, 63, 1956, стр. 104, рис. 48, 2.

²²⁴ Хранится в Челябинском музее.

²²⁵ Д. Я. Телегин. Погребение скифского времени на Нижнем Днестре. КСИИ, 6. Киев. 1956, стр. 48, 49, рис. 1 и 2.

²²⁶ Р. Рук. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit..., S. 81, Abb. 24, 4; В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино. КСИИ, 5. Киев, 1955, стр. 21, табл. I, 8.

²¹⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.), стр. 164, рис. 14, 12, 13.

²¹⁹ А. В. Збруева. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 13; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 253, табл. XXVI, 13.

²²⁰ Рау, Taf. IV, 2 В; Taf. V, 2 Е, К, 3 В; Taf. XIII, F; Е. Ф. Покровська. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи, стр. 150, рис. 2, 9, 10.

²²¹ Рау, Taf. VII, 2 Е; Taf. IX, 2 А; Taf. X, 1 F, 2 А; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре,

13. Наконечники стрел треугольной формы с ровной базой и пирамидальными остриями, переходящими в лопасти или ребра, в небольшом количестве известны у савроматов обеих областей (табл. V, Б, В, Г). В Поволжье они представлены тремя вариантами в колчанах конца VI—V вв. до н. э.: А) башневидные (табл. V, В 56, 57), Б) шиловидные (табл. V, В 59), В) с крышевидным трехгранным острием (табл. V, В 58, 60). Стрелы первых двух вариантов типичны для колчанов того же времени Скифии и Прикубанья²²⁷. Третий вариант здесь встречается редко. У савроматов Приуралья, кроме стрел варианта В, найдены наконечники с вилкообразным вырезом в основании острия (вариант Г, табл. V, В 62, Г 5). Этот признак как мы отмечали выше, характерен для стрел разных типов, преимущественно у южноуральских савроматов. Наиболее ранний экземпляр варианта Г найден в Соболевском кургане первой половины V в. до н. э. (рис. 20, А 20), наиболее поздние — в колчане конца IV в. до н. э. в курганной группе на Алебастровой горе (рис. 35, Б 10).

14. Сводчатые наконечники стрел с внутренней втулкой и дуговидным вырезом базы или опущенными вниз шипами (табл. V) появились у савроматов уже в VI в. до н. э. Все архаические стрелы этого типа найдены в приуральских погребениях. Это преимущественно крупные экземпляры с длинными шипами. Они характерны для колчанов из кургана VI в. у хут. Черниговского (рис. 15, А 18—21) и кургана конца VI—начала V в. до н. э. у с. Сара (рис. 21 Б, 41, 43—51). Западнее, в Заволжье, найден лишь один экземпляр этого приуральского варианта в погребении конца V — начала IV в. до н. э. (рис. 29, А).

Поволжские экземпляры типа 14, особенно в Блюменфельдском кургане А 12, отличаются меньшим размером и имеют дуговидную выемку в основании (рис. 16 Б, 54, 62, 63). Некоторые из них, найденные в приуральских погребениях IV в., имеют

узкие ложки вдоль граней (рис. 31, 62; 34, Д 7; рис. 38, А 16).

Ранний приуральский вариант неизвестен в Скифии. Здесь хорошо представлены в погребениях от конца V до начала III в. до н. э. трехгранные наконечники последнего варианта, причем наконечники с выемками у основания встречаются чаще, чем гладкие²²⁸.

В Прикамье и на Северном Урале были известны бронзовые наконечники обоих вариантов, но преимущественно восточносавроматского²²⁹. Они встречаются также в Казахстане, Сибири и на Алтае²³⁰. В странах Переднего Востока стрелы этой восточноевразийской формы очень редки. Один такой наконечник опубликован Р. Колдеем вместе с архаическими, скифскими стрелами из Вавилона²³¹, три наконечника найдены Э. Шмидтом в сокровищнице Персеполя²³². Последние тождественны наконечникам стрел из кургана у с. Сара и Мечетсайского кургана 2 (рис. 21Б, 41, 43, 45—51; 23, А 28, 30, 31).

15. Наконечники стрел сводчатой формы с внутренней втулкой и трехгранным острием, переходящим в лопасти или грани с опущенными вниз шипами, возникли из сочетания трехгранных стрел типа 14 и трехлопастных типа 12. В савроматских колчанах их сравнительно немного. Они делятся на три основных варианта: А) с продольными ложками, отделяющими лопасти от втулки (табл. V, Б 16, 17, В 79, 80, 82), Б) с ровным основанием трехгранного острия (табл. V, Б 19, В 81, 84, 86, 87), В) с вильча-

²²⁸ Рау, Taf. VIII, 1 E, 2 A, 3 B; Taf. IX, 1 A, B, D, E, 2 B, G; Taf. X, 2 B, 3 A; Taf. XI, 1 A, B, J, K, Q, R; Taf. XII, D.

²²⁹ А. В. Збруев а. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 34, 50; стр. 34, табл. IV, 2; J. Aspelin. Op. cit., t. II, p. 100, fig. 440; Е. М. Берс. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. МИА, № 21, 1951, стр. 212, рис. 6, 6.

²³⁰ ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, стр. 224, рис. 7; A. Heikel. Antiquités de la Sibirie Occidentale, pl. XXIX, 1, 2; Martin, pl. 26, 27; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 297, табл. XXVIII, 9; его же. Алтай в скифское время (маймирская эпоха). ВДИ, 1947, № 2, стр. 168, рис. 3; К. А. Акишев. Саки Семиречья, табл. I.

²³¹ R. Koldewey. Das wieder erstehende Babylon, S. 256, Abb. 184.

²³² E. Schmidt. Persepolis, v. II, pl. 76, 13; его же. The Treasury of Persepolis, p. 47, fig. 28 (PT 3 278).

²²⁷ Рау, Taf. VI, 3 C; Taf. VII, 1 D; С. И. Капосина. О скифских элементах в культуре Ольвии, стр. 174, рис. 17, 1; В. А. Ильинская. Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье. КСИИ, 3. Киев, 1954, стр. 68, табл. I, 5.

тым основанием острия (табл. V, B 83, 85, Г 11, 12). Первые два варианта известны в Поволжье и Приуралье в конце VI—V вв. до н. э., третий — только в Приуралье, где он доживает до рубежа IV—III вв. до н. э. Все поволжские стрелы имеют относительно короткие шипы. Для Скифии стрелы этого типа не характерны, здесь лишь иногда можно встретить поволжские варианты А и Б с короткими шипами в погребениях V вв. до н. э.²³³ Редки описываемые стрелы и к востоку от савроматов, причем здесь встречаются в основном экземпляры приуральского варианта В, т. е. с вильчатым вырезом у основания острия. Такие стрелы мне известны из Зауралья²³⁴ и на Верхней Оби²³⁵.

16. Треугольные наконечники с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами, с гладкими гранями или короткими выемками у основания для савроматов не типичны. Известные здесь экземпляры относятся в основном к IV — началу III вв. до н. э. (табл. V, Г). Для Скифии стрелы этого типа обычны в колчанах того же времени²³⁶. Найденный в кургане II, 4 у с. Луговое (бывшее Визенмиллер) наконечник с маленькими выемками у основания (табл. V, Г 13) аналогичен таким же наконечникам, многочисленным в никопольских курганах. На Волгу он попал из степной Скифии. Отдельные гладкие экземпляры встречаются и в более древних могилах, например, в колчанах Старшей могилы первой половины VI в. до н. э., кургана 4 у с. Аксютинцы конца VI — начала V вв. до н. э., кургана 7 группы «Частых» под Воронежом (того же времени). В восточных районах Северного Кавказа довольно характерны костяные наконечники этого типа, во всем повторяющие архаические экземпляры из кургана у станции Лебяжьей (табл. V, А 7, 8, 9)²³⁷. Послед-

ние представляют непосредственное связующее звено между простейшими вариантами типов 14 и 16 трехгранных стрел эпохи раннего железа и костяными стрелами эпохи бронзы. Трехгранные втульчатые костяные стрелы с шипами особенно были характерны для населения срубной культуры Поволжья и андроновской культуры Казахстана²³⁸. Скифо-савроматский мир в этом отношении был прямым наследником воинов эпохи бронзы степных просторов Поволжья и Казахстана.

17. Наконечники стрел треугольные с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами, имеющие пирамидальное острие, переходящее в лопасти или грани (табл. V, Б, Г) также редки у савроматов, как и стрелы типа 16. Наиболее ранний из них, относящийся к концу VI — началу V вв. до н. э., имеет острие с прямой базой (вариант А, табл. V, Б 20); к IV в. относятся наконечники другого варианта — с вильчатым вырезом в основании острия (вариант Б, табл. V, Г 17, 18). В целом же этот тип следует рассматривать как побочный восточноевропейский, связанный по происхождению с серией савроматских стрел с опущенными ниже втулки шипами.

В Скифии, где довольно часто встречались стрелы разных типов с трехгранным (крышевидным) острием, были известны наконечники типа 17, близкие савроматскому варианту А. В некоторых колчанах их обнаружено по нескольку десятков. В кургане V в. до н. э., раскопанном Д. Я. Самоквасовым в 1885 г. у с. Новогригорьевка, их найдено несколько дюжин²³⁹, в кургане Большая Цимбалка конца V — начала IV вв. до н. э., раскопанном И. Е. Забелиным в 1868 г. — более 30 штук²⁴⁰. Последние отличаются длинными острыми шипами. Такие шипы, ранее не характерные для скифских наконечников стрел, все чаще появляются на базисных стрелах IV—III вв. до

²³³ Рау, Taf. VI, 2 В («Золотой» курган у Симферополя); В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел, стр. 237, рис. 2, 14.

²³⁴ Альбом Челябинского музея, II, инв. № 692; XIII, 1—45 (стрелы с дюн у деревень Могиловой и Ильяжской, коллекции Аргентовского).

²³⁵ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, табл. XXII, 6, 7.

²³⁶ Рау, Taf. VIII, 3 D, E; Taf. IX, 3 E, I; Taf. X, 1 G.

²³⁷ О. А. Артамонова - Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 51, рис. 21, 1; Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 166, рис. 7, 8, 9.

²³⁸ P. Rykov. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit..., S. 77, Abb. 20, 8, 9, S. 81, Abb. 24, 4; И. В. Силицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 215, рис. 25; О. А. Кривцова - Гракова. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.), стр. 164, рис. 14, 8, 9, 10, 11.

²³⁹ Рау, Taf. VII, 1 L.

²⁴⁰ Хранятся в ГЭ.

н. э., очевидно, не без савроматского влияния.

18 и 19. Наконечники стрел с внутренней трехгранной втулкой и опущенными вниз шипами, сводчатые (тип 18) и треугольные или башневидные (тип 19), с выделенными лопастями или короткими гранями (табл. V, B, Г, Д) представляют особую серию стрел, характерных для савроматов и ранних сарматов Южного Приуралья. Несколько экземпляров типа 18 найдены в колчанах поволжских савроматов второй половины VI в. до н. э. (табл. V, Б 21—23). Это крупные экземпляры двух вариантов: А) с дуговидными ложками на гранях, отделяющих втулку от массивных ребер (рис. 13, Д 3), Б) с трехгранной втулкой и четко выделенными лопастями (рис. 14, А 20). Крупные экземпляры тех же двух вариантов известны в погребениях V в. до н. э. Самаро-Уральской области. Однако только в IV в. до н. э. у приуральских савроматов наконечники стрел обоих описываемых типов широко распространяются наряду с трехлопастными стрелами типов 12 и 13. Те и другие обычно встречаются в одних и тех же колчанах. В отличие от более древних экземпляров наконечники стрел этих типов в IV в. уменьшаются в размере, становятся уже и более грубо отлиты и обработаны после отливок. Среди них мы находим наконечники тех же двух основных вариантов, которые появились в VI в. до н. э. Среди стрел типа 19 появляются наконечники башневидных очертаний (рис. 31, 63, 65). В колчанах Любимовского кургана 1, Новокумакского кургана 12 и Благословенского кургана VI, 1 выделяется группа стрел с рельефным «узором» в виде косых крестов и перекладин, представляющих, очевидно, метки мастеров-литейщиков (рис. 31, 32, 33, 36). В небольшом количестве стрелы обоих типов доживают до II в. до н. э. (табл. V, Д). У савроматов Поволжья V и IV вв. до н. э. эти наконечники стрел почти не встречались. Надо думать, что наконечники стрел типа 19, найденные в погребении IV в. у с. Мирное (бывшее Фриденберг) (рис. 29, Б 6), — уральского производства.

Оба типа были редки также и у воинов Скифии. Здесь в колчанах IV—III вв. до н. э. иногда попадаются сводчатые наконечники с узкими ложками, отделяющими ко-

роткие лопасти от втулки²⁴¹. Однако у них сама втулка в сечении круглая, а не граненая.

Поздние экземпляры наконечников обоих типов были известны северным соседям южноуральских савроматов. Они найдены на городище «Чудаки» и в кургане «Елесина яма» близ с. Горохова Курганской области (раскопки К. В. Сальникова 1938 г.)²⁴².

IV. Втульчатые четырехгранные или ромбические в сечении наконечники стрел на савроматской территории, как и у скифов, широко не распространены. На тысячи известных савроматских стрел приходится менее десятка наконечников IV отдела. Из них только два найдены в Поволжье, остальные — в Южном Приуралье (рис. 39, А).

1. В коллекции Павельева (Камышинский музей) среди случайных находок в районе Камышина имеется один бронзовый наконечник стрелы с длинной шестигранной втулкой и короткой ромбической головкой (рис. 39, А 1). Мне не известны аналогии этому наконечнику. По соотношению втулки и головки он ближе всего стоит к некоторым трехгранным наконечникам типов 2 и 3 из Соболевского кургана и Марычевки (рис. 19 Б, 49, 52, 58; 20, В 5), которые датируются временем в пределах V в. до н. э.

Все остальные наконечники IV отдела непосредственно или косвенно связаны по происхождению с костяными стрелами евразийских степей эпохи бронзы и предскифского времени.

2. Бронзовый пирамидальный наконечник с внутренней втулкой и ровной базой найден в комплексе стрел V в. до н. э. из Ковыловки (рис. 18, Б 14), т. е. в северо-западном, окраинном районе савроматского мира. В Скифии аналогичные наконечники из бронзы и кости встречаются редко как пережиток предшествующей эпохи. Таковы находки стрел VI в. из Сергоз²⁴³, Старшей могилы²⁴⁴ и кургана 478, раскопанного Н. Е. Бранденбургом²⁴⁵

²⁴¹ Рау, Taf. XI, 1 R; также в Чертомлыцком кургане (ГЭ) и в погребениях IV—III вв. Марицынского могильника (курганы 3I, 4P, 3T).

²⁴² Хранятся в Челябинском музее.

²⁴³ Рау, Taf. II, 3 B.

²⁴⁴ В. А. Ілліньска. Курган Старша могила..., табл. II, 23, 24.

²⁴⁵ Коллекция ГЭ.

у с. Великие Будки. Их можно здесь встретить и в позднескифское время; в IV—III вв. до н. э. они имеют прямые грани и опущенные вниз шипы²⁴⁶. Наконечники стрел архаической Скифии, непосредственно связанные с совершенно аналогичными костяными образцами степной и лесостепной полосы Приднепровья, представлены находками в кургане Малая Цимбалка²⁴⁷ и на Субботовском городище чернолесской культуры (рис. 39, А 10, 11, 16, 17)²⁴⁸, а также на поселении Уч-Баш под Севастополем и на поселениях позднесрубной культуры Северного Причерноморья.

В эпоху раннего железа наконечники стрел типа 2, сделанные преимущественно из кости, наряду с трехгранными, были распространены в центральных и восточных районах Северного Кавказа шире, чем в Скифии²⁴⁹. Они имеют ровную базу или заостренные шипы. В приморских районах Дагестана такие же костяные наконечники найдены в погребениях рубежа нашей эры Таркинского и Карабудахкентского могильников²⁵⁰. Древнейшей находкой стрелы этой серии на Северном Кавказе является костяной наконечник пирамидальной формы из погребения эпохи бронзы в г. Ворошиловске Ставропольского края²⁵¹. Перечисленные находки стрел типа 2 не оставляют сомнения, что их родиной был юг Восточной Европы. В скифское время наконечники стрел этой формы встречались и далеко на

востоке, у населения тагарской культуры Южной Сибири²⁵².

3. Шесть бронзовых четырехгранных наконечников со сводчатым острием, внутренней втулкой и длинными шипами найдены в колчане погребения рубежа VI—V вв. до н. э. Мечетсайского кургана 2 (рис. 23, А 32—34). Их грани гладкие или имеют продольные ложки. Один такой же наконечник найден среди стрел кургана 6 Ново-Кумакского могильника под Орском (рис. 24, А 53). Он отличается от мечетсайских тем, что имеет асимметричные острые шипы: два длинных и два коротких. Все эти стрелы напоминают костяные типа 2 с заостренными шипами, однако к западу от Южного Приуралья точно таких наконечников не найдено. Моделью этого типа, вероятно, послужили архаические костяные стрелы восточных областей Евразии. Среди минусинских стрел имеются близкие по профилю четырехгранные стрелы, но без шипов. Наиболее близким по контурам граней является костяной наконечник из погребения VIII—VII вв. до н. э. у Кизил-Куля (рис. 39, А 12)²⁵³. Бронзовый наконечник стрелы близкой формы, но также без шипов, имеется в наборе стрел ананьинцев²⁵⁴. Однако точные аналогии для мечетсайских наконечников мы имеем только в Семиречье, Таджикистане и в Персеполе²⁵⁵. Они найдены в сакском курганном могильнике Бес-Шантыр на р. Или, а один бронзовый наконечник — на сакских поселениях в Кайрак-Кумах под Сталинабадом (сборы Б. А. Литвинского). Два тождественных мечетсайским наконечника найдены Э. Шмидтом в персепольской сокровищнице.

4. Оригинален крупный костяной наконечник с ромбической в сечении головкой, выделенной круглой втулкой и двумя длинными шипами (рис. 39, А 7). Он найден, по описи Оренбургского музея, в кургане Актюбинского района (№ 2082). Вильчатый вырез в основании головки сближает его с большой серией восточносавроматских стрел различных типов,

²⁴⁶ Рау, Taf. IX, 3 D.

²⁴⁷ Ibid., Taf. XIV, 2 F, G.

²⁴⁸ А. И. Тереножкин. Об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья. СА, XXIV, 1955, стр. 18, рис. 6, 5, 8.

²⁴⁹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунджи. Тр. ГИМ, вып. XVII. М., 1948, стр. 25, рис. 22, 5; его же. Северокавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 103, рис. 44, 5; его же. Древняя история и культура Кабарды, стр. 142, рис. 41, 5; его же. Первые итоги изучения восточного Предкавказья, стр. 166, рис. 7, 10; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период, стр. 51, рис. 21, 1.

²⁵⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, 1951, стр. 261, рис. 17, 12—14; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 92, рис. 38, 9.

²⁵¹ Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 133, рис. 42, 3.

²⁵² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 253, табл. XXVI, 14.

²⁵³ Рау, Taf. XVII, 3 C.

²⁵⁴ А. В. Збруева. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 39.

²⁵⁵ К. А. Акишев. Саки Семиречья, стр. 210, табл. I; E. Schmidt. Persepolis, v. II, pl. 76, 18.

но особенно с вариантом Г трехгранных втульчатых стрел VI — начала V в. до н. э. из Самаро-Уральской области (тип 5, табл. IV). Мы не располагаем данными для абсолютной датировки актюбинского наконечника, но архаический облик позволяет отнести его к группе стрел VI — начала V в., если только не древнее. Об этом говорит и материал, из которого он сделан, и типологическая близость с костяными втульчатыми стрелами эпохи бронзы. Ромбические в поперечном сечении стрелы с двумя шипами, наряду с трехгранными, были характерны для срубной культуры, особенно в Поволжье (рис. 39, А 20)²⁵⁶, и андроновской культуры Урала и Казахстана (рис. 39, А 21, 22)²⁵⁷. В неизменном виде они дожили в Северном Причерноморье до предскифского времени (Субботовское городище и курган Малая Цимбалка) (рис. 39, А 13, 14)²⁵⁸ и даже изредка встречались в скифских погребениях (курган Чертомлык). Однако непосредственным прототипом для актюбинского наконечника послужила лишь одна форма костяной стрелы (рис. 39, А 19), найденной на Кипельском селище, которое отнесено К. В. Сальниковым к алакульскому этапу андроновской культуры²⁵⁹.

В отличие от других срубно-андроновских втульчатых ромбических стрел, у кипельского наконечника намечается круглая втулка, отделенная от шипов.

5. Близок актюбинскому костяному наконечнику бронзовый наконечник с выступающей втулкой и узкой, ромбической в сечении головкой, переходящей в нижней части в лопасти с шипами, из кургана у хут. Черниговского VI в. до н. э. (рис. 15, А 5). Вероятно, он общего происхождения с актюбинским наконечником.

6. Бронзовый наконечник с выступающей круглой втулкой, переходя-

щей в лавролистную ромбическую в сечении головку, найденный в кургане VI — начала V в. до н. э. у с. Сара, также является оригинальным и не имеет подобных себе экземпляров (рис. 21 А, 22). Но происхождение его представляется вполне ясным. Он связан с группой костяных и металлических наконечников, имеющих круглую втулку, постепенно переходящую в головку ромбического сечения. Наконечники этой формы встречаются на широкой территории Евразии в предскифское и раннескифское время. На западе такой наконечник найден в кургане начала VII в. до н. э. у с. Ендже в Северной Болгарии (рис. 39, А 15)²⁶⁰. Тожественный железный наконечник найден Н. И. Веселовским в 1903 г. в одном из курганов архаического скифского времени у станции Усть-Лабинская²⁶¹. Бронзовый экземпляр имеется среди стрел предскифского и архаического скифского времени, собранных Е. И. Крупновым на песчаных выдувах севернее г. Грозного²⁶². Стрелы близкой формы известны также в Казахстане²⁶³, Сибири и на Алтае тагарской и майэмирской эпох²⁶⁴.

V. Отдел круглых в сечении стрел представлен у савроматов двумя типами.

1. Наконечники с расширяющейся в средней части головкой, найденные у савроматов в южноуральском районе, могут быть поставлены в связь с только что рассмотренной архаической формой стрел Евразии. Это позволяет датировать их переходным временем — VII в. до н. э. К ним относятся два костяных (роговых?) наконечника из кургана 2 могильника Ак-Жар под Актюбинском (рис. 12, Л).

Кроме указанных выше наконечников из кости и металла, с ними сближается круглый наконечник стрелы из минусин-

²⁵⁶ Р. Rykov. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit..., S. 80, Abb. 23, 2, 3; Rau, Taf. XIV, 1 C.

²⁵⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.), стр. 164, рис. 14, 14—16.

²⁵⁸ А. И. Тереножкин. Об этнической принадлежности..., стр. 18, рис. 6, 5; Rau, Taf. XIV, 2 F.

²⁵⁹ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 130, рис. 15, 4; его же. Кипельское селище. СА, XXVII, 1957, стр. 203, рис. 7, 2.

²⁶⁰ Р. Попов. Могилище гробов при с. Ендже, стр. 103, рис. 90 D.

²⁶¹ Хранится в ГИМ, инв. № 48478.

²⁶² Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция, стр. 104, рис. 42, 10.

²⁶³ М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, т. 7, археология. Алма-Ата, 1959, стр. 166, рис. 2.

²⁶⁴ Martin, pl. 26, 2; И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. II, 24; М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае, стр. 16, рис. 6, 10.

ского погребения переходного карасуко-тагарского времени у Кизил-Куля (рис. 39, Б 13)²⁶⁵.

В кургане у с. Сара было найдено около 50 железных втульчатых наконечников стрел. Все они сильно окислены, и втулки, достигающие в длину 3 см, обломаны. Несмотря на плохую сохранность этих стрел, среди них выделяются экземпляры, у которых втулка переходит в довольно четко обрисованную утолщенную головку, округлую в сечении (рис. 22, А 1—3, 6). Этот единственный в своем роде набор стрел, вовсе не известный в колчанах скифов, находит полные аналогии в бронзовых наконечниках Южной Сибири (рис. 39, Б 11)²⁶⁶ и Северного Казахстана (дюны под Семипалатинском)²⁶⁷. Еще один такой же железный наконечник найден среди стрел кургана 6 Ново-Кумакского могильника (рис. 24, А 54).

2. Бронзовых пулевидных наконечников найдено на савроматской территории всего три. Два из них происходят из погребений начала V в. до н. э. (Блюменфельдский курган А 12 и курган у с. Сара, рис. 16 Б, 65; 21 Б, 42). В скифскую эпоху такие наконечники, отлитые из бронзы или выточенные из кости, бытовали в Скифии и на Кавказе²⁶⁸, в меньшей степени — у жителей Сибири тагарской эпохи²⁶⁹.

Исходную форму для этого типа мы находим на юге Восточной Европы эпохи бронзы. Костяные наконечники круглой формы были известны населению позднесрубной культуры Украины. Такой наконечник был найден А. В. Добровольским на поселении у с. Сабатиновка на Южном Буге (рис. 39, Б 16). Два пулевидных костяных наконечника найдены в кургане Малая Цимбалка (рис.

39, Б, 14, 15)²⁷⁰. Им тождественны костяные наконечники из погребений Украины архаического скифского времени²⁷¹. В Скифии стрелы этого типа, в основном костяные, бытовали до конца IV в. до н. э.²⁷²

Б. ЧЕРЕШКОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ (рис. 40)

Господство бронзовых втульчатых наконечников стрел характерно для скифской эпохи юга нашей страны, господство железных черешковых — для сарматской эпохи, начиная со II в. до н. э. Черешковые стрелы были почти не известны населению Скифии. Роль широкого распространения этой стрелы в Северном Причерноморье и на Кавказе принадлежит сарматам. Хронологические рамки нашего исследования не позволяют проследить весь ход развития сарматских черешковых стрел, оказавших определенное влияние и на формы стрел у кочевников средневековья. Мы остановимся только на начальном этапе развития черешковой стрелы, поскольку она была уже известна савроматам благодаря их связям с населением восточных областей Евразии, и в первую очередь Южной Сибири и Средней Азии. У савроматов черешковые стрелы появились на рубеже VI—V вв. до н. э.

Каменные и костяные черешковые наконечники были хорошо известны предшественникам и предкам савроматов — племенам срубной культуры Поволжья²⁷³ и андроновцам Казахстана²⁷⁴. Однако основные формы этих наконечников, дожив до конца эпохи бронзы, были к VII в. до н. э. вытеснены «скифскими» втульчатыми наконечниками, в большинстве случаев, как мы показали выше, евразийского происхождения. Показательна находка плоского костяного наконечника с коротким черешком из

²⁶⁵ Rau, Taf. XVII, 3 B.

²⁶⁶ J. Aspelin. Op. cit., t. I, p. 61, 254.

²⁶⁷ ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, стр. 229, рис. 7.

²⁶⁸ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунджи, стр. 25, рис. 22, 4; его же. Северокавказская экспедиция, стр. 103, рис. 44, 4; его же. Прикаспийская археологическая экспедиция, стр. 104, рис. 42, 13; его же. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК, XX, 1948, стр. 69, рис. 33, 10.

²⁶⁹ Martin, pl. 26, 3; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951 г., стр. 253, табл. XXVI, 9, 12; С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алмата, 1949, табл. XII, 6.

²⁷⁰ Коллекция ГЭ.

²⁷¹ Курган 406 в урочище Горячево (ГЭ); курган Старшая могила — см. В. А. Іллінська. Курган Старша могила..., табл. II, 25, 26; Ольвия — см. Rau, Taf. IV, 2 C; Басовское городище — см. В. А. Іллінська. Верхньосулська експедиція 1947 р., АП УРСР, т. IV, 1952, табл. I, 2.

²⁷² Rau, Taf. IX, 2 D, E (Чмырева могила); Taf. XI, 2 G (Шульговка).

²⁷³ P. Rykov. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit..., S. 80, Abb. 23, 4, S. 83, Abb. 25, 6.

²⁷⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 124, рис. 49, 5, 6.

раннего савроматского погребения у станции Лебяжьей²⁷⁵. Он подражает кремневым и кварцитовым наконечникам срубной и андроновской культур. Вероятно, эти же каменные наконечники послужили моделью для андроновского мастера Восточного Казахстана, отлившего бронзовый двухлопастный наконечник с коротким плоским черешком (табл. I, А 29)²⁷⁶. В дальнейшем кочевники Поволжья и Казахстана не изготавливали наконечников стрел, восходящих к древним каменным стрелам.

I. Плоские черешковые стрелы не употреблялись скифами и савроматами; но населению Сибири и Средней Азии были хорошо известны различные типы плоских черешковых наконечников из кости и металла. Однако без специального изучения этого восточного материала пока невозможно судить, как возникли и насколько широко применялись стрелы этой формы воинами или охотниками в той или иной области Востока. Представляется несомненным, что известные в южных районах Средней Азии бронзовые черешковые стрелы с нервюром вдоль плоского листа²⁷⁷ были переднеазиатского, в частности иранского происхождения. Они хорошо представлены в Сялке²⁷⁸ и в Персеполе²⁷⁹.

I. Единственный железный наконечник с плоской лавролистной головкой, переходящей в короткий плоский черешок, найден в савроматском погребении у с. Сара (рис. 22, А 16). Он очень похож на плоские железные черешковые

стрелы ананьинской культуры²⁸⁰. Вероятно, в колчан савромата он попал от северных соседей. Эта форма железных наконечников стрел была известна также сакам Восточного Памира²⁸¹.

2. На рубеже IV—III вв. до н. э. в Поволжье появляются железные и костяные наконечники стрел с плоской треугольной или ромбовидной головкой, плоским длинным черешком, заканчивающимся серповидным отростком (рис. 40, 15—17). Подобные стрелы, по сводке Флиндерса Петри, были известны в Швейцарии и в юго-западном Прикаспии²⁸². Однако ближайшие по времени и территории аналогии ведут нас на Средний Дон. Стрелы этого типа, выкованные из железа, были найдены в Мастюгинских курганах конца IV — начала III в. до н. э.²⁸³ Они-то и послужили моделями для сарматских стрел. Подобный же наконечник был недавно найден А. Е. Алиховой на горах Кузина гора на Сейме (Курская область).

Стрелы обоих описываемых типов появлялись у кочевников Поволжья и Южного Урала лишь спорадически, в результате связей с соседями; широко они здесь так и не распространились.

II. Почти все известные у савроматов и ранних сарматов трехгранные черешковые стрелы выкованы из железа. В результате общения с населением ананьинской культуры и особенно с меотами Нижнего Дона и Прикубанья, у которых рано развилось производство железных наконечников стрел, савроматы постепенно осваивали необычную для них технику изготовления наконечников стрел. По форме головки, моделью которой всегда служили бронзовые литые наконечники, описываемые стрелы разделяются на пять типов.

В дальнейшем, в связи с общим процес-

²⁷⁵ Рау, Taf. XVII, 1 D.

²⁷⁶ Находка С. С. Черникова в погребении Федоровского этапа у с. Канай на Иртыше — см. С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции (1952 г.), стр. 54, рис. 21, 2.

²⁷⁷ В. М. Массон. Памятники культуры архайского Дахистана в Юго-Западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 421, рис. 36; его же. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба, стр. 64, рис. 24; его же. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 46, рис. 12, стр. 55, рис. 32, стр. 105, рис. 34; кроме того, наконечники этого типа найдены Б. А. Литвинским на сакских поселениях Кайрак-Кумов в Таджикистане и Хорезмской экспедицией на поселении амарадской культуры.

²⁷⁸ R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Sialk... t. II, pl. L. LVII, LXXV.

²⁷⁹ E. Schmidt. The Treasury of Persepolis, p. 47, fig. 28; его же. Persepolis, v. II, pl. 76, 4—6, 21, 22.

²⁸⁰ А. В. Збруева. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 53; стр. 52, табл. IX, 3; J. Asprell. Op. cit., t. II, p. 110, fig. 442.

²⁸¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 309, рис. 135, 15, 17, 18.

²⁸² Flinders Petrie. Tools and Weapons, pl. XLI, 111, 149, 150.

²⁸³ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, вып. 43. СПб., 1911, стр. 50, рис. 59, 2, 8.

сом уменьшения литых из бронзы наконечников, формы трехгранной черешковой стрелы у сарматов конца IV—III вв. до н. э. изменяются.

1. С Южного Урала происходят три наконечника со сводчатой головкой, заканчивающейся острыми, опущенными вниз шипами и длинным черешком (рис. 40, 8, 12, 13).

Один железный экземпляр был найден учителем школы с. Ракитянки в 1949 г. на Блявинском руднике (рис. 40, 8)²⁸⁴. Головка наконечника точно копирует трехгранные втульчатые стрелы типа 14 Южного Приуралья VI—V вв. до н. э. (табл. V). Два одинаковых по форме бронзовых экземпляра происходят из курганов Баймакского района Башкирской АССР (рис. 40, 13) и из кургана у с. Сара (рис. 22, А 17; 40, 12). Они имеют сводчатые головки, переходящие в нижней части в массивные грани с острыми шипами, и длинные черешки, уплощенные на концах. По форме головки они тождественны трехгранным втульчатым наконечникам стрел, найденным в том же кургане у с. Сара (рис. 21 Б, 21, 22).

В Сибири и Средней Азии известны различные типы черешковых трехгранных стрел, сделанных из бронзы или кости. Савроматские наконечники близки по форме некоторым минусинским бронзовым наконечникам с острыми шипами²⁸⁵. С Алтая мне известны наконечники стрел, тождественные железному наконечнику Блявинского рудника²⁸⁶. Совершенно одинаковы с ним девять железных наконечников, найденных в сокровищнице Персеполя²⁸⁷. Персепольская находка не оставляет сомнения в том, что южноуральский экземпляр относится к раннему времени, так как материал сокровищницы датируется монетами в пределах с конца VI по IV в. до н. э. Находки тождественных стрел в этих районах лишь раз подтверждают наличие контакта между савроматами Приуралья и ахеменидской Персией.

Этот же тип бронзовой черешковой стрелы был известен ранним кочевникам Казах-

стана²⁸⁸, причем у саков Семиречья мы находим экземпляры, тождественные наконечникам из с. Сара и Баймакских курганов²⁸⁹.

2. В кургане у с. Сара среди железных наконечников найдено шесть наконечников с трехгранной, расширяющейся в верхней части головкой и круглым в сечении черешком (рис. 22, А 7—10, 12; 40, 2—6). Контуры головок у этих наконечников соответствуют контурам железных и некоторых бронзовых втульчатых стрел из того же комплекса (рис. 21 А; 22, А 2—6).

Ближних аналогий этим стрелам в восточных районах Евразии нет, а особенности формы позволяют предположить, что данные наконечники возникли в восточносарматской среде.

3. В IV в. до н. э. у приуральских савроматов впервые появляются железные черешковые стрелы с массивной сводчатой головкой и ровной базой (рис. 40, 20—23). Девять таких наконечников найдено в кургане у с. Буруктал вместе с железным черешковым трехлопастным и шестью бронзовыми втульчатыми (рис. 38, Б) наконечниками. Аналогичные наконечники, отлитые из бронзы, найдены в погребениях ананьинской культуры²⁹⁰. Близкие буруктальским по форме наконечники стрел эпохи раннего железа, сделанные преимущественно из кости или бронзы, были известны в Южной Сибири²⁹¹, Алтае²⁹² и Средней Азии²⁹³, в том числе и в Хорезме²⁹⁴. Такие

²⁸⁸ К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, т. 7, археология. Алма-Ата, 1959, табл. VI.

²⁸⁹ К. А. Акишев. Саки Семиречья, стр. 210, табл. I.

²⁹⁰ А. В. Збруева. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 16—18, 44.

²⁹¹ И. Кузнецов - Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. II, 21; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 253, табл. XXVI, 20; Martin, pl. 26, 40.

²⁹² С. И. Руденко. К палеантропологии Южного Алтая. Сб. «Казаки», вып. III. М., 1930, стр. 141, рис. 1, 8.

²⁹³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 309, рис. 135, 7—10, 14, стр. 191, рис. 76, 22; В. М. Массон. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. Изв. АН Туркменской ССР, № 1, 1953, стр. 55, рис. 1.

²⁹⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 129, рис. 73.

²⁸⁴ Хранится в Оренбургском музее.

²⁸⁵ И. Кузнецов - Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. II, 16, 20, 21.

²⁸⁶ J. Aspelin. Op. cit., t. I, p. 62, fig. 262.

²⁸⁷ E. Schmidt. Persepolis, v. II, pl. 76, 15.

же стрелы, но с выемками на гранях, найдены в Тамдинском кургане 10 VII—VI вв. до н. э. на Восточном Памире (бронзовые экземпляры), в Кургакском могильнике V—III вв. до н. э. в Фергане (железные экземпляры)²⁹⁵ и в памятниках скифской эпохи Монголии²⁹⁶. Появлению стрел описываемого типа как у савроматов, так и у ананьинцев, безусловно, способствовали восточные связи савроматов.

4. На рубеже IV—III вв. до н. э. у сарматов еще при господстве бронзовых наконечников появляются железные стрелы очень оригинальной формы. Эта стрела имеет изящную треугольную головку с ложками на гранях и длинный круглый в сечении черешок, достигающий 17 см длины (рис. 40, 14). В колчане из погребения у с. Луговое (бывшее Визенмиллер) на Торгуно было найдено не менее 30 таких стрел. Можно говорить об их местном производстве, так как форма головки целиком копирует характерные для Поволжья и Приуралья IV в. бронзовые трехлопастные наконечники с узкими лопастями. Такие же стрелы были известны и сарматам Южного Урала на прохоровском этапе. Позднее II в. до н. э. они неизвестны.

Сравнительный материал ведет нас далеко на восток. Стрелы с длинными металлическими черешками применялись воинами древнего Китая. Они найдены, например, в Сиани в могильнике Бань-по²⁹⁷. Это втульчатые трехлопастные наконечники, в которые вставлены круглые или четырехугольные в сечении стержни длиной от 10 до 16 см²⁹⁸. Время их бытования — V—III вв. до н. э. — в целом совпадает с датой, установленной для сарматских стрел. Такие же стрелы, судя по коллекции Товостина, были известны воинам Сибири²⁹⁹. Применяли их

и в Монголии³⁰⁰. В бронзовые или железные втульчатые головки этих стрел вставлены железные стержни, причем сибирский экземпляр по форме головки тождествен ананьинским; наконечники из Монголии имеют трехгранные головки, но более массивные, чем у описанных сарматских стрел.

5. Наконечники стрел с узкой пирамидальной или сводчатой головкой с ровной базой представлены находками в Прохоровских курганах III в. до н. э. (рис. 40, 27). В коллекции Оренбургского музея их насчитывается 18 экземпляров. Аналогичные стрелы были найдены единицами и в других погребениях прохоровской культуры Приуралья, датируемых временем в пределах III и II вв. до н. э. Эти наконечники, как и наконечники типа 4, были приспособлены для сражения с врагом, одетым в доспехи: их головки достаточно массивны, а форма приспособлена для пробивания доспехов — кольчуги и чешуйчатого панциря из металлических или костяных пластин.

Бронзовые литые экземпляры наконечников стрел этого типа известны в курганах V—III вв. до н. э. в Казахстане³⁰¹ и в Минусинской котловине³⁰², а в погребениях ананьинской культуры, притом довольно раннего времени, мы находим экземпляры, особенно близкие по форме и размеру сарматским железным стрелам³⁰³.

Наконечники данного типа, вероятно, развились из более ранних массивных наконечников типа 3, широко распространенных от Прикамья до Монголии.

III. Черешковые трехгранные стрелы прекращают свое существование у сарматов во II в. до н. э. С этого времени господствующее положение среди сарматских стрел занимают железные черешковые трехлопастные наконечники, которые просуществовали на юге нашей страны, мало изменяясь по форме, до IV в. н. э., т. е.

²⁹⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 309, рис. 135, 7—10, 14, стр. 191, рис. 76, 22.

²⁹⁶ С. В. Киселев. Монголия в древности, стр. 364, рис. 3.

²⁹⁷ Цзинь-Сюе-шань. Кладбище эпохи Воюющих царств Бань-по, Сиань. Ж. «Каогу-Сюбао», № 17 (осень, 1957 г.), стр. 71, рис. (На китайском языке).

²⁹⁸ Сужу лишь на основании иллюстрации в указанном китайском журнале.

²⁹⁹ А. М. Tallgren. Collection Tovostine. pl. VII, 32.

³⁰⁰ С. В. Киселев. Монголия в древности, стр. 364, рис. 3.

³⁰¹ М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана, стр. 179, рис. 16 (аул Канаттас, курган 16), стр. 166, рис. 2 (могильник Кик-су, курган 5).

³⁰² Martin, pl. 26, 40.

³⁰³ Р. Б. Ахмеров. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени. КСИИМК, XLVIII, стр. 28, рис. 10, 4; А. В. Збруева. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 17, 18, 44.

до конца сарматского господства в степях Восточной Европы.

На Переднем Востоке бронзовые трехлопастные черешковые стрелы появились очень рано. Они были найдены Э. Шмидтом в слое IV Алишара в Анатолии, который датируется исследователем 1400—1200 гг. до н. э.³⁰⁴ В восточных районах Евразии — Сибири, Алтае, Монголии и отчасти в Северной Азии бронзовые стрелы этой формы широко использовались воинами с самого начала железного века. Остается неясным, была ли эта форма связана по происхождению с древними переднеазиатскими образцами. Скорее всего, на востоке нашей территории она возникла под влиянием древних костяных черешковых стрел с трехгранной шипастой головкой того типа, который известен, например, в упомянутом выше Минусинском погребении из Кизил-Куля³⁰⁵. Черешок этих костяных стрел — плоский на конце. Такая же форма черешка характерна для ранних бронзовых экземпляров. В Южной Сибири и Казахстане древнейшие образцы таких бронзовых стрел относятся к переходному карасуко-тагарскому времени (VIII—VII вв. до н. э.)³⁰⁶. Этот вид стрел в скифо-тагарское время становится типичным для бронзовой черешковой стрелы Казахстана, Южной Сибири и особенно Монголии³⁰⁷. По С. В. Киселеву, в Сибири наконечники этой формы составляют 24% от общего числа бронзовых стрел, а в Монголии — 41%. Из этого основного района она распространяется западнее — в Среднюю Азию, Прикамье и в савроматские области.

1. Наиболее древняя стрела этого отдела у савроматов представлена большим бронзовым наконечником с широкой сводчатой головкой и прямо срезанными внизу лопастями (рис. 17, Г; 40, 1). Наконечник найден в нарушенной могиле в

кургане Д 17 у с. Старая Иванцовка (бывшее Альт-Ваймар) в Заволжье. Он отличается от древнейших казахстано-сибирских стрел только более длинной головкой. Близкие аналогии для поволжского наконечника мы имеем в Майэмирской степи Южного Алтая³⁰⁸, в Монголии³⁰⁹, в Казахстане³¹⁰, в Южной Сибири на раннем этапе тагарской культуры³¹¹, в Семиречье³¹² и в южной Туркмении, где очень близкие бронзовые экземпляры были найдены в Мисрианской долине на поселении Изат-Кули, в слое, который датирован В. М. Массоном второй четвертью I тысячелетия до н. э.³¹³ Видимо, из Средней Азии такие же бронзовые стрелы попали в ахеменидский Персеполь, где в сокровищнице было найдено 16 стрел, аналогичных стрелам из Дахистана и Поволжья. Заволжский наконечник не моложе V в. до н. э. С IV в. до н. э., т. е. в то же время, когда железные черешковые стрелы начинают распространяться в Южной Сибири, в южноуральском районе территории савроматов впервые появляются железные наконечники такого же типа (рис. 38, Б 7; 40, 19).

2. Одновременно с началом проникновения в Заволжье бронзовых наконечников типа 1 в колчанах южноуральских савроматов появляются единицами бронзовые наконечники с узкой головкой и прямыми или срезанными под тупым углом лопастями (рис. 22, А 18; 40, 10, 11).

Аналогии снова ведут нас в восточный мир Сибири и Казахстана. Оба варианта, представленные в курганах южноуральских савроматов V в. до н. э. (у сел Сара и Покровка), имеются в древних погребениях ананьинской культуры Прикамья³¹⁴. В кургане 5 у Ялutorовска, раскопанном А. Гейкемелем в 1893 г., найден бронзовый наконеч-

³⁰⁸ С. И. Руденко. К палеантропологии Южного Алтая, стр. 141, рис. I, 5.

³⁰⁹ С. В. Киселев. Монголия в древности, стр. 364, рис. 3.

³¹⁰ ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, стр. 229, рис. 7; К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана, табл. VI.

³¹¹ А. Н. Липский. Археологические раскопки в Хакасии. КСИИМК, 64, 1956, стр. 123, рис. 53, 3.

³¹² А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, стр. 348, табл. 68.

³¹³ В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении, стр. 401, рис. 15.

³¹⁴ А. В. Збруева. История населения..., стр. 89, табл. XIX, 14, 15, 33.

³⁰⁴ E. Schmidt. The Anatolia throughout the Ages. Discoveries at the Alishar mound 1927—1929. Oriental Institute Communications, Nr. II. Chicago, 1931; его же. The Alishar Hüyük. Oriental Institute Publications, t. XIX, v. I. Researches in Anatolia, t. IV, 1, 1932 (слой IV).

³⁰⁵ Рау, Taf. XVII, 3 A.

³⁰⁶ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы, стр. 132, рис. 42, 1; М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, стр. 156—158.

³⁰⁷ С. В. Киселев. Монголия в древности, стр. 364, рис. 3.

ник стрелы, почти точно скопированный с наконечника из кургана у с. Сара (рис. 22, А 18)³¹⁵. Тут же находились железные черешковые стрелы типа 1, тождественные буруктадьскому наконечнику (рис. 38, Б 7). Очень близки савроматским и бронзовые наконечники из Казахстана³¹⁶.

В Южном Приуралье не позднее рубежа IV—III вв. стрелы этого типа, но более крупного размера, начинают ковать из железа (рис. 35, Б 16; 40, 25), и в III—II вв. до н. э. они появляются в поволжских колчанах вместе с бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел поздних типов (рис. 40, 26).

3. Железные черешковые наконечники стрел с острыми шипами впервые на Южном Урале появляются не позднее V в. до н. э., судя по находке такой стрелы вместе с трехгранной черешковой того же профиля на Блявинском руднике (рис. 40, 9). Шипастая бронзовая черешковая трехлопастная стрела существовала в восточных областях одновременно со стрелами других, описанных выше типов. Ближайшей аналогией блявинскому наконечнику является бронзовый наконечник стрелы, известный по публикации И. Кузнецова-Красноярского³¹⁷.

В IV в. до н. э., параллельно с железными черешковыми наконечниками типов 1 и 2, появляются железные экземпляры типа 3, имеющие все основные признаки ранних сарматских железных черешковых стрел: большой размер и длинную узкую головку (рис. 31, 77; 40, 24).

Железные черешковые трехлопастные стрелы всех трех перечисленных типов во II в. до н. э., успешно соперничая с черешковыми трехгранными и отживающими бронзовыми втульчатыми, занимают ведущее место в колчанах сарматских воинов.

* * *

Итак, типологический анализ, легший в основу нашей классификации стрел, дает

³¹⁵ A. Heikel. Antiquités de la Sibirie Occidentale, pl. XXVIII.

³¹⁶ ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, стр. 228, рис. 6 (третий в нижнем ряду); А. Г. Максимов а. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата), стр. 258, табл. III, 23.

³¹⁷ И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. II, 16.

возможность проследить развитие этого основного вида вооружения савроматов. Савроматы, как и скифы, были главными наследниками достижений евразийских воинов эпохи бронзы, особенно носителей срубной и андроновской культур, создавших к концу II тысячелетия до н. э. основные формы двухлопастных стрел по образцам местных наконечников копий. Общий, так называемый «скифский» или «азиатский» комплекс двухлопастных стрел был типичен для различных племен степной и лесостепной полосы Евразии — от Северной Болгарии на западе до Минусинской котловины и Алтая на востоке. Именно степным народам Средней Азии и Сибири, скифам Северного Причерноморья и их ближайшим соседям были обязаны Передний Восток и Южная Европа распространением этих стрел в южных странах, где все же «скифские» бронзовые стрелы никогда не занимали ведущее место в колчанах воинов. Появление скифских двухлопастных стрел в странах Переднего Востока в целом совпадает по времени с военной экспансией скифов. В свою очередь скифы заимствовали кое-что из вооружения у ирано-мидийского населения, например, акинак с бабочкообразным перекрестьем и, может быть, стрелу трехлопастной формы, более устойчивую и, следовательно, более дальнюю в полете, чем плоская.

Двухлопастная стрела, занимавшая ведущее место в вооружении скифов и савроматов в VII в. до н. э. и сохранившаяся в их колчанах до V в. до н. э., связана с определенным типом сложного, небольшого по размеру лука сигмаобразной формы, изображение которого нам известно и среди савроматских памятников (рис. 9, 5). Лук этого типа бытовал у тех и других, вероятно, без особых изменений в течение длительного периода. Бронзовые втульчатые наконечники стрел, просуществовавшие до II в. до н. э., изменялись по форме и размеру в связи с военно-техническими особенностями производства оружия у отдельных племенных групп и в какой-то степени в связи с различиями вкусов производителей. В целом же общий процесс эволюции этого вида оружия, вызываемый постепенным прогрессом военной техники, протекал у родственных скифов и савроматов одинаково.

Различия в формах стрел у скифов и савроматов возрастают со временем. Большая

часть савроматских стрел VII в., происходящая, к сожалению, только из случайных находок в Поволжье, относится к отделу плоских (двухлопастных) втульчатых стрел, отлитых из бронзы. Они хорошо известны на обширной территории распространения «скифских» стрел. Это довольно крупные наконечники, обладающие сильной пробивной способностью. Их боевое качество часто усиливается длинным и острым крючком на боку втулки.

Как и в Скифии, к концу VII в. до н. э. савроматы Поволжья впервые знакомятся с легкой втульчатой трехлопастной стрелой с лавролистной головкой (тип I, табл. II). Этот тип, как я уже отметил, был, по-видимому, мидо-персидского происхождения и проник в Скифию и на Северный Кавказ в результате тесного военного и культурного контакта скифов с мидийцами и персами. Эта стрела становится характерной для скифов в конце VII—VI вв. до н. э. Стрелы этого типа попадают и к савроматам в результате их контакта со скифами, а возможно, и с ахеменидским Ираном. Популярность стрелы трехлопастной формы, занявшей господствующее положение у скифов и савроматов уже в VI в. до н. э., определялась ее более устойчивым, по сравнению с плоской стрелой, положением в полете, что обеспечивало дальность полета. Потребность в трехлопастной стреле, вызываемая военными интересами, привела к усовершенствованию литейной техники: двухстворчатые литейные формы для изготовления стрел заменяются трехстворчатыми. Трехстворчатыми литейными формами стали пользоваться для отливки и других типов трехлопастных и трехгранных стрел. Последние, как я уже отмечал, в своем происхождении тесно связаны с костяными образцами эпохи бронзы. Единственный у савроматов ранний погребальный комплекс с металлическими стрелами из Усатова в Поволжье, датированный П. Д. Рау концом VII в. до н. э., содержал массивные втульчатые трехлопастные и трехгранные стрелы (рис. 12, 3·2—5), хорошо известные на рубеже VII—VI вв. в Скифии и Прикубанье. В этих двух областях такие стрелы были типичны только для скифской архайки.

Иная судьба их у савроматов: они положили начало огромному разнообразию массивных трехлопастных форм, особенно харак-

терных для Самаро-Уральской области в VI—IV вв. до н. э. Эти стрелы нашли широкое применение у савроматов вследствие своих высоких боевых качеств: они сочетали в себе качество двухлопастной стрелы — высокую пробивную силу — и качество легкой трехлопастной архаической стрелы — устойчивость и дальность в полете. Отмечая общность бронзовых наконечников стрел VII в. до н. э. на территории савроматов и Скифии, мы должны помнить, что уже в это время среди двухлопастных стрел известны типы 3, 4, 6, 7 (табл. I), которые редко встречаются или вовсе неизвестны к западу от савроматов. По происхождению они также восходят к древним бронзовым копьям или стрелам эпохи бронзы евразийской территории. Некоторые из них непосредственно увязываются с формами копий и стрел эпохи бронзы, характерными для населения срубной культуры Поволжья и более восточных районов Евразии (например, типы 3 и 6, табл. I). В скифскую эпоху эту группу стрел также, пожалуй, чаще можно встретить к востоку от территории савроматов, чем к западу. Срединное положение савроматов на обширной евразийской территории, отдельные области которой были в древности очень тесно связаны в культурном отношении, все время сказывалось в том, что савроматы более или менее одинаково усваивали культурные достижения своих западных и восточных соседей.

Для VI в. до н. э. характерно сочетание архаических плоских, трехгранных и трехлопастных массивных стрел с выступающими втулками, типичных уже для VII в., с трехлопастными и трехгранными стрелами с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами. Особенно характерен набор стрел из кургана у хут. Черниговского под Магнитогорском (рис. 15, А). Все стрелы отличаются исключительной массивностью и тщательностью отливки. В этом комплексе, резко отличающемся от скифских, уже прослеживаются локальные различия и в самой савроматской среде. Здесь представлен ряд важнейших форм, типичных для Самаро-Уральской территории савроматов, а именно: трехлопастных и трехгранных стрел со сводчатой или треугольной головкой и внутренней втулкой и длинными, опущенными ниже базы наконечника шипами. Такая деталь трехгранных стрел, как вильчатый

вырез у основания граней, становится характерным локальным признаком у различных типов трехгранных стрел самаро-уральских савроматов. Все указанные особенности сближают восточносавроматские стрелы с сибирскими и среднеазиатскими больше, чем с поволжскими.

Считая, что различные виды оружия в могилках савроматских воинов отражают реальный комплекс савроматского вооружения, мы приходим к заключению о резком увеличении числа лучников в савроматском войске с конца VI в. до н. э., т. е. в эпоху похода Дария в Скифию, когда савроматы выступали против грозного врага в союзе со скифами. Надо полагать, что в этой борьбе принял участие не весь большой савроматский мир, а только его западная, донаповолжская группа. Именно у воинов этой группы, сохранивших союзнические отношения со скифами и во времена Геродота, мы находим много стрел, типы которых общи со скифскими. Кроме того, в колчаны савроматов, преимущественно Поволжья, попадали наконечники стрел, вероятно, непосредственно скифского производства или сделанные на месте по скифским образцам. Таковы характерные для Скифии конца VI—V в. до н. э. трехлопастные стрелы типа 2 с трапецевидной головкой и стрелы типа 3 со сводчатой головкой и косо срезанными внизу лопастями (табл. II); поздние формы стрел типа 9 (вариант А) — легкие и крупные, с треугольной головкой, хорошо известные в скифских царских курганах IV — начала III в. до н. э. (табл. III, Г, Д); некоторые варианты базисных сводчатых и треугольных стрел типов 10 и 11, датируемых VI—IV вв. (табл. III); среди трехгранных назовем типы 6 (вариант А) и 7 стрел конца VI—V в. до н. э. с треугольной и трапецевидной головкой и трехгранным острием, переходящим в лопасти (табл. IV, В, Г), некоторые экземпляры типа 11 с массивной сводчатой головкой и узкими ложками из Блюменфельдского кургана начала V в. до н. э. (рис. 16 Б, 46—53, 55), стрелы типа 12 — треугольные с ровной базой и выемками у основания (табл. V, Б, Г), башневидный и шиловидный варианты стрел типа 13 — V в. до н. э. (табл. V, В), вариант стрелы типа 16 с треугольной головкой, внутренней втулкой и короткими выемками у основания конца IV в. до н. э. (табл. V, Г).

Можно констатировать и обратное влияние савроматских стрел на стрелы Скифии, хотя оно было менее значительным, чем скифское влияние на савроматов Поволжья. Оно сказывалось, прежде всего, в некотором распространении с конца VI в. до н. э. трехлопастных стрел типов 12 и 13 с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами. Треугольные стрелы с длинными шипами (тип 13), характерные для приуральских савроматов, в IV в. до н. э. появляются преимущественно в лесостепной части Скифии. Небольшое количество трехгранных стрел типов 5 и 6 (в их приуральских вариантах с характерным вильчатым вырезом) также попало в Скифию. В результате савроматского влияния в Скифии с V в. до н. э. распространяются треугольные стрелы с трехгранным острием и длинными опущенными вниз шипами, близкие некоторым савроматским стрелам типов 15 и 17 (табл. V).

Преобладающее большинство бронзовых наконечников стрел у савроматов относится ко второй половине VI—IV в. до н. э. В колчанах, относящихся к этому времени, содержится от ста до двухсот наконечников, причем в IV в. до н. э. количество и разнообразие форм наконечников стрел южноуральских савроматов значительно превосходят поволжские. Объясняется это тем, что к IV в. до н. э. в Приуралье создается мощный союз племен, как я думаю, во главе с аорсами, постепенно подчинивший себе поволжских савроматов. Археологически этот период истории поволжских савроматов отражен в распространении в Поволжье с конца IV в. до н. э. прохоровской культуры.

Длительное использование бронзы для изготовления наконечников стрел было вызвано тем, что большие серии наконечников легче отливать, чем ковать из железа. Костяные и железные наконечники, как и в Скифии, у савроматов этого времени встречаются очень редко, обычно единицами и, как правило, вместе с бронзовыми. Поражает исключительное разнообразие типов стрел в одних и тех же колчанах. Это объясняется не столько боевыми функциями стрел отдельных типов, сколько различными источниками производства стрел, о чем особенно хорошо свидетельствуют узоры на стрелах, представляющие метки отдельных литейщиков (рис. 16 А, 31, 32, 33, 36).

Совершенство военной тактики, распрост-

ранение защитного оружия (шлемов и панцирей), преимущественно в среде аристократических дружин южнорусских и азиатских воинов, существенно отразилось на эволюции наконечников стрел, которая развивалась у скифов и савроматов в одном направлении. Сказалось это не только в замене в течение VI в. до н. э. плоской стрелы трехлопастной и трехгранной и в общем увеличении количества стрел в колчанах отдельных воинов, но и в дальнейшем усовершенствовании трехлопастных и трехгранных наконечников. Оно особенно заметно с IV в. до н. э. В это время савроматы используют в основном наконечники старых типов, выработанных уже к VI—V вв. до н. э. Однако эти наконечники становятся меньше по размеру, их головки делаются уже и острее; больше становится узких треугольных (пирамидальных) форм и наконечников с острыми шипами, опущенными ниже втулки; у трехлопастных форм лопасти становятся уже и крепче, т. е. трехлопастные стрелы все более и более приближаются к трехгранным. Таким образом, наконечники стрел стараются приспособить для поражения противника, защищенного металлическим или кожаным панцирем. Новая особенность бронзовых стрел савроматов IV в. до н. э., вызванная массовостью их производства, состоит также в том, что они становятся грубее при отливке.

На этом фоне общего развития бросается в глаза различие стрел Поволжской и Самаро-Уральской областей, особенно разительно выступающее в начале V в. до н. э. Это различие хорошо видно при сравнении хотя бы состава поволжского колчана из Блюменфельдского кургана (рис. 16 А и 16 Б) и одновременных ему колчанов Соболевского кургана (рис. 19 А, 19 Б, 20, А), кургана у с. Сара на Урале (рис. 21 А, 21 Б, 22, А) или Мечетсайского кургана на Илеке (рис. 23, А).

Для Поволжья, как уже сказано, характерно прежде всего присутствие стрел, типы которых хорошо известны в Скифии и на Северном Кавказе. Однако во многих колчанах, как, например, в Ковыловке (рис. 18, Б), что уже отметил П. Д. Рау, стрелы скифских типов находятся в таком сочетании, какого мы не встретим в самой Скифии. Следовательно, скифское влияние на Волгу шло из различных центров Скифии.

В результате творческой активности поволжских мастеров здесь вырабатываются

и свои особые варианты стрел, не характерные ни для Скифии, ни для восточных савроматов. Таковы легкие трехлопастные наконечники типа 6 с узкой сводчатой головкой, преобладающие у поволжских савроматов конца VI—V вв. до н. э. (табл. II, Б, В; рис. 14, А 9—14; 16 А, 5—55; 18, А 1—21). В Скифии близкие по форме стрелы, главным образом с треугольной головкой (тип 9), как справедливо отметил П. Д. Рау, распространились лишь в IV в. до н. э. Специально поволжскими являются также крупные сводчатые трехлопастные стрелы типа 12 (табл. III, Б, В) с небольшим вырезом базы (VI—V вв. до н. э.) и такие же крупные сводчатые базисные трехгранные стрелы типов 11 и 15 (вторая половина VI в. до н. э.; табл. V, Б).

В Самаро-Уральской области характерные для савроматов трехлопастные стрелы с выступающими втулками тех же типов, что и в Поволжье (типы 6, 9; табл. II и III), отличались тяжестью и массивностью втулок и лопастей. Оригинальные крупные трехлопастные стрелы из с. Сара (рис. 21 Б, 23, 52) указывают на существование у приуральских савроматов, наряду с обычным луком скифского типа, лука большого размера, возможно, простого, а не сложного. Очень своеобразны трехгранные наконечники V—IV вв. до н. э. Среди простейших типов этого отдела (1—3) выделяются стрелы с длинными втулками и короткими, едва профилированными головками (табл. IV), стрелы с дуговидным вырезом под основанием пирамидальной головки (тип 4, табл. IV, Г 36—42; рис. 19 Б, 23—30), стрелы со сводчатой и пирамидальной головкой, украшенной рельефной А-образной или крестовидной каймой (типы 8 и 9; табл. V, Б, В; рис. 19 А, 19 Б). Весь этот набор стрел особенно типичен для Бузулукского района (Соболевский курган). Для самаро-уральских савроматов VI—V вв. также характерны крупные трехгранные стрелы типа 5 (табл. IV), у них головки переходят в массивные лопасти-ребра. Особенно выделяется вариант Г с вильчатым вырезом головки. Наконец, господствующее положение у этой группы савроматов занимали сводчатые и треугольные стрелы с внутренней втулкой и опущенными вниз длинными шипами (трехлопастные стрелы типов 12 и 13, трехгранные стрелы типов 14, 18 и 19; табл. III и V). Они возникли в VI в. до н. э.

и просуществовали до конца периода бытования бронзовых наконечников стрел. Подавляющее большинство перечисленных типов хорошо известно к северу от приуральских савроматов и, особенно, в Сибири, Казахстане и Средней Азии, в том числе и в Хорезме. Мне представляется, что своеобразие этих наконечников стрел самаро-уральских савроматов в основном определялось тесными восточными связями, не столь заметными у савроматов Поволжья.

Несмотря на различную политическую и культурную ориентацию савроматов Поволжья и Приуралья, между ними, конечно, не было непроходимой стены. Так, например, в колчанах самаро-уральских воинов постоянно встречаются поволжские стрелы, а самаро-уральские стрелы еще более регулярно попадают в Поволжье. Наконец, в III и II вв. до н. э. у сарматов происходит общая нивелировка типов стрел, причем доминирующими становятся бронзовые стрелы уральских типов. Причина этого явления отмечена уже выше, — включение населения степного Поволжья в мощный военно-политический союз, вызревший в среде уральских племен.

Во II в. до н. э. на юге Восточной Европы происходит вытеснение бронзовых наконечников стрел железными, а вместе с тем, втульчатой формы — черешковой. Этот процесс начался у савроматов еще в IV в. до н. э.

Савроматы, как и скифы, очень редко использовали железо для изготовления стрел. Неожиданным исключением, причина которого неясна, является находка не менее 60 железных втульчатых и черешковых стрел в приуральском погребении конца VI — начала V в. до н. э. у с. Сара (рис. 22, А 1—16). У поволжских савроматов с V в. до н. э. появляются одиночные экземпляры железных втульчатых стрел, тождественные южноуральским (рис. 16 Б, 74, 75) или донским и прикубанским (рис. 18, А 29). Меоты Нижнего Дона и особенно Прикубанья, а также население Среднего Дона к IV в. наладили массовое производство железных втульча-

тых стрел. Эти стрелы по форме подражали бронзовым (рис. 29, Ж). Такой же формы железные стрелы начинают постепенно входить в обиход у сарматов Поволжья III—II вв. до н. э., конечно, не без влияния меотского вооружения. Однако трудоемкостьковки втульчатых стрел замедляла процесс внедрения железных стрел в сарматскую среду до тех пор, пока втульчатая стрела не была заменена черешковой. Черешковую форму стрелы савроматы заимствовали не позднее конца VI в. до н. э. от воинов Казахстана, Южной Сибири и Средней Азии. Эти стрелы тогда изготавливали преимущественно из бронзы. По форме головки первые савроматские черешковые стрелы были тождественны восточным оригиналам или подражали бронзовым втульчатым стрелам. Савроматы Приуралья начали усовершенствовать черешковую стрелу. С IV в. до н. э. они ковали ее уже только из железа, придавая головке трехгранную или трехлопастную форму.

В III—II вв. до н. э. резко меняется все вооружение сарматов: заметно сокращается количество стрел, увеличивается роль длинного меча, достигавшего иногда в длину до 1,30 м, и, может быть, копья. Все это связано с изменением боевой тактики сарматов, начинающих все более и более прибегать к конным боям с помощью меча и копья. Стрельба из лука отходит на второй план. В этих условиях для изготовления стрел стали применять только железо как металл более доступный и дешевый, чем бронза. Трудоемкостьковки стрел компенсировалась меньшей потребностью в этом виде оружия, чем это было у лучников савроматов и скифов. Со II в. до н. э. железная черешковая трехлопастная стрела стала в течение нескольких столетий почти единственной формой стрелы у сарматских воинов. С этими стрелами сарматы завоевывали степные просторы Скифии. Сарматам же принадлежит ведущая роль в распространении этой формы стрелы на юге нашей страны в первые века нашей эры.

3. КОПЬЯ И ДРУГИЕ ВИДЫ ОРУЖИЯ

В арсенале савроматского вооружения копьё занимало третье место после лука со стрелами и мечей. Их сравнительно редко находят в могилах, что объясняется, по-видимо-

му, не особенностями ритуала, а реальным контингентом воинов ранних кочевников Поволжья и Южного Приуралья. Копейщиков в составе савроматского войска было немно-

го, и они не выделялись в какую-либо самостоятельную группу вооруженных сил, как это было, вероятно, у меотов, судя по большому количеству наконечников копий в погребениях воинов Пашковского могильника 3. В этих погребениях с отдельными воинами-пехотинцами было положено от одного до семи наконечников копий¹. Что касается савроматов, то я могу назвать всего лишь 15 савроматских погребений или случайных находок, где встречены железные наконечники копий. Наиболее древние относятся к VI в. до н. э. При таком небольшом количестве находок статистика не может быть точной, но все же заслуживает внимания, что больше половины найденных в савроматских погребениях копий относится к IV в. Вероятно, значение копейщиков в войне возрастало у савроматов по мере развития военного дела.

Для VI в. до н. э. можно указать лишь наконечник копья (ныне утерянный), найденный крестьянами в кургане у хут. Черниговского, и обломок длинной втулки от копья в ограбленной могиле кургана 16 Второго Бережновского могильника (рис. 41, 1). Таким образом, о форме ранних савроматских копий мы судить не можем. Может быть, только этим и следует объяснять отсутствие на савроматской территории копий архаического скифского типа, с широким лавролистным пером и продольным ребром посередине, являющимся как бы продолжением втулки. Вообще надо отметить, что сохранность железных наконечников копий в могилах очень плохая, и часто трудно судить о точной форме наконечника. И все же для V в. до н. э. на левобережье Дона и в Поволжье мы можем отметить господство одной формы. Это крупные наконечники с узким листовидным пером без продольного ребра и с длинной втулкой (рис. 41, 4, 7, 10, 14). Они отличаются от обычных скифских копий массивностью, крупными размерами и большей шириной пера. Такие наконечники копий, найденные в кургане у слободы Владимировской (рис. 41, 10) и в Блюменфельдском кургане А 12 (рис. 41, 4, 6, 7), встречены вместе с железными втоками в виде длинных втулок. Втоки из слободы Владимировской имеют на конце утолщение (рис. 41, 11, 12), а в Блюмен-

фельдском кургане они заканчиваются конусом, сточенным в результате употребления (рис. 41, 8, 9). Вероятно, к савроматскому времени относится железный вток от копья, найденный на бутре Стеньки Разина близ Камышина (рис. 41, 13), откуда происходит также бронзовая рукоятка акинака (рис. 1, 4)². Это вток конической формы с утолщением на конце. Он имеет, как и втоки из слободы Владимировской, определенное сходство со втоками рюмкообразной формы, найденными при копьях и дротиках в курганах скифского времени Среднего Дона (Мастюгинские и Частые курганы под Воронежом)³ и дельты Дона (Елизаветовские курганы)⁴. Лишь находка в Блюменфельдском кургане, где наконечники копий и втоки лежали *in situ* около покойников, дает представление о длине всего наконечника копья, вместе с древком. Его общая длина приблизительно равнялась росту воина, т. е. была несколько меньше 2 м, а длина наконечников достигала от 32 до 48 см. На наконечники копий надевались особые футляры для предохранения от случайного затупления или зазубривания боковых лезвий пера, но не его острия, так как в Блюменфельдском кургане, где были найдены два костяных футляра, надетых на верхние части наконечников, в обоих случаях острия копий выступали из узкого отверстия футляров. Футляры Блюменфельдского кургана были сделаны из бедренных костей какого-то крупного животного. Один из них, короткий, надетый на самый длинный наконечник копья при первом костяке (рис. 41, 5), с двух сторон гравирован в виде морды волка; другой — длинный гладкий с двумя дырочками по бокам для ношения на веревочке или ремешке, когда футляр-предохранитель снимался с копья (рис. 41, 6). Три блюменфельдских наконечника копья сохранились в обломках, и точная форма их перьев плохо прослеживается: у одного из них перо плавно переходило во втулку (рис. 41, 4), как и у

² Б. Зайковский. Бугор Стеньки Разина. Тр. СУАК, XXIV. Саратов, 1908, стр. 54, 55, рис. 8, 9.

³ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, вып. 43, стр. 53, рис. 58, 5; С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы». СА, VIII, 1946, стр. 20, 41, 47.

⁴ В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах. Изв. Ростовского областного музея краеведения, № 113. Ростов н/Д., 1959, стр. 21, рис. 2, 3.

¹ К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станции Пашковской. МИА, № 64, 1958, стр. 306.

копья из слободы Владимировской (рис. 41, 10) и у многих копий Скифии VI—V вв. до н. э., у другого перо, кажется, имело резкий переход под углом, образующий нечто вроде плечиков (рис. 41, 7). Наконечник копья этого последнего типа представлен в погребении 9 кургана 5 южной группы Бережновского могильника (рис. 41, 14). Он и по размеру соответствует большому блюменфельдскому наконечнику, имея длину не менее 45 см. Диаметр втулки 4 см. В V—IV вв. у савроматов Поволжья, вероятно, были даже более крупные копья, чем блюменфельдские и бережновское. Об этом можно судить, к сожалению, только по сохранившимся круглым втулкам, достигающим в диаметре 4,5 см. Обломки крупных втулок найдены в погребении 2 кургана 16 (V в. до н. э.) в местности Бичик-Булак (Калмыкия)⁵ и в погребении 2 кургана 1,5 у с. Мирное (бывшее Фриденберг) (IV в. до н. э.). Втулка копья из Фриденбергского кургана по краю имела бордюр (рис. 41, 17).

Очень хорошей сохранности наконечник копья длиной 38 см (рис. 41, 15) был найден вместе с мечом V в. (рис. 4, 2) у с. Озерки близ Аткарска. В отличие от блюменфельдских и бережновского наконечников копий его перо в поперечном разрезе четко профилировано — с обеих сторон имеет продольные треугольной формы ребра, а в нижней части втулки — два отверстия для закрепления древка.

Среди копий эпохи бронзы с наконечником этого типа несколько сближаются некоторые экземпляры кованых копий срубной и сейминской культур, имеющие продольную щель на втулке, как и у савроматских копий. Среди копий срубной культуры мы находим довольно близкие аналогии отмеченному савроматскому типу. Например, перо у кованого бронзового копья из погребения срубной культуры в кургане 15 юго-восточной группы могильника у г. Энгельса имеет узкую листовидную форму с резким переходом ко втулке, на которой сделаны два отверстия; вдоль пера с обеих сторон имеются треугольные ребра⁶.

⁵ И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. «Археологический сборник». Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. 1. Саратов, 1956, стр. 50.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 61, рис 14, 8.

Такие же копья в эпоху бронзы были известны в районе Урала, но все они отличались иным соотношением пера и втулки, имея довольно короткое перо и длинную широкую втулку⁷. Из них в дальнейшем развились некоторые бронзовые и железные копья ананьинской культуры.

Савроматский тип большого копья, представленный в Бережновском кургане и Озерках, вероятно, не местного происхождения; он не характерен и для Скифии, и был заимствован в какое-то время с Кавказа. На Кавказе, по обе стороны хребта, но особенно в Закавказье, копья этого типа появились в эпоху бронзы и широко распространились в раннем железном веке⁸. На Северном Кавказе близкие формы найдены в ряде могильников местного населения — в Пашковском могильнике⁹, Луговом, Каррасском могильнике на Чеснок-горе и др. Так, в погребении 26 Лугового могильника (раскопки Е. И. Крупнова 1956 г.) найдено железное копье, тождественное копью из Озерков, как по форме, так и по размеру. Близкие аналогии мы находим также среди копий Елизаветовского могильника в дельте Дона.

В северные районы савроматского Поволжья попадали копья, которые развились из отмеченных выше уральских кованых копий конца эпохи бронзы. Они представлены в группе железных вещей, собранных Миллером в 1907 г. близ станции Марычевка (рис. 41, 16). Марычевский наконечник копья имеет короткое перо с резким переходом к длинной и широкой втулке; перо ромбическое в сечении; на втулке с одного бока имеется узкая щель, а у самого края пробито прямоугольное отверстие для закрепления древка. Наконечник очень похож на бронзовый экземпляр из известного Верхнекизильского

⁷ N. N. Bortvin. The Verkhny-Kizil Find. ESA, III, p. 125, fig. 2, 14; Р. Б. Ахмеров. Новые археологические находки в Башкирии. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 123, рис. 36, 1, 2.

⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 47, 48, рис. 46, 8 и табл. XVI; C. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, pl. 232, 15, 16; О. А. Мнацаканян. Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан. СА, XXIII, 1955, стр. 192, рис. 6; С. И. Макалатия. Раскопки Двинского могильника. СА, XI, 1949, стр. 231, рис. 9.

⁹ К. Ф. Смирнов. Меотский могильник..., стр. 306.

клада Челябинской области¹⁰, в меньшей степени — на бронзовые копья из района Стерлитамака¹¹. Целый ряд бронзовых и железных наконечников ананьинского круга, особенно бронзовые экземпляры, очень близки марычевскому¹². У железных ананьинских копий (типы II и III, по А. В. Збруевой), имеющих тот же профиль и то же соотношение втулки и пера, перо обычно тоньше и более уплощено¹³.

Влияние ананьинских форм копий на савроматские вполне понятно при тесном культурном контакте савроматов с уральско-камским населением, в вооружении которого копья играли очень существенную роль.

Дата марычевского наконечника копья не может быть точно определена. Сравнивая его с камско-уральскими формами, мы можем ориентировочно отнести это копье к VI—V вв. до н. э.

Среди сохранившихся наконечников копий IV в. до н. э. выделяются копья двух типов. Первый из них представлен в Ак-Булакском кургане (рис. 41, 18). В настоящее время в Оренбургском музее сохранились лишь обломки пера с ромбическим сечением и часть втулки. Наконечник имел общую длину 38 см, ширину втулки 4 см, узкое ланцетовидное перо, составляющее приблизительно $\frac{2}{3}$ общей длины наконечника. Этот тип наконечника копья в различных вариантах был широко распространен на юге нашей страны с конца V по III в. до н. э.¹⁴ Мы его видим у скифов и их

лесостепных соседей эпохи царских курганов и у меотов того же времени¹⁵. По своей массивности, крепости пера и втулки акбулакское копье сближается с поволжскими копьями V в. до н. э. и близко по форме блюменфельдскому наконечнику с листовидным пером (рис. 41, 4). Широкая популярность узкого ланцетовидного копья объяснялась тем, что оно было удобно для боя с противником, защищенным металлическим чешуйчатым или пластинчатым панцирем.

Подчеркивая, что савроматы в IV в. до н. э. продолжали пользоваться копьями с массивными наконечниками, мы не можем отрицать, что у них вовсе не было и легкого копья. Железные наконечники копий с плоским и узким пером появляются у северных соседей савроматов на последнем этапе ананьинской культуры (IV—III вв. до н. э.). Они возникли под влиянием копий Скифии и Северного Кавказа¹⁶, а воздействие культур этих областей на ананьинский мир, в чем бы оно не проявлялось, почти всегда проходило через савроматов. Поэтому копья с железным плоским пером, которые А. В. Збруева относит к типу III копий ананьинской культуры, вероятно, были известны и савроматам Южного Приуралья. Показательна находка железного наконечника копья (рис. 41, 19) в кургане 2 у деревень Карчажинской и Черноярской на р. Миасе между Челябинском и Курганом (раскопки крестьян 1887 г.)¹⁷. Данное погребение нельзя с уверенностью назвать савроматским, но оно находится в районе непосредственного контакта савроматов со своими северо-восточными соседями. Отдельные группы савроматов безусловно проникали сюда, занося свои формы вещей. В упомянутом погребении вместе с копьем найдены золотая гривна и кочевнический медный котел, который имеет прямые аналогии только среди савроматских котлов Оренбургских степей. Наконечник копья имеет узкое и плоское ромбическое перо, плавно переходя-

¹⁰ N. N. Bortvin. The Verkhny-Kizil Find, p. 125, fig. 2, 14.

¹¹ Р. Б. Ахмеров. Новые археологические находки в Башкирии, стр. 123, рис. 36, 1, 2.

¹² A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande à Helsingfors, I. Helsingfors, 1916, p. 14, fig. 8, pl. VI, 7; его же. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919, p. 128, 129, fig. 93; П. А. Дмитриев. Об археологических исследованиях в Свердловской области летом 1940 г. КСИИМК, XII, 1946, стр. 24, рис. 10, e; Н. Н. Бортвин. Находка на горе Азов на Урале. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 119, рис. 43, 1.

¹³ A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov, p. 15, fig. 9 F; его же. L'époque dite d'Ananino..., p. 128, 129, fig. 94—96; J. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, t. II. Helsingfors, 1877, p. 110, fig. 434; А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. II, 23; табл. V, 8; табл. VI, 1, 2; табл. XX, 8.

¹⁴ А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов (автореферат диссертации). М., 1950, стр. 17, 18.

¹⁵ ДП, вып. II, табл. I, 5, 6; Е. Ф. Покровская. Курганы IV ст. до н. э. біля Холодного Яру поблизу м. Смели. Археологія, т. X. Київ, 1957, стр. 68, табл. I, 16, 17; К. Ф. Смирнов. Меотский могильник..., стр. 279, рис. 5, 2—5, стр. 289, рис. 9, 9—13; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 167, рис. 4, 12.

¹⁶ А. В. Збруева. История населения..., стр. 98.

¹⁷ ГИМ. Указатель памятников. М., 1893, стр. 340, 341.

дящее во втулку, конец которой был обломан (рис. 41, 19). Он очень похож на позднеананьинские железные наконечники, особенно на экземпляры из Уфимского могильника¹⁸.

Второй тип копий IV в. до н. э. представлен двумя наконечниками, найденными в кургане 11 могильника Кара-Оба (рис. 41, 20) и в кургане 58/26 у хут. Попова на Дону (рис. 41, 21). Это сравнительно небольшие втульчатые наконечники с коротким, но крепким пером лавролистной формы и широкой массивной втулкой с большой боковой щелью. Кара-обинский наконечник датируется мечом рубежа V—IV вв. до н. э. (рис. 4, 3), найденным в том же погребении. Малый наконечник копья или, может быть, дротика из хут. Попова найден в погребении с обрядом прохоровской культуры и поэтому не может быть отнесен, как считает А. А. Иессен¹⁹, к раннему скифскому времени. Он похож на копья юга нашей страны конца эпохи бронзы, но вряд ли от них ведет свое происхождение, так как между ними имеется большой хронологический разрыв. Подобные наконечники копий, возможно, развились из более ранних наконечников типа марычевского и некоторых урало-сибирских, характеризующихся тем же соотношением пера и втулки. Копья этого типа, изготовленные из бронзы, мне известны среди минусинских форм²⁰, изредка можно их встретить и в Северном Причерноморье²¹. В кургане 2 у с. Бобовичи в Крыму (ГЭ) подобный наконечник датируется по стрелам и мечу с когтевидным навершием временем не позднее IV в. до н. э. Однако, как и прочие наконечники копий, савроматское копье этого типа отличается от аналогов большей массивностью и крепостью.

В целом все известные савроматские наконечники копий предназначены для нанесения сильного удара с коня. Безусловно, они служили оружием всадников — предшественников более поздних сарматских катафрактов, составлявших конные дружины преимущественно родо-племенной аристократии. В савроматское время, судя по тому, что большая часть копий была найдена в больших савроматских могилах или в могилах с

довольно богатым погребальным инвентарем, среди которого встречались и предметы конского снаряжения (Блюменфельд, Ак-Булак, хут. Черниговский, курган 3 у пос. Матвеевского), копьями также были вооружены главным образом богатые конные воины. Воинственные женщины савроматов также умели владеть копьем, о чем свидетельствуют находки копий в могиле жрицы Черниговского кургана и в богатой женской могиле раннепрохоровского времени кургана 3 у пос. Матвеевского.

Роль дротиков у савроматов была незначительна. Нам почти неизвестны находки дротиков в могилах. Единственный железный наконечник дротика, происходящий с савроматской территории, был случайно найден у с. Лабовки близ Бугуруслана (рис. 41, 22)²². Его длина 27,5 см. Это дротик обычного типа скифского времени — с длинной втулкой и коротким треугольным жалом с двумя острыми шипами. Такие дротики известны в Прикубанье и Скифии, особенно много их встречается в погребениях IV—III вв. лесостепной части Северного Причерноморья²³, в погребениях Подонья (Мастюгинские, Частые и Елизаветовские курганы)²⁴. Скорее всего от населения Среднего Дона, с которым савроматы поддерживали очень тесные связи, дротики этой формы проникли к савроматам и далее к северо-востоку, в бассейн Камы²⁵.

На территории савроматов известны единичные экземпляры чуждого для савроматов вида наступательного оружия — бронзовых клевцов минусинского типа. Один из них был найден во время пахоты в 1865 г. у с. Красный Яр бывшего Самарского уезда и хранится сейчас в Музее антропологии и этнографии (экспозиция, № 1531-1; рис. 42, 1). Клевец явно сибирского происхождения, типичен для тагарских древностей²⁶. Второй клевец, с железным острием и бронзовой втулкой, украшенной головкой грифона, происходит с горы Сулак под Оренбургом (хранится в Оренбургском музее). Он тождествен биметалли-

²² ИАК, вып. 53, стр. 117, рис. 13.

²³ ИАК, вып. 17, 1908, стр. 86, рис. 11; Смела, т. II, табл. XV; ДП, вып. II, табл. I, 4.

²⁴ ИАК, вып. 43, 1911, стр. 53, 3, 4; В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника..., стр. 21, рис. 2, 10.

²⁵ А. А. Сплицын. Древности Камской Чуды по коллекции Ф. А. Теплоухова. МАР, № 26. СПб., 1902, табл. XXVII, 6.

²⁶ В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 2. МАР, № 15, 1894, табл. XVI; С. В. Киселев.

¹⁸ А. В. Збруева. История населения..., стр. 42, табл. VI, 1, 2; стр. 94, табл. XX, 8.

¹⁹ А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 году. КСИИМК, 53, 1954, стр. 74.

²⁰ F. R. Martin. L'âge du bronze au Musée de Minousinsk. Stockholm, 1893, pl. 9, 22.

²¹ ДП, вып. II, табл. I, 10.

ческому клевету из Ананьинского могильника. К савроматам этот вид оружия, попал, безусловно, через ананьинский мир, где подобные клеветы употреблялись в качестве боевого оружия²⁷.

Тагарская культура. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV. М., 1928, таблица на стр. 264—265; его же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 241, табл. XXIV; ОАК за 1895 г., стр. 142, рис. 327; В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, стр. 38, табл. IX.

²⁷ А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino...

Савроматские воины использовали также и пращу. Об этом свидетельствуют находки пращевых круглых камней в могиле 6 кургана 4 у с. Макаровка (четыре камня) и в кургане В 12 у с. Старая Иванцовка (бывшее Альт-Ваймар — три камня)²⁸.

р. 22, fig. 19, p. 11, fig. 9, p. 173, fig. 120, 13, p. 47, fig. 46; А. В. Збруева. История населения..., стр. 104—107, табл. XXII.

²⁸ И. В. Силицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 86; P. R a u. Die Gräber der frühen Eisenzeit, S. 72.

4. ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Сведения об оборонительном вооружении весьма скудны. Вероятно, у савроматских воинов были щиты. В археологическом материале имеется лишь одна находка, которую можно с определенной долей вероятия признать умбоном от щита. Это полая, довольно массивная железная бляха в форме усеченного конуса, инкрустированная с наружной стороны золотыми листочками в виде треугольников по периферии и скобочек в центральной части (рис. 42, 2). Она найдена в кургане рубежа VI—V вв. до н. э. у с. Сара. Сам щит был, по-видимому, деревянным или кожаным и поэтому не сохранился.

Богатые савроматские воины V и IV вв. до н. э. иногда носили металлические чешуйчатые панцири, аналогичные панцирям скифов или меотов. Четыре обломка от железного чешуйчатого панциря были найдены в с. Ковыловка близ Аткарска вместе с бронзовыми стрелами V в. до н. э. (рис. 42, 3). Панцирь состоял из плоских чешуек, верх которых был прямоугольным, а низ округлым; в верхней части чешуйки имелись отверстия для скрепления. Длина чешуек 2—2,2 см, ширина 1,5 см. Девять бронзовых чешуек той же формы и размера были найдены П. С. Рыковым на древнем селище у с. Тонкошуровка (бывшая колония Мариенталь) в Саратовской области. Отсюда же происходит бронзовый трехлопастной наконечник стрелы со сводчатой широкой головкой и внутренней втулкой. Наконечник типичен для V в. до н. э., особенно для колчанов Южного Приуралья. Здесь же был найден сарматский железный трехлопастной наконечник стрелы¹.

¹ Сведения об этой находке и рисунки вещей я получил от Б. Н. Гракова; сами вещи хранятся

Наконец, обломки железного панциря обнаружены в богатой ограбленной могиле IV в. до н. э. в кургане I близ 15-го поселка в Астраханской области. В. П. Шилов собрал здесь около 50 обломков чешуйчатого панциря. Форма чешуек такая же, как и у найденных в с. Ковыловка; по размеру они больше: длина 3,7 см, ширина 1,8 см, толщина до 1,5 мм.

Богатым савроматским воинам были известны и металлические шлемы. Скифы обычно носили шлемы греческого производства, но за пределами Скифии — на Кубани, в Поволжье, Сибири, на Алтае и в Средней Азии — в скифское архаическое время были распространены особые бронзовые литые шлемы не греческого производства; они имели горшковидную форму, выемку спереди для верхней части лица и отверстия для нащечников, которые, вероятно, делались из толстой кожи. Этим шлемам посвящена специальная статья Б. З. Рабиновича², который изучил девять таких шлемов: пять — с территории Прикубанья (в курганах у Келермесской и Крымской станиц), один — из Поволжья (г. Старый Печеур), один — из Западной Сибири (на Иртыше), два — неизвестного происхождения, хранящиеся в ГИМ. К этой же группе шлемов относится еще ряд находок, описанных в более поздних публикациях: шлем, найденный в горах Алтая³, шлем с территории Семиречья (городище Кысмычи в Джамбульской области Казах-

в Саратовском музее, но мне их не удалось там видеть; поэтому сужу по сообщению Б. Н. Гракова.

² Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. ТОИПК, т. I. Л., 1941, стр. 99—169.

³ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 12, рис. 5, 11.

ской ССР)⁴ и шлем из Самарканда⁵. Все они очень близки между собой, что, вероятно, свидетельствует о едином источнике их происхождения. На основании кубанских находок Б. З. Рабинович эту группу шлемов датировал временем не позднее VI в. до н. э. Местом их производства он считал Северный Кавказ, откуда происходила большая часть известных исследователю экземпляров. Сходные с ними печеурский и иртышский шлемы он признал за кавказский импорт⁶.

Новые данные вносят некоторые уточнения в вопрос о месте производства этих шлемов. Вероятно, Б. З. Рабинович был прав, считая кубанские шлемы изделиями местного производства, но признать северокавказскими все известные ныне экземпляры вряд ли будет верно. Так, данные химического анализа металла семиреченского шлема, как отмечает И. И. Копылов, говорят в пользу местного его производства, так как в металле обнаружена характерная, главным образом для Семиречья, примесь молибдена. Кроме того, семиреченский шлем при всем большом сходстве его с кубанскими отличается некоторыми деталями формы: у него отсутствует срединный валик с ушком на вершине шлема, имеющийся у всех кубанских экземпляров⁷. Эта деталь отсутствует и у алтайского⁸, и у иртышского шлемов, и у одного из шлемов из коллекции ГИМ⁹. Наиболее вероятно восточное происхождение этой группы горшковидных шлемов, может быть, как предполагает И. И. Копылов в отношении семиреченского шлема, сакское. С предметами сакской культуры Е. Е. Кузьмина убедительно связывает и самаркандский шлем, отличающийся от кубанских волнистым гребнем¹⁰. Заслуживает также внимания гипотеза Е. Е. Кузьминой о происхождении горшковидного бронзового шлема от войлочных колпаков, характерных преимущественно для древних иранских народов и одинаковых как у среднеазиатских

саков, так и у европейских скифов; такие же колпаки, вероятно, носили и многие племена Северного Кавказа. Отсюда понятно большое сходство всех известных бронзовых горшковидных шлемов, вышедших из разных мастеровских, но восходящих к единому войлочному прототипу.

С савроматами, если только не с их северными соседями, можно связать лишь один шлем, случайно найденный в 1895 г. близ г. Старый Печеур Хвалынского уезда Саратовской губернии (рис. 42, 4 а и б)¹¹. По форме он сходен с прикубанскими, особенно со шлемом из Келермесского кургана, раскопанного Шульцем в 1903 г.¹² Он также имеет узкий гребень, поднимающийся к вершине шлема из выступа посредине передней вырезки для лица и завершающийся небольшим ушком; края выемки сзади шлема грубо обрезаны; по краю шлема расположены девять отверстий: по три с каждого бока и на затылке. Высота шлема 18 см, длина по основанию 22,5 см, ширина 18,5 см; толщина стенок достигает 3—4 см. По способу изготовления он не отличается от кубанских. Все они отлиты одинаковым способом с дополнительной проковкой отдельных частей спереди и по бокам; сглажена и зашлифована лишь наружная часть шлема; с внутренней же стороны дефекты литья, бугорки и жилки не подверглись дальнейшей обработке. Следовательно, внутри эти шлемы имели мягкую матерчатую или войлочную подкладку. Печеурский шлем одновременно келермесским, т. е. относится к VI в. до н. э., и, вероятно, был северокавказского происхождения, как и некоторые другие виды савроматского оружия.

Тяжелое металлическое оборонительное вооружение носили обычно, как свидетельствуют находки из Скифии и Прикубанья, только богатые конные всадники. Савроматы, как мы видим, применяли его очень редко, так как тяжелооруженная конница еще не составляла основного рода их вооруженных сил. Однако такая конница, снабженная длинными мечами и тяжелыми копьями, уже зарождалась в Поволжье на савроматском этапе. В ней можно видеть один из источников будущих сарматских отрядов катафрактариев, представлявших грозную боевую силу древнего мира.

⁴ И. И. Копылов. Находка скифского шлема в Семиречье. Уч. зап. Алма-Атинского госпединститута, т. XIV (2), серия общественно-политическая. Алма-Ата, 1957, стр. 297, табл. VIII.

⁵ Е. Е. Кузьмина. Бронзовый шлем из Самарканда. СА, 1958, № 4, стр. 120—126, рис. 1.

⁶ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 128.

⁷ И. И. Копылов. Указ. соч., стр. 297, табл. VIII.

⁸ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа..., стр. 12, рис. 5, II.

⁹ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 114, рис. 2 и табл. IX.

¹⁰ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 121, рис. 1.

¹¹ ОАК за 1895 г., стр. 75, рис. 192.

¹² Б. З. Рабинович. Указ. соч., табл. IV и V, 2.

Глава II

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

1. РАННИЕ БРОНЗОВЫЕ УДИЛА И ПСАЛИИ У САВРОМАТОВ

В VIII в. до н. э. в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе появляются бронзовые удила. Введение усовершенствованных бронзовых удил — большой скачок в истории коневодства и военного дела древних племен юга нашей страны. Только оно создало возможность эффективно использовать лошадь в хозяйстве и в военных целях. Первые исторические народы юга Восточной Европы — киммерийцы и скифы — широко использовали конницу в своих военных походах. Вероятно, уже в киммерийское время происходит первая консолидация савроматских племен в Задонье и степях Поволжья. Савроматские всадники в период формирования савроматской культуры начинают применять бронзовые удила и псалии, формы которых не отличаются своеобразием и находят себе аналогии прежде всего на Северном Кавказе и в Скифии. Генетически они не связаны непосредственно с ранними костяными псалиями эпохи бронзы¹ и были, очевидно, заимствованы из тех же источников, откуда получили скифы первые металлические удила.

Большинство бронзовых удил и псалиев савроматской территории и прилегающих к ней соседних районов городищной культуры происходят из случайных находок. Все удила литые и двухсоставные: два звена подвижно соединены в середине при помощи круглых петель. Они делятся на три типа, соответствую-

ющих первым трем типам удил по классификации А. А. Иессена².

I тип представлен находкой в кургане, раскопанном кладовщиками в 1889 г. у с. Благодаровка Бузулукского уезда Самарской губернии (рис. 43, 5)³. Удила имеют круглые в сечении стержни, оканчивающиеся двумя кольцами. Стержни и кольца внутри сильно потерты от длительного употребления удил. Из этого же кургана происходят бронзовые наконечники стрел, характерные для V в. до н. э. (рис. 20, Б). Учитывая архаический тип удил, который никак не может относиться к V в. до н. э., надо полагать, что либо удила и стрелы происходят из разных погребальных комплексов, либо, что менее вероятно, владелец коня V в. до н. э. использовал старые удила, возможно, найденные им в древнем погребении.

В северо-западной части савроматской территории (левобережье Среднего Дона) бронзовые удила типа I, снабженные по концам дополнительными звеньями в виде кольца с отростком, заканчивающимся шляпкой⁴, были найдены на пашне у Ездоцкой слободы Коротоякского района Воронежской области⁵.

² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 49 и сл.

³ Хранятся в ГИМ, инв. № 23500; ОАК за 1889 г., стр. 92.

⁴ Как, например, у удил из Новочеркасского клад; см. А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 51, рис. 1, 3.

⁵ Хранятся в Воронежском музее с 1926 г.

¹ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 46 и сл.

Этот тип удила обычно называется кобанским. Из сводки всех известных на территории Восточной Европы находок таких удила, опубликованных А. А. Иессеном, следует, что удила с двуколычатыми концами были характерны в период сложения скифской культуры только для Северного Кавказа, Подонья и Приднепровья. Удила из с. Благодаровка и дер. Чирки Тетюшского уезда Казанской губернии⁶ представляют крайние к северо-востоку находки удила типа I, которые попали в Заволжье с территории Северного Кавказа или Нижнего Дона. Это наиболее ранние бронзовые удила юга Восточной Европы. А. А. Иессен относит их к VIII — первой половине VII в. до н. э.⁷

А. А. Иессен убедительно доказал, что с двуколычатыми удилами обычно применялись бронзовые трехпетельчатые псалии со шляпкой на одном конце и изогнутой широкой лопастью на другом (I тип псалий, по А. А. Иессену). Они, как и удила типа I, также южнорусского происхождения. Их изогнутая форма и положение петель для привязывания ремней оголовья в одной плоскости говорят об определенной зависимости ранних бронзовых псалиев от местных роговых псалиев начала I тысячелетия до н. э. (рис. 43, 1, 2). На савроматской территории найдена лишь одна пара таких псалиев в кургане у с. Кише Черноярского уезда Астраханской губернии, к северо-западу от г. Элисты в 1904 г. (рис. 43, 3). В Отчете археологической комиссии отмечается, что псалии были найдены с медными удилами⁸. Однако в ГИМ поступили только псалии (инв. № 43889), а тип удила остался нам неизвестен.

Введение бронзовых литых удила привело к изменению конструкции узды. Псалии, которые препятствовали смещению удила во рту лошади и служили для прикрепления ремней оголовья, теперь стали привязываться к вертикально расположенным кольцам удила спереди. Этот способ скрепления бронзовых удила и псалиев в различных вариантах, зави-

сящих от формы удила и псалиев, подробно описан М. П. Грязновым⁹.

У двуколычатых удила поводья привязывались к внешним большим кольцам удила, а через малые кольца и средние петли псалия пропускался один из концов нащечного ремня, который, вероятно, закреплялся узелком снаружи. К крайним петлям псалия прикреплялись боковые отростки нащечных ремней. Таким образом, нащечные ремни имели три отростка (рис. 44, 1). При этом способе скрепления изогнутые концы псалиев были обращены вперед и скорее всего вверх, а не вниз, как предполагает А. А. Иессен, отмечая, однако, что прямых доказательств его гипотезы мы не имеем¹⁰. Доказательство тому, что изогнутый конец следует считать верхним, мы получаем при сравнении бронзовых псалиев с роговыми, генетически с ними связанными. Кроме того, на ассирийских изображениях уздечки VIII—VII вв. до н. э. изогнутые и заостренные концы псалиев всегда обращены кверху. Уздечки ассирийцев и мидян VIII—VII вв. до н. э., т. е. в период господства бронзовых удила на юге нашей страны, имели в большинстве случаев строенные нащечные ремни оголовья¹¹. Судя по тем же ассирийским изображениям, надо полагать, что уздечка обязательно имела поперечный нащечный ремень, который прикреплялся своими концами при помощи бронзовых блях-распределителей к нащечным ремням у начала их строения, а также налобный и подбородочный ремни. Но последние не обязательно сочетались вместе на одной уздечке.

II тип бронзовых удила с большими одинарными кольцами на концах представлен одной находкой у станции Марычевка (рис. 43, 6)¹². Их круглые, сильно потертые от употребления стержни сохранили слабые следы поперечной нарезки или «обмотки». Такие псалии с большими кольцами и «обмоткой» А. А. Иессен относит к типу II восточно-

⁹ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа..., стр. 9, 10, рис. 3.

¹⁰ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э..., стр. 57.

¹¹ G. Rawlinson. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World, t. I. p. 419, fig. 1 и 2; p. 231, 232, 350, 416 и 425—427; R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Sialk près de Kashan, 1933, 1934, 1937, t. II. Paris, 1939, p. 109, fig. 13; J. Pritchard. The Ancient Near East in Pictures. Relating to the Old Testament. Princeton — New Jersey, 1954, p. 10, fig. 27.

¹² Хранятся в ГИМ, собрание Миллера, № 44657.

⁶ А. А. Штукенберг. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XVII. Казань, 1901, стр. 201 и табл. I, 2. Хранятся в Казанском музее.

⁷ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э..., стр. 102.

⁸ ОАК за 1904 г., стр. 133, рис. 245.

европейских удил, характерных для Северного Кавказа. Сходные, но не тождественные формы известны в Средней Европе¹³, но не представлены на промежуточной территории — в Северном Причерноморье. Удила с большими кольцами хорошо известны в Южной Сибири и на Алтае¹⁴, в Монголии¹⁵, но они обычно не имеют насечки или «обмотки», как северокавказские экземпляры. Исключение составляют лишь одни удила, найденные случайно и хранящиеся в Минусинском музее: стержни их снабжены рельефной обмоткой¹⁶. В целом же сибирские гладкие удила с большими кольцами возникли независимо от кавказских и, вероятно, имеют общее происхождение с иранскими удилами той же формы, найденными в некрополе Б Сялка¹⁷.

Удила из Марычевки скорее всего северокавказского происхождения, так как на Северном Кавказе эта разновидность ранних однокольчатых удил, судя по большому количеству находок, является местной формой, которая, по мнению А. А. Иессена, существовала короткий период¹⁸ — до широкого распространения на юге Восточной Европы, в том числе и на Северном Кавказе, бронзовых удил со стремевидными кольцами.

III тип удил представляют удила со стремевидными кольцами. Они характерны для VII — первой половины VI в. до н. э. на юге Восточной Европы. Несколько находок сделано в Поволжье:

¹³ S. Gallus et T. Horvath. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. Budapest, 1939, pl. X, 18, 19; XVIII, 6; XX, 13; XXXIX, 4; XLVI, 5; XLVII, 2; L, 1; LIV, 6; LXXI, 1, 2.

¹⁴ Ibid., pl. LXXXIII; A. M. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, pl. VII; J. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, t. I. Helsingfors, 1877, p. 65, Nr. 289; F. R. Martin. L'âge du bronze au Musée de Minousinsk. Stockholm, 1893, pl. 28, 1, 2; И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I. Томск, 1908, табл. III, 1; С. И. Руденко. Башадарские курганы. КСИИМК, XLV, стр. 35, рис. 14.

¹⁵ С. В. Киселев. Монголия в древности. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947, стр. 364, рис. 3.

¹⁶ Об этом мне известно из сообщения Н. Л. Членовой. Минусинский музей, № 4883.

¹⁷ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, t. II, pl. LVI, S 835, 841, 588; его же. Notes sur les peuples et l'art de l'Iran préhistorique. Revue des Arts Asiatiques, t. X, Nr. 1. Paris (mars), p. 34, fig. 2, 6.

¹⁸ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 99.

1) Два отдельных звена таких удил были найдены в 1914 г. А. А. Ширинским-Шихматовым в курганах у с. Нижняя Добринка Хвалынского уезда, уже рытых кладоискателями (Саратовский краеведческий музей, № 709; рис. 43, 8, 9).

2) Целый экземпляр удил был доставлен тем же А. А. Ширинским-Шихматовым в Саратовский музей в 1915 г. (№ 1008; рис. 43, 7). Точное место находки неизвестно; скорее всего они происходят также из курганов.

3, 4) Одно звено удил происходит из с. Мордовские Карогужи Хвалынского уезда, а удила с поломанными стремевидными концами — из с. Старая Лебежка того же уезда (Хвалынский музей, № 1354, 1350)¹⁹.

5, 6) В Южном Приуралье мне известны две находки. Одно звено удил происходит из курганов Баймакского района Башкирской АССР, раскопанных Попковым в 1930 г. Отчета об этих раскопках не имеется; вещи поступили в Уфимский музей (№ 322; рис. 43, 11). В 1958 г. одно звено таких же удил было найдено Э. А. Федоровой-Давыдовой на поселении андроновской культуры на левом берегу р. Кара-Бутак близ с. Аландского Кваркинского района Оренбургской области (ГИМ; рис. 43, 10). Этот обломок найден в первом штыке и вряд ли связан с древним поселением.

Вероятно, через савроматский мир удила типа III попали к носителям ананьинской культуры²⁰.

Далее на восток они известны в Северном Казахстане²¹, и особенно много их в Южной Сибири (Минусинская котловина и Алтай). Таким образом, удила типа III были широко распространены на юге Восточной Европы и в Южной Сибири. Немногочисленные находки их на промежуточной территории, т. е. в области расселения савроматов и в Казахстане, связывают эти два района, где, безусловно, существовало местное производство таких удил. Вопрос о том, где возникла эта

¹⁹ Архив А. А. Спицына, № 320, ф. 5, л. 250 (карточки Спицына, восточные скифы); Е. К. Максимов. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья. Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. 3. Саратов, 1960, стр. 106.

²⁰ А. М. Tallgren. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1916, p. 112, fig. 78; Тр. I АС, атлас. М., 1871, табл. XXII, № 61.

²¹ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, 61, 1956, стр. 12, рис. 3, 13.

форма, остается еще невыясненным. Заслуживает внимания мнение А. А. Иессена о возможном восточном (сибирском) происхождении этого типа²². Безусловно, обе эти области в VII—VI вв. до н. э. находились в тесной взаимосвязи, осуществляющейся через степи Заволжья и Казахстана, в результате чего на всей обширной территории Евразии к началу скифской эпохи складывается фактически единый вид уздечки с бронзовыми удилами и псалиями и применяется одинаковый способ скрепления удила и псалиев с ремнями оголовья.

В формах псалиев, применявшихся с удилами типа III в Южной Сибири и на юге Восточной Европы, имеются различия. Судя по известным находкам псалиев с территории савроматов, последние использовали те типы бронзовых и костяных псалиев, которые были известны на юге Восточной Европы, особенно в Приднепровье.

У с. Старая Толучеева Богучарского уезда (севернее г. Калача) была найдена вместе с трехлопастным бронзовым наконечником стрелы пара бронзовых псалиев с трехтрубчатыми отверстиями (Воронежский музей; рис. 43, 4)²³. Они представляют один из вариантов псалиев типа III, по А. А. Иессену, которые встречались вместе с бронзовыми удилами, имеющими стремевидные кольца. Такое сочетание мы видим, например, в кургане 524 у с. Жаботин Черкасского уезда (раскопки А. А. Бобринского 1913 г.). Найденные здесь псалии очень похожи на толучеевские²⁴. А. А. Иессен справедливо усматривает прямое воздействие металлических трубчатых псалиев гальштатской культуры Дунайского бассейна на сложение псалиев типа III²⁵. В Среднем Приднепровье уже в чернолесский период в подражание западным образцам появились роговые псалии с отверстиями, имитирующими трубки²⁶.

Еще ближе к поднепровским стоят зооморфные псалии, найденные в Поволжье и Приуралье. Пара бронзовых псалиев с тремя петлями и головкой рогатого грифона была найдена в 1895 г. во время производства железнодорожных работ в 66 верстах от станции Ртищево в Балашовском уезде (Саратовский музей, № 599; рис. 44, 12)²⁷.

Костяной псалий того же типа, с тремя отверстиями, верхний конец которого увенчан изображением головы рогатого грифона, а нижний заканчивается лошадиным копытом, найден в 1932 г. крестьянами при раскопках высокого кургана у с. Рысапкино в 15 км от г. Бугуруслана (ГЭ, ВО 1932 I/1; рис. 43, 13).

Зооморфные псалии, с тремя отверстиями и петлями, составляющие V тип псалиев, по А. А. Иессену, всегда сочетались с удилами типа III. Основным районом их распространения было лесостепное левобережье Днепра. Среди них господствуют костяные образцы.

Псалии из сел Ртищево и Рысапкино имеют тождественные по стилю навершия в виде грифонных голов, снабженных изогнутыми рогами барана. Совершенно такие же грифонные головки мы находим среди костяных поделок из Кармир-Блура²⁸ и Келермесских курганов²⁹. Единство художественного стиля поразительно. Это обстоятельство позволяет отнести наши псалии к концу VII или началу VI в. до н. э. Аналогичные костяные псалии Среднего Поднепровья, найденные в погребениях архаического скифского времени, в большинстве случаев относятся к началу VI в. до н. э.

По своей конструкции бронзовый псалий из с. Ртищево, снабженный тремя полукруглыми петлями, очень похож на бронзовый псалий с головкой хищной птицы из курганов Роменского уезда³⁰ и костяной псалий из кургана 432 у с. Журовка Чигиринского уез-

²² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 105.

²³ Там же, стр. 53, рис. 3, 7; его же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 119.

²⁴ А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году. ИАК, вып. 60, 1916, стр. 2; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 87, рис. 24.

²⁵ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 75, 91, 98.

²⁶ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. Сб. «Вопросы

скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 101, рис. 8 (справа).

²⁷ А. М. Tallgren. Varia. ESA, XII, 1938, p. 221, fig. 8 и 9.

²⁸ Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, I. Ереван, 1950, стр. 96, рис. 64; его же. Скифы и Передний Восток. СА, XXIX, 1957, стр. 142, рис. 1.

²⁹ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э., стр. 114, рис. 2, стр. 115, рис. 3.

³⁰ Смела, т. III, 1901, табл. X, 14; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 53, рис. 3, 9.

да³¹. Среди костяных псалиев Среднего Поднепровья встречены также образцы, имеющие три полукруглые петли и головки рогатых грифонов. Таков, например, псалий из с. Константиновка близ Смелы³².

Подобно псалию из с. Ртищево, многие костяные псалии Приднепровья имеют с одной стороны геометрический орнамент в виде гофрировки или поперечных зарубок³³.

Типологически псалий из с. Ртищево выглядит архаичнее большинства костяных зооморфных псалиев типа V: четко выраженные боковые петли генетически связывают его с трехпетельчатыми лопастными (I тип, по А. А. Иессену) и трехпетельчатыми стержневыми изогнутыми псалиями (II тип, по А. А. Иессену)³⁴. Последние на савроматской территории пока неизвестны, а в Скифии и на Северном Кавказе они встречались вместе с псалиями типа II, а иногда и типа III³⁵. В основе бронзовых приднепровских и поволжского псалиев, может быть, лежали образцы, выработанные на Северном Кавказе. Отсюда известны бронзовые псалии с головой животного на верхнем конце и копытами на нижнем конце (Галиат)³⁶. Они найдены с железными удилами типа III.

Я уже отметил поразительное сходство в трактовке рогатых грифонов, найденных в Прикубанье, в Тейшебаини, на некоторых псалиях Приднепровья и савроматской территории. Следует заметить, что в Приднепровье на вершинах костяных псалиев в виде головы рогатого грифона встречаются относительно редко. Здесь среди наверхий псалиев преобладают изображения голов баранов, лошадей и зверей кошачьей породы. Следовательно, мотив рогатого грифона здесь не вполне самобытен.

³¹ А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губернии) в 1904 году. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 87, рис. 13.

³² Смела, т. III, табл. VIII, 5.

³³ Смела, III, табл. VII, 6; ДП, вып. III, табл. XLVIII, 528; табл. XLIX, 529; табл. L, 53; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, 1957, стр. 235, рис. 1, 10; С. И. Капосина. Памятки скифского звериного стиля найдены в Ольвии. АП УРСР, т. VII. Київ, 1958, стр. 107, табл. IV, 3, 5; В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы. КСИИМК, 54, 1954, стр. 27, рис. 10, 2, 4.

³⁴ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 53, рис. 3, 3.

³⁵ Там же, стр. 97 (таблица 2).

³⁶ МАК, вып. VIII, табл. CXX, 13 и стр. 291.

Костяной псалий из с. Рысапкино по всем деталям тождествен ряду таких же псалиев лесостепного Приднепровья³⁷. Надо думать, что к савроматам эта форма псалиев VI в. до н. э. попала в результате их связи с населением лесостепной части Скифии через будинов — непосредственных северо-западных соседей савроматов.

В целом же охарактеризованные псалии савроматской территории, как и сами бронзовые удила, представленные здесь тремя типами, не имеют никаких самобытных особенностей и полностью зависят от конского снаряжения Скифии и Северного Кавказа.

Эта общность форм говорит о полном единстве устройства уздечки у населения Скифии, Северного Кавказа и у савроматов в VII—VI вв. до н. э. Способ скрепления псалиев со стремевидными удилами оставался таким же, как и при удилах двухкольчатых. Разница была только в том, что средний отросток нащечного ремня соединялся со средним отверстием псалия через стремевидную петлю удила, которая одновременно предназначалась и для прикрепления повода (рис. 44, 2). Сильные потертости у костяных зооморфных псалиев, ярко заметные лишь с одной стороны псалия у среднего отверстия, в том числе и у псалия из с. Рысапкино (рис. 43, 13), лишний раз подтверждают способ их прикрепления к металлическим удилам: они прилепали к ним снаружи одной из своих плоских сторон с центральным отверстием (рис. 44, 2).

Изменения в конструкции узды произошли только в конце VI в. до н. э., когда на юге Восточной Европы удила стали изготавливать почти всегда из железа, что привело к появлению новой, очень стандартной формы удила и двудырчатых псалиев, также преимущественно железных, очень различных по своей форме и особенно по оформлению концов.

Изменения основных принципов в устройстве уздечки, при сохранении и развитии локальных особенностей форм псалиев и некоторых других частей сбруи, охватили всю обширную территорию Евразии, в том числе южносибирские и алтайские области древних коневодов.

³⁷ ДП, вып. II, 1899, табл. XXXII, 517; Смела, т. III, табл. VII, 5; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 33, рис. 76.

2. КОНСКАЯ СБРУЯ ЭПОХИ РАСЦВЕТА САВРОМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ (VI—IV вв. до н. э.)

Все железные удила, найденные в погребальных комплексах савроматов, относятся ко времени не ранее второй половины или конца VI в. до н. э. Они всегда сопровождались железными и реже бронзовыми или костыми двудырчатыми псалиями. Форма железных удил оставалась неизменной в течение всего савроматского периода; два звена удил состояли из округлых или прямоугольных в сечении стержней, концы которых были загнуты в петли; в них вставлялись псалии. Длина удил была различна; их размер зависел от величины головы лошади. Минимальная длина ротовой части удил около 10 см, максимальная — около 20 см. Такая резкая разница в величине удил говорит о том, что савроматы были знакомы с различными породами лошадей, одни из которых имели узкие, другие — широкие морды. Большинство сохранившихся удил приближается к максимальному размеру и снабжены длинными железными псалиями. Следовательно, крупноголовая порода лошадей, характерная и для скифов, преобладала в табунах савроматов. Необычны и исключительны по своей величине и массивности железные удила с псалиями, найденные в центральной могиле Тарабутакского кургана 2 на Илеке (рис. 45, 3).

Особенно поражает размер псалиев, достигавших у одних удил более 22 см длины, а у других — даже более 28 см. Невольно возникает сомнение, предназначались ли они для взнуздывания лошади. Не составляли ли они часть верблюжьей упряжи? Ведь верблюд был известен савроматам.

Употребление железа для изготовления удил привело к изменению способа скрепления удил с псалиями. Внешние петли удил теперь располагаются не вертикально, как у бронзовых псалиев, а горизонтально. Техникаковки удил сделала ненужной центральное отверстие у псалия: псалий уже не привязывался к концевой петле удил, а вставлялся в нее. Чтобы псалий крепче держался, он имел утолщения на месте двух отверстий, расположенных выше и ниже центральной части псалия. При двудырчатых псалиях нащечные ремни оголовья

раздваивались и прикреплялись к псалиям¹. Железные удила с петлями на концах появились на Кавказе уже на рубеже VII—VI вв. до н. э., судя по их находкам в Первом Разменном кургане близ станции Костромской Краснодарского края² и в Кармир-Блуре³, но только через столетие широко вошли в быт коневодов юга Восточной Европы как господствующая и почти единая форма удил.

В савроматском мире единственным исключением являются оригинальные железные удила, четырехгранные в сечении, из кургана у с. Сара (рис. 45, 1). Они снабжены на концах круглыми кольцами, расположенными, как у бронзовых удил, вертикально; за ними в утолщенной части стержней расположены перпендикулярно концевым кольцам прямоугольные отверстия, куда свободно вставлены железные псалии. В кольца вставлены железные обоймы с отверстиями для прикрепления поводьев. Удила этого типа, вероятно, происходят от двукольчатых бронзовых удил Северного Кавказа, у которых обычно кольца расположены в одной плоскости, но назначение их неодинаково: внешние кольца, служившие для прикрепления поводьев, часто снабжены бронзовыми придатками для непосредственного укрепления поводьев; малые внутренние кольца предназначены для привязывания псалиев. Среди северокавказских бронзовых удил имеется происходящий из Верхнекобанского могильника экземпляр⁴, который по своей форме почти тождествен железным удилам из с. Сара — он четырехгранен в сечении, а его кольца расположены перпендикулярно друг к другу.

¹ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 55, рис. 20.

² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVI.1, 1953, стр. 81, рис. 20 (внизу); ОАК за 1897 г., стр. 14, рис. 49.

³ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 115, рис. 3 (вверху).

⁴ МАК, т. VIII, стр. 31, рис. 35 (ГИМ, собрание А. С. Уварова); А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 59, рис. 4, 1.

По своей конструкции железные удила со вставленными в горизонтальные отверстия псалиями сближаются с более древними бронзовыми удилами, отлитыми вместе с псалиями, снабженными двумя отверстиями. Удила этого, третьего, по Г. Потрацу, типа в различных вариантах обнаружены в странах Европы и Переднего Востока и датируются в целом 800—500 гг. до н. э.⁵ В нашей литературе этот тип назван закавказским⁶, что соответствует частым находкам таких удил в Грузии и Азербайджане. Закавказские образцы в предскифское время проникали на Дон⁷ и в Приднепровье⁸. К востоку от Дона они неизвестны. И все же вполне вероятно, что бронзовые удила, отлитые вместе с псалиями, оказали определенное влияние на выработку железного экземпляра из с. Сара. Это влияние могло идти через Среднюю Азию из Ирана, где бронзовые удила, отлитые вместе с двудырчатыми псалиями, как показали последние раскопки в Персеполе, были характерны для ахеменидского времени⁹. Форма железных удил из с. Сара, найденных вместе со стрелами конца VI или начала V в. до н. э. (рис. 21 А, 21 Б, 22, 1), не стала популярной, вероятно, вследствие трудности ее изготовления путемковки.

Псалии железных удил савроматов подразделяются на шесть типов.

I тип. Псалии в виде прямого стержня, круглого в сечении, один конец которого загнут, известны из южноуральских савроматских погребений в трех вариантах. Первый из них представлен псалиями, найденными при описанных выше удилах из с. Сара (рис. 45, 1) и в кургане близ Ак-Булака (рис. 45, 2); отличительным признаком пса-

лиев этого типа являются шишечки на концах.

Псалии этого типа происходят непосредственно от трехдырчатых и трехпетельчатых бронзовых и железных псалиев той же формы, которые были типичны для Северного Причерноморья и особенно Кавказа в архаическое скифское время¹⁰. Именно такой путь развития подтверждает железный псалий из Зуевского могильника, найденный на территории ананьинских племен, но явно южного происхождения¹¹. Он имеет форму трехпетельчатых псалиев с круглыми утолщениями на концах и отличается от последних двумя петлями, соответствующими новой конструкции узды. Петли заменяются отверстиями в утолщениях, так как изготовление последних при помощиковки представляло меньшую трудность, чем изготовление петель.

В Скифии и на Северном Кавказе бронзовые и железные стержневидные псалии с Г-образно загнутым концом являются, по мнению Б. Н. Гракова¹², наиболее ранними среди псалиев описываемой конструкции удил. Бронзовые и железные псалии этого типа были найдены в кургане 400 у с. Журовка, который датируется по бронзовым наконечникам стрел концом VI — первой половиной V в. до н. э.¹³ Наиболее поздним является бронзовый псалий из кургана 2 (1937 г.) Никопольского курганного могильника, относимого Б. Н. Граковым к рубежу V—IV вв. до н. э.¹⁴ Бронзовые псалии этого же типа известны и на Алтае и в Минусинской котловине¹⁵. Г-образные псалии

¹⁰ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 53, рис. 3, 10, 11; стр. 84, рис. 22; е го же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э., стр. 113, рис. 1, стр. 115, рис. 3.

¹¹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 62, табл. XII, 4.

¹² Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 133, 134.

¹³ А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском у. Киевской губернии. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 13, рис. 25; П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 160, таблица I, рис. 70.

¹⁴ Б. Н. Граков. Каменское городище, стр. 133, 134.

¹⁵ J. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, t. I. Helsingfors, 1877, p. 65; № 230; В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3. МАР, № 15, 1894, табл. XIX, 16.

⁵ Н. А. Potratz. Die Pferdegebisse des Zwischenstromländischen Raumes. Archiv für Orientalforschung, B. XIV, H. 1—2. Berlin, 1941, S. 18—20, Abb. 33—46; И. Венедиктов. Тракийската юзда. ИБАИ, кн. XXI, София, 1957, стр. 153—155, рис. 2—4, стр. 159, рис. 10; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 92, 93.

⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 59—63, рис. 58, а, б. Тр. XIII АС, т. IV, табл. LXXXIII.

⁷ Г. Т. Титенко. Закавказские удила, найденные на Полтавщине. КСИА, 3, 1954, стр. 78, 79, рис. 1, 3, 5.

⁸ E. Schmidt. Persepolis. v. II. Contents of the Treasury and other discoveries. The University of Chicago Oriental Institute Publications, v. LXIX. Chicago-Illinois, 1957, pl. 79, 7—9.

характерны для Северного Кавказа, где они существовали до IV в. до н. э.¹⁶ Среди них особенно близки находкам из с. Сара железные псалии степных районов Северо-Восточного Кавказа¹⁷. Точную аналогию им представляют псалии с шишечками на концах из погребения 48 (не позже V в. до н. э.) Лугового могильника, раскопанного Е. И. Крупновым в 1956 г.

Г-образные псалии с шишечками на концах бытовали у савроматов Приуралья с конца VI в. до н. э., о чем говорит находка их в кургане у с. Сара с комплексом стрел конца VI — начала V в. до н. э., и во всяком случае до начала IV в. до н. э. Эту позднюю дату дает находка псалиев в Ак-Булакском кургане (рис. 45, 2), где найдены наконечники стрел IV в. до н. э. (рис. 30, Б).

Г-образные псалии второго варианта найдены в савроматских погребениях V в. до н. э. курганной группы Тара-Бутак (курган 2, погребение 3; рис. 45, 3), Ново-Кумакской группы (курганы 2 и 7, рис. 45, 4). Они не имеют на концах утолщений; один конец лишь слегка загнут и несколько уплощен. Псалии этого варианта мы находим в различных областях распространения уздечного набора «скифского» типа — от Скифии до Алтая. Таковы псалии из кургана начала V в. до н. э. у с. Макеевки Черкасской области (раскопки Е. Ф. Покровской 1947 г.)¹⁸. Совершенно тождественны тарабутацким псалиям железные псалии из Зуевского могильника ананьинской культуры¹⁹, что лишь раз свидетельствует о тесных связях савроматов Южного Приуралья с ананьинцами. Такие же псалии со слабо изогнутым верхним концом происходят из Туяхтинского кургана V в. до н. э. на Алтае²⁰. Они связаны, как мы покажем ниже, с уздечным на-

бором, в точности соответствующим уздечным наборам савроматов, как Поволжья, так и Приуралья.

Своеобразной формой, представляющей третий вариант описываемого типа псалиев, являются железные псалии при удилах № 1 из центральной могилы Мечетсайского кургана 2 (рис. 45, 5). Их концы имеют зооморфные изображения, неясные вследствие коррозии железа. Вероятно, на нижнем конце изображено копыто лошади. Этот мотив часто встречается на псалиях различного вида. На верхнем конце изображена голова какого-то животного. Эта находка датируется концом VI — началом V в. до н. э.

II тип. Наиболее популярной и распространенной формой двудырчатых псалиев евразийской области были S-видные псалии, появившиеся в конце VI в. до н. э. Они особенно характерны для V в. до н. э., когда в отдельных областях из общей схемы, как в Скифии, так и у савроматов, возникли свои особые варианты.

Если псалии типа I мы можем легко связать по происхождению с трехдырчатыми псалиями той же формы, типичными для VII—VI вв. до н. э. в Скифии и на Северном Кавказе, то этого нельзя сказать в отношении S-видной формы. Для нее мы не находим прототипов в Восточной Европе. Возможно, что псалии этой формы были сибирско-алтайского происхождения, так как различные варианты бронзовых S-видных псалиев, происходящих, к сожалению, главным образом из случайных находок, входят во многие коллекции сибирских (алтае-минусинских) древностей²¹. Среди минусинских находок имеются бронзовые псалии с тремя отверстиями, т. е. связанные с архаической формой уздечки²². Вполне права Н. Л. Членова, которая относит эти находки к переходному карасуко-тагарскому времени (VIII—VII вв. до н. э.). В Поволжье S-видные псалии двух вариантов происходят из погребений V в. до н. э. Они находят себе полные аналогии в Скифии и на Северном

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, № 64, 1958, стр. 286, рис. 8, 19.

¹⁷ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, 55, 1954, стр. 104, рис. 42, 8; его же. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 102, рис. 6, 4.

¹⁸ Е. Ф. Покровская. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи. Археологія, XI. Київ. 1957, стр. 150, рис. 2, 1, 2.

¹⁹ А. В. Збруева. История населения..., стр. 62, табл. XII, 9.

²⁰ С. В. Киселев. Алтай в скифское время (майэмирская эпоха). ВДИ, 1947, № 2, стр. 166, рис. 6; его же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 297, табл. XXVIII, 18.

²¹ A. M. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, pl. VII, 7, 35; F. R. Martin. L'âge du bronze au Musée de Minousinsk. Stockholm, 1893, pl. 28, 16; J. Aspelin. Op. cit., t. I, p. 64, Nr. 278.

²² И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, в. I. Томск, 1908, табл. IV, 2; В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3, рис. на стр. 132 и табл. XIX, 19; Martin, pl. 28, 20.

Кавказе того же времени. Это прежде всего простейший вид S-видных псалиев, круглых в сечении и с утолщениями на месте отверстий. Пара удила с такими псалиями найдена в Блюменфельдском кургане А 12 (рис. 46, 1, 2). Именно такие псалии были у скифских лошадей, судя по их изображениям на золотых вещах из знаменитых царских курганов: на гребне и золотой обивке горита из Солохи, на нашивных бляшках из Куль-Обы²³. Такие же псалии найдены в ряде погребений Скифии V—IV вв. до н. э.²⁴ и в Прикубанье²⁵.

Второй вариант представляют железные псалии из Блюменфельдского кургана А 12 (рис. 46, 3) и Сусловского кургана 43, погребение 2. Они имеют такие же восьмеркообразные утолщения на месте отверстий и широкие лопасти на концах. В Скифии и Прикубанье известны аналогичные железные и бронзовые псалии в курганах V в. до н. э., причем концы бронзовых псалиев часто трактованы в виде копыта лошади²⁶.

В Приуралье S-видные железные псалии приближаются к псалиям первого варианта, но все они несколько отличаются от поволжских. Псалии из с. Сара отличаются от блюменфельдских тем, что их концы загнуты в плоскостях, перпендикулярных друг к другу (рис. 46, 4). Удила № 3 из Мечетсайского кургана 2 имеют слабый изгиб концов (рис. 47, 1). Псалии от удила № 2 того же кургана и из основной могилы Тарабутакского кургана 2 (рис. 47, 2—4) имеют массивные круглые стержни, концы которых резко изогнуты в разные стороны. Этот вид псалиев занимает промежуточное положение между Г-образными и S-видными псалиями. Все перечисленные псалии Юж-

ного Урала найдены в погребальных комплексах конца VI — начала V в. до н. э.

Более поздние экземпляры железных псалиев, найденные в Ак-булакском кургане IV в. до н. э., приближаются к псалиям последнего варианта, отличаясь от него особым оформлением концов, загнутых под углом в 45°. Три псалия оканчиваются плоскими расширениями, вероятно, имитирующими лошадиные копыта; один псалий имеет вилообразные концы (рис. 47, 5, 6).

III тип. Среди железных псалиев V—IV вв. до н. э. встречаются экземпляры C-видной схемы; концы их изогнуты в одном направлении — обращены в сторону углов рта лошади. Псалии этой схемы, происходящие, вероятно, от архаических роговых и бронзовых трехдырчатых псалиев Евразии, так же широко распространены в евразийском мире, как и S-видные. В каждой области этого мира в скифское время выделялись свои локальные варианты псалиев.

На территории савроматов найдены псалии трех вариантов этого типа. Один из них представлен псалиями из Блюменфельдского кургана А 12 (рис. 48, 1). Они имеют четко выраженные круглые утолщения на месте отверстий и перпендикулярно им расположенные и слабо изогнутые лопасти. Блюменфельдский псалий несколько напоминает бронзовый псалий с лопастями из дер. Кальской Минусинской области²⁷.

Другой вариант представлен псалием из кургана 8 урочища Бис-Оба у пос. Благодаренского на Урале (рис. 48, 2). Этот псалий, имея такие же широкие кольцеобразные утолщения вокруг отверстий и слабо изогнутые концы, отличается зооморфным оформлением концов: верхний конец трактован в виде морды лошади (?), нижний уплощенный конец, вероятно, имитирует копыто лошади. Моделировка головы лошади с длинными ушами чрезвычайно похожа на моделировку голов на концах бронзовых псалиев из Минусинска²⁸.

Наконец, третий вариант представлен железным псалием, найденным в насыпи кургана 13 Ново-Кумакского могильника, под которой находилось погребение прохоровской культуры IV в. до н. э. (рис. 48, 3).

²³ П. К. Степанов. История русской одежды, вып. I, II. М., 1916, стр. 10, табл. I, стр. 12, табл. II, стр. 20, табл. VII.

²⁴ Курганы: Солоха, лошадь № 2 (ГЭ); Аксютинцы, курган I (раскопки С. А. Мазараки, ГИМ); курган 2 (раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ); Волковцы, курган I (раскопки С. А. Мазараки, ГИМ); из собрания Е. А. Зноско-Боровского — ДП, вып. III, табл. LVI, H.

²⁵ Станица Воронежская, курган 16 (ГИМ, № 48478) — ОАК за 1903 г., стр. 72, 75, рис. 152.

²⁶ Ср. железные удила в кургане I у с. Волковцы (раскопки Д. Я. Самоквасова 1887 г., ГИМ); бронзовые удила с изображением копыт в кургане 400 у с. Журовка (раскопки А. А. Бобринского 1903 г.) — ИАК, вып. 14, стр. 10, рис. 12; бронзовые удила из кургана в Роменском уезде — Смела, I, табл. XIX, 10.

²⁷ В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3, табл. XIX, 13.

²⁸ J. Aspelin. Op. cit., t. I, p. 64, Nr. 279.

Он очень хорошей сохранности, но сильно изогнут или под тяжестью земли или преднамеренно. Однако форма его совершенно определена. Это псалий хорошо известного скифского типа с восьмеркообразным утолщением в середине и шишечками на концах, распространенный в Скифии эпохи царских курганов. Такие псалии найдены, например, на Каменском городище, в Огузе и Краснокутском кургане²⁹.

IV тип. Из Ак-Булакского кургана IV в. до н. э. происходят два прямых стержневидных псалия с шишечками на одном или обоих концах (рис. 48, 4, 5). Прямые стержневые псалии применялись уже с бронзовыми ранними удилами, отлитыми вместе с псалиями³⁰, и с удилами с напускными псалиями³¹, характерными главным образом для Закавказья и Переднего Востока в начале I тысячелетия до н. э. Среди них имеются образцы, снабженные по концам округлыми шляпками или утолщениями³². Стержневидные псалии с утолщениями известны и среди трехпестельчатых псалиев юга России³³ и в Казахстане³⁴. Двудырчатые псалии этой схемы, изготовленные главным образом из бронзы, представлены в южно-сибирских коллекциях³⁵, а их железные образцы появились в Южной Сибири уже в V в. до н. э.³⁶ На юге Восточной Европы стержневидные псалии с утолщениями на концах широко распространились только с IV в. до н. э.³⁷ У скифов степей Украины

IV—III вв. до н. э. железные псалии описываемого варианта, тождественные ак-булакским, наиболее распространены (Каменское городище, Чертомлык, Краснокутский курган, Башмачка и др.)³⁸.

V тип. Из погребений савроматов происходят железный и бронзовые прямые псалии с симметрично расположенными на концах головками животных. Зооморфные псалии, концы которых завершались одинаковыми головами животных, обращенных в одну сторону, были известны на Северном Кавказе еще в предскифское или раннескифское время, судя по находке бронзовых удил, отлитых вместе с псалиями, в Верхнекобанском могильнике (собрание А. С. Уварова в ГИМ)³⁹. Оба конца этих псалиев завершались скульптурными головками лошадей одинаковой формы. Псалии такой же схемы с головами лошадей или грифонов найдены в Ордосе и Южной Сибири⁴⁰. У савроматов псалии этого типа встречены только в южноуральской области. Можно предполагать, что подобное зооморфное оформление концов появилось уже у трехдырчатых савроматских псалиев. Так, в кургане у хут. Черниговского был найден фрагмент бронзового псалия, конец которого завершался головой хищной птицы или грифона, трактованного очень схематично (рис. 49, 4). Надо думать, что псалий имел три отверстия, так как он найден с комплексом стрел VI в. до н. э. (рис. 15, А), когда повсюду применялись еще псалии с тремя отверстиями.

Другие псалии этого типа, совершенно тождественные друг другу, относятся к V и IV вв. до н. э. Это обломки железного и бронзового псалиев из курганов 3 и 5 у пос. Матвеевского на Ори (раскопки Б. Н. Гракова 1930 г.; рис. 48, 6)⁴¹ и бронзовые псалии с железными удилами из кургана 3 группы «Алебастрова гора» у пос. Нежин-

²⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 133, табл. XIX, 4.

³⁰ Н. А. Potratz. Op. cit., S. 21, Abb. 33, 37; S. 23, Abb. 39, 40; S. 25, Abb. 44; E. Schmidt. Persopolis, v. II, pl. 79, 9.

³¹ R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937, t. II. Paris, 1939, pl. LXXV, S. 924; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 58, рис. 57.

³² J. de Morgan. La Préhistoire Orientale, t. III. Paris, 1927, p. 310, fig. 315, 2.

³³ S. Gallus et T. Horvath. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. Budapest, 1939, LXXIV, fig. 10, II.

³⁴ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, 61, 1956, стр. 12, рис. 3, II.

³⁵ S. Gallus et T. Horvath. Op. cit., pl. LXXXIII, 13; В. Радлов. Сибирские древности, табл. XIX, 15, 17; Martin, p. 28, 22.

³⁶ С. В. Киселев. Алтай в скифское время, стр. 165, рис. 4.

³⁷ П. Д. Либеров. Хронология..., табл. I, рис. 98; Смела, т. III, табл. XIX, 4; Б. А. Шрамко. Новые поселения и жилища скифского времени в бас-

сейне Северного Донца. КСИИМК, 54, 1954, стр. 110, рис. 48, 3; ОАК за 1903 г. (станция Воронежская, курган 16), стр. 72.

³⁸ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 133, табл. XIX, 2, 3.

³⁹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., стр. 95, рис. 26; МАК, т. VIII, стр. 31 и рис. 36 на стр. 32.

⁴⁰ J. Aspelin. Op. cit., t. I, p. 64, № 279, 280.

⁴¹ А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата). Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, т. I, археология, стр. 254, табл. I, 1 и 5.

ского на Урале (рис. 48, 7). Бронзовые псалии из обоих курганов столь похожи друг на друга, что возникает предположение, не изготовлены ли они одним и тем же мастером. Скульптурные головы коней на концах псалиев одинаково стилизованы: короткие уши, большие круглые глаза, торчащая челка между ушами. В Скифии такие псалии мне неизвестны.

VI тип. Савроматам были известны костяные или роговые двудырчатые прямые псалии. Такой псалий найден в кургане 3 группы «Алебастрова гора» у пос. Нежинского, относящемся к рубежу V и IV вв. до н. э. (рис. 48, 8). Псалий четырехгранный, к концам суживается, приобретая вид челнока. Между двумя отверстиями в середине псалий имеет потертости от удил, что говорит об его использовании в быту.

Вероятно, с савроматами южноуральских степей надо связывать роговой псалий неясного происхождения, вписанного в инвентарную книгу Эрмитажа (ВО 1894 I/1) как находка у с. Абрамовка Оренбургской губернии 1894 г., хотя в публикации абрамовских находок эта вещь не упоминается⁴². В отличие от остальных савроматских псалиев, этот имеет очень небольшие и близко расположенные друг от друга два прямоугольных отверстия, между которыми псалий сильно потерт петлями удил (рис. 48, 9). Верхний конец псалия завершается резной, сильно стилизованной головой хищника, скорее всего волка; нижний конец обрезан. По своей форме и стилистическим особенностям он напоминает роговой псалий из с. Ближние Елбаны на Верхней Оби, найденный в слое, относящемся, по М. П. Грязнову, к бийскому этапу большереченской культуры (V—III вв. до н. э.)⁴³. Костяные и роговые псалии довольно часто использовались у ананьинских племен. Среди них имеются роговые псалии, близкие по форме эрмитажному экземпляру, например, псалий из Буйского городища на р. Вятке: он имеет ту же форму с перехватом между отверстиями, но без зооморфного оформления⁴⁴. С Аргыжского городища происходит роговой псалий той же формы, концы кото-

рого завершаются скульптурными головками хищников, может быть, также волков⁴⁵.

От ременных частей узды (оголовье) и сбруи, кроме отдельных обрывков ремешков около металлических предметов сбруи, в савроматских могилах ничего не сохранилось. Форму узды нам помогают восстановить находки кожаной сбруи на Алтае, прежде всего в Пазырыкских курганах, и ее изображения на скифских лошадях. Эти сопоставления вполне закономерны, если учесть большое единство конского снаряжения в скифо-сарматскую эпоху от Скифии до Алтая. Большинство металлических частей сбруи, найденных в савроматских могилах, имеет много общего то со скифскими, то с алтайскими подобными находками. Так же одинаково было их назначение в системе сбруи.

Для удержания удил и псалиев применялось ременное оголовье (недоуздок), состоящее из нащечных ремней, раздвоенных в месте их скрепления с псалиями, наносного, подбородочных и налобного ремней. Налобные ремни, судя по ряду изображений взнузданных лошадей Средней Азии⁴⁶ и Скифии⁴⁷, не всегда применялись. Так, у большинства алтайских уздечек, как отмечает С. И. Руденко, налобный ремень отсутствует⁴⁸. Наносный и налобный ремни прикреплялись наглухо; нащечные ремни завязывались на затылке слева, подбородочные — также с левой стороны, как свидетельствуют уздечки, найденные в Пазырыкских курганах⁴⁹. В месте соединения отдельных ремней оголовья прикреплялись металлические или костяные предметы, со-

⁴⁵ А. В. Збруева. История населения..., стр. 62, табл. XII, 12.

⁴⁶ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. Oxford, 1941, pl. LXXIX (лошади саков Персепольских рельефов); П. К. Степанов. Указ. соч., т. I, стр. 11, рис. 4 (лошади на серебряном умбоне из Аму-Дарьинского клада).

⁴⁷ П. К. Степанов. Указ. соч., вып. I, табл. I (лошадь на золотом гребне из Солохи), табл. IV (лошадь с чертомлыцкой вазы), табл. VII (лошади с нашивных бляшек Куль-Обы), табл. XV (лошади с золотой сбивки ножен акинака из Чертомлыка); РД, вып. I, 1889, стр. 59, рис. 80 (лошади на золотой гривне из Куль-Обы).

⁴⁸ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 89; его же. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 151.

⁴⁹ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 55, рис. 20, стр. 56, рис. 21, 8.

⁴² ОАК за 1894 г., стр. 38.

⁴³ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, табл. XXIV, 11.

⁴⁴ В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 51, рис. 18, 6.

ставляющие уздечный набор, часто выполненный в зверином стиле. Уздечные наборы, найденные в ряде савроматских могил, позволяют восстановить форму оголовья.

Перейдем к рассмотрению савроматских уздечных наборов и других частей конской сбруи. Попытаемся сделать реконструкцию уздечки на основании тех комплексов, в которых сохранились все металлические части уздечки, и выяснить назначение бляшек и ворворок, входивших в состав конской сбруи савроматов.

Древнейшим набором бронзовых частей сбруи у савроматов являются бронзовые предметы, найденные вместе с упомянутым выше обломком трехдырчатого (?) зооморфного псаля из кургана у хут. Черниговского, относящегося по комплексу стрел к VI в. до н. э. К сожалению, до нас дошли далеко не все вещи из этого кургана, раскопанного местными казаками в 1888 г. Ф. Д. Нефедов опубликовал три кольца, две пряжки, две плоские бляхи с петлями на обороте и ворворку для перекрестных ремней⁵⁰. У нас нет уверенности, что эти предметы составляют комплекс одной сбруи (рис. 49, 1—3, 5—9).

Большие литые желобчатые кольца, снабженные с внешней стороны кнопкой, а с внутренней стороны — одной или двумя лапками (рис. 49, 1—3), не находят себе места в системе уздечки. Они связаны с седельными ремнями: использовались как подпружные пряжки⁵¹ или служили креплением нагрудного седельного ремня с седлом. Так, например, кольцевые пряжки изображены на нагрудном ремне близ седла на лошади всадника на войлочном ковре из V Пазырыкского кургана⁵². Кажется, такое же кольцо изображено у стыка нагрудного ремня и седла на золотой фигурке всадника, приобретенной Миллером на Колывано-Воскресенском заводе (собрание скифо-сибирского золота в ГЭ)⁵³. В том и другом случае они находились

с левой стороны лошади. Следовательно, седлание коня и надевание узды на коня производилось с левой стороны, с левой же стороны садились на коня, как и в настоящее время.

К седельным же застегивкам относятся две пряжки в виде колец с прямоугольной и трапециевидной рамкой; кольцевые части пряжки протерлись, вероятно, от длительного употребления (рис. 49, 5, 6). Такие пряжки могли употребляться также в уздечке как чумбурные блоки и для застегивания подбородочного ремня. Близкие по форме роговые пряжки были найдены С. И. Руденко с наборами двух уздечек во II Пазырыкском кургане. Эти пряжки автор раскопок связывает с подбородочными ремнями⁵⁴.

Пряжки с неподвижной кнопкой или крючком для закрепления ремня известны в системе сбруи у скифов и их лесостепных соседей⁵⁵, но еще чаще они встречаются в Сибири и на Алтае в эпоху майэмирской и тагарской культур, хотя совершенно точные аналогии для кольцевых пряжек с лапками на обороте мне неизвестны ни на западе, ни на востоке от Южного Приуралья. Их можно сравнить прежде всего с парой бронзовых колец, найденных в кургане 9 у Чувашского мыса близ Тобольска⁵⁶. Судя по рисунку А. Гейкеля, эти кольца также были желобчатыми, но, кажется, не имели лапок. В том же кургане найдена бронзовая пряжка, тождественная пряжкам с прямоугольной рамкой из кургана у хут. Черниговского⁵⁷. Из алтайских находок в некоторой степени сближается с нашими кольцевидными пряжками овальная пряжка из кургана в урочище Арагол, имеющая неподвижный замок-носик, обращенный внутрь кольца⁵⁸.

Находки, близкие по форме и соответствующие по диаметру нашим кольцам, имеются в Минусинском музее⁵⁹. Два желобчатых кольца, но без лапок, найдены вмес-

⁵⁰ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг., МАВГР, т. III. М., 1899, табл. 6, 2—8, 10.

⁵¹ См. схему устройства пазырыкского седла в работе М. П. Грязнова «Первый Пазырыкский курган», стр. 58, рис. 22.

⁵² С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы, стр. 90, рис. 33.

⁵³ РД, вып. II, 1890, стр. 131, рис. 59.

⁵⁴ С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948, стр. 14 и рис. 4 А на стр. 17.

⁵⁵ Смела, т. III, табл. V, 1—4.

⁵⁶ А. Heikel. Antiquités de la Sibirie Occidentale. Helsingfors. 1894, pl. IV, 6.

⁵⁷ Там же, pl. IV, 14.

⁵⁸ С. В. Киселев. Алтай в скифское время, стр. 171, рис. 10; его же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 299, табл. XXIX, 13.

⁵⁹ S. Gallus et T. Horvath. Op. cit., pl. LXXXIV, 3, 4.

те со стремевидными удилами и трехпетельчатыми прямыми псалиями на территории Южной России (из коллекции Бела Поста)⁶⁰. Эта находка подтверждает раннюю датировку таких колец, применявшихся в системе конской сбруи не позднее VI в. до н. э.

Пряжки с прямоугольной или трапецевидной рамкой без подвижного язычка были также известны с архаического времени в Скифии⁶¹, но наиболее они распространены в скифское время на Алтае и в Южной Сибири.

В Сибири, кроме значительного числа случайных находок⁶², бронзовые пряжки этого типа найдены в могилах VII—V вв. до н. э. с погребенными лошадьми. В алтайской сбруе они употреблялись как с удилами старой системы — с трехдырчатыми псалиями, так и с удилами новой системы — с двухдырчатыми псалиями. К древнейшим экземплярам относится пара бронзовых пряжек, найденная А. В. Адриановым в кургане 2 под Солнечным Белком на р. Бухтарме⁶³. Обе пряжки находились у левого бока лошади и безусловно служили для укрепления седла или попоны. Они не моложе VI в. до н. э., так как найдены вместе со стремевидными удилами, и по форме особенно близки пряжкам из Черниговского кургана. Пряжка близкой формы и того же времени была найдена в кургане 10 Тамдинского могильника (группа Памирская I) на Восточном Памире, но она, судя по условиям находки, была связана с одеждой, а не с конской сбруей⁶⁴. Погребение датируется

бронзовыми удилами с двухкольчатыми стремевидными концами и трехпетельчатыми псалиями⁶⁵. По своему размеру и желобчатой форме кольца они приближаются также к кольцевым пряжкам из кургана у хут. Черниговского.

Во II Башадарском кургане в Горном Алтае бронзовые пряжки этого типа были подпружными⁶⁶. Они найдены вместе с уздой, снабженной двудырчатыми псалиями, т. е. относятся ко времени не ранее конца VI—V в. до н. э. К этому же времени относятся аналогичные пряжки из Туяхтинских курганов на Алтае⁶⁷.

Такие же пряжки известны в Киргизии и Казахстане⁶⁸. Остальные бронзовые предметы Черниговского кургана, связанные с конской сбруей, предназначались для украшения уздечки. Среди них имеются два нащечника или налобника в виде пластин с петлей на обороте; их широкие концы завершаются схематически трактованной головой хищной птицы или грифона (рис. 49, 8, 9). Точные аналогии для этих нащечников, кроме савроматских находок, мне неизвестны.

Цилиндрическая обойма для перекрестных ремней уздечки с навершием в виде когтя и перпендикулярным щитком (рис. 49, 7) могла служить наносником или налобником. Когтевидный наносник мы видим на лошади, изображенной на войлочном ковре из V Пазырыкского кургана⁶⁹. На сохранившейся уздечке из кургана у хут. Шумейка когтевидная бронзовая обойма использовалась в качестве налобника⁷⁰. Такая же бронзовая обойма была найдена в кургане на 336-ой версте Покровско-Уральской ж. д. (рис. 50, 11)⁷¹ вместе с бронзовым наконечником стрелы V в. до н. э. Когтевидные обоймы для перекрестных ремней без щитка,

⁶⁰ Ibid., pl. LXXIV, 9—13 (точное место находки не указано).

⁶¹ Смела, т. III, табл. V, 5, 6.

⁶² J. Aspelin. Op. cit., t. I, p. 65, № 291; t. II, p. 112, № 455; Martin, pl. 31, 16, 18, 19, 26, 27; G. Merhart. Bronzezeit am Jenissei, Wien, 1926, S. 168, Taf. XII, 5; И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. IV, 5—8; М. П. Грязнов. Памятники майэмурского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 11, рис. 4, 6; стр. 16, рис. 6, 14.

⁶³ А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая. ИАК, вып. 62, 1916, стр. 26, 27; М. П. Грязнов. Памятники майэмурского этапа..., стр. 11, рис. 4, 9; С. И. Руденко. К палеоантропологии Южного Алтая. Сб. «Казаки», вып. III. М., 1930, стр. 141, рис. 1, 6.

⁶⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 296 и 298, рис. 128, 1, стр. 299, рис. 129.

⁶⁵ Там же, стр. 298, рис. 128, 7, 8, стр. 299, рис. 129.

⁶⁶ С. И. Руденко. Башадарские курганы. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 35, рис. 14.

⁶⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 297, табл. XXVIII, 2, 3.

⁶⁸ Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. XCV, 44; А. Г. Максимова. Указ. соч., стр. 254, табл. I, 6.

⁶⁹ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы, стр. 90, рис. 33; его же. Культура населения Горного Алтая в скифское время, табл. XCV.

⁷⁰ ДП, вып. III, табл. XL.

⁷¹ Находка 1895 г., ГИМ, № 35077—78.

связанные с уздечкой (рис. 50, 15; 51, 1), найдены в кургане 5 у пос. Матвеевского Актюбинской области (Б. Н. Граков, 1930 г.)⁷² и в кургане 2 у слободы Владимировской Острогского уезда (В. Н. Тевяшов, 1900 г.)⁷³. Такие обоймы широко использовались в ахеменидской Персии, у ираноязычных кочевников и оседлых племен Евразии в скифское время. Они украшали портупей меча и колчанов, но чаще всего — уздечку, в местах соединений отдельных ремней оголовья. Их положение на уздечке хорошо выясняется по Персепольским рельефам⁷⁴ и электровному ритону в виде головы лошади с надетой уздечкой из Мазандерана (Персия, V в. до н. э.)⁷⁵. Они располагались попарно на каждой щеке лошади в месте соединения нащечного ремня с наносным, подбородочным и налобным или затылочным ремнями. В Первом Пазырыкском кургане оголовье узды № 2 было украшено шестью деревянными когтевидными обоймами — по три на каждом нащечном ремне⁷⁶. Три скифские уздечки, найденные в помещениях Тейшебаини, имели по четыре обоймы для перекрестных ремней, среди них преобладали обоймы в форме когтя. Одни из них по форме чрезвычайно близки обойме из слободы Владимировской, другие — обойме из пос. Матвеевского⁷⁷. Такие же когтевидные бронзовые обоймы широко применялись для украшения уздечки в Скифии VI—V вв. до н. э.⁷⁸, известны они и у ананьинских племен⁷⁹.

⁷² А. Г. Максимова. Указ. соч., стр. 254, табл. I, 4.

⁷³ В. Н. Тевяшов. Отчет о раскопках в Острогском уезде в 1900—1901 годах. Тр. ВУАК, вып. I. Воронеж, 1902.

⁷⁴ G. Rawlinson. The five Great Monarchies of the Ancient Eastern World, t. III, p. 234. fig.; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, pl. LXXIX.

⁷⁵ Archiv für Orientalforschung, B. X. H. 4—5. Berlin, 1935, S. 301, Abb. 7.

⁷⁶ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 56, рис. 21, 18.

⁷⁷ Б. Б. Пиотровский. Скифы в Закавказье. Уч. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949, стр. 179, рис. 1; его же. Кармир-Блур, т. I. Ереван, 1950, стр. 94, 95, рис. 61 и 62; его же. Скифы и Передний Восток. СА, XIX, 1954, стр. 143, рис. 2.

⁷⁸ Смела, т. I, табл. VIII, 11, 12, 15; т. II, табл. XXIV, 16; С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 50, 1956, стр. 186, рис. 24, 1.

⁷⁹ Отчет ГИМ за 1914 год. М., 1916, стр. 9, рис. 3.

Между уздечными наборами Поволжья и Приуралья имеются определенные различия. В Поволжском районе эти наборы наиболее полно представлены в Блюменфельдском кургане А 12. В эту могилу были положены четыре уздечки с железными удилами и псалиями (рис. 46, 1—3; 48, 1). Полные наборы сохранились лишь при трех удилах, лежавших в ногах погребенных. Уздечки состояли из узких сыромятных ремней, украшенных бронзовыми обоймочками в виде незамкнутых колечек (рис. 52, 2, 5) или бочонковидных пронизок, расположенных приблизительно на расстоянии 1 см друг от друга. Совершенно так же были украшены ремни уздечки из Суловского кургана 43 (рис. 51, 5). Этот прием украшения уздечки был хорошо известен как в Скифии⁸⁰, так и в Южной Сибири⁸¹. Бронзовые кольцевидные обоймочки, входящие в состав конского убора, были найдены в погребениях некрополя Б в Сялке (X—VIII вв. до н. э.)⁸². Вероятно, подобным же способом, судя по некоторым изображениям лошадей на Персепольских рельефах⁸³, украшались нащечные и наносный ремни персидских лошадей ахеменидской эпохи. Назначение этих обоймочек не было чисто орнаментальным: во многих случаях они укрепляли сложенные вдвое узкие уздечные ремешки. В состав первого уздечного набора Блюменфельдского кургана, кроме упомянутых выше кольцевидных обоймочек, входили четыре литые полусферические бляшки с массивной петлей на обороте (рис. 52, 3—5) и плоская бляшка в виде полулуницы с рельефным изображением хищника (волка?) на внеш-

⁸⁰ ДП, вып. II, табл. XVII, табл. XXI; вып. III, табл. XL; ОАК за 1912, стр. 46 (конская гробница основной могилы кургана Солоха); И. В. Яценко. Скифские погребения близ Ногайска. ВДИ, 1956, № 1, стр. 161, рис. 5, д; Е. Ф. Покровская. Раскопки курганов V ст. до н. э. поблизу м. Шполи, стр. 150, рис. 25.

⁸¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 297, табл. XXVIII, 5, 7, 10 (Туяхта); М. П. Грязнов. Памятники майямирского этапа..., стр. 11, рис. 4, 5; С. И. Руденко. К палеантропологии Южного Алтая, стр. 144, рис. 4, 8; И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. IV, 22; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 298, рис. 128, 8.

⁸² R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Sialk..., t. II, pl. LV, S. 5926 (могила № 15).

⁸³ G. Rawlinson. The five Great Monarchies..., t. III, fig., p. 234.

ней стороне и поперечной петлей на обороте (рис. 52, 1). Полусферические бляшки найдены на местах узлов уздечки; они, вероятно, украшали нащечные ремни (по паре на каждом ремне) в местах их соединений с наносным и налобными ремнями, а бляшка с изображением хищника служила налобником (рис. 44, 3).

Полусферические гладкие бляшки известны и в других уздечных комплексах савроматов Поволжья. Тожественные блюменфельдские бляшки были найдены в кургане 2 у с. Молчановка (рис. 51, 8—10) и в составе «клада» кургана 21 у с. Быково (рис. 51, 16, 17). В Приуралье такие же бляшки, но более крупного размера, найдены в кургане 1 у с. Покровка и в кургане у хут. 1 Веселого близ Ак-Булака (рис. 49, 14, 15; 58, 7). Они не составляют специфической особенности уздечного набора савроматов, а характерны для обширной области распространения уздечных наборов «скифского» типа как в Скифии и на Северном Кавказе⁸⁴, так и в Сибири⁸⁵, Средней Азии⁸⁶ и Иране. Иранские бляшки из некрополя Б Сялка являются наиболее ранними экземплярами (X—VIII вв. до н. э.), они совершенно тождественны по форме поволжским⁸⁷. Такие круглые бляшки или фалары мы видим на нащечных ремнях лошадей, изображенных на золотом гребне и обивке горита из Солохи, на обивке ножен меча из Чертомлыка и на серебряном умбоне из Аму-Дарьинского клада⁸⁸.

Зооморфный налобник первой уздечки из Блюменфельда, при всем его локальном своеобразии, находит определенные аналогии среди уздечных украшений лесостепной части Скифии и Южной Сибири. Таковы

⁸⁴ ДП, вып. II, табл. XII, 225; табл. XV, 315; табл. XVII, 317; табл. XIX, 320 а; Смела, т. II, табл. XXIV, 4; С. П. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. СА, VIII, 1946, стр. 43, рис. 32, 2; В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г., СА, т. IX, стр. 24, рис. 16, 2.

⁸⁵ М. Н. Комарова. Томский могильник. МИА, № 24, стр. 43, рис. 25, 12, 14, 17, 18; И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. IV, 23.

⁸⁶ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 298, рис. 128, 3.

⁸⁷ R. Ghisshman. Fouilles de Tepe-Sialk, t. II, pl. LV, S. 592 c.

⁸⁸ П. К. Степанов. Указ. соч., стр. 10, табл. I, стр. 12, табл. II, табл. XV, стр. 11, рис. 4.

бляхи из курганов V в. до н. э. у сел Макеевка и Пастерское на Украине⁸⁹ и из Туяхты на Алтае⁹⁰. Им соответствуют некоторые находки из Минусинской котловины и Ананьина⁹¹. Все они по форме подражают кабаньим клыкам с резным рисунком, широкая часть которых трактована чаще всего в виде скульптурной головы хищника с раскрытой пастью, а узкая — в виде клюва хищной птицы. Блюменфельдский налобник отличается от них большей уплощенностью. В этом отношении он больше похож на бронзовые подвески от пояса (портупеи) или уздечки с рельефным геометрическим орнаментом из Казбекского клада⁹².

Ко второму уздечному набору из Блюменфельда относятся четыре бронзовые зооморфные бляшки с петлей на обороте; из них три сделаны в виде голов хищной птицы или грифона (рис. 52, 7, 8) и одна — в виде головы лошади (рис. 52, 9), а также кабаньих клык с резным изображением двух хищников с раскрытыми пастьями, один из которых заглатывает другого (рис. 52, 6). Форма этой уздечки тождественна первой, только нащечные ремни были украшены вместо полушарных зооморфными бляшками; кабаньих клык, имеющий отверстие внизу широкой части, вероятно, служил налобником, что допускает и Б. Н. Граков⁹³.

Зооморфные нащечные бляшки с петлей на обороте имеют такое же широкое распространение, как и круглые полусферические бляшки — фалары. Однако точные аналогии блюменфельдским бляшкам находим только в Скифии и на Северном Кавказе. Головки ушастых грифонов с ребристой восковицей, тождественные блюменфельдским, встречены в курганах Скифии VI—V вв. до н. э.⁹⁴ Бляшка в виде головы лошади

⁸⁹ Е. Ф. Покровська. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи, стр. 151, рис. 3, 1; ДП, вып. VI, табл. II, 399.

⁹⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 297, табл. XVIII, 11; его же. Алтай в скифское время, стр. 167, рис. 7.

⁹¹ A. Salmony. Sino-siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Paris 1933, pl. XVIII, 1, 2, pl. XX, 12; J. Aspelin. Op. cit., t. II, p. 112, fig. 452.

⁹² A. M. Tallgren. The Kazbek Treasure. ESA, V, p. 139, fig. 53, 54.

⁹³ B. Grakov. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. ESA, III. Helsinki, 1928, p. 34 etc.

⁹⁴ С. Аксютинцы курган 12, коллекция ГИМ: Макеевка, курган 1947 г. — Е. Ф. Покровська.

аналогична бронзовым бляшкам из кургана 10 у с. Поповка Полтавской области (раскопки С. А. Мазараки)⁹⁵ и костяным головкам от уздечки из Роменского уезда⁹⁶. Такая же бляшка была найдена в савроматской могиле кургана 5 у пос. Матвеевского под Актюбинском (рис. 50, 14).

В составе третьей уздечки из Блюменфельдского кургана А 12 имеется лишь один нащечник в виде схематично трактованной головки грифона с большим круглым глазом и гладкой восковицей, а также большой кабаньей клык-налобник со сложной резьбой в зверином стиле (рис. 52, 10, 11). Бляшка от третьей уздечки имеет аналогии в курганах V в. до н. э. в Скифии⁹⁷, Ольвии⁹⁸ и Крыму (Нимфейские курганы)⁹⁹.

Кабаньи клыки в качестве амулетов широко использовались различными древними народами Евразии в скифо-сарматскую эпоху. У савроматов и других племен той же эпохи они служили подвесками к портупеем меча, но еще чаще они встречаются в составе конской сбруи.

Наибольшее число кабаньих клыков, украшенных резьбой в зверином стиле, падает на савроматскую территорию Поволжья. Аналогии этим клыкам мы находим в лесостепной части Скифии. По стилю поразительную аналогию блюменфельдским клыкам представляет клык из Роменского уезда¹⁰⁰. Выгравированный на его широкой части свернувшийся в кольцо зверь кошачьей породы напоминает изображение на блюменфельдском клыке третьей уздечки (рис. 52, 10). Узкий конец клыка, трактованный в виде головы птицы, похож на конец блюменфельдского клыка, найденного при акинаке (рис. 8, 1). Более далекую аналогию представляет клык, украшенный резным изображением в форме птичьей головы, найденный во время раскопок А. Бобринского под Смелой. Он также входил в состав

конской уздечки¹⁰¹. Среди древностей Средней Азии, приписываемых А. Н. Бернштамом сакам, также встречен клык с резным изображением головы хищника с раскрытой пастью (р. Сукулук, Чуйская долина)¹⁰².

Интересную находку представляют три кабаньих клыка из ограбленной савроматской могилы в кургане 97 Второго Бережновского могильника. Один из них с искусно вырезанной головой хищника с раскрытой пастью и отверстием под горлом очень близок блюменфельдским (рис. 53, 1); два других коротких клыка имеют у основания широкой части по четыре круглых отверстия, расположенных крест на крест (рис. 53, 2, 3). Трудно с уверенностью определить, входили ли они в состав конской узды или относились к портупеем меча, обломки которого найдены в этой могиле. Однако, скорее всего, два коротких клыка, имеющие отверстия для перекрестных ремней, относятся к составу уздечного набора. Полные аналогии им мы находим как в Скифии¹⁰³, так и на Востоке. В кургане 250 у с. Басовка Роменского уезда Н. Е. Бранденбург нашел при железных удилах четыре кабаньих клыка с отверстиями; он считал их привесками к уздечке¹⁰⁴. В кургане 2 у с. Волковцы (раскопки С. А. Мазараки) кабаньи клыки с перекрестными отверстиями были найдены также вместе с удилами. Их расположение в уздечке хорошо фиксируется по находкам в Туяхтинских курганах на Алтае: они найдены на скрещении ремней уздечки, т. е. они заменяли металлические бляшки или обоймы нащечных ремней. С. В. Киселев считает их характерным видом украшений алтайской уздечки майэмирской эпохи¹⁰⁵. Каменные и бронзовые имитации кабаньих клыков, входившие в состав конской сбруи, были найдены Е. Шмидтом в сокровищнице

Раскопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи, стр. 151, рис. 3, 3, 4.

⁹⁵ Смела, т. II, табл. XXIV, 12, 13.

⁹⁶ ДП, вып. III, табл. LI, 531.

⁹⁷ Смела, т. III, табл. X, 4; с. Кулишова, курган 425; с. Броварка, курган 502 (раскопки Н. Е. Бранденбурга, ГЭ); ДП, вып. II, табл. XV, 315 (Волковцы, курган I, раскопки С. А. Мазараки).

⁹⁸ С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии, стр. 186, рис. 24, 2.

⁹⁹ РД, вып. I, стр. 49, рис. 64.

¹⁰⁰ ДП, вып. II, табл. XXXI, 512.

¹⁰¹ Смела, т. II, стр. 44 и табл. II, 2.

¹⁰² Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина», табл. XXXIX, 1.

¹⁰³ ДП, вып. II, табл. XXXII, 513, 514 (из курганов в урочище Галушино, у с. Пастерское); Смела, т. III, табл. V, 22—27 (из курганов Роменского уезда).

¹⁰⁴ Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 154.

¹⁰⁵ С. В. Киселев. Алтай в скифское время, стр. 165 и рис. 56 на стр. 166; его же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 295 и табл. XXVIII, 1; С. И. Руденко. К палеантропологии южного Алтая, стр. 144, рис. 4, 3.

Персеполя¹⁰⁶. Я выше отметил, что на Персепольских рельефах, где изображены лошади, в месте скрещения нащечных ремней с наносным, налобным и подбородочным, имеются клювообразные обоймы. Некоторые из них могут быть признаны за кабаньи клыки¹⁰⁷. Таким образом, туятинские находки и иранские рельефы дают полное представление о месте этих клыков в системе уздечки.

Из Приуральского района мне известна лишь одна подвеска из расколотого пополам кабаньего клыка, которую можно связать с украшением уздечки. Она была найдена с железными удилами в Тарабутаковском кургане 2 на Илеке (рис. 50, 8). Подобная подвеска из расколотого кабаньего клыка была найдена и в Ананьинском могильнике¹⁰⁸.

Бронзовый уздечный набор, найденный в кургане 2 у с. Молчановка, очень близок блюменфельдским. В него входят десять полусферических бляшек различного размера, плоский ромбический налобник, две плоские бляшки в виде головки хищника и коническая ворворка (рис. 51, 7—15).

Среди полусферических бляшек выделяются две бляшки малого размера в виде стилизованного орлиного глаза — с рубчатой каймой по краю; на обороте они имеют круглую петлю (рис. 51, 11, 12). Бляшки этого вида очень типичны в уздечных наборах Скифии и встречаются главным образом в погребениях V в. до н. э.¹⁰⁹ Они встречаются также и в Сибири, но значительно реже¹¹⁰.

¹⁰⁶ E. Schmidt. The Treasury of Persepolis. Chicago, 1939, p. 47, pl. 3, 367; его же. Persepolis, v. II, pl. 79, 3—5.

¹⁰⁷ G. Rawlinson. The five Great Monarchies..., t. III, p. 234, fig.

¹⁰⁸ A. M. Tallgren. L'époque dite d'Ananino..., p. 136, fig. 104, 11.

¹⁰⁹ Смела, т. II, табл. XXIII, 4, 8, 10, 12, 15, 19, 20 (с. Аксютинцы); ДП, вып. II, табл. XVI, 316 (с. Волковцы, курган 2); В. А. Ильинская. Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье. КСИИМК, 3, 1954, стр. 68, табл. I, 16—18; ее же. Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы. КСИИМК, 54, 1954, стр. 35, рис. 13, 11—14; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии, стр. 13, рис. 26 (с. Криворуково, курган 400), стр. 26, рис. 60 (с. Журовка, курган В).

¹¹⁰ М. Н. Комарова. Томский могильник, стр. 39, рис. 22, 15, 33, стр. 43, рис. 25, 14, 17, 18; И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. IV, 28.

Приблизительное расположение бронзовых частей уздечки мы можем представить следующим образом: налобник ромбической формы, типичной для налобников Скифии и Прикубанья¹¹¹, занимал среднюю часть налобного ремня; зооморфные бляшки служили нащечниками; четыре полусферические бляшки крупного размера, вероятно, укреплялись в месте скрещения ремней оголовья, а мелкие бляшки украшали нащечные и, возможно, наносный ремни (рис. 44, 4).

Такое расположение мелких полусферических бляшек на уздечных ремнях зафиксировано в кургане 7 группы «Частых курганов» под Воронежем¹¹².

Конические ворворки очень часто встречаются в погребениях скифов и савроматов. Они входили в состав портупеи воинов, но еще чаще они представляли предметы конского снаряжения. В Молчановском погребении коническая ворворка составляла часть уздечного набора (рис. 51, 15). Такая же ворворка найдена в Блюменфельдском кургане вместе с костями лошади в разрушенной части могилы (рис. 52, 12). Назначение ворворок в составе уздечки, вероятно, было различным. Иногда они украшали один из ремней оголовья, как показывает находка такой ворворки в упомянутом выше кургане урочища «Частые курганы»¹¹³. Однако чаще всего они имели практическое значение: они укрепляли узел или подбородника, как это видно на одном из Персепольских рельефов¹¹⁴, или же — затылочного ремня, как свидетельствуют находки в Пазырыкских курганах¹¹⁵.

У сарматов применялись ворворки трех типов: конические (рис. 51, 15; 52, 12), вогнуто-конические (рис. 50, 12, 13) и полусферические (рис. 51, 4).

¹¹¹ РД, вып. II, стр. 115, рис. 99, стр. 117, рис. 101; E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 166, fig. 54, 55; ИАК, вып. 14, стр. 17, рис. 38.

¹¹² С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем, стр. 32, 33, рис. 18, 20.

¹¹³ Там же, стр. 32, 33, рис. 18 и 20.

¹¹⁴ G. Rawlinson. The five Great Monarchies..., t. III, p. 234, fig.

¹¹⁵ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 29, рис. 9 (внизу), стр. 55, рис. 20; С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время, стр. 156, рис. 97.

Последний из сохранившихся уздечных наборов савроматов Поволжья найден с железными удилами с S-видными псалиями в Суловском кургане 43. Уздечные ремни украшены бронзовыми кольцевидными обоймами и парой бляшек в виде фигурок стоящих животных, с повернутой назад головой, и прямоугольной петлей на обороте (рис. 51, 5, 6). Бляшки, вероятно, располагались симметрично на нащечных ремнях.

Изображения животных на этих бляшках очень схематичны. П. С. Рыков считал их газелями с длинными прямыми рогами (?) ¹¹⁶, Б. Н. Граков называет их козлами ¹¹⁷. Однако, судя по рисунку, приведенному в публикации П. Д. Рау, они скорее выглядят как хищники кошачьей породы ¹¹⁸. Стилистически эти бляшки очень близки бронзовой обойме для перекрестных ремней с фигуркой стоящего животного из Гляденовского ксистища ¹¹⁹.

Все описанные уздечные наборы савроматов Поволжья происходят из погребальных комплексов V в. до н. э.

К несколько более раннему времени относятся две литые круглые выпуклые бляхи с массивной петлей на обороте из кургана 25 группы «Три брата» у г. Элисты (рис. 51, 3). На них имеются рельефные изображения свернувшихся в кольцо барсов. Они выполнены в стиле, характерном для скифской архаики (VI в. до н. э.). Хотя условия находки блях в могиле (они найдены против локтя левой руки) ¹²⁰, где не было других предметов уздечки, не позволяют уверенно связать их с конским убором, однако их форма соответствует конским фаларам, которые могли украшать нащечные ремни уздечки.

Рассмотрим теперь сохранившиеся уздечные наборы савроматов Приуралья V—IV вв. до н. э. Наборы конца VI—V в. до н. э. содержат вещи, очень близкие частям кон-

ской сбруи из кургана VI в. до н. э. у хут. Черниговского. В районе Поволжья они неизвестны. Очень близки между собой наборы, найденные в курганах бассейна Илека: 1-го Покровского, 2-го Мечетсайского, 2-го Тарабутакского и кургана урочища «Пятимары».

В первом из них найдены головка горного козла (высотой 5 см; рис. 49, 12) и десять крупных бронзовых блях со скобами для перекрестных ремней на обороте (рис. 49, 10, 11, 13—15): четыре круглые выпуклые бляхи (диаметр 5 см), две такие же бляхи, украшенные наверху головой грифона (длина 6 см), четыре продолговатые плоские бляхи в виде языков, также украшенные наверху головой грифона (длина 11 см).

Родственный покровскому уздечный набор из кургана в урочище «Пятимары» состоит из 15 бронзовых литых блях (рис. 54): пяти в виде продолговатых пластин с скругленным верхом с головкой грифона, из них три имеют продольную петлю на обороте, а две — поперечную, десяти круглых, слегка выпуклых блях с головкой грифона наверху, из них четыре имеют продольную петлю, а шесть — поперечную, кроме того, с ними найдены три восьмеркообразные обоймы-пронизки (рис. 54).

Зооморфный стиль блях с грифонами совершенно одинаков у обоих уздечных комплексов, совпадают и их формы. Продолговатые бляхи очень похожи на налобники или нащечники конского убора из кургана у хут. Черниговского. Наборы Покровки и Пятимаров происходят из грабительских раскопок; вероятно, сохранились не все предметы, поэтому нельзя точно определить число уздечек в каждом из курганов. Значительное число сохранившихся блях указывает на то, что мы имеем дело с несколькими уздечными наборами.

Петли, как на круглых, так и на продолговатых бляхах из Пятимаров, расположены различно. Бляхи с продольными петлями прикреплялись к поперечным ремням оголовья, т. е. могли служить налобниками и наносниками; бляхи с поперечными петлями должны были украшать нащечные ремни. Точнее определить положение блях на оголовье пока не представляется возможным. Этот тип блях с головами грифонов характерен только для уздечных наборов Южноуральской области. Точных аналогий в

¹¹⁶ П. С. Рыков. Суловский могильник.

¹¹⁷ B. Grakov. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenburg. ESA, IV, Helsinki, 1928.

¹¹⁸ P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet, S. 77, Abb. 20.

¹¹⁹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 85, табл. XVIII, 14.

¹²⁰ И. В. Силицын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. «Археологический сборник». Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. I. Саратов, 1956, стр. 36, рис. 13.

других областях нашей страны мне неизвестно. Лишь в Персеполе была найдена прямоугольная бляшка с петлей на обороте, на щитке ее в рельефе изображена голова какого-то животного или грифона с большим глазом¹²¹.

Восьмеркообразные обоймы-пронизки (рис. 54) известны в Казахстане¹²² и на Алтае, причем алтайские обоймы из Туяхтинского кургана тождественны илекеским. Туяхтинская находка выясняет назначение этих обоймочек¹²³: они скрепляли раздвоенные концы нащечных ремней, вероятно, для того, чтобы они не перекручивались.

В основном погребении Мечетсайского кургана 2 были найдены бронзовые и железные предметы от трех уздечек вместе с железными удилами и псалиями. Среди них целиком сохранился бронзовый набор от одной уздечки. Он состоял из восьми предметов: двух цилиндрических обойм для перекрестных ремней с выпуклым верхом (рис. 55, 3, 5), двух таких же обойм со схематической головкой грифона наверху (рис. 55, 1, 2), двух подвесок, имитирующих форму кабаньего клыка, с поперечной петлей на обороте: одна из них без орнамента (рис. 55, 7), другая в широкой части украшена рельефной головкой горного козла, обращенной мордой внутрь подвески (рис. 55, 6); подвески в виде язычка с массивной круглой петлей (рис. 55, 8) и круглой пряжки с четырехугольной рамкой (рис. 55, 7). Цилиндрические бляхи-обоймы с плоским или выпуклым верхом были широко распространены в составе конской узды Европы и Азии. В Средней Европе они появились в гальштатское время¹²⁴; им одновременно подобные же предметы из Афганистана (Нади-Али)¹²⁵ и Ирана (некрополь Б Сялка X—VIII вв. до н. э.)¹²⁶. Причем эти ранние обоймы, общим прототипом которых бы-

ли костяные бляхи эпохи бронзы, подобные, вероятно, костяной бляхе из погребения срубной культуры из Иловатки¹²⁷, ближе всего стоят к бронзовым обоймам из Сялка¹²⁸. Такие же обоймы из кости и металла часто встречаются в составе конской сбруи Скифии и Кавказа, начиная с архаического скифского времени¹²⁹. Однако самые близкие аналогии мы находим в Казахстане¹³⁰, Сибири¹³¹ и в Персеполе¹³².

Цилиндрические обоймы со щитками в виде грифонных головок, но несколько иной формы также были известны в Скифии и на Северном Кавказе¹³³. Тождественные мечетсайским обоймы с грифонными головками найдены Ф. Д. Нефедовым в Ананьинском могильнике¹³⁴ — здесь они явно савроматского южноуральского происхождения, ибо в других районах точно таких обойм нет.

Выше, разбирая предметы конского снаряжения из курганов у хут. Черниговского и у с. Цветочное (бывшее Блюменфельд), я отмечал, что в савроматской сбруе встречаются бронзовые имитации кабаньих клыков и бронзовые пряжки с прямоугольной рамкой. Оба эти предмета находятся в раз-

¹²⁷ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатки и Политотдельское Сталинградской области. МИА, № 60, 1959, стр. 226, рис. 9, 4.

¹²⁸ R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Sialk..., t. II, pl. LVI, S 595, S 794.

¹²⁹ Б. Б. Piotrovskiy. Кармир-Блур, т. I. Ереван, 1950, стр. 94, рис. 61, стр. 95; его же. Скифы и Древний Восток, стр. 143, рис. 2; S. Gallus et T. Horváth. Op. cit., pl. LXXVI, 2; Смела, т. II, табл. XXIV, 5, 9, 15; Смела, т. III, табл. VII, 10—14; ДП, вып. II, табл. XVI, 316; ДП, вып. III, табл. L, 531 и табл. LXI 543.

¹³⁰ А. Г. Максимова. Указ. соч., стр. 254, табл. I, 12.

¹³¹ И. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. I, табл. IV, 21, 26; М. Н. Комарова. Томский могильник, стр. 35, рис. 20, 19; М. П. Грязнов. Памятники майемирского этапа..., стр. 11, рис. 4, 4; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 297, табл. XXVIII, 4.

¹³² E. Schmidt. Persepolis..., v. II, pl. 77, 20, 21.

¹³³ Смела, т. I, табл. XI, 3; Смела, т. III, табл. VIII, 6 (курган XXXVIII); Ульский аул, курган 2 раскопок Н. И. Веселовского 1939 г., ГЭ, Ку 1909 I/159.

¹³⁴ А. В. Збруева. Галкинское городище. МИА, № 1, 1940, стр. 89, табл. II, 18; Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье. МАВГР, т. III. М., 1899, стр. 51, рис. 5.

¹²¹ E. Schmidt. Persepolis, v. II, pl. 77, 17.

¹²² А. Г. Максимова. Указ. соч., стр. 254, табл. I, 10.

¹²³ С. В. Киселев. Алтай в скифское время, стр. 166, рис. 6; его же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 297, табл. XXVIII, 18.

¹²⁴ S. Gallus et T. Horváth. Op. cit., pl. II, 4—7; pl. X, 10, 11; pl. XVI, 8, 9; pl. L, 3; pl. LIV, 3; 4, 8.

¹²⁵ R. Ghirshman. Fouilles de Nadi-Ali dans le Seistan Afghan. Revue des arts asiatiques, t. XIII, Nr. 1, p. 21, pl. V, 40, 68.

¹²⁶ R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Sialk..., t. II, pl. LVI, S. 595, S. 794 b.

бираемом уздечном наборе. Здесь они стоят ближе к аналогичным вещам из Южной Сибири, чем из Скифии.

Форму уздечки и приблизительное расположение всех бронзовых частей мечетсайского уздечного набора на ремнях оголовья восстановить довольно легко, во-первых, учитывая сохранившиеся куски ремней в отверстиях обойм и в петлях подвесок, и, во-вторых, имея в виду туяхтинскую уздечку с бронзовыми предметами, часть из которых (цилиндрические обоймы, подвески в форме кабаньего клыка) совпадает с мечетсайскими¹³⁵. Поскольку в наборе были четыре бляхи-обоймы для перекрестных ремней, уздечка должна была обязательно иметь два поперечных ремня — наносный и налобный, переходящий в подбородник. Следовательно, это была, судя по изображениям из Скифии и Персеполя, узда наиболее распространенного в древности вида. Сохранившиеся внутри обойм с грифоньими головами ремешки были расположены следующим образом: по продольной оси шел один довольно широкий ремешок, а поперек его — два узких ремешка (рис. 55, 1). Надо думать, что парные ремешки представляли раздвоенный конец нащечного ремня. В таком случае эти обоймы должны располагаться в месте соединения нащечного ремня с наносным, цилиндрические же обоймы без грифоньих головок прикреплялись на месте скрещения нащечных ремней с налобным ремнем и подбородником. Подвеска в виде язычка служила налобником или наносником. Подвески в форме кабаньих клыков, судя по расположению петли, также прикреплялись на поперечных ремнях оголовья, по бокам налобного ремня. Пряжка, как и во Втором Пазырыкском кургане¹³⁶, вероятно, служила застежкой подбородника или, скорее, чумбурным блоком (рис. 44, 5).

Два других уздечных набора состояли из железных обойм и подвесок, разделить которые не представляется возможным. В их состав входили: обоймы для перекрестных ремней, среди которых было две цилиндрические с выпуклым верхом (рис. 56, 3, 10),

тождественные бронзовым; обойма с когтевидным навершием (рис. 56, 4); три обоймы с плоским прямоугольным или ромбическим щитком (рис. 56, 1, 2); налобник в виде язычка с округлым рельефным навершием, вероятно, украшенным зооморфным изображением (рис. 56, 7); подвеска-налобник или наносник в виде головы птицы (рис. 56, 6); плоская подвеска в форме кабаньего клыка с поперечной петлей на обороте, узкий конец подвески изображает голову хищной птицы (рис. 56, 5); два обломка пластин, вероятно, также от подвесок, имитирующих кабаньих клык (рис. 56, 8); и обломок колечка или пряжки (рис. 56, 9).

Как мы видим, железные украшения уздечки изготавливались по бронзовым образцам. Здесь необычны лишь обоймы с плоскими прямоугольными щитками, которые, кажется, неизвестны в других местах.

В Мечетсайском кургане были найдены также три бронзовых кольца с лапками, почти тождественные кольцам из кургана у хут. Черниговского, но только без кнопок. Два малых кольца происходят из центральной могилы (рис. 57, 2, 3), третье кольцо найдено в ограбленной катакомбе 3 (рис. 57, 4). Последнее, как и кольцо из основной могилы, найденное вместе с уздечным набором и сохранившее кусок ремня, охватывающего лапку, имеет одну лапку; другое малое кольцо снабжено парой параллельно расположенных лапок. Они служили, по-видимому, застежками седельных ремней. Вместе с уздечными наборами найдено большое железное кольцо с овальным отверстием в утолщенной части (рис. 57, 1). Возможно, это подпружная пряжка.

Уздечные наборы из железа найдены также в кургане 2 группы Тара-Бутак и в погребении с трупосожжением у с. Сара. В состав тарабутакского набора входили три полусферические обоймы для перекрестных ремней, тождественные мечетсайским (рис. 50, 5, 6) и две плоские бляшки с большой петлей на обороте, одна из них имеет трапецевидный щиток, другая — продолговатый, сильно окисленный, вероятно с зооморфным изображением (рис. 50, 6, 7). Возможно, с украшением уздечки связаны две стеклянные бусины-пронизки, найденные поблизости от этих бляшек: одна плоская, дисковидная, из голубого непрозрачного стекла (рис. 50, 10), другая в виде биконического

¹³⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 297, табл. XXVIII, 18; его же. Алтай в скифское время, стр. 166, рис. 6.

¹³⁶ С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948, стр. 14 и рис. 4 а на стр. 17.

пряслица из такого же стекла с белыми и желтыми полосками (рис. 50, 9).

Из кургана у с. Сара дошли до нас лишь фрагменты от четырех больших круглых и слегка выпуклых блях с петлями или ножками для перекрестных ремней (рис. 50, 1—4).

IV в. до н. э. датируются принадлежности конской сбруи из кургана 3 урочища «Алебастрова гора» у пос. Нежинского и из кургана у хут. Веселого близ Ак-Булака.

Находка из кургана в группе «Алебастрова гора» представляет целиком сохранившийся набор бронзовых частей уздечки. Они лежали под удилами с бронзовыми псалиями вместе с обрывками ремней от оголовья (рис. 44, 6). Украшения нащечных ремней здесь служили две цилиндрические обоймы с навершиями в виде головы грифона с птичьим хвостом на затылке (рис. 58, 1, 2) и бляшки с округлыми петлями; одна из этих бляшек имела выпуклый круглый щиток, другая — плоский продолговатый (рис. 58, 5, 6). Налобный и наносный ремни, вероятно, были украшены подвесками в виде грифонных голов (рис. 58, 3, 4). Этот уздечный набор отличается локальным своеобразием, но по стилистическим особенностям он сближается с уздечными наборами Скифии V в. до н. э., в составе которых часто встречаются бляшки и налобники в виде грифонных головок с веерообразным птичьим хвостом или крылом¹³⁷. Однако в целом весь погребальный комплекс из третьего кургана на Алебастровой горе не может быть датирован ранее рубежа V—IV вв. до н. э., судя по набору бронзовых наконечников стрел (рис. 30, B) и железных кинжалов (рис. 2, 8), среди которых имеется кинжал прохоровского типа.

В могиле близ Ак-Булака, в том месте, где были положены девять железных удили, найдены восемь больших полусферических блях-фаларов с петлями на обороте, в которых торчали обрывки уздечных ремней (рис. 58, 7), три бронзовые ворворки (рис. 58, 9—11) и бронзовая круглая пряжка с прямоугольной рамкой, в которой также

торчал обрывок ремешка (рис. 58, 12). Все эти части сбруи уже знакомы нам по разобранному выше комплексу. Вероятно, как и в кургане Тара-Бутака, в состав конского убора входила найденная здесь крупная бусина-пронизка в виде биконического пряслица с рифленой поверхностью, выточенная из мягкого белого камня (гипса или алебастра; рис. 58, 8). Кроме того, вместе с железными удилами здесь были найдены два железных предмета: один — в виде птичьей головы; другой — в виде головы хищного животного (рис. 58, 13, 14); верхние концы этих предметов загибаются в массивные петли. Вероятно, они использовались как уздечные подвески.

Итак, удила с псалиями и металлические уздечные наборы дают нам довольно полное представление о форме савроматской уздечки, которая мало чем отличалась от скифской. К сожалению, мы не имеем никаких данных о других частях конской сбруи. С седельной упряжкой мы можем связать, как уже было отмечено, лишь некоторые железные и бронзовые кольца, которые могли служить подпружными застегками. Седла у савроматов, как и у скифов, были, вероятно, подушечного типа, известные по изображениям на чертомлыцкой вазе и на костяной пластинке из Куль-Обы¹³⁸. Возможно также, что их заменяли простые попоны, которыми пользовались как скифы, так и народы Средней Азии¹³⁹.

Жесткие стремена в эту эпоху не были известны. Возможно, савроматские всадники, как и скифы, пользовались мягкими ремennыми стременами, которые известны по изображению на той же чертомлыцкой вазе.

Савроматские всадники пользовались нагайками, или плетями. Рукоять такой плетки была найдена в кургане «Черная гора» у с. Абрамовка Оренбургской области. Она сделана из кости и украшена скульптурным двухсторонним изображением фигуры волка с оскаленной пастью, припавшего к земле (рис. 53, 4). На другом конце рукоятки имеется отверстие для прикрепления ремennой плети.

¹³⁷ А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии. ИАК, вып. 14, стр. 9, рис. 9, стр. 17, рис. 39 и 40; В. А. Ильинская. Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье, стр. 68, табл. I, рис. 12, 13.

¹³⁸ РД, вып. II, стр. 89, рис. 69; стр. 136, рис. 114; стр. 138, 139, рис. 115, 116; П. К. Степанов. История русской одежды, вып. I, стр. 10, табл. IV.

¹³⁹ РД, вып. II, стр. 128, рис. 110, стр. 146, рис. 123; П. К. Степанов. История русской одежды, стр. 11, рис. 4, табл. XV.

Кроме того, хлыстом всаднику мог служить чумбур, существование которого у савроматов можно допустить, имея в виду, что он был известен древним племенам Сибири, Алтая и скифам. Скифы прикрепляли чумбур с левой или с правой стороны лошади¹⁴⁰. В Пазырыкских курганах чумбур также прикреплен то к правому, то к левому кольцу удила, и соответственно один конец повода наглухо прикреплялся к другому кольцу удила; другой конец повода заканчивался петлей, с помощью которой повод надевался на чумбур. На чумбуре имеется узел, мешающий петле повода соскочить с чумбура. Иногда конец повода прикреплялся к деревянному или роговому блоку, надеваемому на чумбур между удильным кольцом и узлом¹⁴¹. В конском снаряжении скифов и савроматов роль чумбурного блока могли выполнять бронзовые кольца или круглые пряжки с прямоугольными рамками.

Всадник с помощью чумбура управлял лошастью. Кроме того, чумбур служил хлыстом, а спешившемуся всаднику — ремнем, за который вели или привязывали лошадь.

Конское снаряжение савроматов представляет разновидность того общего типа конского убора, который был характерен в скифское время для юга Восточной Европы,

Сибири, Средней Азии и Ирана. Способ управления лошастью на этой обширной территории приблизительно был один и тот же; в украшении уздечки главное место занимал звериный стиль. Однако, как и в вооружении, савроматы к концу VI—V в. до н. э. создают ряд локальных форм псалиев и особенно наборов конской уздечки, что свидетельствует о творческой переработке многих общих форм евразийского конского убора. Сравнивая уздечные наборы савроматов Поволжья и Приуралья V в. до н. э., мы видим в них большие различия. Уздечные наборы Поволжья как по форме, так и по особенностям звериного стиля, очень близки наборам Скифии. Правда, большинство аналогий мы черпаем из памятников лесостепной полосы Восточной Европы, а не степной Скифии. Однако следует иметь в виду, что в степях до сих пор исследовано очень мало скифских памятников V в. до н. э.

Уздечные наборы Приуралья, особенно Илекской группы савроматских памятников, составляют самостоятельную группу. Некоторые приуральские формы мы видим у племен ананьинской культуры, которые, безусловно, заимствовали их у савроматов.

Особенно много общего в конском снаряжении южноуральских кочевников и племен Южной Сибири, главным образом Алтая майэмирской эпохи. Оба района связывают степи Казахстана, откуда, несмотря на еще слабую изученность памятников скифского времени, известны близкие савроматским предметы конского снаряжения.

¹⁴⁰ РД, вып. II, стр. 89, рис. 69; стр. 146, рис. 123; E. Minns. *Op. cit.*, стр. 204 D, рис. 103; стр. 286, рис. 207.

¹⁴¹ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 55, рис. 20; С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время, стр. 154, 155 и рис. 89 на стр. 151.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

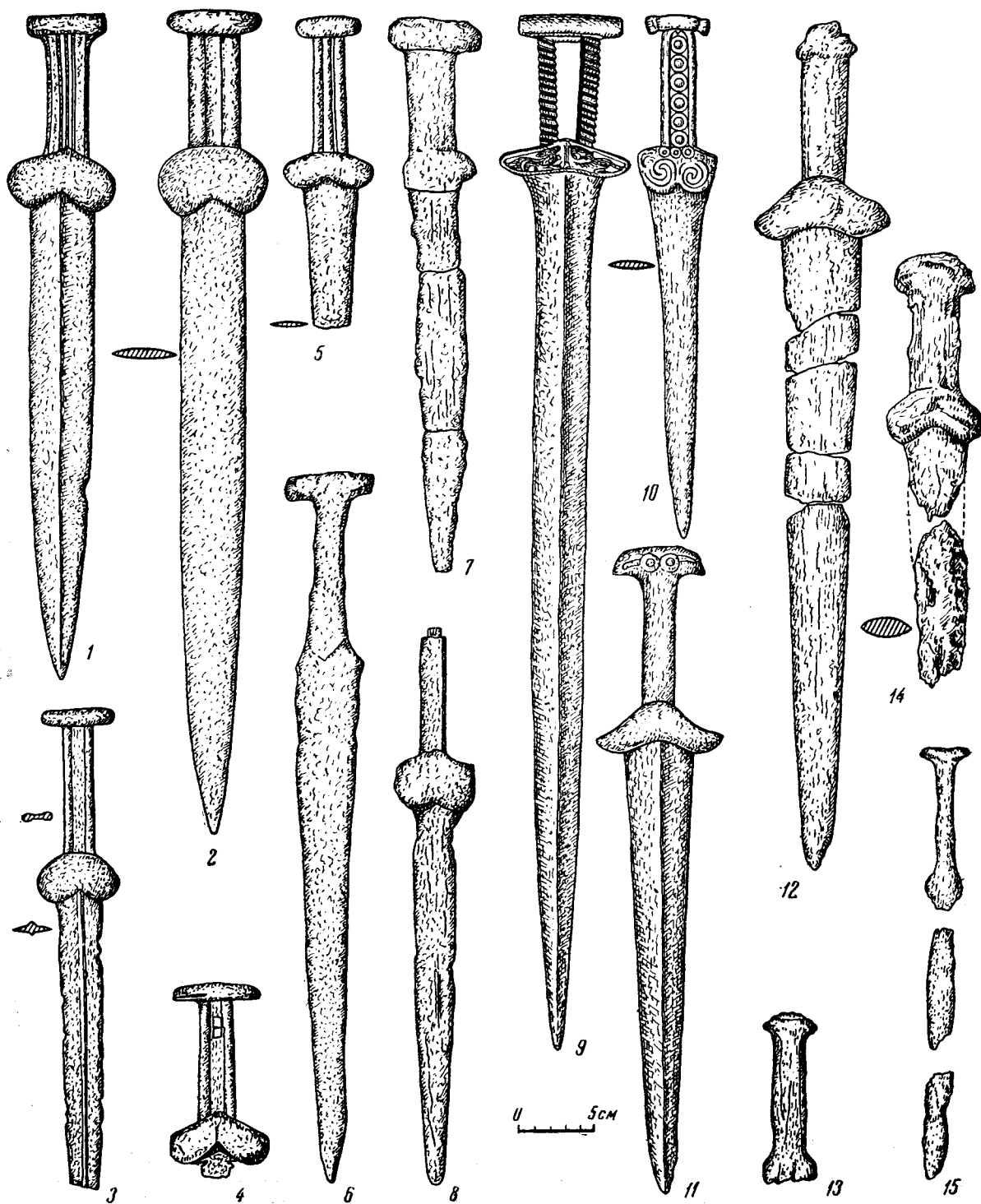

Рис. 1. Мечи с прямым брусковидным навершием:

1 — колхоз Кызыл-ту близ г. Актюбинска, 1948 г.; 2 — с. Любимовка, урочище Лапасина, курган 1, К. Ф. Смирнов, 1956 г.; 3 — с. Средняя Липовка; 4 — бугор Стеньки Разина близ г. Камышина, 1907 г.; 5 — Юловская волость Вольского уезда, 1909 г.; 6 — слобода Владимировская, курган 5, В. Н. Тевяшов, 1900 г.; 7 — с. Норка, А. А. Спицын, 1895 г.; 8 — с. Квасниковка, 1912 г.; 9 — дер. Измайлово Бугурусланского уезда; 10 — станция Марычевка, 1907 г.; 11 — с. Ильинское; 12 — Акжарский могильник под г. Актюбинском, курган 4, В. С. Сорокин, 1955 г.; 13 — Ново-Кумакский могильник под г. Орском, курган 2, погребение 1, М. Г. Мошкова, 1958 г.; 14 — там же, курган 7, М. Г. Мошкова, 1959 г.; 15 — с. Клястичное, курган 2, Н. П. Кипарисова, 1951 г.

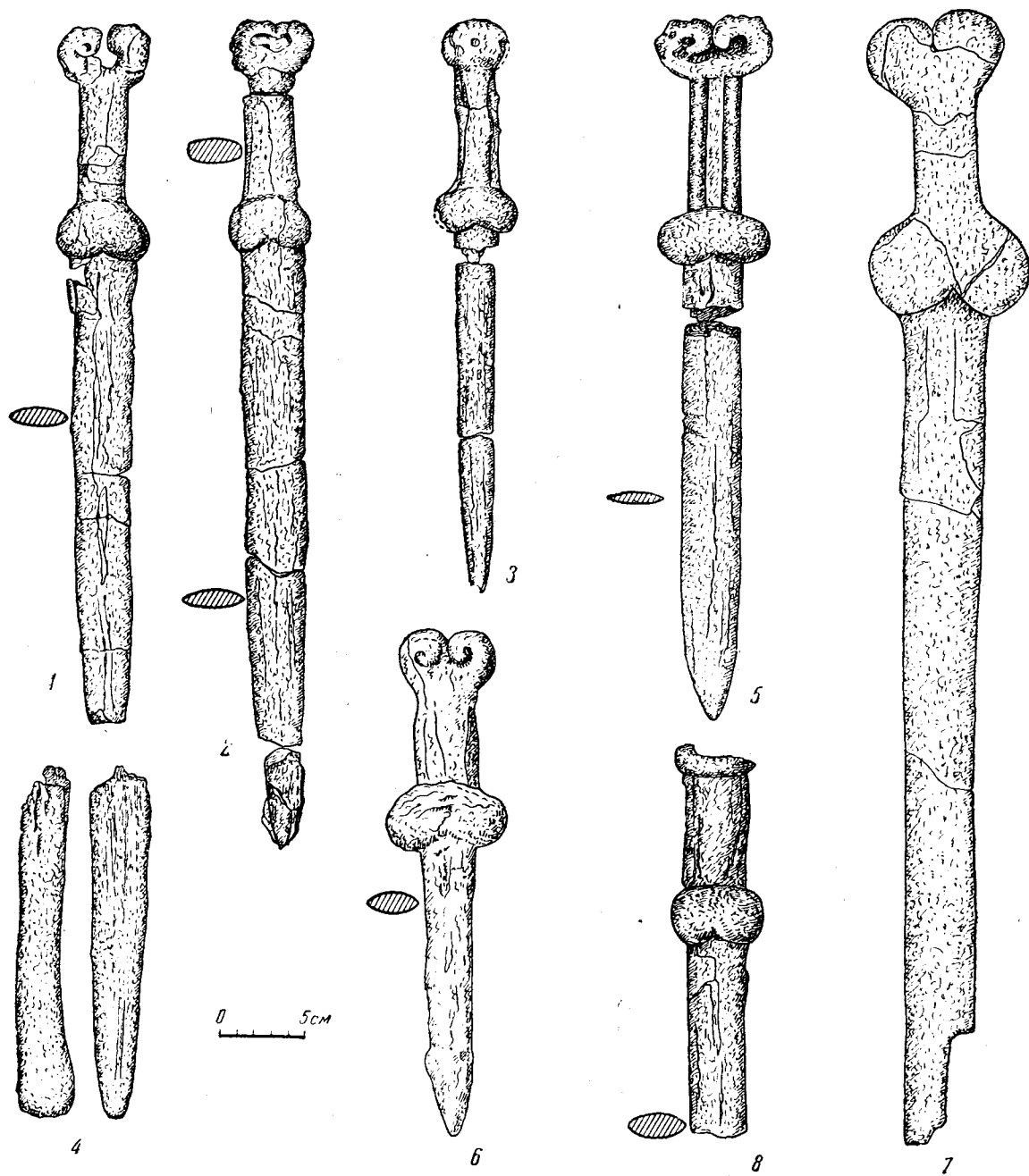

Рис. 2. Мечи с антенным навершием и почковидным перекрестьем:

1, 2 — с. Цветочное (бывшее Блюменфельд), курган А 12, Б. Н. Граков, 1925 г.; 3 — с. Мирное (бывшее Фриденберг), курган 1,5, погребение 1, П. С. Рыков, 1925 г.; 4 — Калиновский могильник, курган 8, погребение 35, В. П. Шылов, 1952 г.; 5 — с. Сара, курган 7, Д. И. Захаров, 1928 г.; 6 — Ново-Кумакский могильник, курган 15, погребение 2, М. Г. Мошкова, 1959 г.; 7 — пос. Матвеевский, курган 5, Б. Н. Граков, 1930 г.; 8 — пос. Нежинский, группа Алебастрова гора, курган 3, Б. Н. Граков, 1928 г.

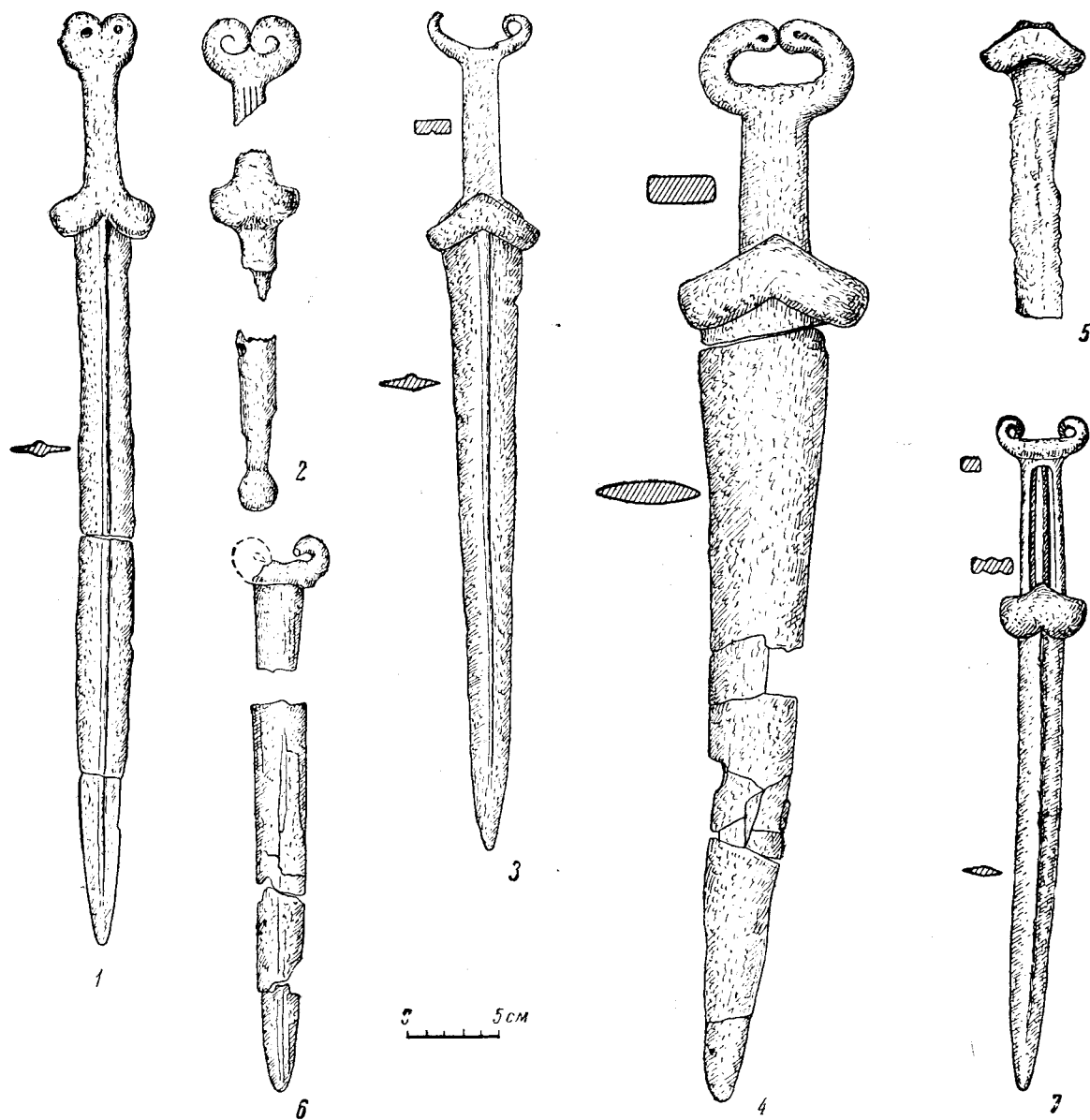

Рис. 3. Мечи с антенным навершием и бабочковидным перекрестьем:

1 — хут. Черниговский, 1888 г.; 2 — Покровский могильник у г. Энгельса, курган 5, погребение 3, П. С. Рыков, 1923 г.
3 — г. Вольск, 1906 г.; 4 — с. Осьмушкино, Ф. Д. Нефедов, 1888 г.; 5 — с. Михайловка, городище им. М. И. Касьянова
Г. В. Юсупов, 1953 г.; 6 — Бердинская гора близ г. Оренбурга, курган 5, А. В. Попов, 1905 г.; 7 — с. Берлячево

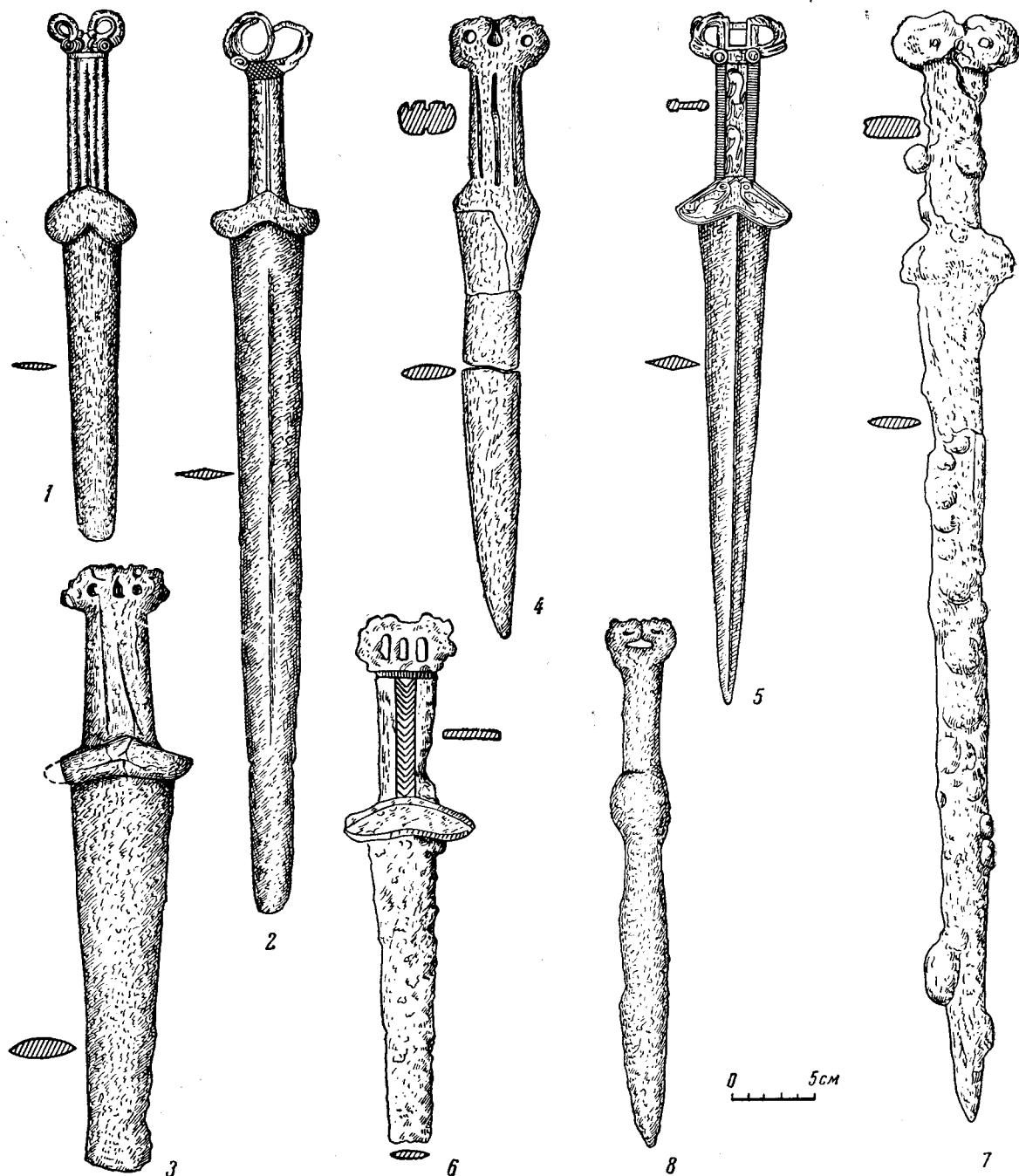

Рис. 4. Мечи с зооморфным навершием:

1 — имение Соловка Бузулукского уезда, 1918 г.; 2 — с. Озерки близ г. Аткарска, 1894 г.; 3 — Джангала, группа Кара-Оба, курган 11, погребение 1, И. В. Сеницын, 1950 г.; 4 — урочище Исилай Красноярского района, Астраханской области; 5 — с. Новая Богдановка; 6 — с. Воскресенское, 1897 г. (?); 7 — Ново-Кумакский могильник, курган 18, погребение 1, М. Г. Мошкова, 1959 г.; 8 — станица Павловская, курган 2, Ф. Д. Нефедов, 1888 г.

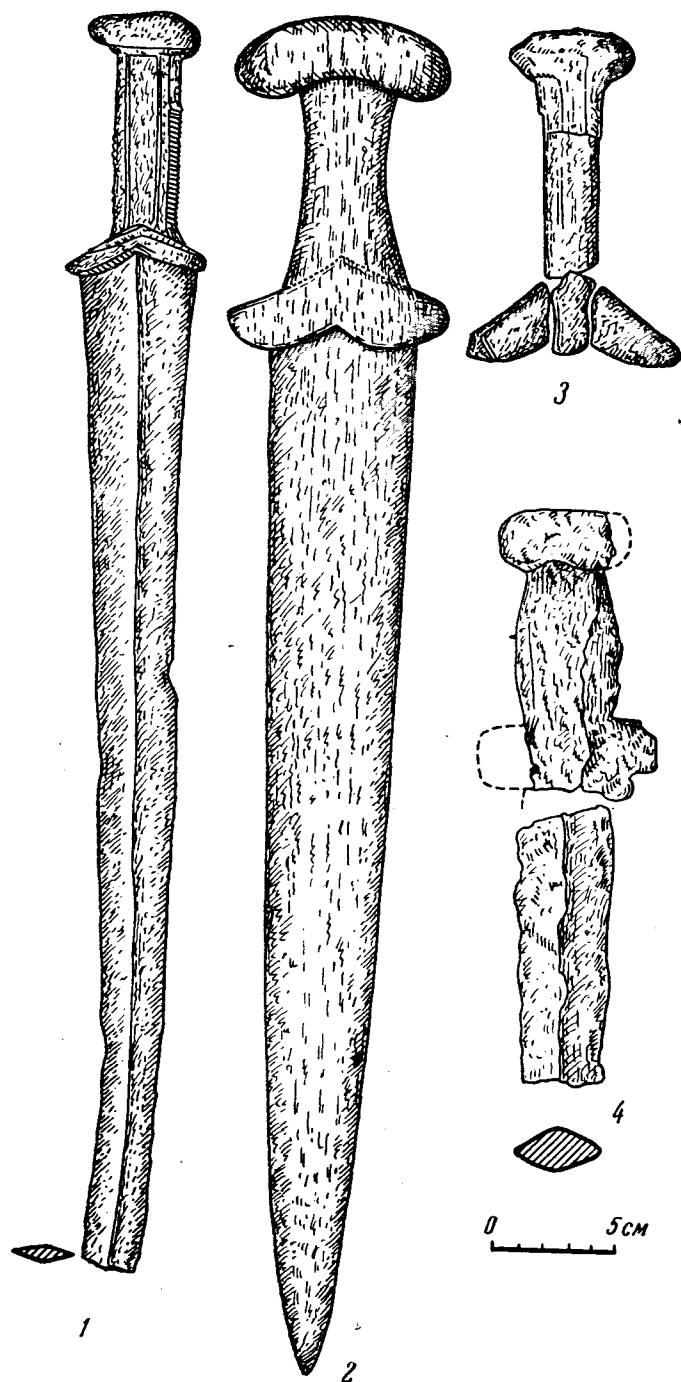

Рис. 6. Мечи с плоским овальным навершием:
 1 — Черкасская волость Хвалынского уезда, 1911 г.; 2 — пос. Нежинский, группа Алебастрова гора, курган 2, Б. Н. Граков, 1928 г.; 3 — пос. Нежинский, группа Башкирское стойло, курган 6, Б. Н. Граков, 1927 г.; 4 — пос. Краснотуровский, курган, А. Аниховский и Н. Макаренко, 1903 г.

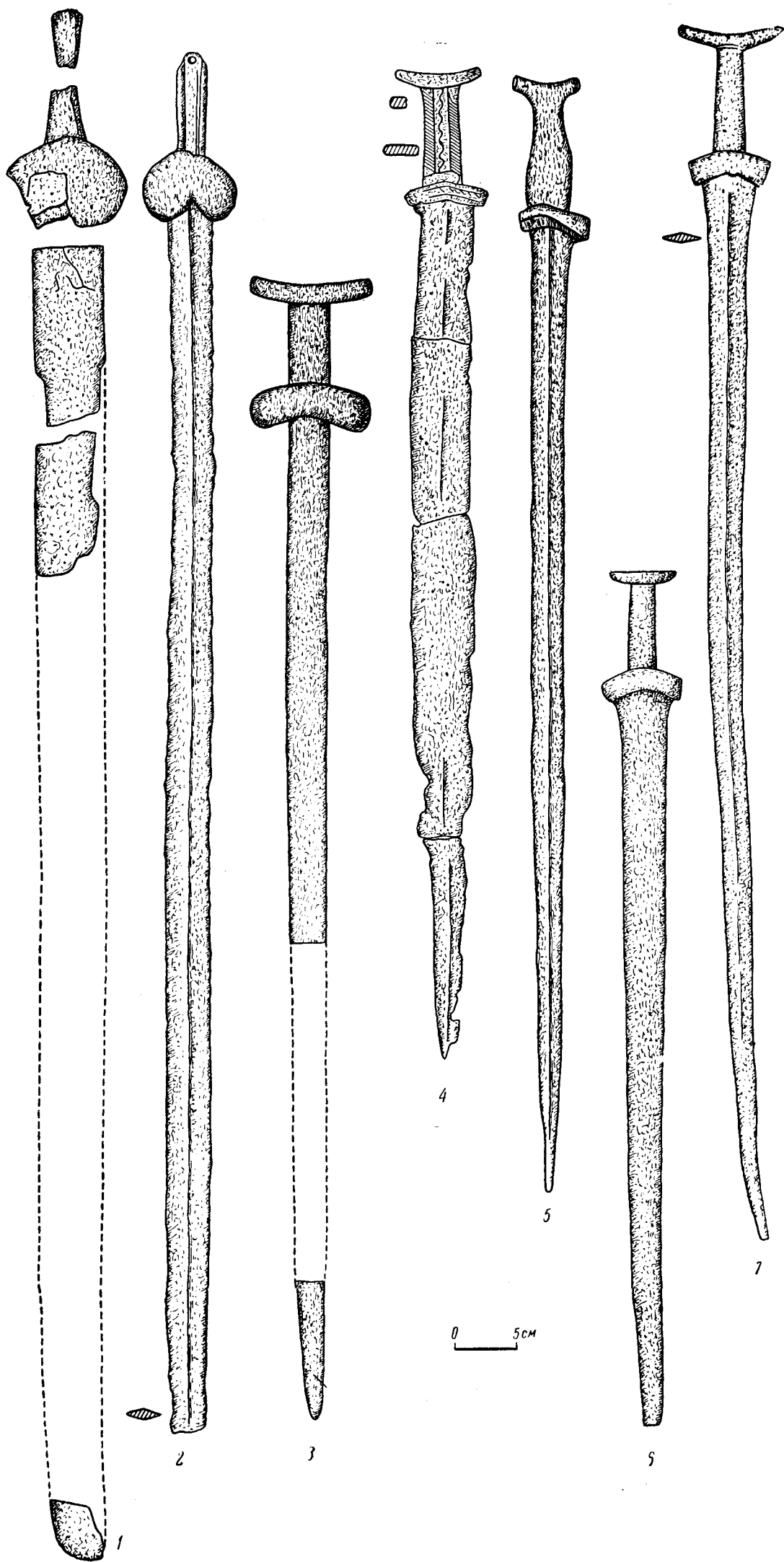

Рис. 5. Длинные мечи различных типов:

1 — Покровский могильник, курган 12, погребение 3, П. С. Рыков, 1925 г.; 2 — Саратовский музей, № 616, случайная находка, 1908 г.; 3 — с. Любимовка, урочище Лапасина, курган 1, погребение 4, К. Ф. Смирнов, 1956 г.; 4 — городище Курмантау Гафурийского района Башкирской АССР, 1951 г.; 5 — с. Огневское Курганской области; 6 — пос. Борисовский Троицкого уезда, 1902 г.; 7 — с. Усть-Караболка Багарякского района Челябинской области, 1907 г.

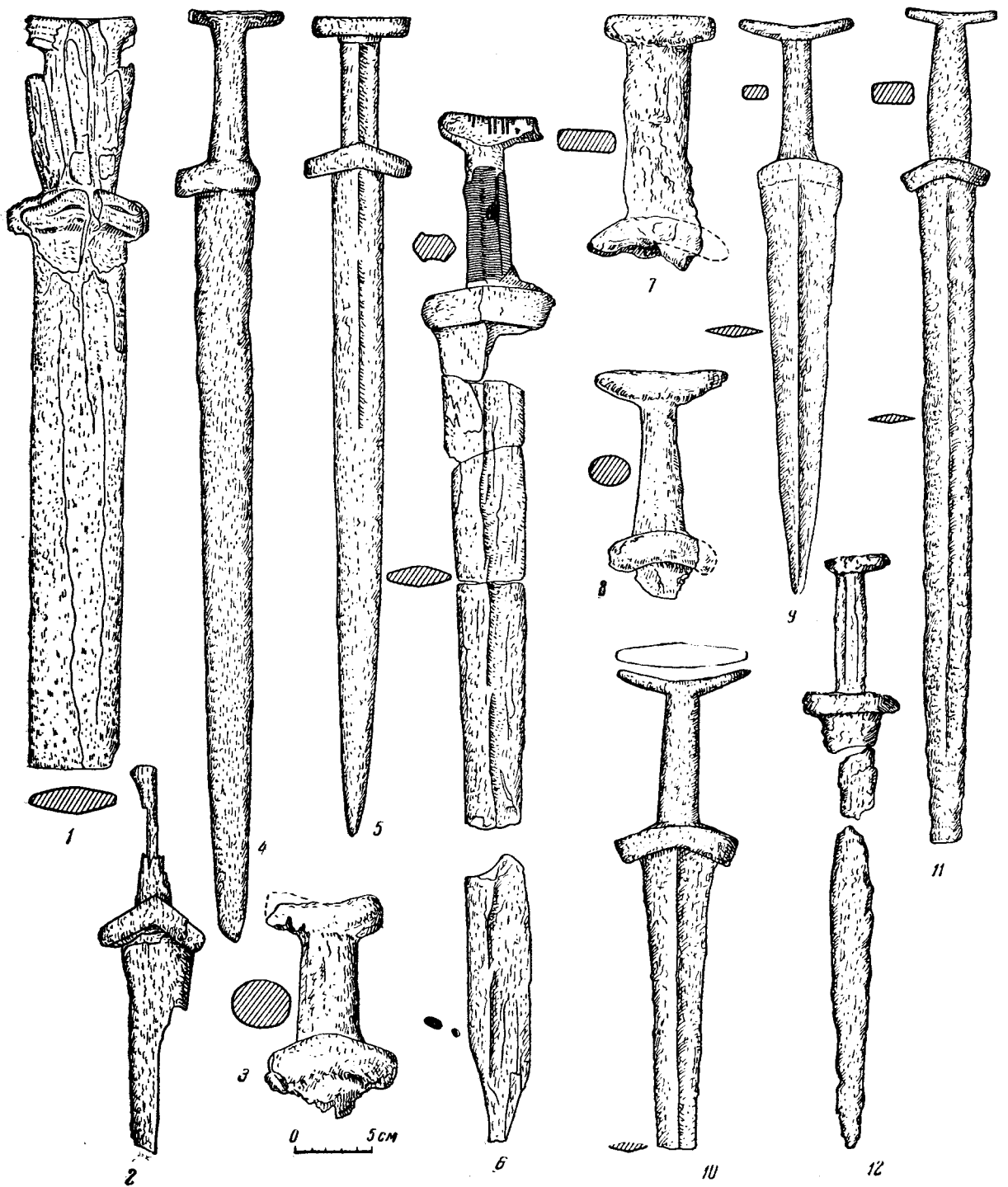

Рис. 7. Мечи начала прохоровской культуры (IV в. до н. э.):

1 — станция Сайхин, северо-восточная группа, курган 1, погребение 1, И. В. Силицын, 1952 г.; 2 — с. Преображенское, курган 3, Ф. Д. Нефедов, 1888 г.; 3 — Ново-Кумакский могильник, курган 13, М. Г. Мошкова, 1959 г.; 4 — пос. Синеглазово, курган 25, Н. К. Минко, 1909 г.; 5 — Оренбургская область; 6 — с. Буруктал, 1954 г.; 7 — Ново-Кумакский могильник, курган 16, М. Г. Мошкова, 1959 г.; 8 — там же, курган 12, М. Г. Мошкова, 1959 г.; 9 — с. Путятинно; 10 — пос. Нижне-Красинский; 11 — Оренбургский музей; 12 — пос. Нежинский, группа Башкирское стойло, курган 2. Б. Н. Граков, 1927 г.

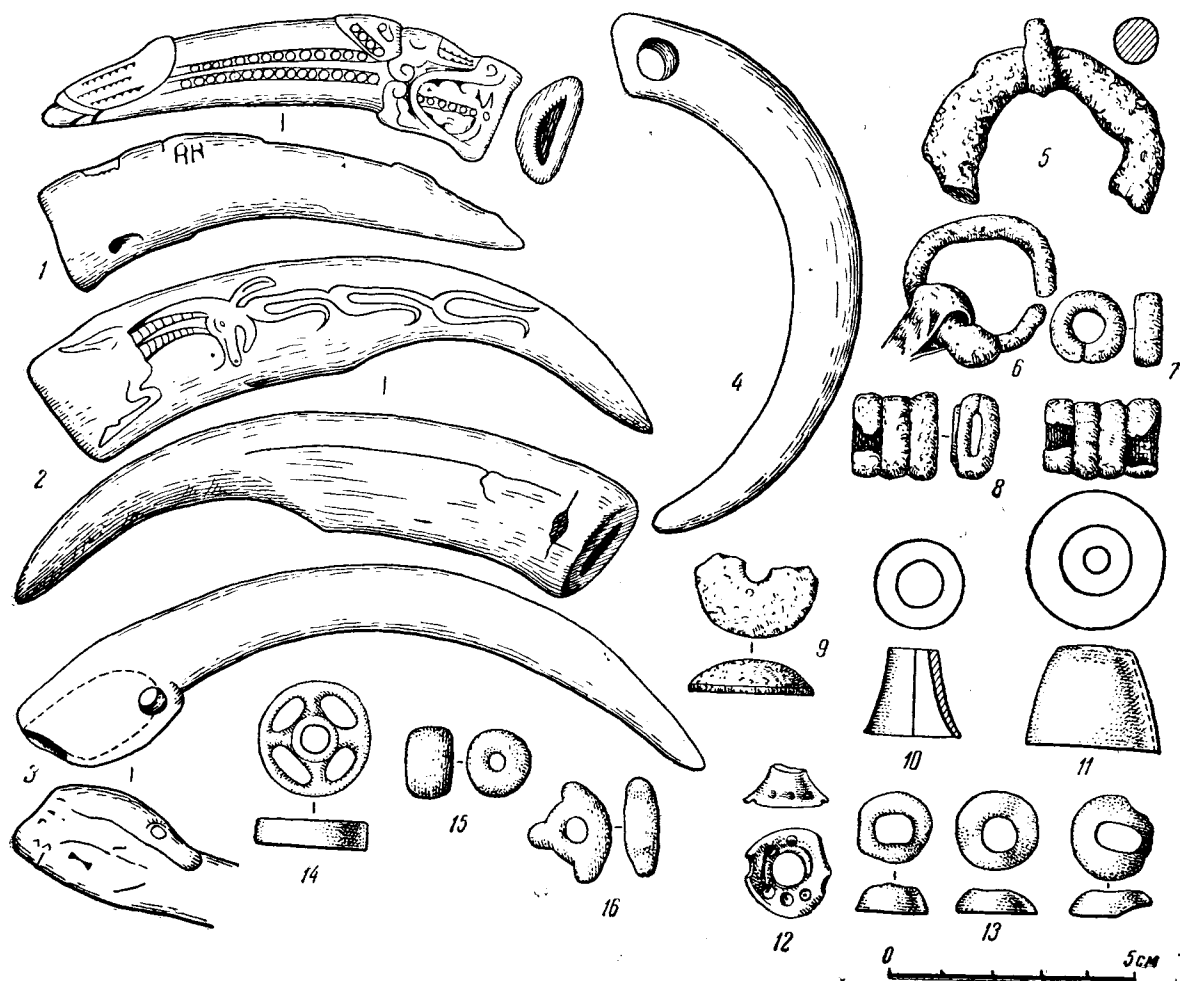

Рис. 8. Украшения мечей, амулеты и части портупей:

1, 14, 15 — с. Цветочное (бывшее Блюменфельд), курган А 12, Б. Н. Граков, 1925 г.; 2 — Калиновский могильник, курган 8, погребение 35, В. П. Шилов, 1952 г.; 3, 7 — с. Мирное (бывшее Фриденберг), курган 1, 5, погребение 1, П. С. Рыков, 1925 г.; 4 — пос. Матвеевский, курган 5, Б. Н. Граков, 1930 г.; 5 — хут. Попов, курган 58/26, погребение 10, А. А. Иессен, 1951 г.; 6 — с. Луговое (бывшее Визенмиллер), курган 11, 4, погребение 2, П. С. Рыков, 1924 г.; 8 — Ново-Кумакский могильник, курган 7, М. Г. Мошкова, 1959 г.; 9 — Второй Бережновский могильник, курган 97, И. В. Синицын, 1955 г.; 10, 16 — с. Любимовка, урочище Лапасина, курган 1, погребение 5, К. Ф. Смирнов, 1956 г.; 11 — с. Буруктал, курган, 1951 г.; 12, 13 — с. Любимовка, урочище Лапасина, курган 1, К. Ф. Смирнов, 1956 г.

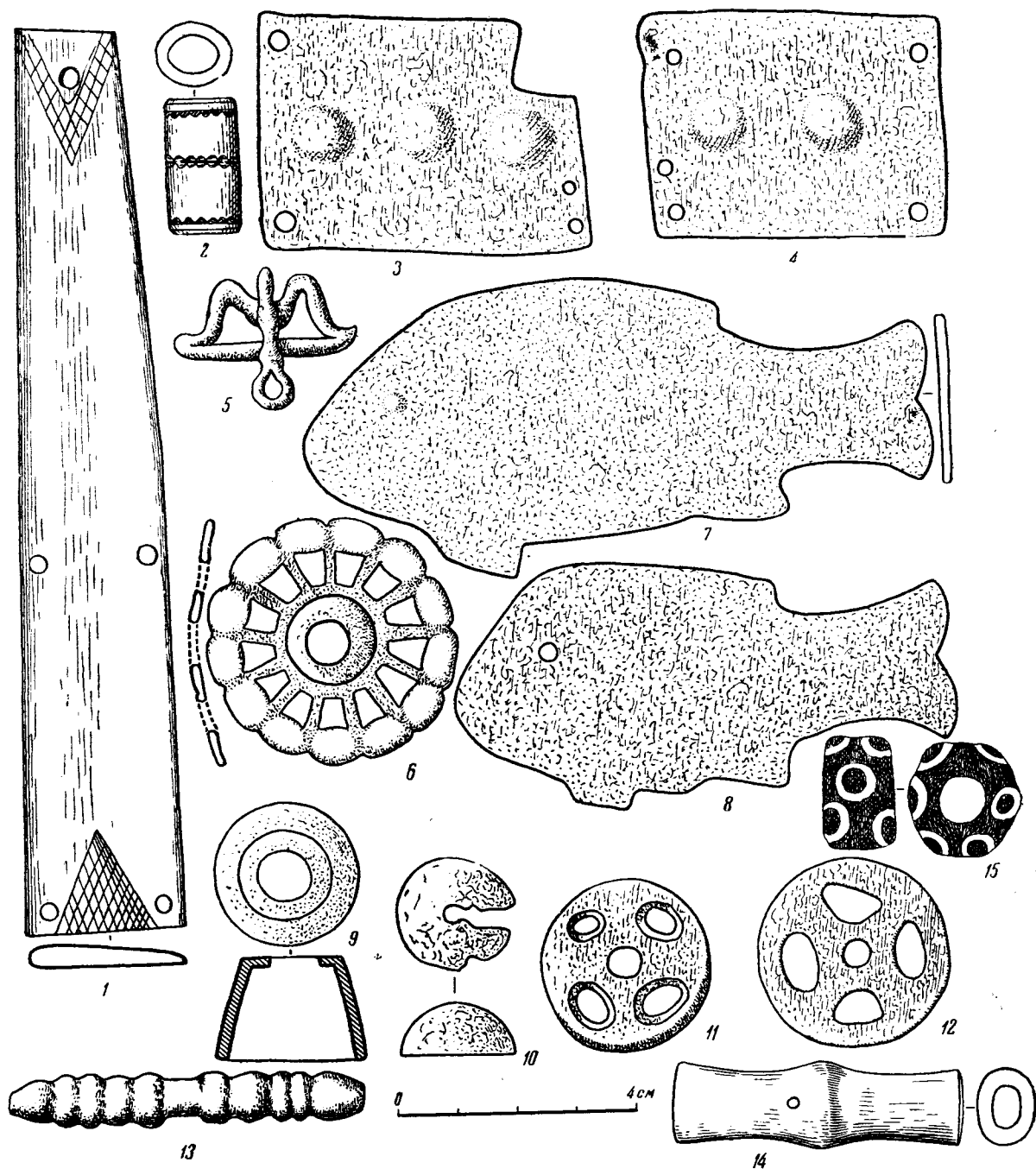

Рис. 9. Вещи, связанные с колчаном и луком:

1, 2 — станция Лебяжья, курган 1, погребение I f, А. А. Спицын, 1895 г.; 3, 4 — пос. Исаковский, курган 15, Н. К. Минко, 1907 г.; 5, 6, 9, 15 — пос. Благословенский, курган VI, 1, Б. Н. Граков, 1928 г.; 7, 8 — с. Ак-Булак, курган, И. А. Зарецкий, 1935; 10 — совхоз «Красный Октябрь» (бывший хут. Шульц), курган D 4, погребение 5, П. Д. Рау, 1926 г.; 11 — с. Преображенское, урочище Елга, курган 1, Ф. Д. Нефедов, 1888 г.; 12 — р. Жаксы-Коргала близ г. Актюбинска, курган 2+, И. Кастанье, 1906 г.; 13 — с. Цветочное (бывшее Блюменфельд), курган А 12, Б. Н. Граков, 1925 г.; 14 — с. Аландское, группа II, курган 1, М. Г. Мошкова, 1958 г.

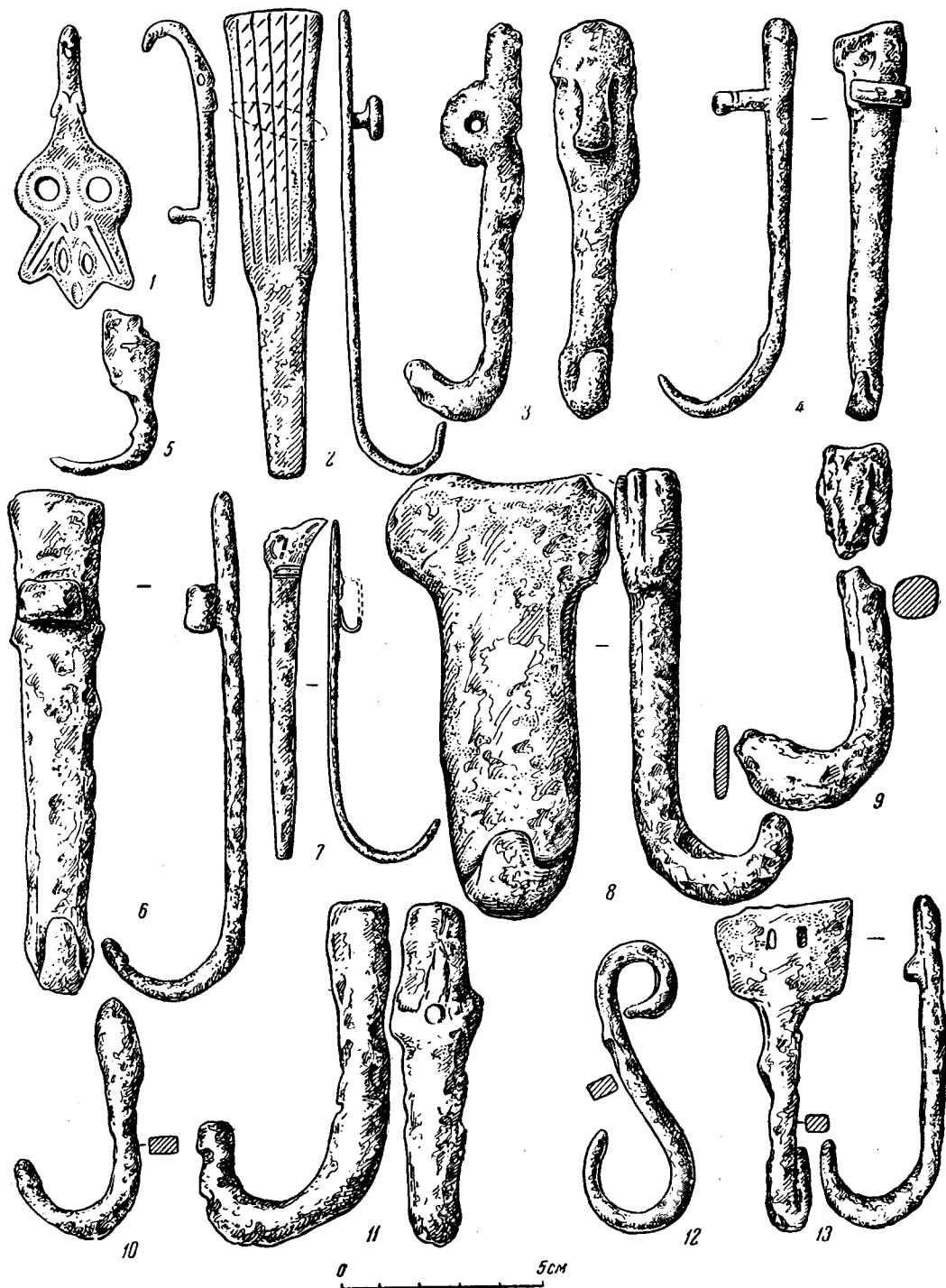

Рис. 10. Крючки от колчанов:

1 — с. Кеше Черноярского уезда Астраханской губернии; 2 — группа Урал-Сай, курган 4, М. П. Грязнов, 1926 г.; 3 — Ново-Кумакский могильник, курган 15, М. Г. Мошкова, 1959 г.; 4, 12 — с. Аландское, группа I, курган 1, М. Г. Мошкова, 1958 г.; 5 — пос. Благословенский, курган VI,1, Б. Н. Граков, 1928 г.; 6 — с. Аландское, группа II, курган 1, М. Г. Мошкова, 1958 г.; 7 — с. Лжбимовка, урочище Лапасина, курган 1, погребение 5, К. Ф. Смирнов, 1956 г.; 8 — Ново-Кумакский могильник, курган 7, М. Г. Мошкова, 1959 г.; 9 — там же, курган 10; 10 — группа Мечет-Сай, курган 2, погребение 2, К. Ф. Смирнов, 1957 г.; 11 — Ново-Кумакский могильник, курган 3, погребение 1, М. Г. Мошкова, 1958 г.; 13 — Ново-Кумакский могильник, курган 6, М. Г. Мошкова, 1959 г.

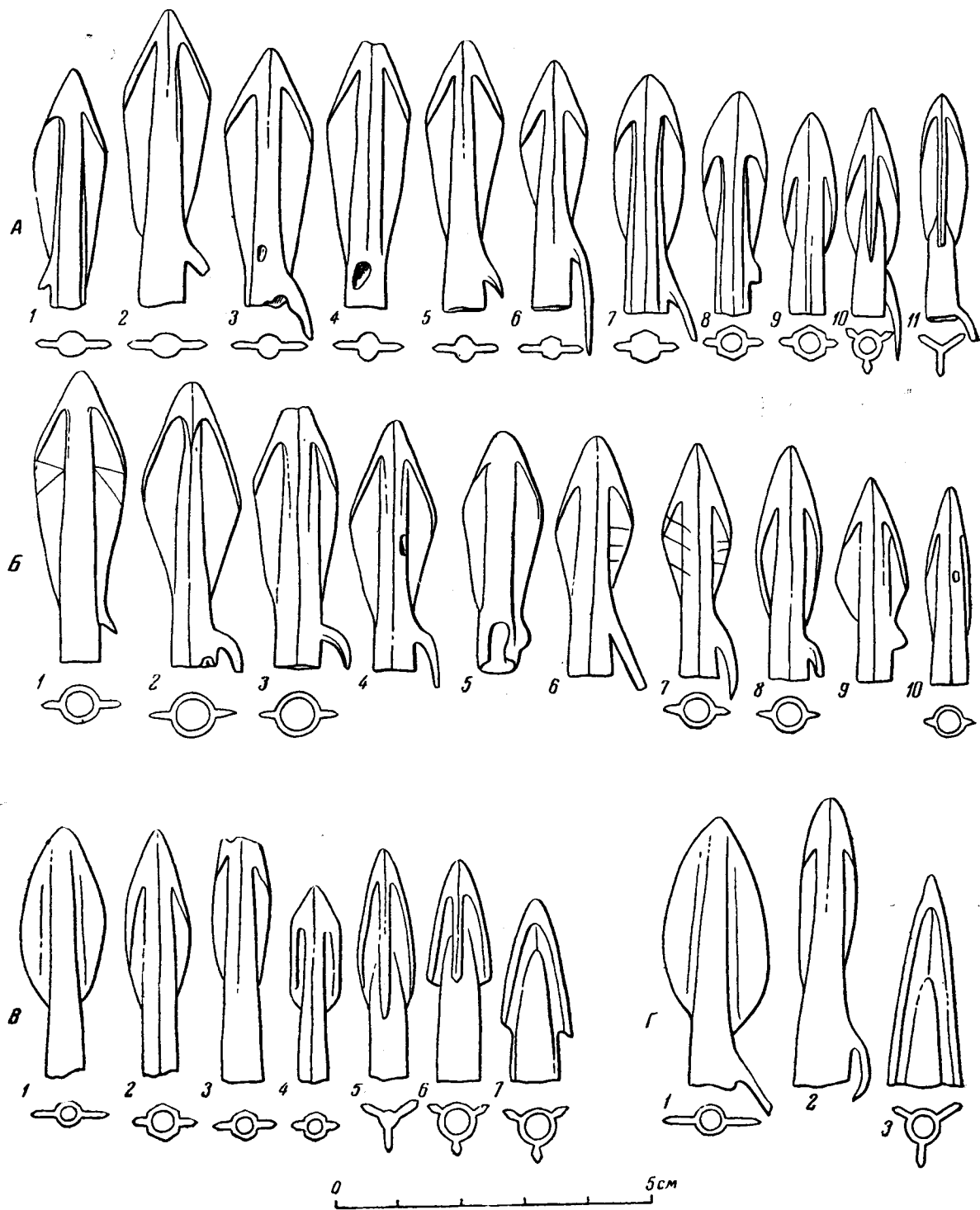

Рис. 11. Бронзовые наконечники стрел VII—VI вв. до н. э. в Нижнем Поволжье:

А (1—11) — находки в районе г. Камышина, коллекция Павельева, Камышинский музей; Б (1—10) — дюна у дер. Терновки и Терновское городище близ г. Камышина, Ф. В. Баллод, 1920 г., Саратовский музей, № 407 и 1273; В (1—7) — район г. Камышина, сборы Б. Зайковского, Саратовский музей; Г (1—3) — с. Суслы, сборы П. Вейделя, Саратовский музей

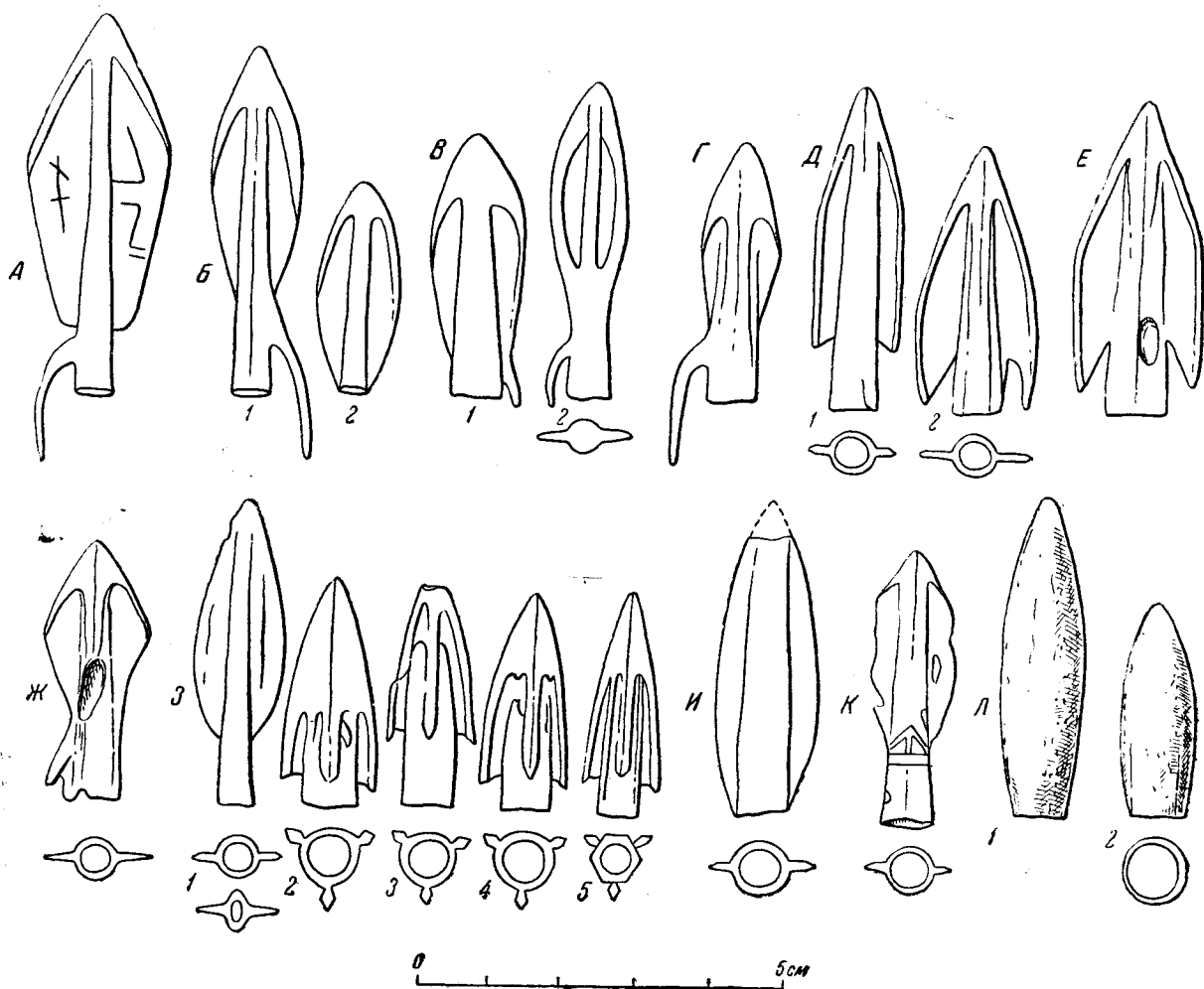

Рис. 12. Наконечники стрел VII—VI вв. до н. э. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье:

А — район г. Камышина (?), по рис. Б. Зайковского; Б (1, 2) — станция Сероглазово на р. Ахтубе, дюна, собрание Б. П. Архангельского; В (1, 2) — Астраханская область, сборы В. Филиппенко, 1955 г., Астраханский музей, № 3282; 1 — Ахтубинка, 2 — с. Восюг Харабалинского района; Г — жигулевские курганы, ГЭ, Во 1934 I/1, № 6763; Д (1, 2) — бывшее с. Делер, музей г. Энгельса; Е — с. Михайловка на р. Ахтубе, сборы П. С. Рыкова, 1928 г., Саратовский музей № 1106; Ж — с. Политотдельское, курган 4, близ погребения 33, К. Ф. Смирнов, 1953 г., археологический музей истфака МГУ; З (1—5) — с. Усатово, курган F18, погребение 4, П. Д. Рау, музей г. Энгельса (конец VII в. до н. э.); И — Покровский могильник, курган 12, погребение 4 (?), П. С. Рыков 1925 г., Саратовский музей (вторая пол. VI в. до н. э.); К — с. Новая Белогорка, курган 2, погребение 38, Э. А. Федорова-Давыдова, 1958 г., ГИМ; Л (1, 2) — Акжарский могильник — близ г. Актюбинска, курган 2, В. С. Сорокин, 1955 г.; А — К — бронза; Л — кость

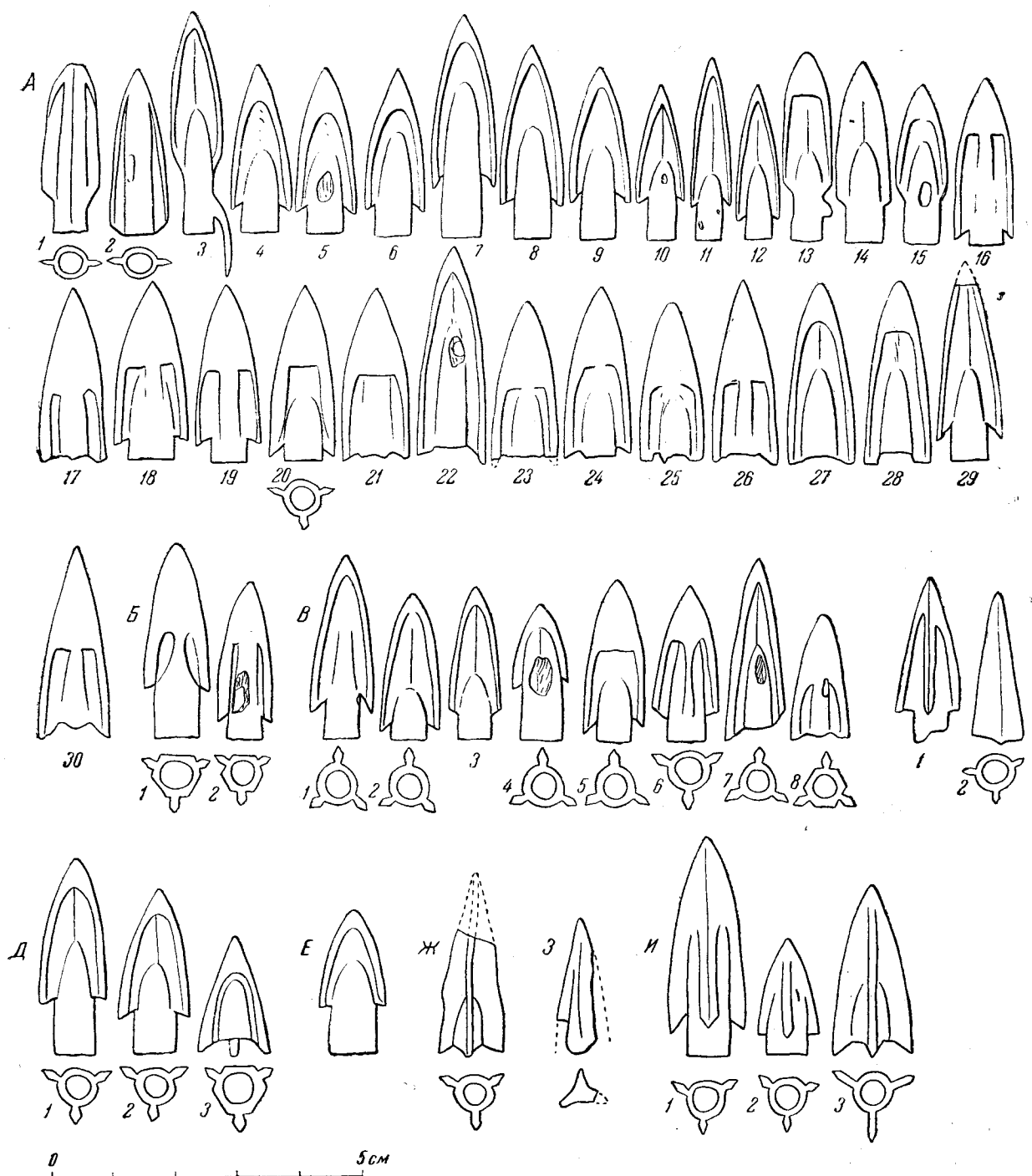

Рис. 13. Бронзовые наконечники стрел из погребений второй половины VI в. до н. э. в Нижнем Поволжье:

А (1—30) — с. Луговое (бывшее Визенмиллер), курган III,3, П. С. Рыков, 1925 г., Саратовский музей, № 17 (всего 32 экз., из них 19, 23 — по два); Б(1, 2) — с. Харьковка, курган III,3, Б. Н. Граков, 1926 г., ГИМ, № 52702; В (1—8) — с. Квасниковка, дюна, Ф. Д. Охлябинин, 1912 г., Саратовский музей, № 686 (всего 18 экз., из них 1 — три, 2 — девять); Г (1, 2) — Второй Бережновский могильник, курган 95, погребение 2, И. В. Силицын, 1955 г., Саратовский музей; Д(1—3) — Покровский могильник, курган 31, П. С. Рыков, 1927 г., Саратовский музей (всего 5 экз., из них 1, 2 — по четыре); Е — Первый Бережновский могильник, курган 25, погребение 5, И. В. Силицын, 1952 г., Саратовский музей, № 1962; Ж — Калиновский могильник, курган 12, погребение 29, В. П. Шилов, 1952 г. (ГЭ); З — там же, курган 8, погребение 1, В. П. Шилов, 1952 г., ГЭ; И (1—3) — с. Бородаевка (бывшее Боаро), курган E20, погребение 7, П. Д. Рау, музей г. Энгельса

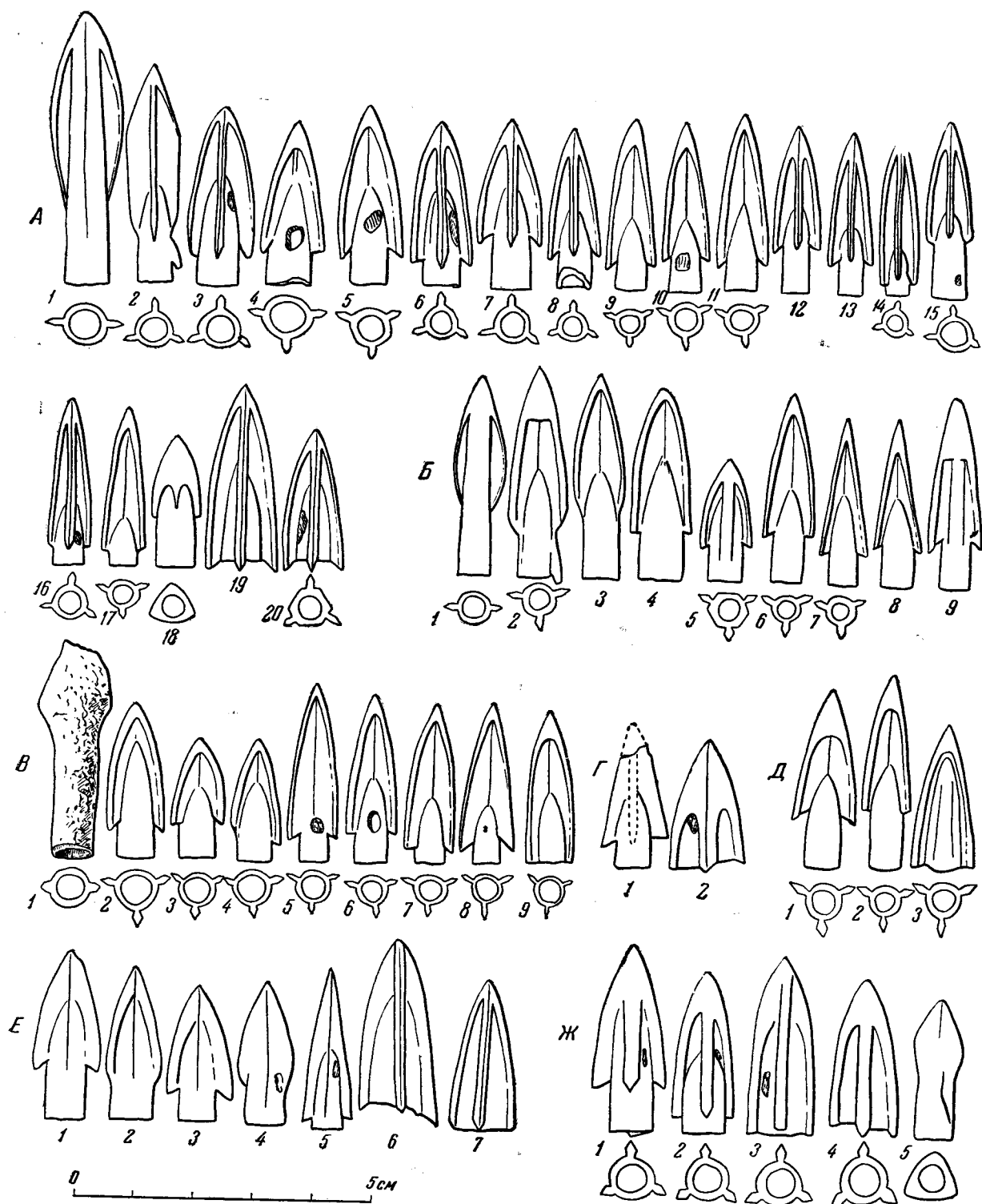

Рис. 14. Наконечники стрел из погребений второй половины VI в. до н. э. в Нижнем Поволжье:

А (1—20) — с. Политотдельское, курган 19, погребение 24, К. Ф. Смирнов, археологический музей истфака МГУ; Б(1—9) — Покровский могильник, курган 5, погребение 3, П. С. Рыков, 1923 г., Саратовский музей, № 611; В(1—9) — с. Норка, курган 4, погребение 1, А. А. Спицын, 1925 г., ГИМ, № 352118; Г(1, 2) — с. Старая Иванцовка (бывшее Альт-Ваймар), курган В 12, П. Д. Рау, Саратовский музей (всего 5 экз., из них 1,2 — по два); Д(1—3) — Покровский могильник, курган 12, погребение 3, П. С. Рыков, 1925 г., Саратовский музей; Е(1—7) — Бережновский могильник, курган 16, погребение 2, И. В. Силицын, 1952 г., Саратовский музей; Ж(1—5) — совхоз «Красный Октябрь» (бывший хут. Шульц), курган Д 4, погребение 5, П. Д. Рау, музей г. Энгельса; В 1 — железо, остальные — бронза

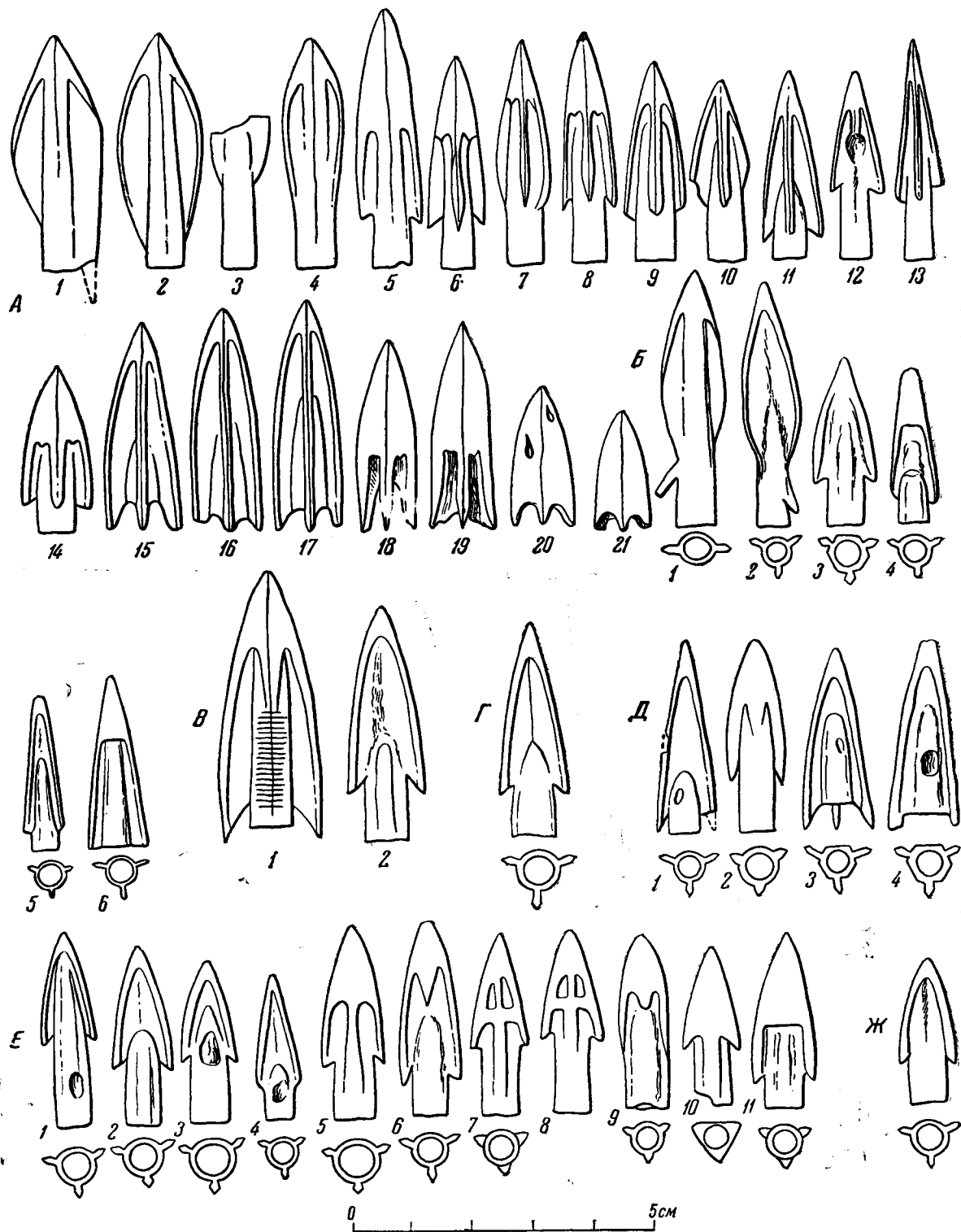

Рис. 15. Бронзовые наконечники стрел VI в. до н. э. в Южном Приуралье:

А (1—21) — хут. Черниговский, курган, 1888 г.; Б (1—6) — с. Абрамовка, курган, 1894 г., ГЭ. ВО 1894 1/2-7; В (1, 2) — с. Домбаровка, Г. А. Хлопота, 1938 г., Оренбургский музей, № 1541; Г — пос. Нежинский, группа Горбатый мост, курган 5, Б. Н. Граков, 1928, ГИМ, № 66441; Д (1—4) — с. Преображенское, урочище Елга, курган 1 (?), Ф. Д. Нефедов, 1888 г., ГЭ, № 1302/18-21; Е (1—11) — Бузулукский уезд, Ф. Д. Нефедов, 1888 г., курган неизвестен, ГЭ, № 1302/18-21; Ж — с. Любимовка, урочище Лапасина, курган 1, погребение 5, К. Ф. Смирнов, 1956 г., Оренбургский музей

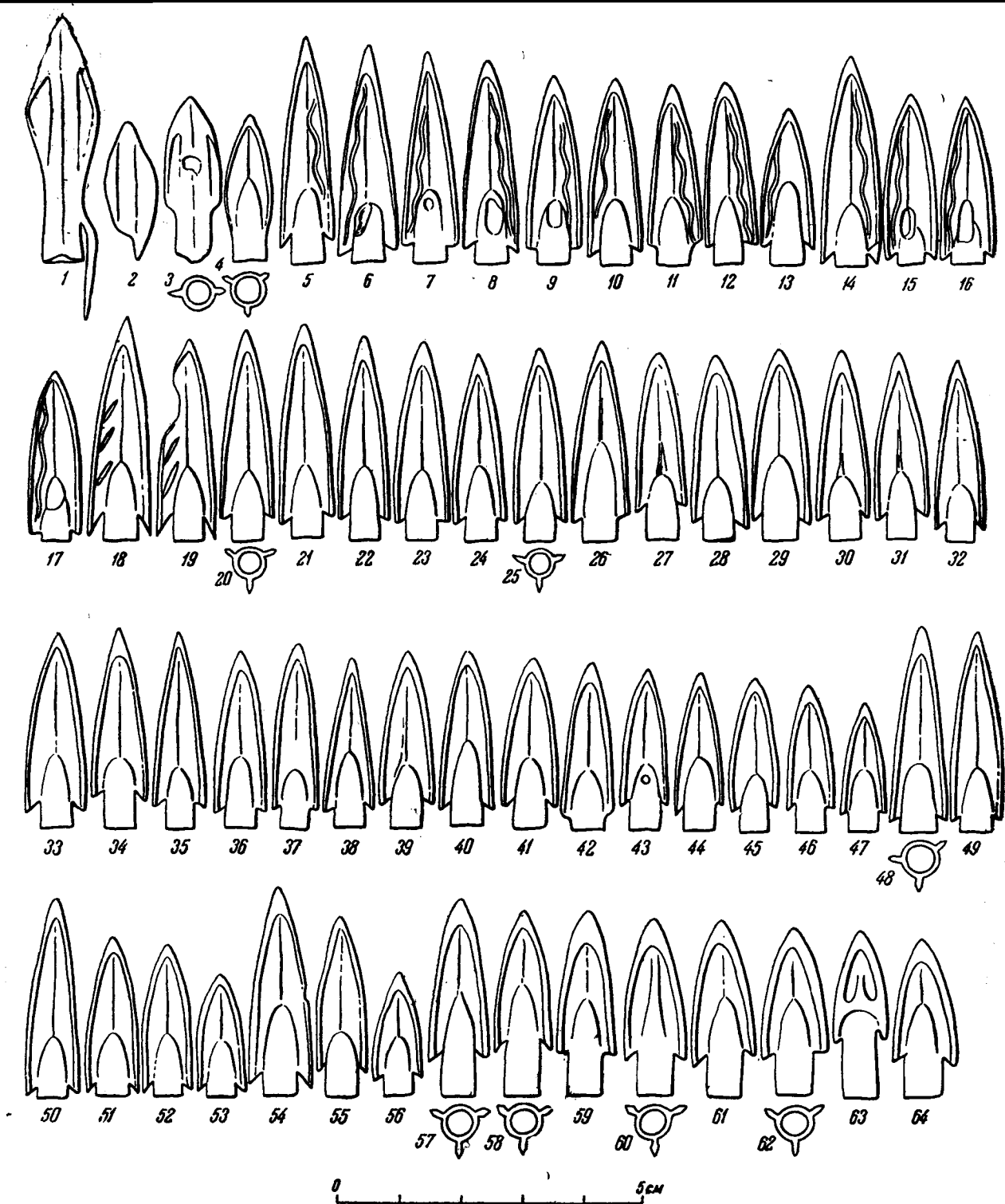

Рис. 16 А. Бронзовые наконечники стрел из Блюменфельдского кургана А 12 первой половины V в. до н. э.
 Б. Н. Граков, 1925 г., ГИМ, № 57793. Всего 90 экз., из них 6, 8, 21, 22, 25, 38, 60, 64 — по два, 10, 24, 30 — по три,
 36 — четыре, 46 — пять, 49 — шесть

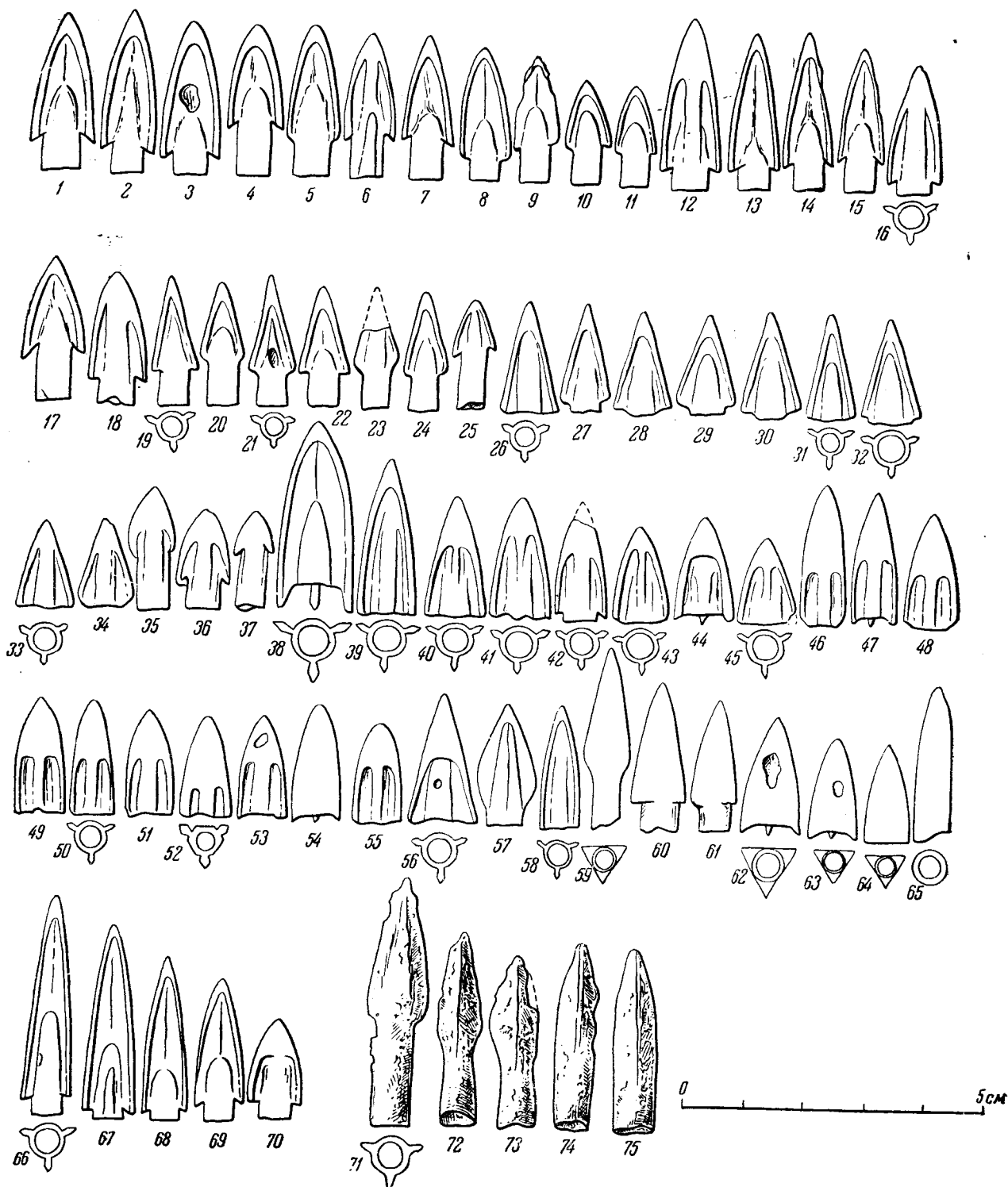

Рис. 16 Б. Наконечники стрел из Блюменфельдского кургана А 12

Всего 92 экз., из них 43 — по два, 32, 26 — пять, 30 — шесть, 71—75 — восемь; 71—75 — железо, остальное — бронза

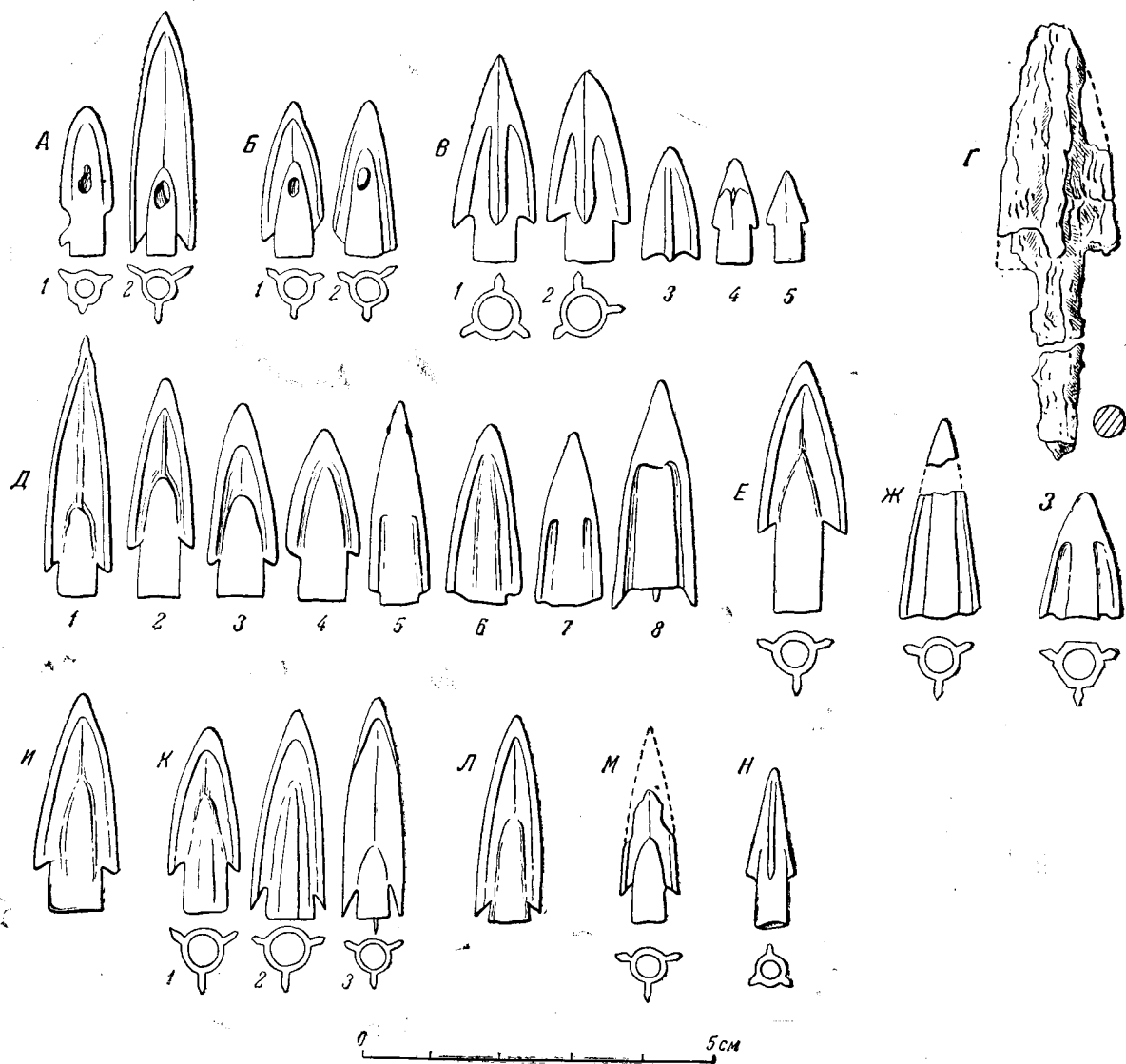

Рис. 17. Бронзовые наконечники стрел V в. до н. э. из Нижнего Поволжья:

А (1, 2) — с. Цветочное (бывшее Блюменфельд), курган Б 4, Б. Н. Граков, 1925 г., ГИМ, № 57793; **Б** (1, 2) — там же, курган Б 5, Б. Н. Граков, 1925 г., ГИМ, № 57793; **В** (1—5) — г. Элиста, группа Три брата, курган 16, П. С. Рыков, 1935 г., Саратовский музей (всего 14 экз., из них 1, 2, 4, 5 — 13); **Г** — с. Старая Иванцовка (бывшее Альт-Ваймар), курган Д 17, погребение 5, П. Д. Рау, 1926 г.; **Д** (1—8) — Второй Бережновский могильник, курган 97, И. В. Силицын, 1955 г., Саратовский музей; **Е** — с. Комаровка, курган 5, погребение 1, А. Е. Алихова, 1952 г., ГЭ; **Ж** — Первый Бережновский могильник, юго-западная группа, курган 1, погребение 14, И. В. Силицын, 1951 г., Саратовский музей, № 1913; **З** — там же, курган 12, погребение 2, И. В. Силицын, 1951 г., Саратовский музей, № 1893; **И** — с. Луговое (бывшее Визенмиллер), курган IV.8, П. С. Рыков, 1925 г., Саратовский музей, № 475; **К** (1—3) — 40 км к северо-востоку от станции Досанг, сборы Н. Д. Смирнова, ГИМ, № 74408; **Л** — группа Бикчин-Булак, курган 12, И. В. Силицын, 1937 г., Саратовский музей, № 1633; **М** — с. Горная Пролейка, группа Царские могильники, курган 1, И. В. Силицын, 1946 г., Саратовский музей, № 1725; **Н** — г. Ленинск, курган 5, В. П. Шилов, 1958 г.

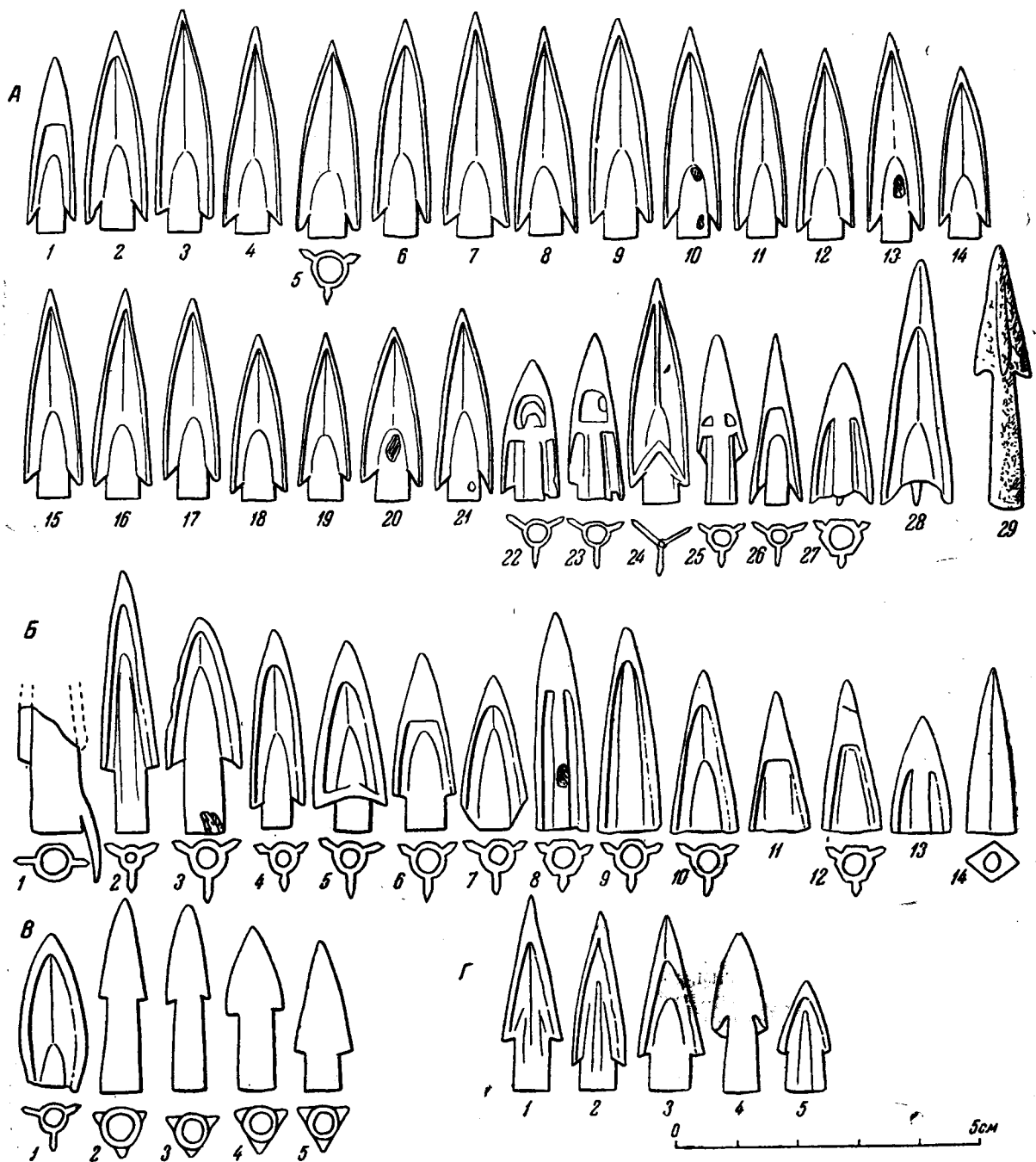

Рис. 18. Наконечники стрел V в. до н. э. из Нижнего Поволжья:

А (1—29) — с. Макаровка (бывшее Меркель), курган 4, погребение 4, П. Д. Рау, 1929 г., музей г. Энгельса (всего 39 экз., из них 29 — четыре); Б (1—14) — с. Ковыловка, Н. Я. Федоров, 1923 г., Саратовский музей, № 594 (всего 20 экз., из них 9 — два, 10 — четыре); В (1—5) — с. Вязовка Черноярского уезда Астраханской губернии, ГИМ, № 42355; Г (1—5) — Труевская Маза, курган 1909 г., Саратовский музей, № 1118; А 29 — железо, остальное — бронза

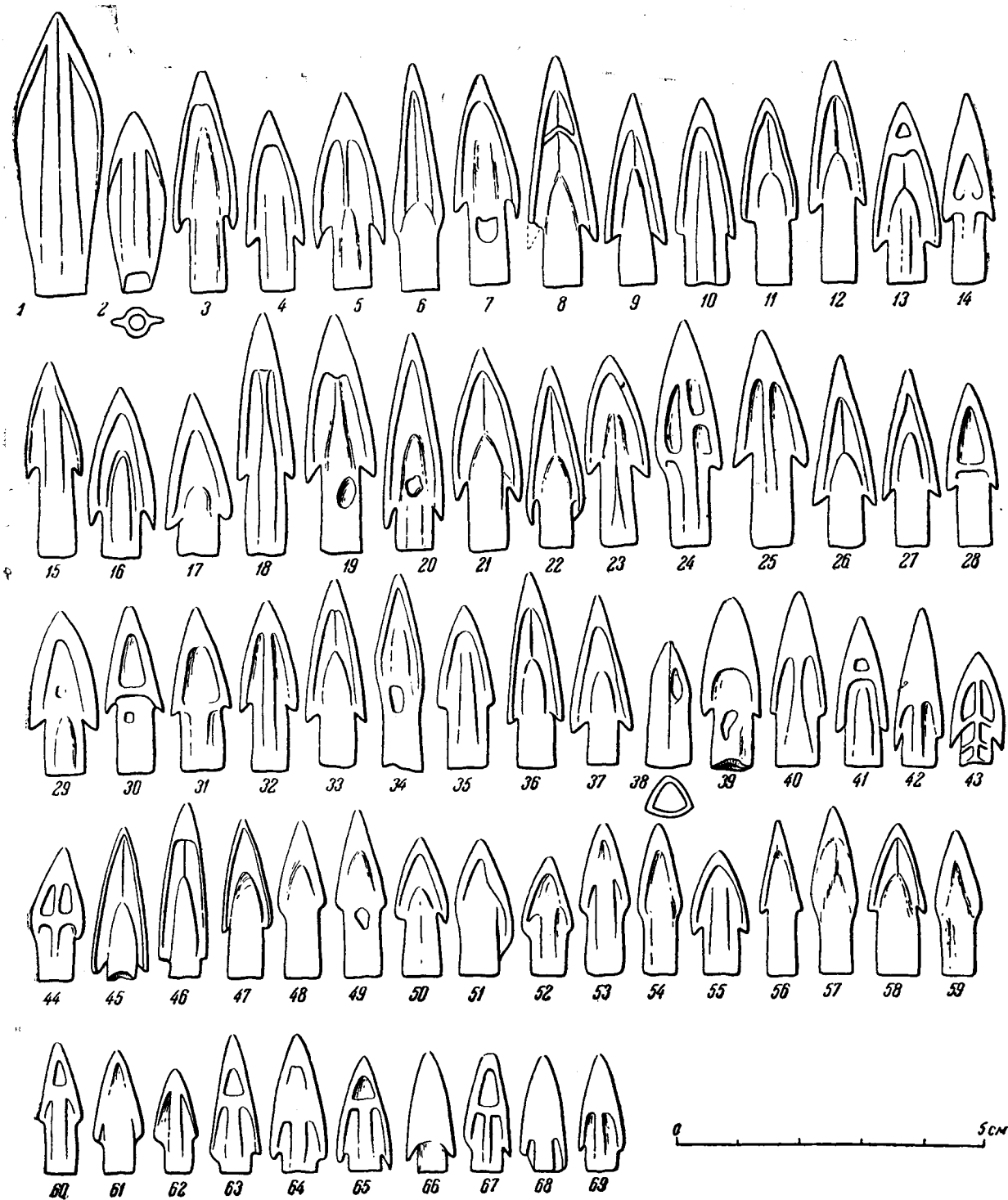

Рис. 19 А. Бронзовые наконечники стрел из Соболевского кургана начала V в. до н. э.
Случайные раскопки 1927 г., Куйбышевский музей, № 173. Всего 136 экз., из них 2—37—101, 41, 49 — по два

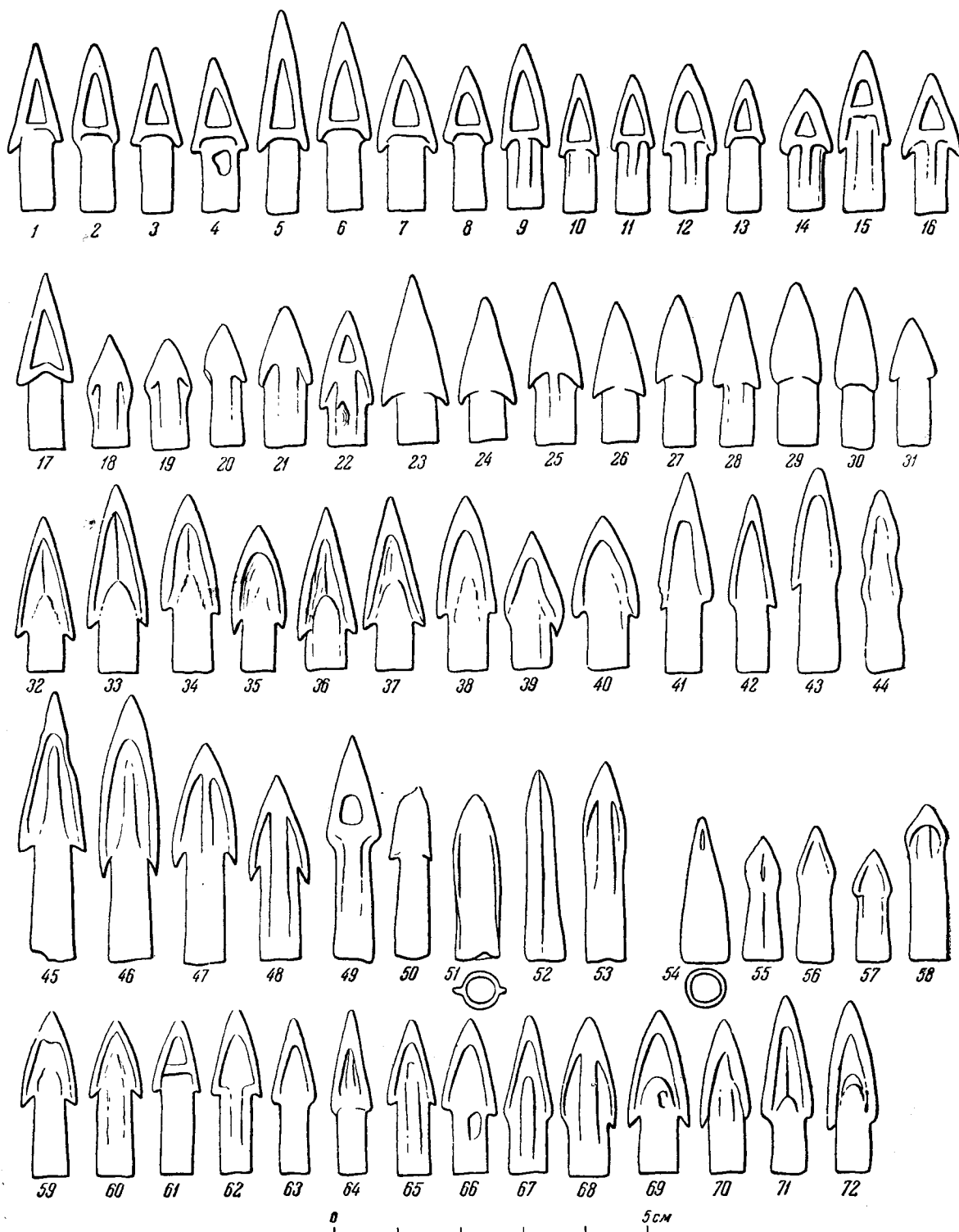

Рис. 19 Б. Бронзовые наконечники стрел из Соболевского кургана

Всего 159 экз., из них 1—16—шестьдесят четыре, 17 — один, 18—22 — пять; 23—31 — двадцать, 32 — 40 — девятнадцать, 41—44 — пять, 45—48 — пять, 49 — 53 — шесть, 54—58 — пять, 59, 60 — семь, 61—64 — пять, 65—72—семнадцать

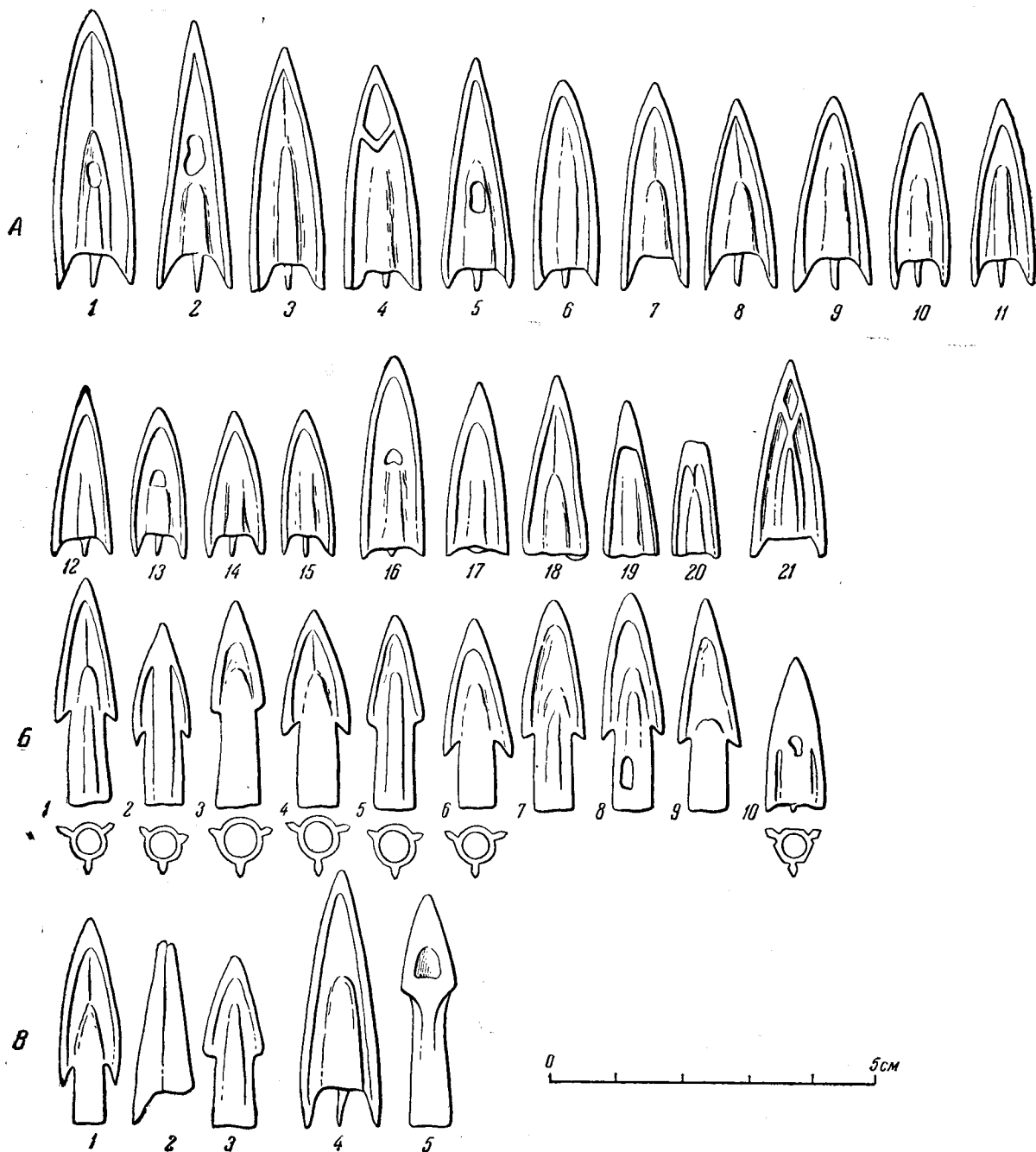

Рис. 20. Бронзовые наконечники стрел V в. до н. э. в бассейне Бузулука и Самары:

А (1—21) — Соболевский курган (см. рис. 19А и 19Б; всего 49 экз., из них 1—15—43); Б (1—10) — с. Благодаровка, курган «Железный мар», 1889 г., ГИМ, № 23501; В (1—5) — станция Марычевка, урочище Захар-Камла; В 1 — находка на дюнах, 1925 г., Куйбышевский музей, № 201

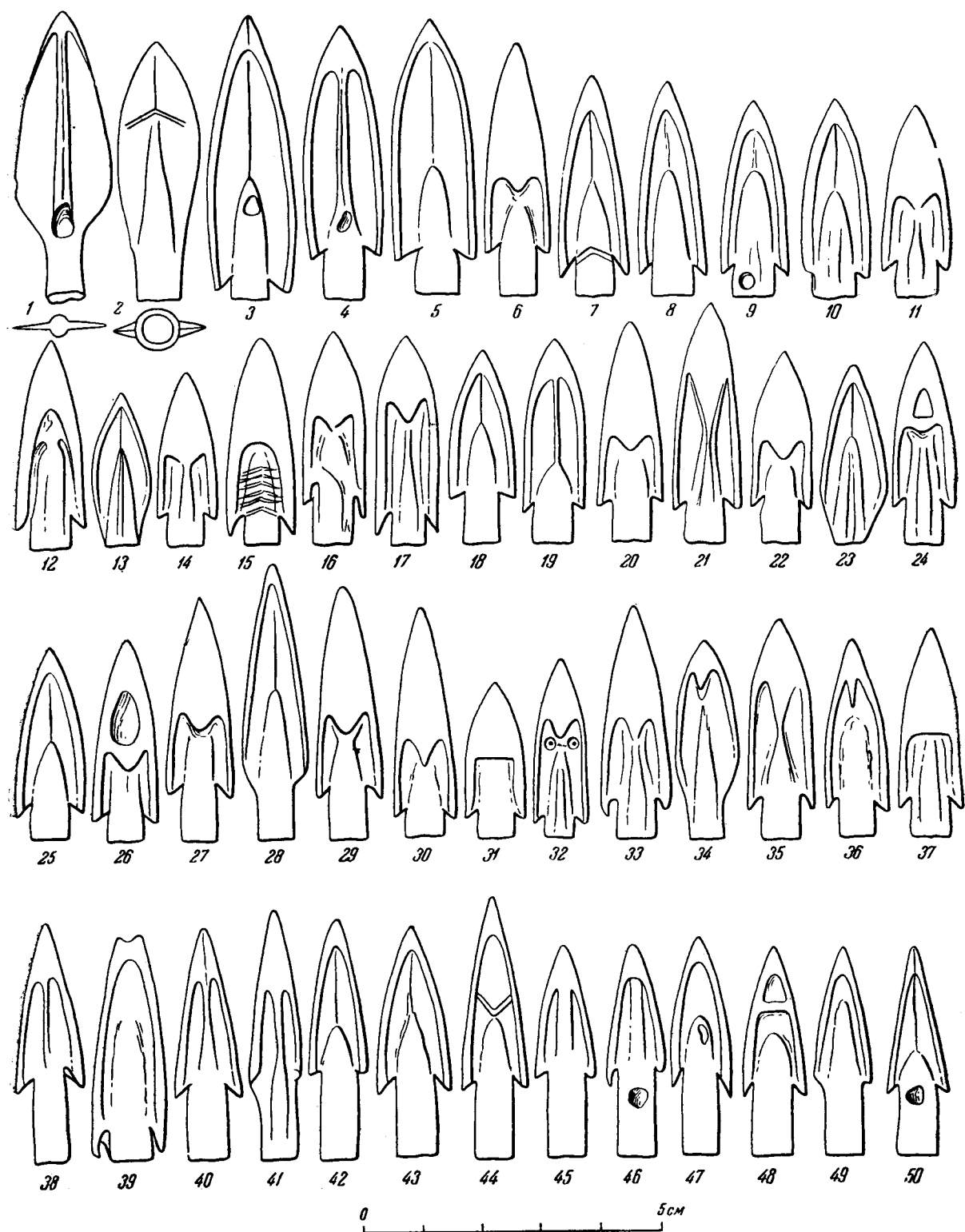

Рис. 21 А. Бронзовые наконечники стрел из кургана 7 (конца VI — начала V в. до н. э.) у с. Сара на Урале:
 Д. И. Захаров, 1928 г., Оренбургский музей, № 2043, 2055; всего 62 экз., из них 25, 27, 29, 43 — по два, 7 — три, 38, 40 — по четыре

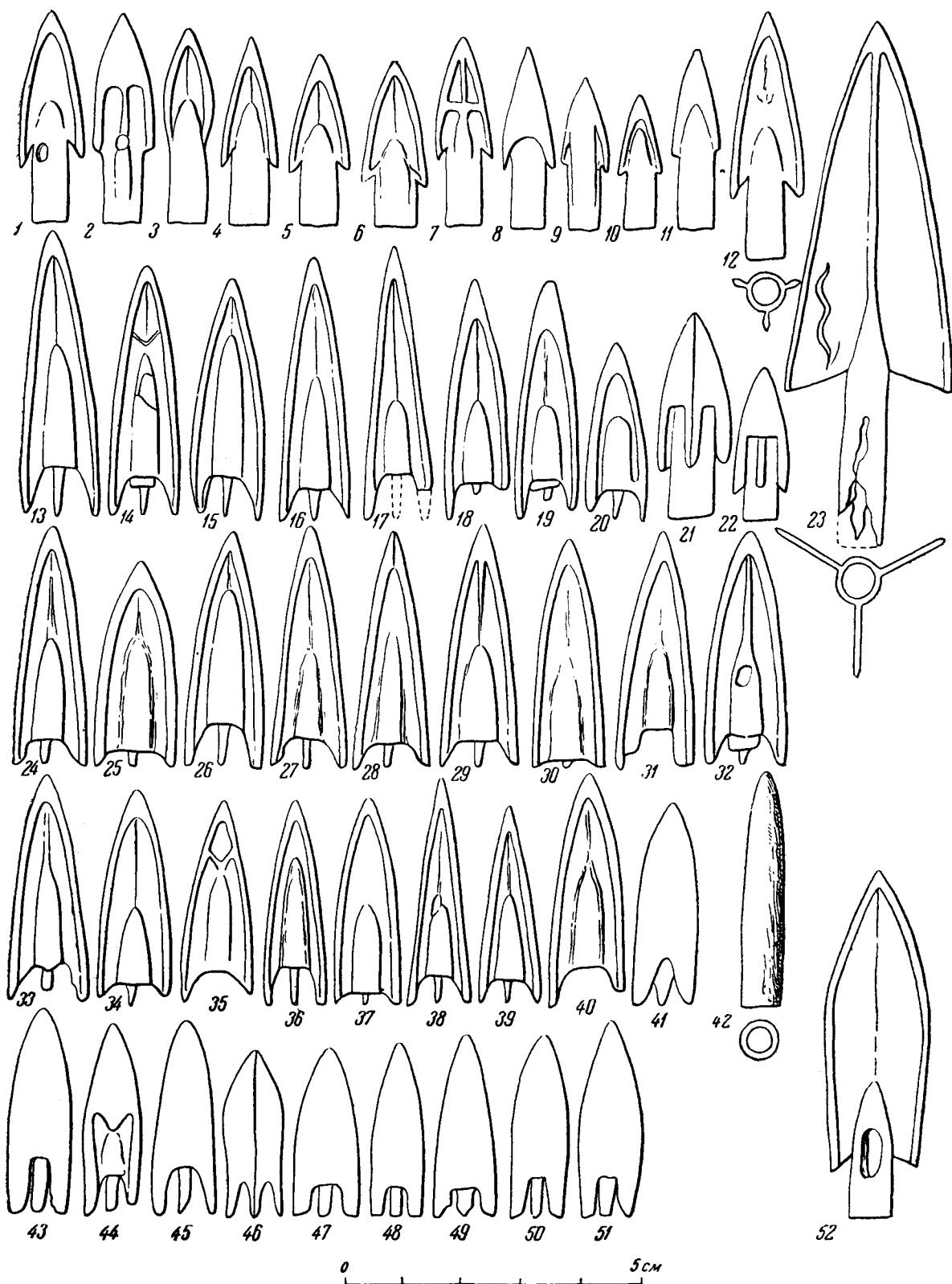

Рис. 21 Б. Бронзовые наконечники стрел из кургана 7 у с. Сара:

Всего 73 экз., из них 7, 26, 30, 37 — по два, 24, 27, 28, 47, 48 — по три, 25 — четыре, 5 — пять

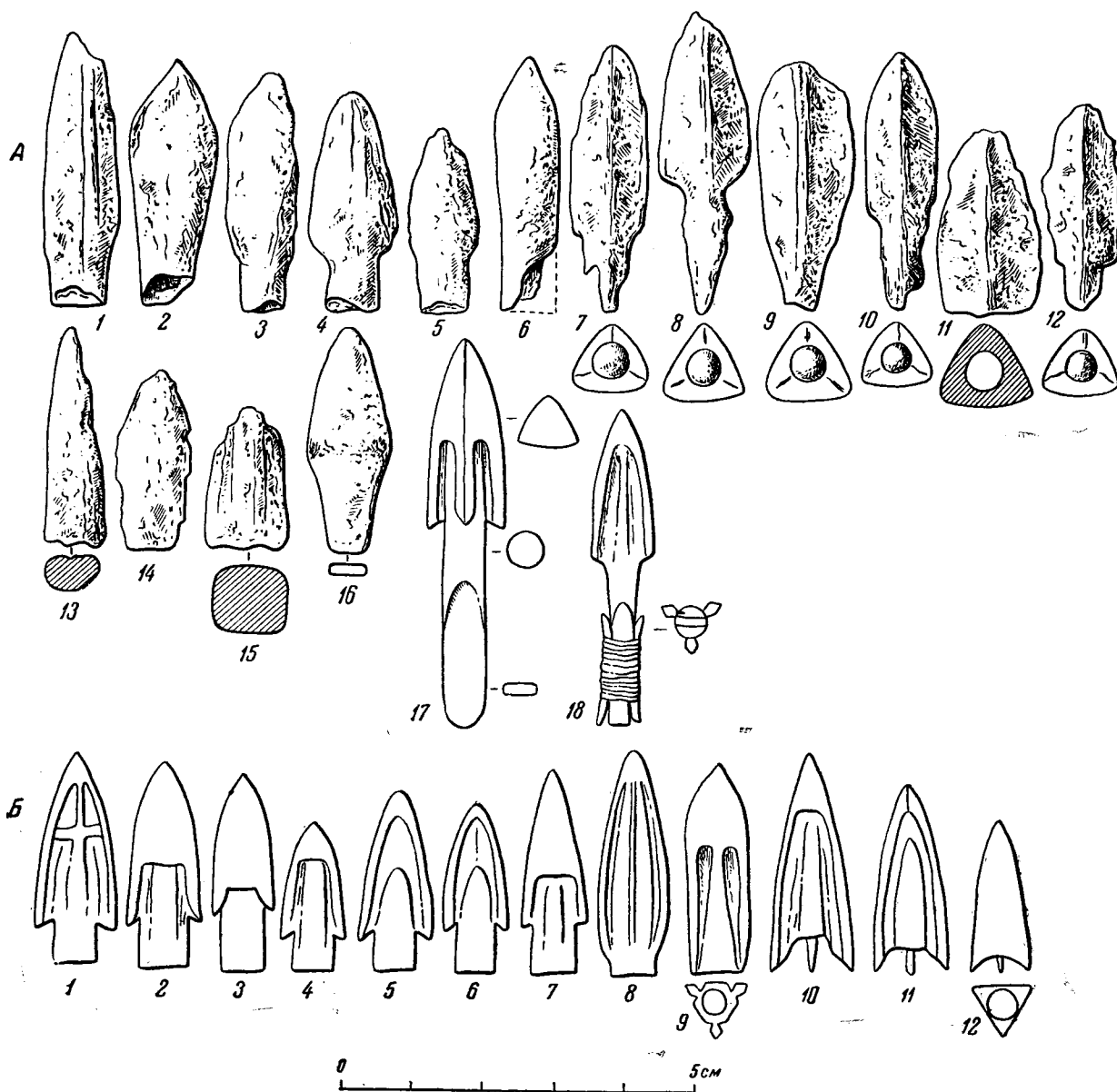

Рис. 22. Наконечники стрел конца VI — начала V в. до н. э. из Южного Приуралья:

А (1—18) — с. Сара, курган 7 (см. рис. 21А и 21Б): 1—16 — железные (всего не менее 50 экз., из них 16 — один); 17, 18 — бронзовые; Б (1—12) — Бердинская гора близ Оренбурга, курган 5, И. Кастанье, 1905 г., Оренбургский музей, № 2067=3, 1—12 — бронза (всего 13 экз., из них 2 — два)

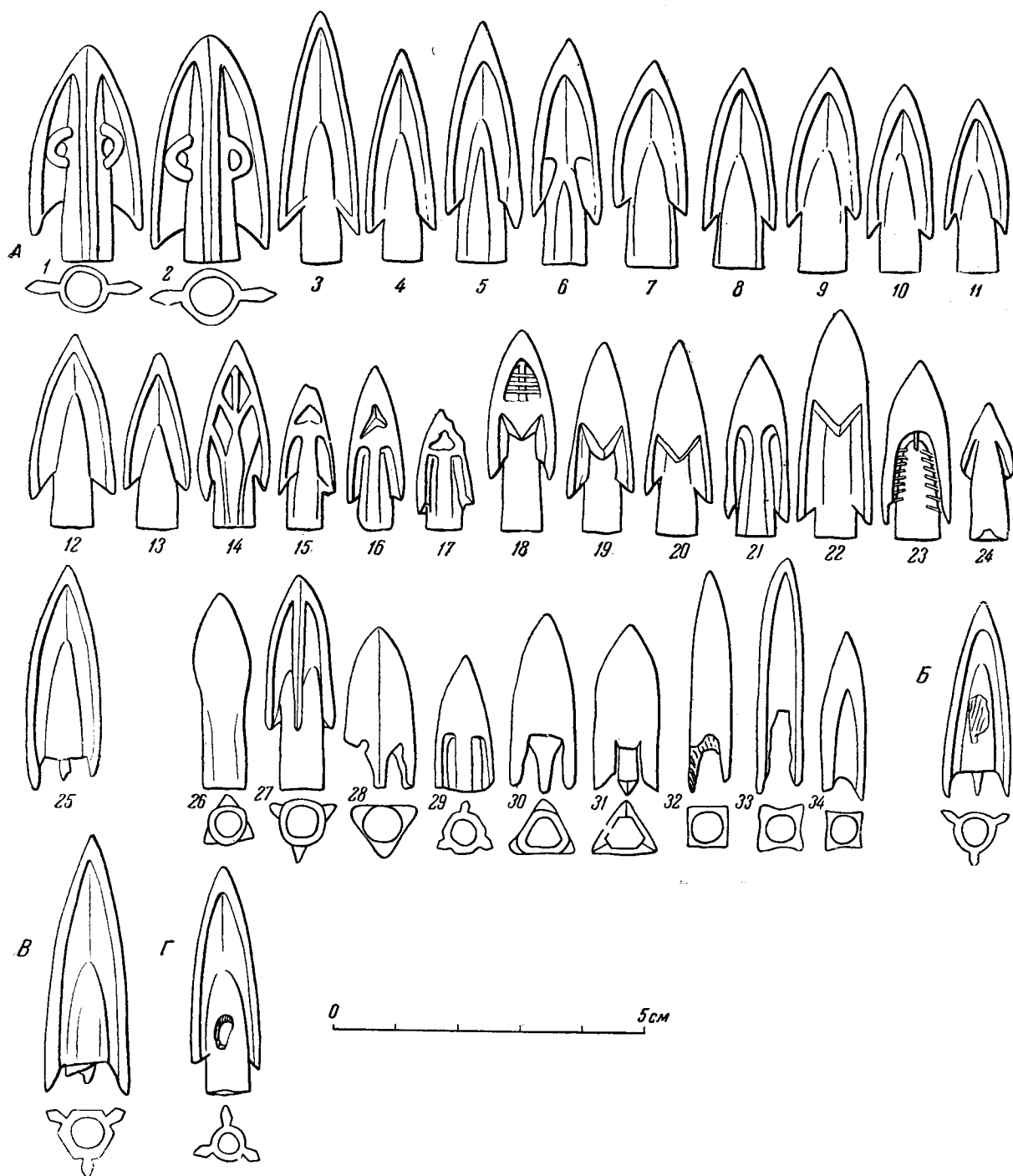

Рис. 23. Бронзовые наконечники стрел конца VI — начала V в. до н. э. из Южного Приуралья:
 А (1—34) — группа Мечет-Сай, курган 2, погребение 2, К. Ф. Смирнов, 1957 г., Оренбургский музей (всего 52 экз., из них 6, 7, 16, 17, 22, 25, 30 — по два, 9, 10, 13, 31 — по три, 32 — шесть); Б — там же, курган 2, погребение 3;
 В — Тара-Бутах, курган 2, погребение 1, К. Ф. Смирнов, 1957 г., Оренбургский музей; Г — пос. Матвеевский, курган 5, Б. Н. Граков, 1930 г.

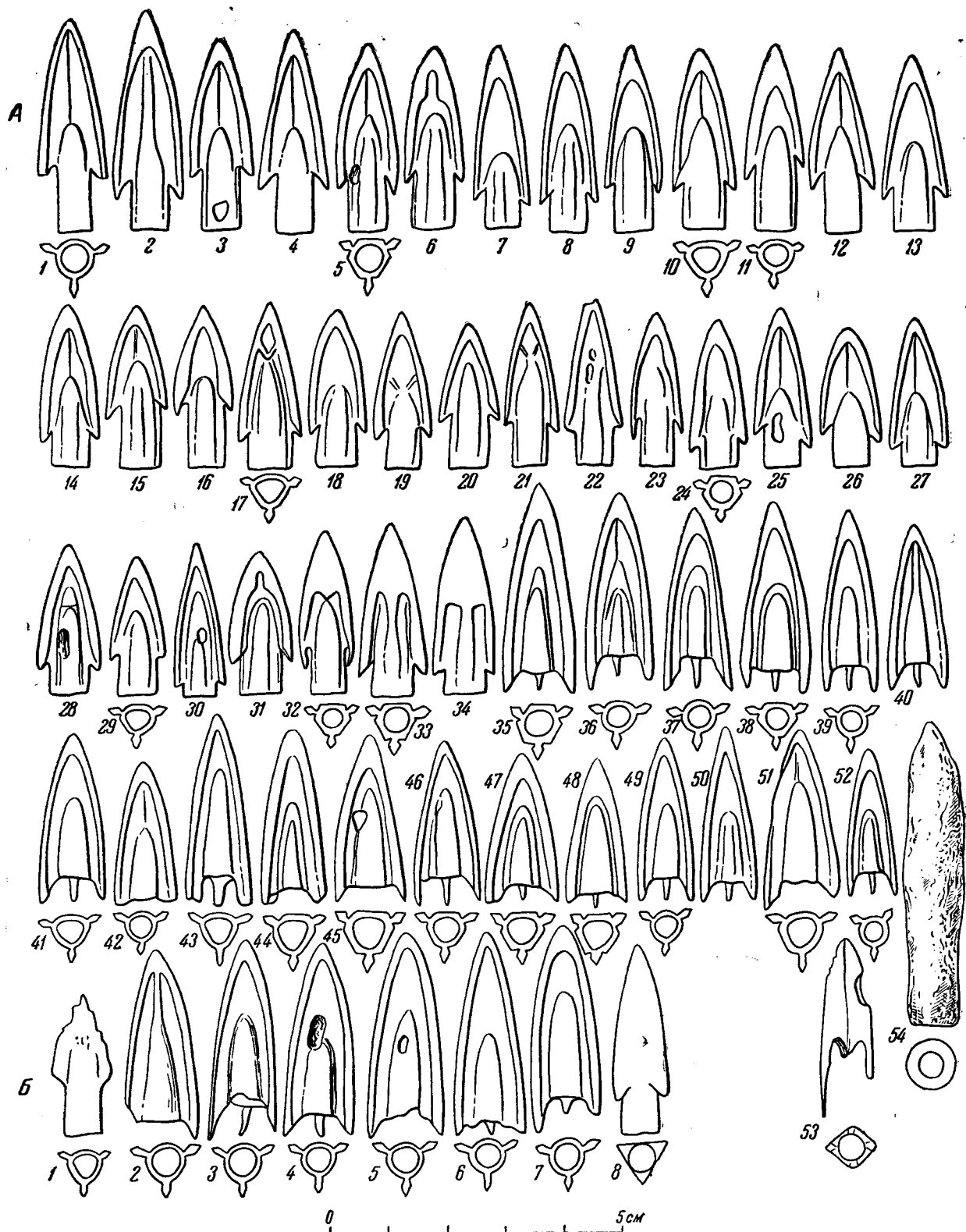

Рис. 24. Наконечники стрел конца VI — начала V в. до н. э. в районе Орска:

А (1—54) — Ново-Кумакский могильник, курган 6, М. Г. Мошкова, 1959 г., Оренбургский музей (всего 89 экз., из них 5, 7, 9, 10, 12, 14, 18, 23, 38, 43 — по два, 26, 40 — по четыре, 49 — три, 13 — шесть, 39 — десять); Б (1—8) — г. Ново-Троицк, случайная находка в кургане 1959 г., Оренбургский музей; А 54 — железо, остальное — бронза

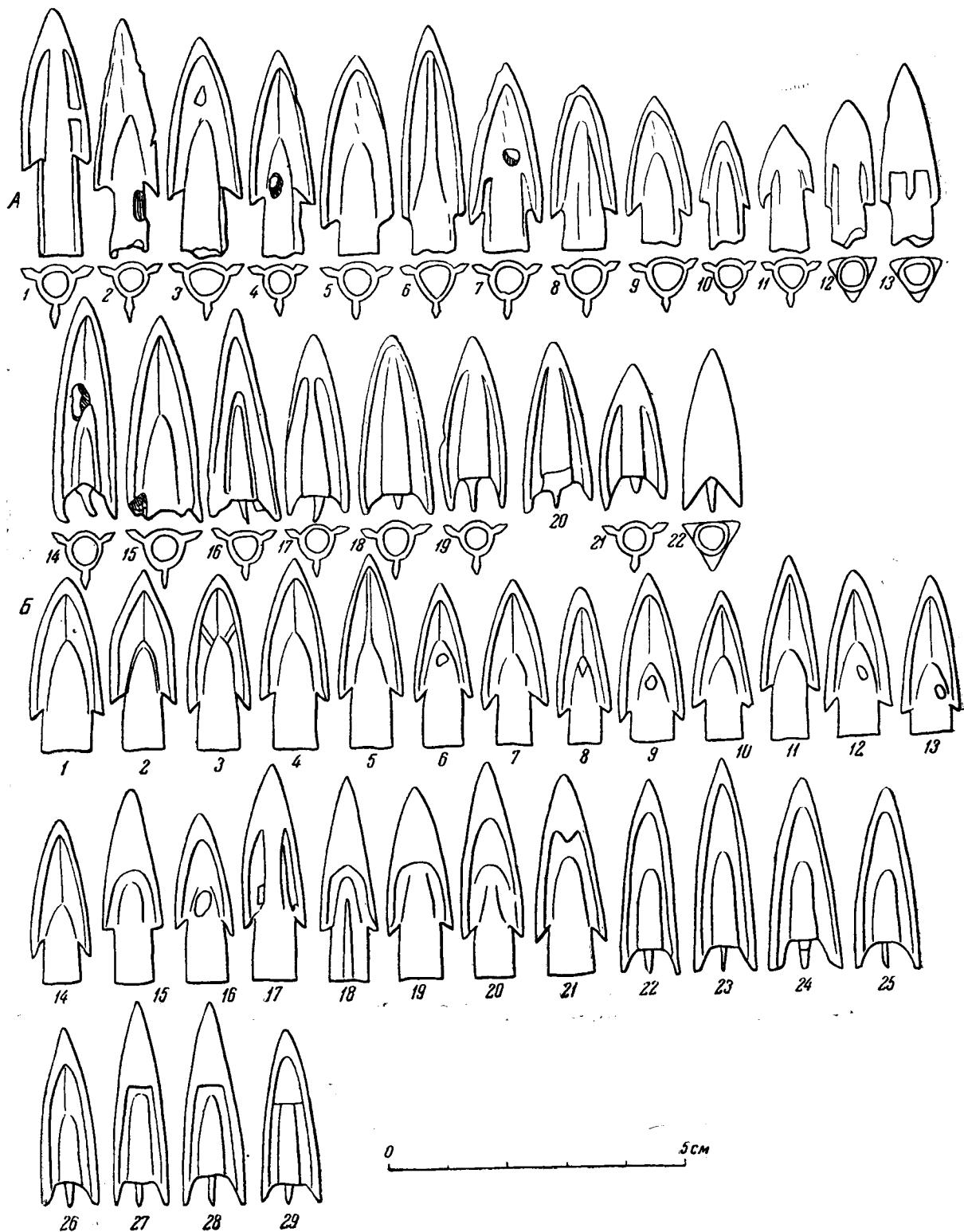

Рис. 25. Бронзовые наконечники стрел V в. до н. э. из Южного Приуралья:

А (1—22) — Ново-Кумакский могильник, курган 5, М. Г. Мошкова, 1959 г., Оренбургский музей (всего 24 экз., из них 18, 20 — по два); Б (1—29) — с. Клястицкое, курган 2, Н. П. Кипарисова, 1951 г., Челябинский музей (всего 55 экз., из них 6, 12, 18, 23, 27 — по два, 26 — три, 4, 19 — по четыре, 22, 25 — по пять, 26 — шесть)

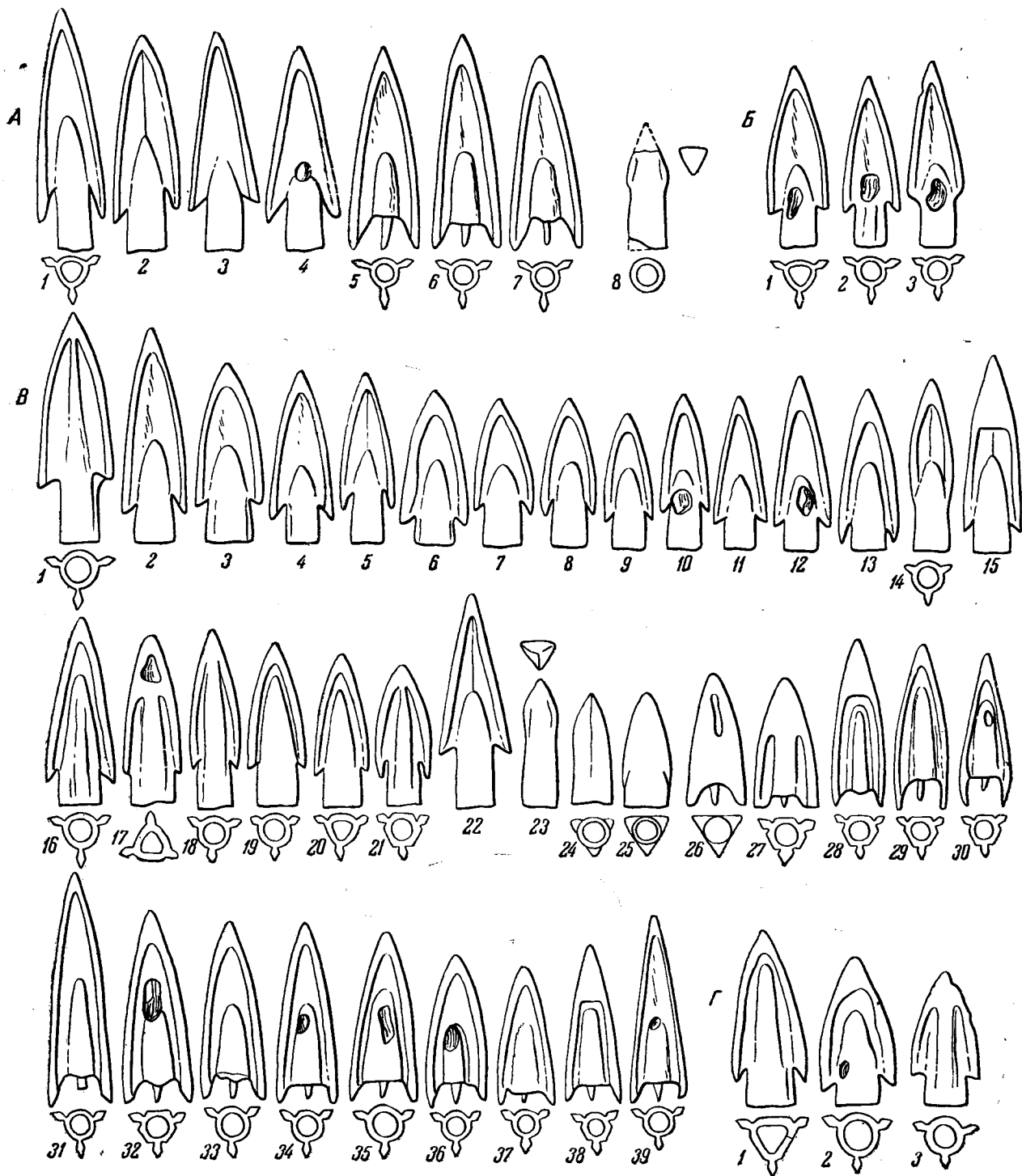

Рис. 26. Бронзовые наконечники стрел V в. до н. э. в Южном Приуралье:

А (1—8) — с. Аландское, группа I, курган 1, М. Г. Мошкова, 1958 г.; Б (1—3) — Ново-Кумакский могильник, курган 7, погребение 1, М. Г. Мошкова, 1959 г.; В (1—39) — там же, курган 3, погребение 1, М. Г. Мошкова, 1958 г. (всего 49 экз., из них 5, 7, 9, 32 — по два, 16 — три, 34—пять); Г (1—3) — там же, курган 10, М. Г. Мошкова, 1959 г.; А — Г — Оренбургский музей

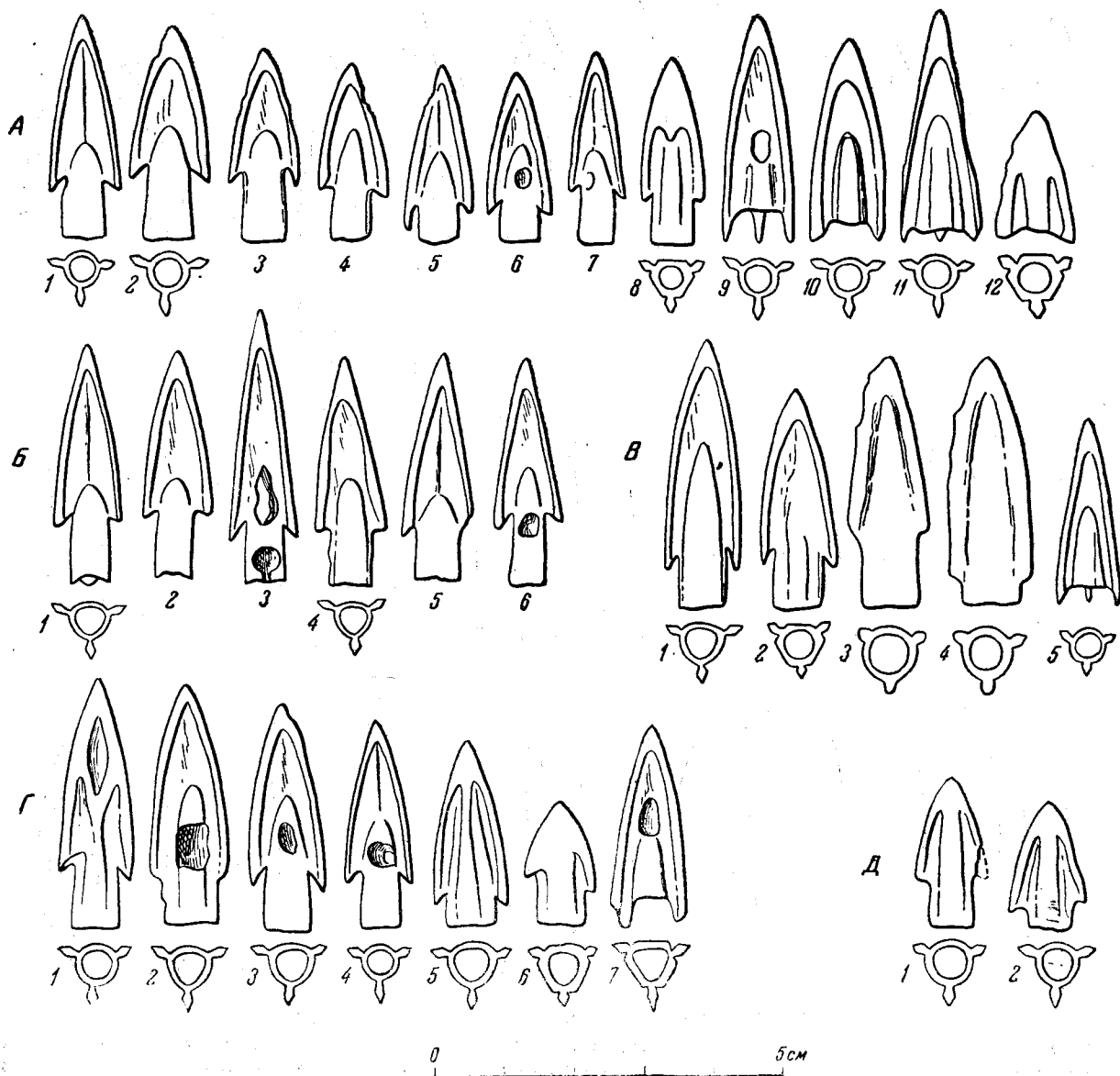

Рис. 27. Бронзовые наконечники стрел V в. до н. э. в Южном Приуралье:

А (1—12) — Ново-Кумакский могильник, курган 15; Б (1—6) — там же, курган 15, погребение 2 (всего 8 экз., из них 1, 3 — по два); В (1—5) — с. Аландское, группа 11, курган 1, погребение 2; Г (1—7) — Ново-Кумакский могильник, курган 8; Д (1—2) — там же, курган 17; А — Д — М. Г. Мошкова, 1958—1959 гг., Оренбургский музей

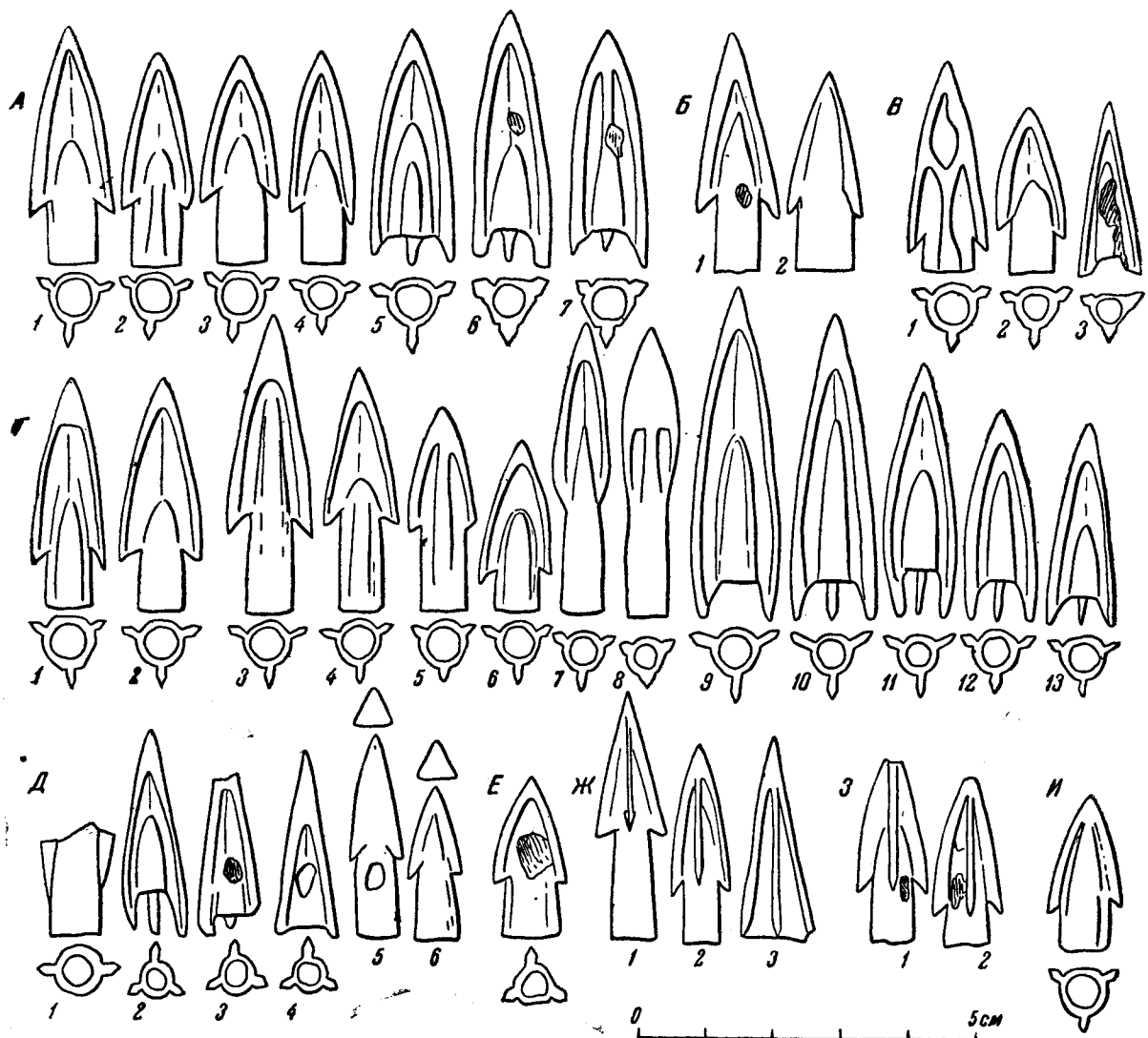

Рис. 28. Бронзовые наконечники стрел второй половины V в. до н. э. в Южном Приуралье:

А(1-7) — пос. Благословенский, группа Бис-Оба, курган 8, Б. Н. Граков, 1929 г., ГИМ; Б(1, 2) — Мало-Кизильский могильник, курган 1, погребение 5, К. В. Сальников, 1948 г.; В(1-3) — с. Тамар-Уткуль, курган 1, Ф. Д. Нефедов и К. А. Фишер, 1884 г., ГИМ, № 292; Г(1-13) — там же, курган 1 или 3, Ф. Д. Нефедов, 1887 г., ГЭ, № 1299/5-17; Д(1-6) — пос. Матвеевский, курган 4, погребение 2, Б. Н. Граков, 1930 г.; Е — с. Кум-Сай, курган 2, Б. Н. Граков, 1930 г.; Ж(1-3) — Акжарский могильник, курган 4, В. С. Сорокин, 1955 г.; З(1, 2) — там же, курган 3; И — группа Тара-Бутак, курган 1, погребение 2, И. И. Гущина, 1957 г., ГИМ

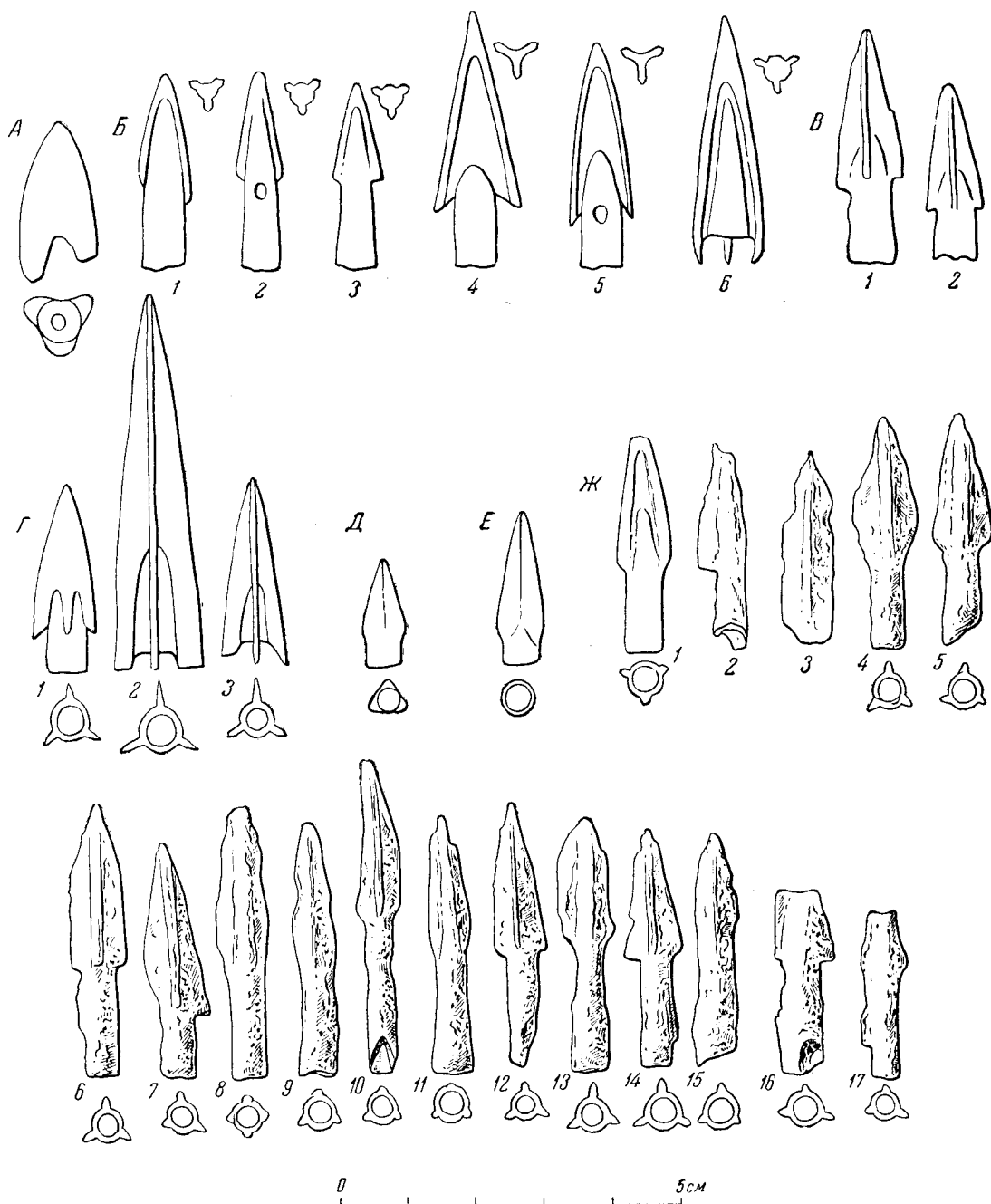

Рис. 29. Наконечники стрел из погребений IV в. до н. э. на Дону, в Нижнем Поволжье и Предкавказье:

А — с. Джангала, группа Кара-Оба, курган 4, погребение 1, И. В. Сiniцын, 1950 г., Саратовский музей, № 1821; Б(1—6) — с. Мирное (бывшее Фриденберг), курган 1,5, погребение 2, П. С. Рыков 1925 г., Саратовский музей (всего 8 экз. из них 4 — три); В(1, 2) — станция Сайхин, северо-восточная группа, курган 1, погребение 1, И. В. Сiniцын, 1952 г.; Г(1—3) — г. Ленинск, курган 6, погребение 3, В. П. Шилов, 1956 г. (здесь же найдено пять железных трехлопастных, втульчатых наконечников, на рис. не изображены); Д — г. Энгельс, южная группа, курган 4, погребение 7, И. В. Сiniцын, 1941 г., Саратовский музей; Е — с. Ачи-Кулак, курган 5/11, погребение 5, Е. И. Крупнов, 1955 г.; Ж(1—17) — хут. Карнауковский, курган 43, погребение 1, И. И. Ляпушкин, 1951 г., ГЭ; Е — кость, Ж 2—17 — железо, остальное—бронза

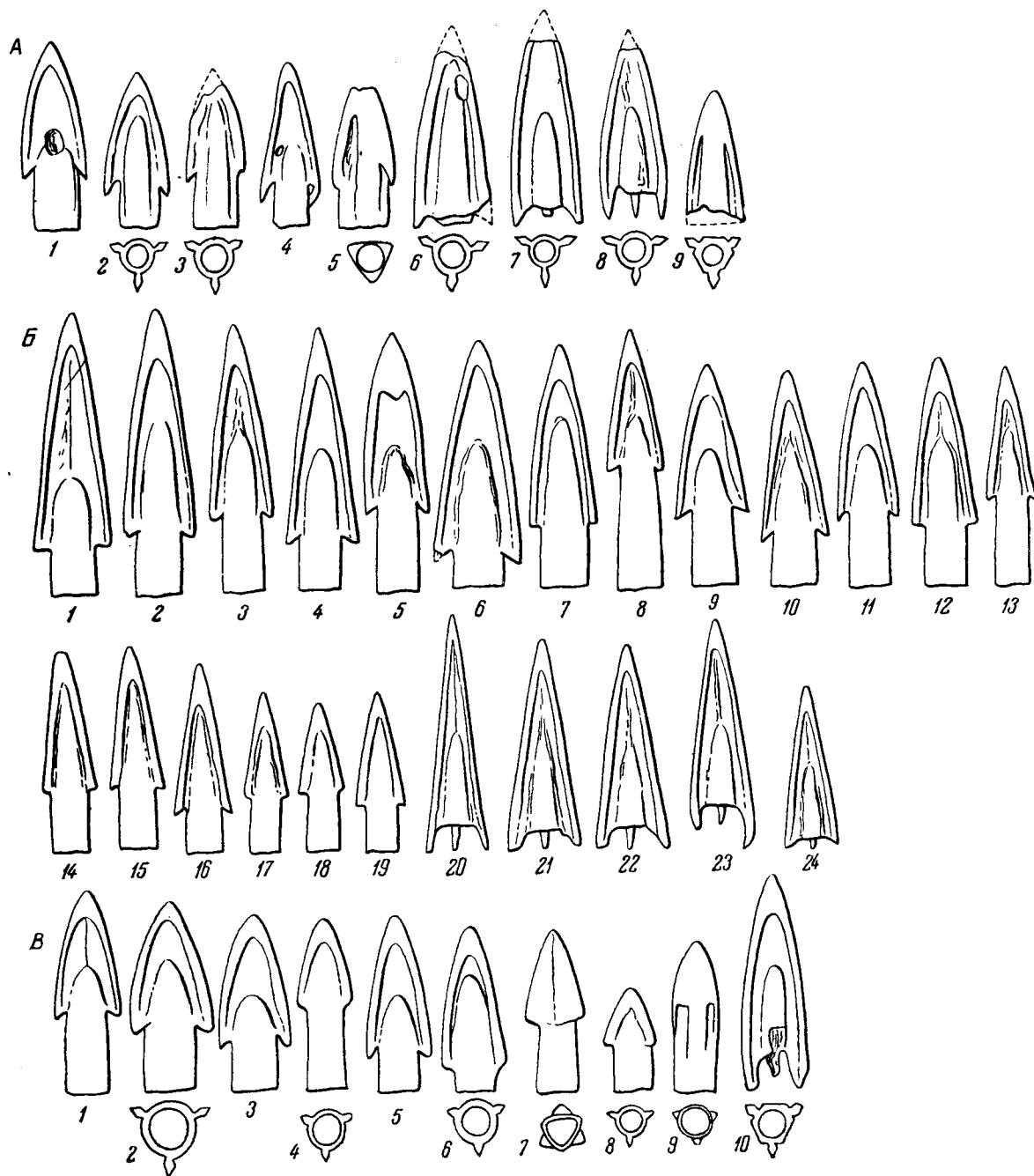

Рис. 30. Бронзовые наконечники стрел конца V — начала IV в. до н. э. в Южном Приуралье:
 А(1—9) — с. Аландское, группа II, курган 1, погребение 1, М. Г. Мошкова, 1958 г., Оренбургский музей (всего 17 экз., из них 2, 7 — по два, 1 — три, 8 — пять); Б(1—24) — с. Ак-Булак, И. А. Зарецкий, 1935 г., Оренбургский музей, № 109/2 (всего 103 экз., из них 2, 5, 7, 14, 19 — по два, 9 — три, 24 — четыре, 3, 4 — десять, 20 — четырнадцать, 21, 22, 23 — двадцать, 16 — 32), Оренбургский музей; В(1—10) — пос. Нежинский, группа Алебастрова гора, курган 3, Б. Н. Граков, 1928 г., ГИМ, № 66441 (всего 12 экз., из них 1, 3 — по два)

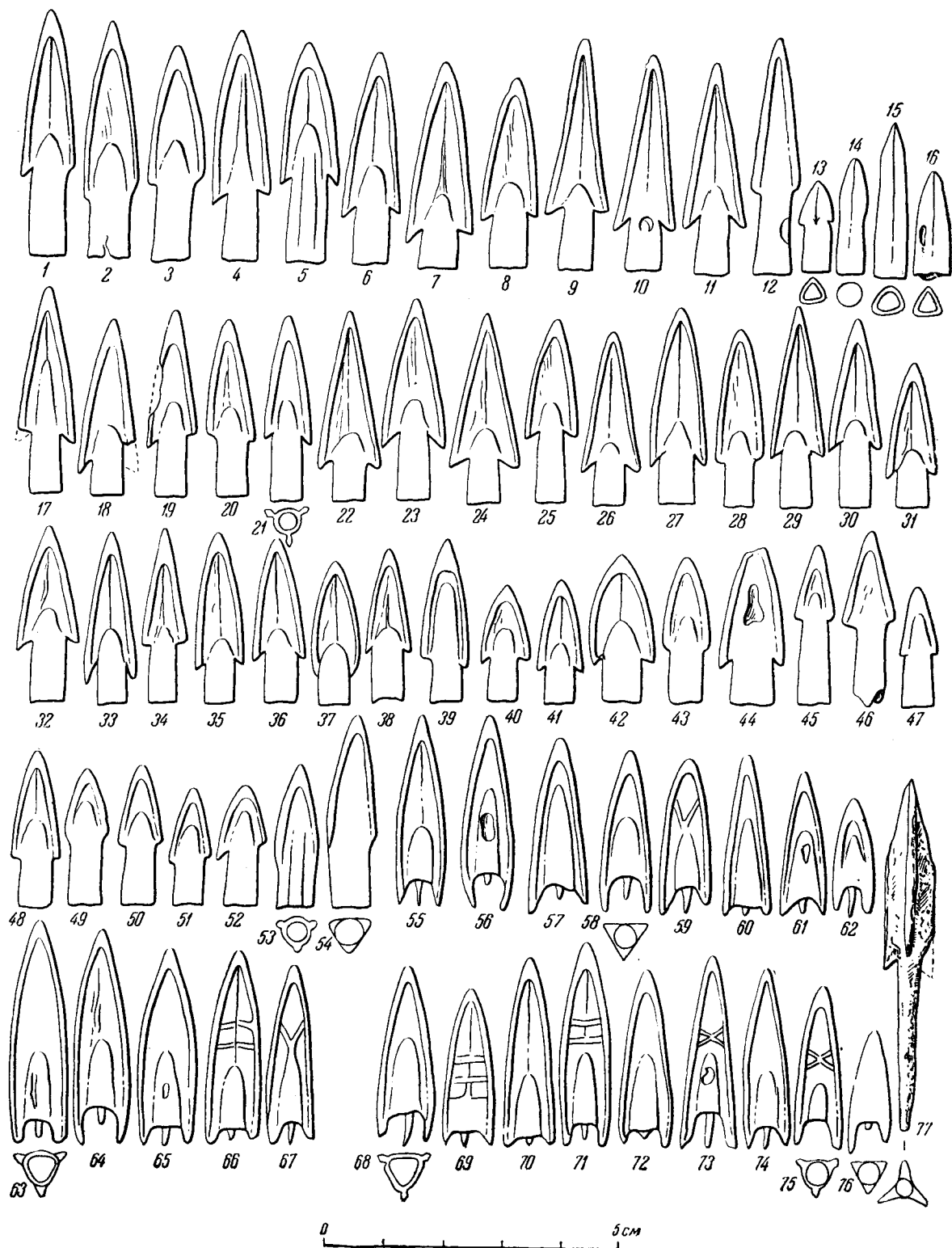

Рис. 31. Наконечники стрел из кургана VI,1 начала IV в. до н. э. у пос. Благословенского:

Б. Н. Граков, 1928 г., ГИМ, № 66441 (всего 202 экз., из них 20, 23, 27, 38, 41, 58, 66, 70 — по два, 11, 33, 53, 55, 64, 69 — по три, 24, 25, 26, 28, 30, 34 — по четыре, 32 — пять, 10 — шесть, 37 — восемь, 73 — десять, 22 — девятнадцать, 35, 36 — двадцать три); 77 — железо, остальное — бронза

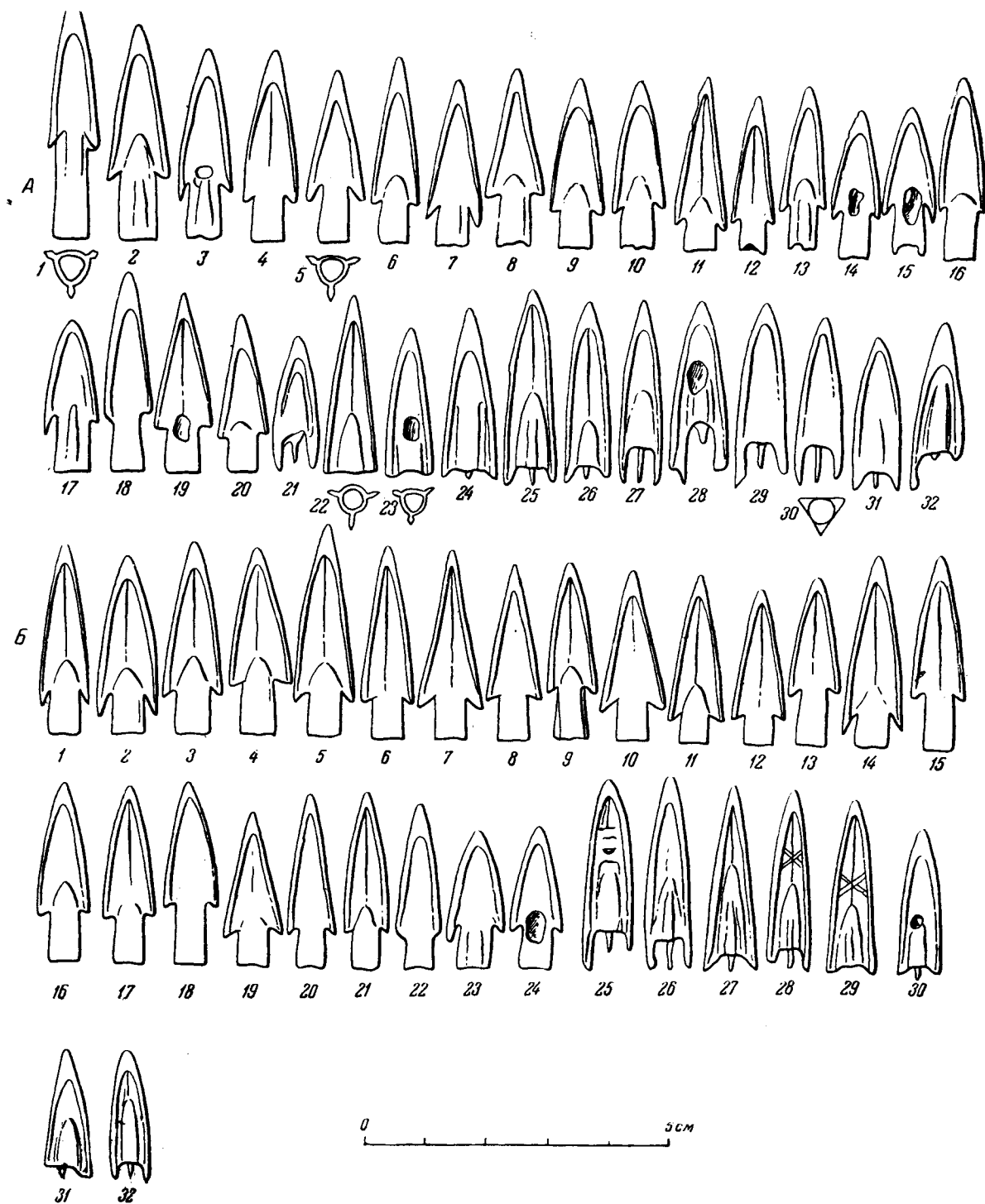

Рис. 32. Бронзовые наконечники IV в. до н. э. из кургана 1 урочища Лапасина у с. Любимовка

К. Ф. Смирнов, 1956 г., Оренбургский музей: А(1-32) — погребение 1 (всего 41 экз., из них 3, 4, 11, 13, 14, 27 — по два, 20 — четыре); Б(1-32) — погребение 4 (всего 75 экз., из них 21 — два, 3, 9 — по три, 1 — четыре, 6 — пять, 7 — шесть, 10 — восемь, 8 — пятнадцать)

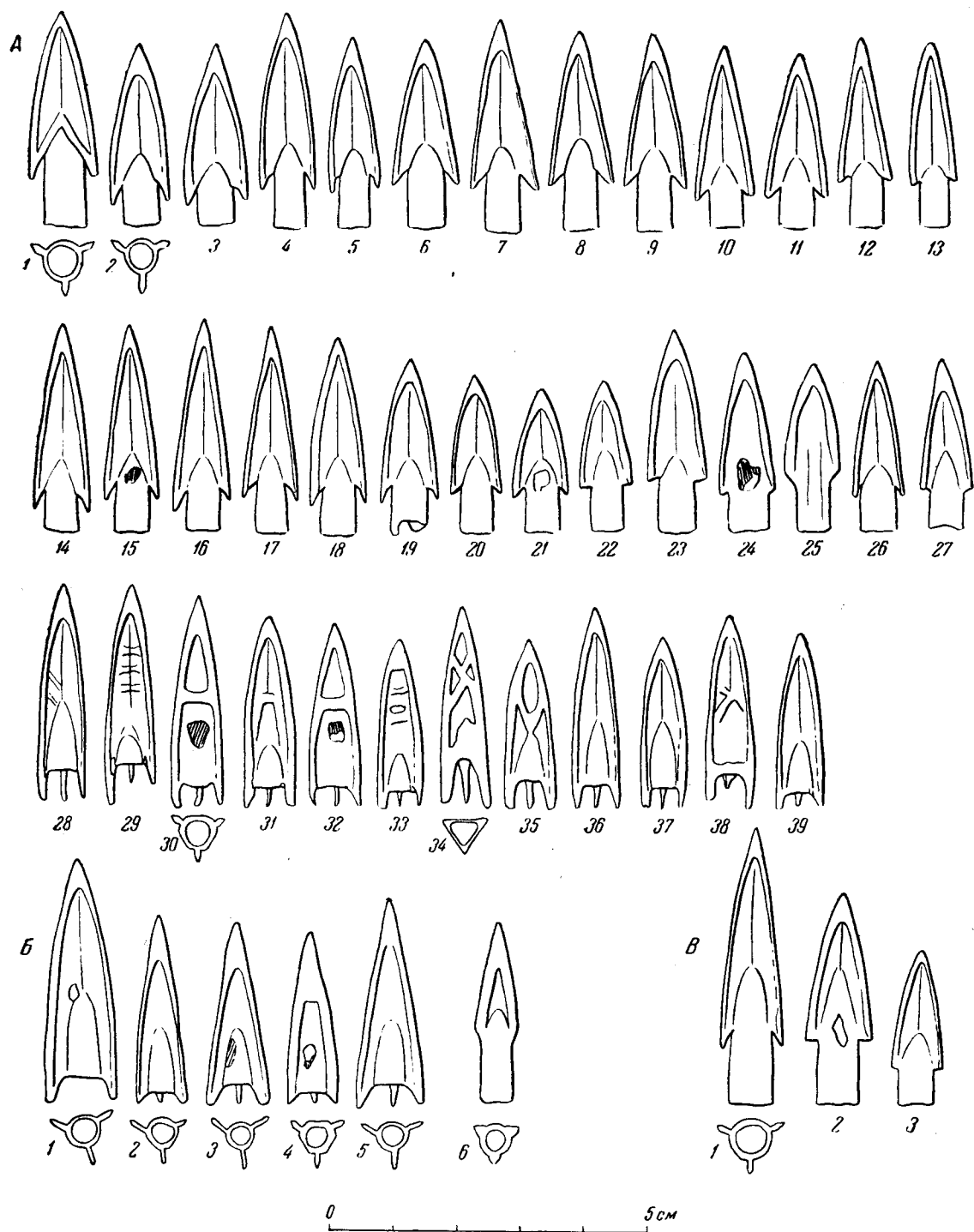

Рис. 33. Бронзовые наконечники стрел IV в. до н. э. в бассейне Бузулука:

А(1—39) — с. Любимовка, урочище Лапасина, курган 1, погребение 3, К. Ф. Смирнов, 1956 г., Оренбургский музей (всего 174 экз., из них 36 — два, 10, 12, 13, 37 — по три, 11 — четыре, 19, 20 — по пять, 2, 3 — пятнадцать; 4, 5 — семнадцать, 6, 9 — сорок восемь, 14 — 18 — тридцать три, 29—33 — двадцать четыре); Б(1—6) — с. Преображенское, курган 3, Ф. Д. Нефедов, 1888 г., ГЭ № 1302/12-16, 36; В(1—3) — станция Марычевка, А. Миллер, 1907 г., ГИМ, № 446-57

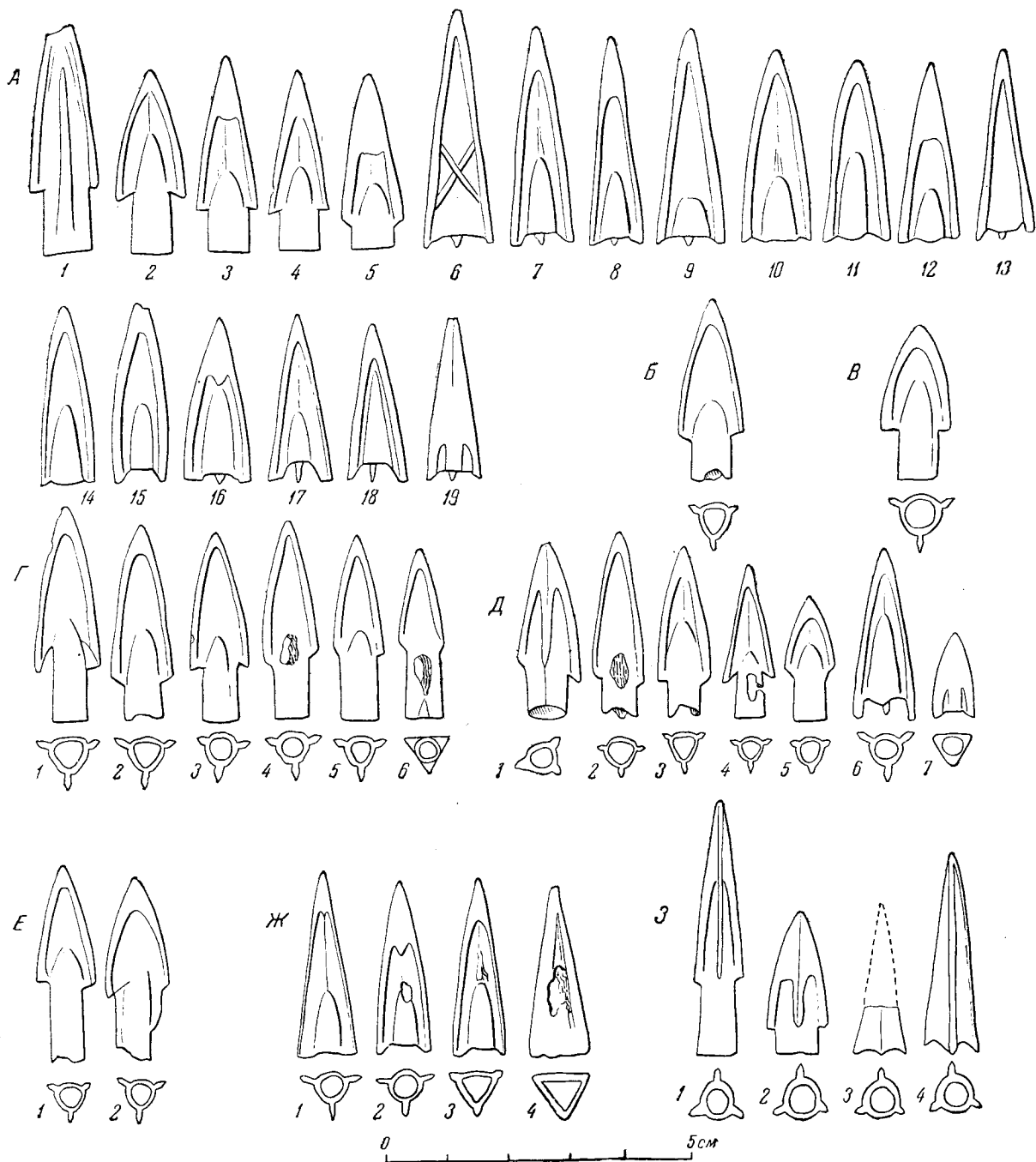

Рис. 34. Бронзовые наконечники стрел IV в. до н. э. в Южном Приуралье:

А (1—19) — Бердинская гора, курганы 3 и 4, Оренбургский музей, № 2068/1 (всего 26 экз., из них 4, 5, 8 — по два, 12 — пять); Б — Увакский могильник, курган 2, погребение 3, К. Ф. Смирнов, 1957 г., ГИМ; В — Тара-Бутак, курган 1, погребение 3, И. И. Гущина, 1957 г., ГИМ; Г (1—6) — группа Близицы, курган 1, погребение 5, К. Ф. Смирнов, 1957 г., ГИМ; Д (1—7) — там же, курган 1, погребение 4, ГИМ; Е (1, 2) — там же, курган 2, погребение 1, Оренбургский музей; Ж (1—4) — станция Павловская, курганы 2 и 4, Ф.Д. Нефедов, 1888 г., Оренбургский музей, № 1300/4-7; З (1—4) — с. Урал-Сай, курган 2, погребение 2, М. П. Грязнов, 1926 г., ГЭ

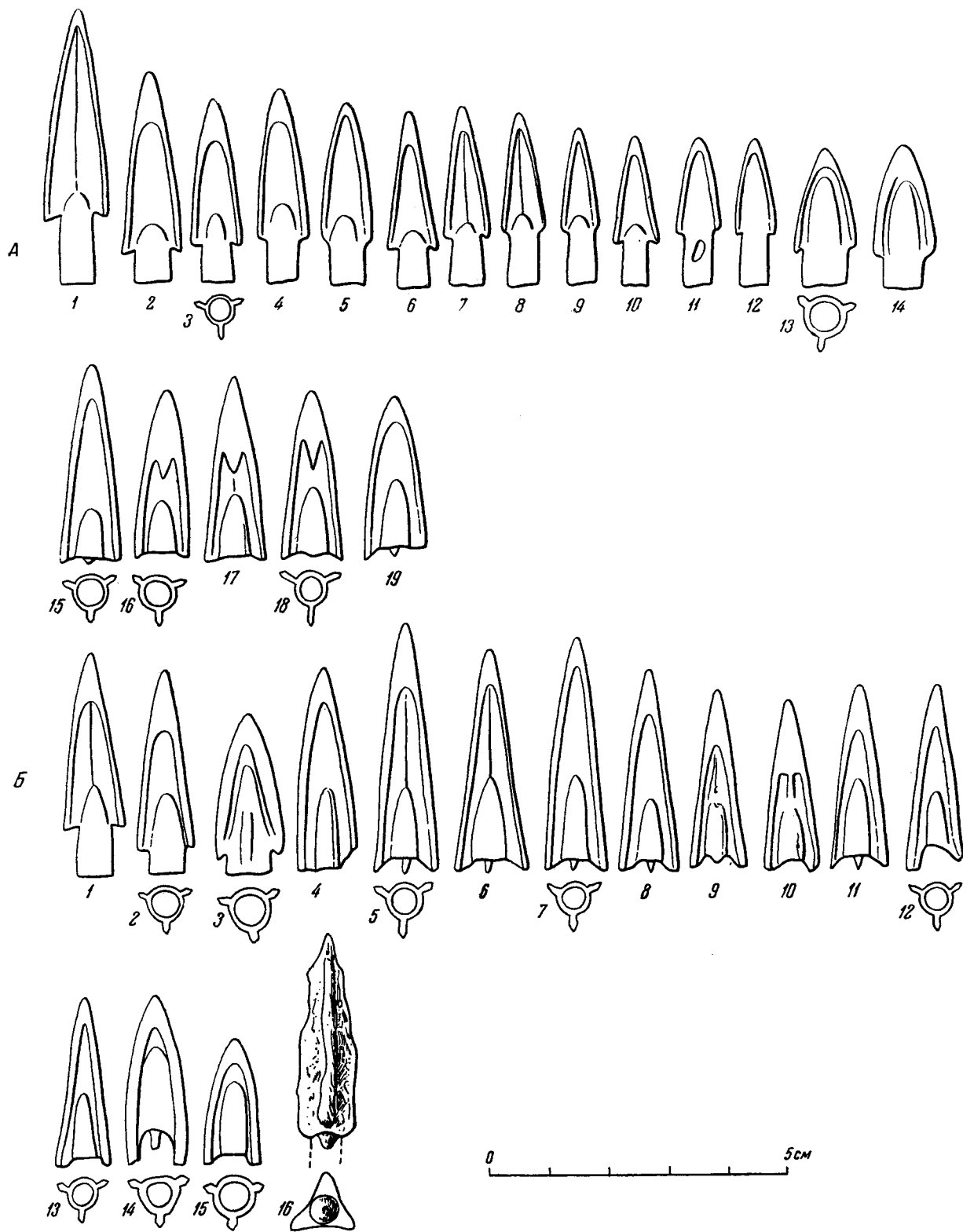

Рис. 35. Наконечники стрел из курганов второй половины IV в. до н. э. группы Алебастрова гора у пос. Нежинского:

Б. Н. Граков, 1928 г., ГИМ № 66441: А(1—19) — курган 2 (всего 28 экз. из них 2 — два, 6, 7, 8 — шесть, 9, 10 — пять, 11, 12 — четыре); Б(1—16) — курган 4 (всего 21 экз., из них 5 — четыре, 6, 15 — по два); Б 16 — железо, остальные — бронза

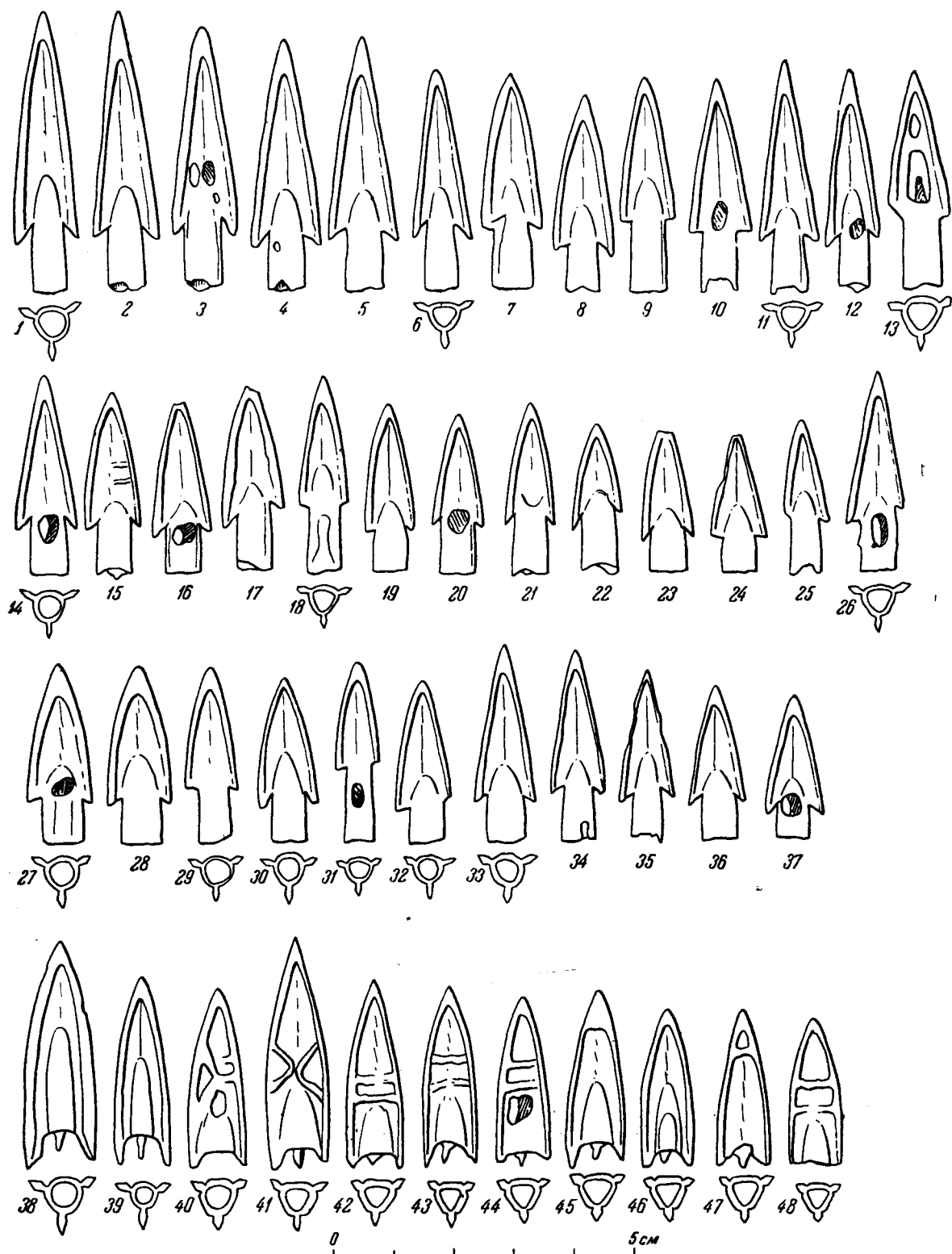

Рис. 36. Бронзовые наконечники стрел из кургана 12 IV в. до н. э. Ново-Кумакского могильника
 М. Г. Мошкова, 1959 г., Оренбургский музей (всего 80 экз., из них 1—3 — пятнадцать, 4, 5 — шесть, 6 — пять, 10 20, 24, 30 — по два, 14 — шесть, 27, 28 — три)

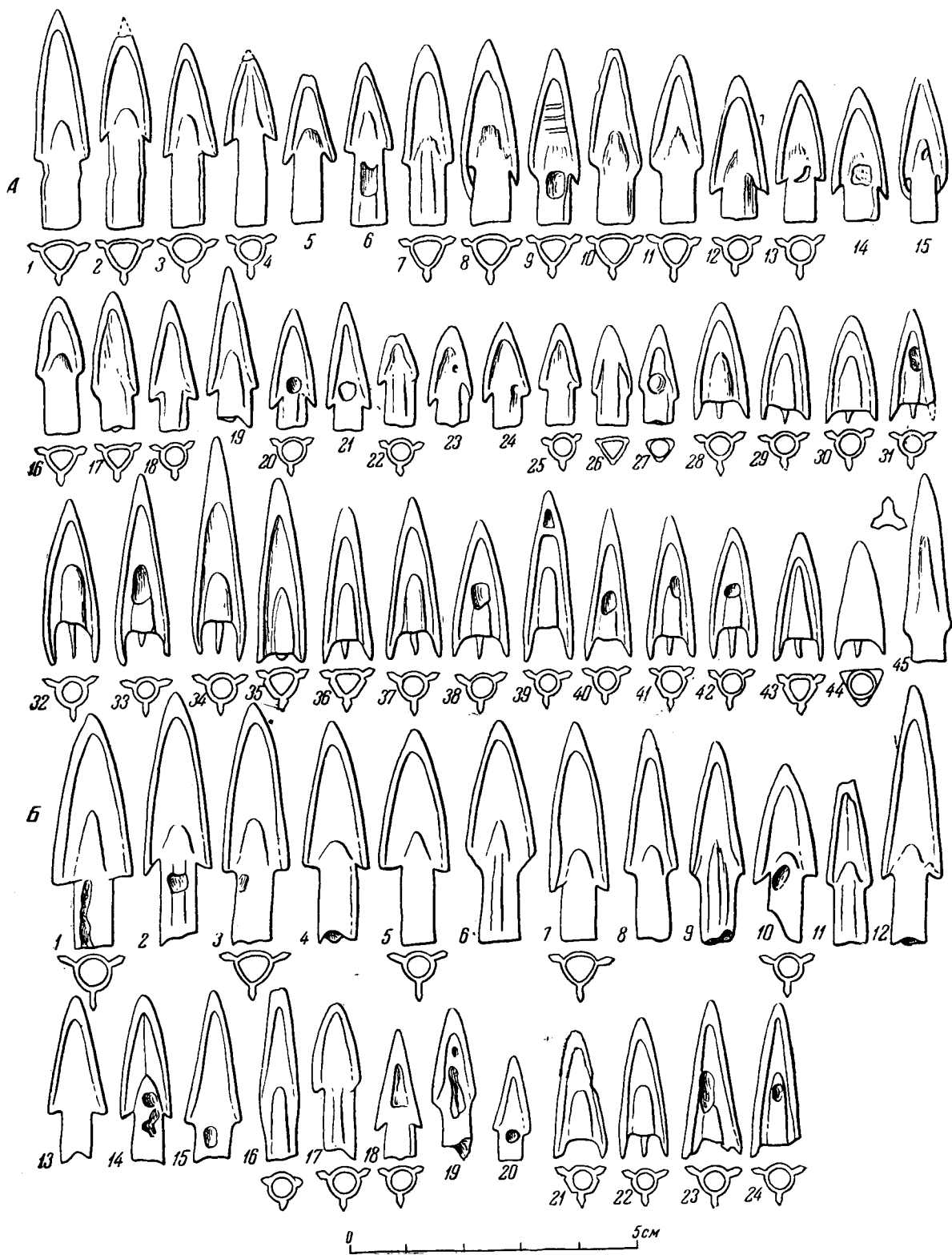

Рис. 37. Бронзовые наконечники стрел из погребений IV в. до н. э. Ново-Кумакского могильника
 М. Г. Мошкова, 1959 г., Оренбургский музей: А(1—45) — курган 18 (всего 87 экз., из них 1, 6, 39 — по одному, 20, 38 — по шесть, 21, 42 — по три, 28, 41 — по четыре, 32 — восемь, 37 — девять, 40 — пять); Б(1—24) — курган 16 (всего 28 экз., из них 1, 2, 4, 8 — по два)

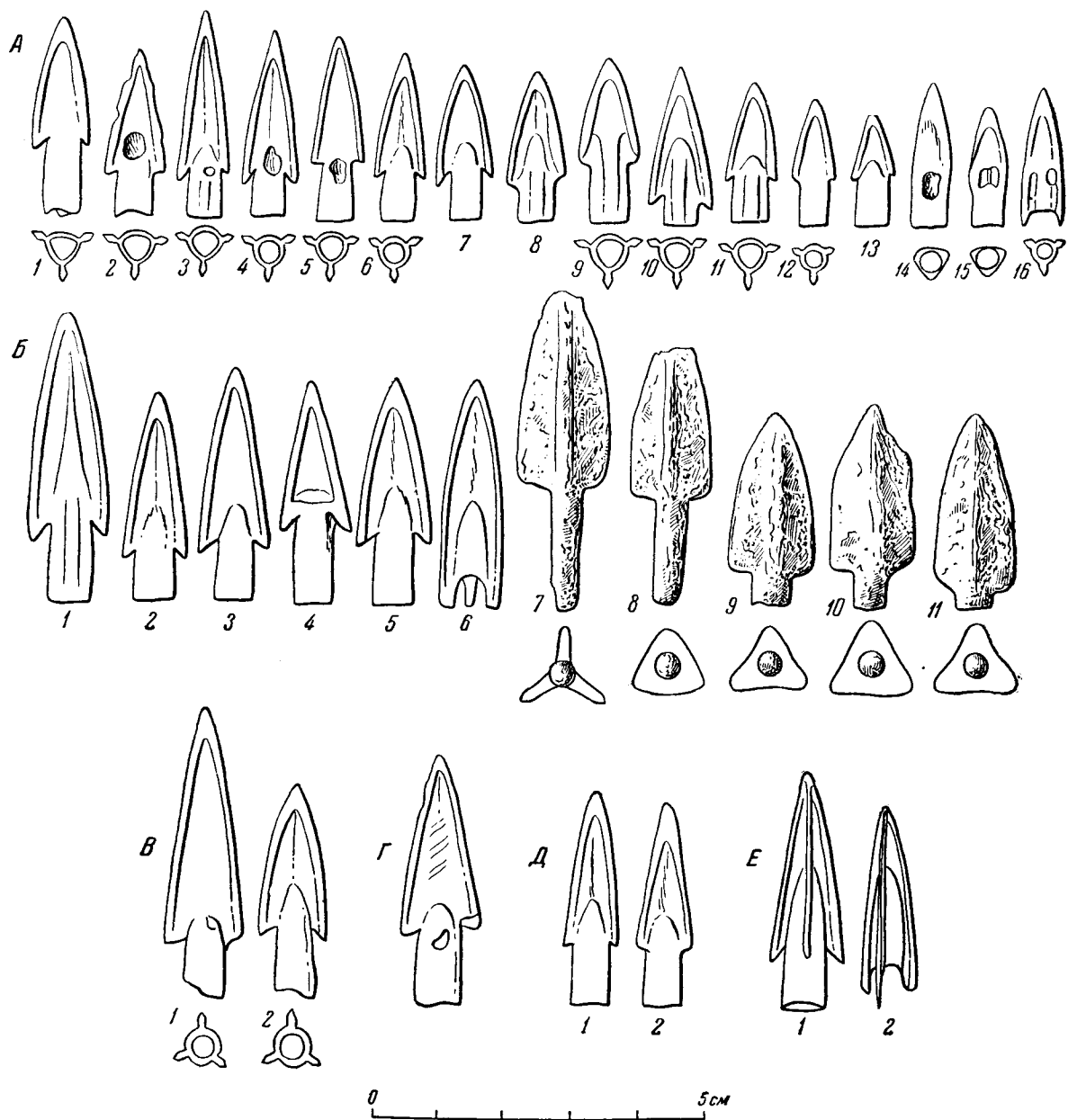

Рис. 38. Наконечники стрел из погребений второй половины IV в. до н. э. в Южном Приуралье:

A(1—16) — Ново-Кумакский могильник, курган 13, М. Г. Мошкова, 1959 г., Оренбургский музей (всего 37 экз., из них 4 — одиннадцать, 6 — девять, 7 — три, 11 — два); *B*(1—11) — с. Буруктал, 1954 г. (всего 16 экз., из них 9—11 — девять); *V*(1, 2) — пос. Матвеевский, курган 3, Б. Н. Граков, 1930 г. (всего 25 экз., из них 2 — двадцать два, 1 — три); *Г* — пос. Сожоловский, курган 7, Б. Н. Граков, 1930 г.; *Д*(1, 2) — курган на 14-ом км от г. Орска, К. В. Сальников, 1936 г., Оренбургский музей, № 111/6; *Е*(1, 2) — пос. Вершина у г. Челябинска, курган 3, Н. К. Минко, 1909 г.

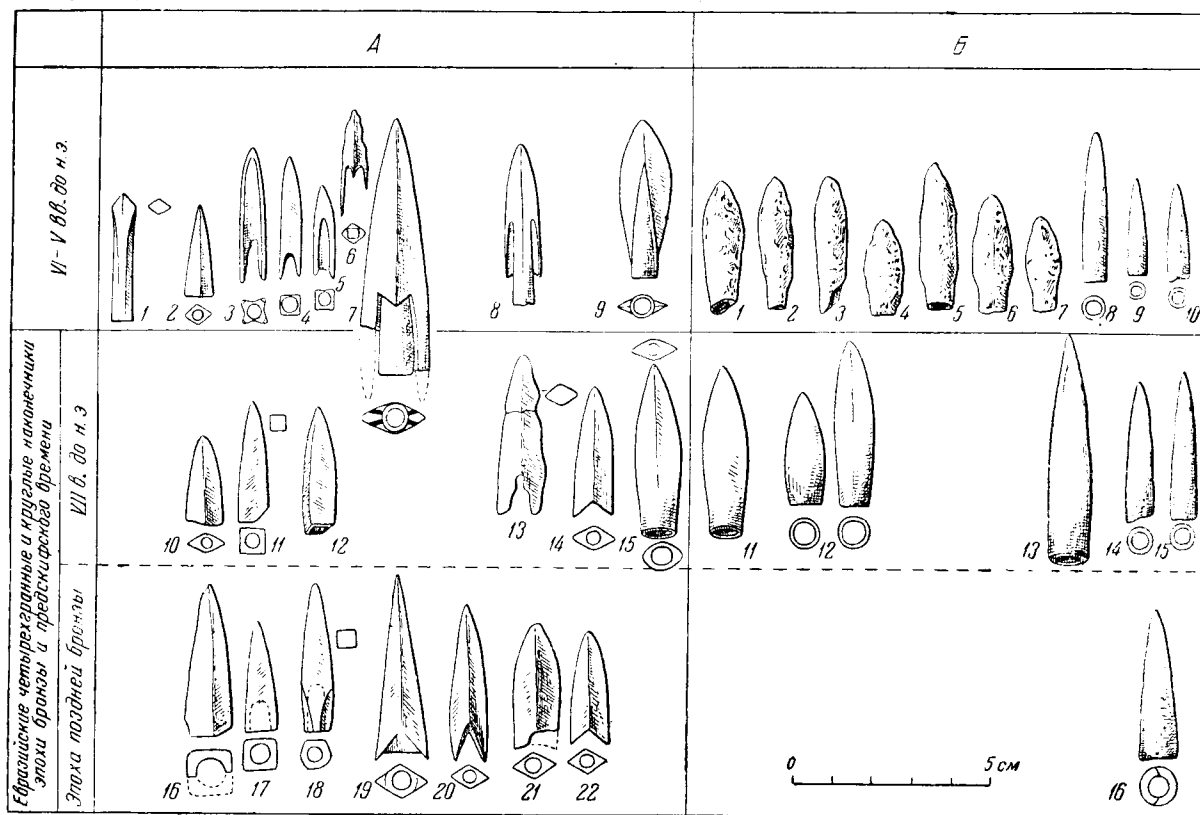

Рис. 39. Втульчатые четырехгранные и круглые в сечении наконечники стрел ($1/2$ натуральной величины):

А — четырехгранные: 1 — район г. Камышина, коллекция Павельева; 2 — с. Ковыловка; 3—5 — урочище Мечет-Сай, курган 2, погребение 2; 6 — Ново-Кумакский могильник, курган 6; 7 — из кургана в Актюбинском районе; 8 — хут. Черниговский; 9 — с. Сара, курган 7; 10, 11, 13, 14 — курган Малая Цимбалка; 12 — Кизил-Куль; 15 — с. Ендже (Болгария), курган II погребение 1; 16—18 — Субботовское городище; 19 — Кипельское поселение; 20 — Покровский могильник, курган 14; 21 — Садчиковское поселение; Б — круглые: 1—8 — с. Сара, курган 7; 9 — Оренбургский музей, № 2040/6; 10 — Блюменфельдский курган А 12; 11 — Сибирь (по Аспелину); 12 — Акжарский могильник, курган 2; 13 — Кизил-Куль; 14, 15 — курган Малая Цимбалка; 16 — с. Сабатиновка

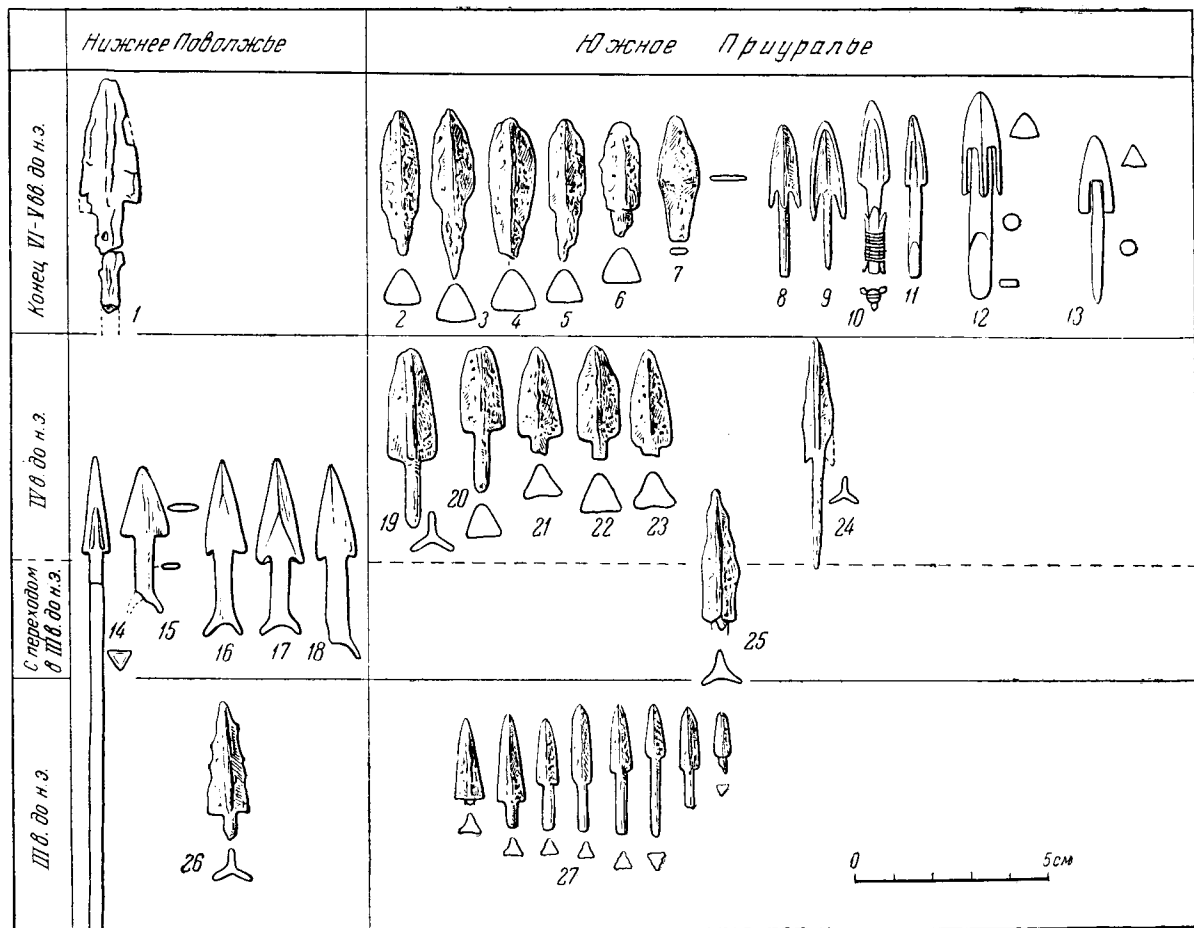

Рис. 40. Черешковые наконечники стрел степного Поволжья и Южного Приуралья ($\frac{1}{2}$ натуральной величины):
 1 — с. Старая Ивановка (бывшее Альт-Ваймар), курган D 17; 2—7, 10, 12 — с. Сара, курган 7; 8, 9 — Блявинский рудник; 11 — с. Покровка, курган 2; 13 — Баймакский район Башкирской АССР; 14 — с. Луговое (бывшее Визенмиллер), курган II, 4, погребение 3; 15—18 — с. Джангала, курган 1, погребение 4; 19—23 — с. Буруктал; 24 — пос. Благословенский, курган VI, 1; 25 — пос. Нежинский, группа Алебастрова гора, курган 4; 26 — Бережновский могильник, курган 2, погребение 11; 27 — с. Прохоровка, курганы 1 и 2

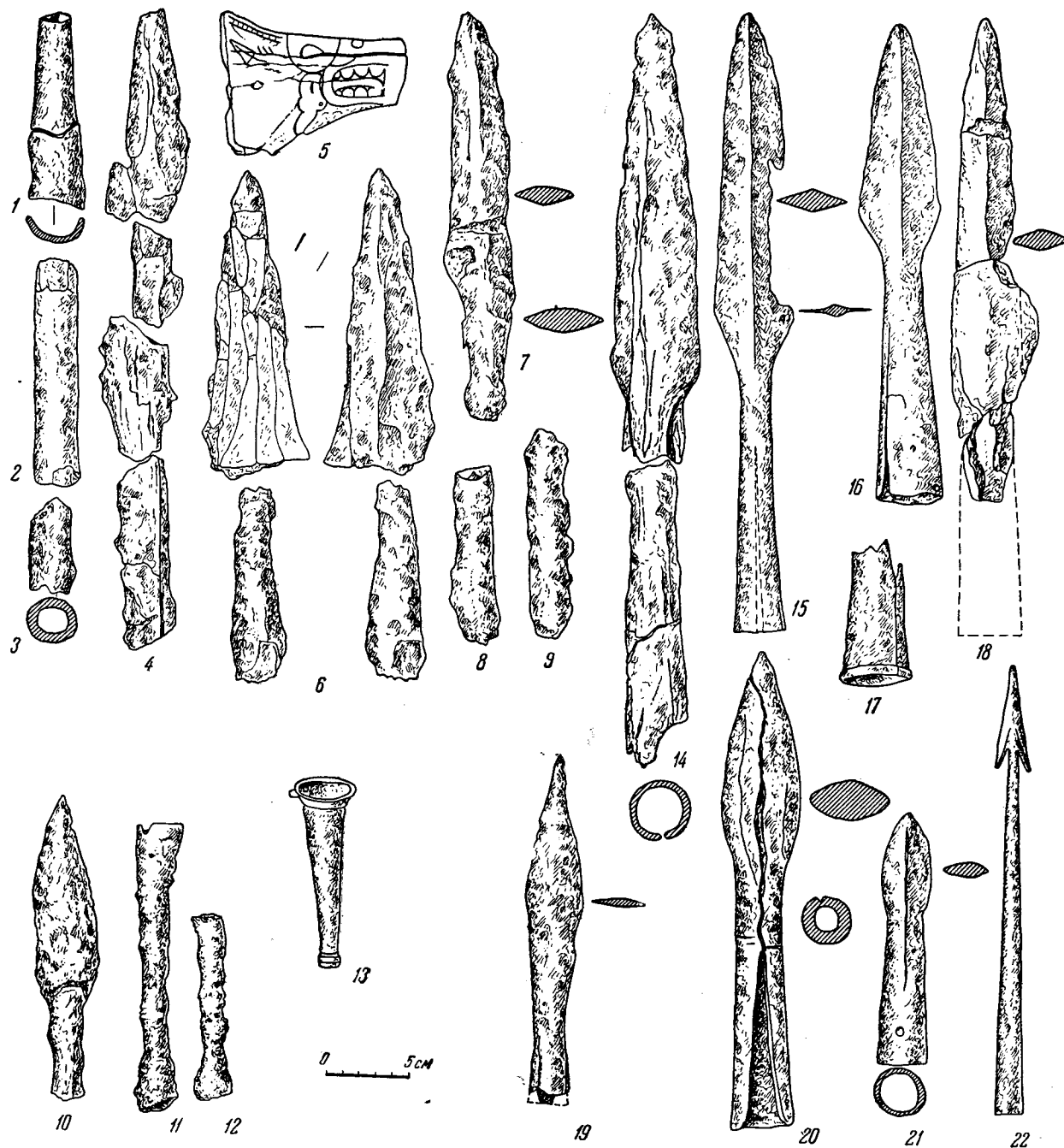

Рис. 41. Железные наконечники копий, втки и костяные футляры для копий (VI—IV вв. до н. э.):

1 — Второй Бережновский могильник, курган 16, погребение 1, И. В. Сеницын, 1954 г.; 2—9 — Блюменфельдский курган 12 Б. Н. Граков, 1925 г.; 10—12 — сл. Владимирская, курган 5, В. Н. Тевяшов, 1900 г.; 13 — бугор Стеньки Разина под г. Камышином; 14 — Бережновский могильник, южная группа, курган 5, погребение 9, И. В. Сеницын, 1954 г.; 15 — с. Озерки, 1894 г.; 16 — станция Марычевка, А. Миллер, 1907 г.; 17 — с. Мирное (бывшее Фриденберг), курган 1,5, погребение 2, П. С. Рыков, 1925 г.; 18 — с. Ак-Булак, курган, И. А. Зарецкий, 1935 г.; 19 — деревни Качаржинская и Черноярская, курган 2, 1887 г.; 20 — с. Джангала, группа Кара-Оба, курган 11, И. В. Сеницын, 1950 г.; 21 — хут. Попов, курган 58/26, погребение 10, А. А. Иессен, 1951 г.; 22 — с. Лабовка близ г. Бугуруслана

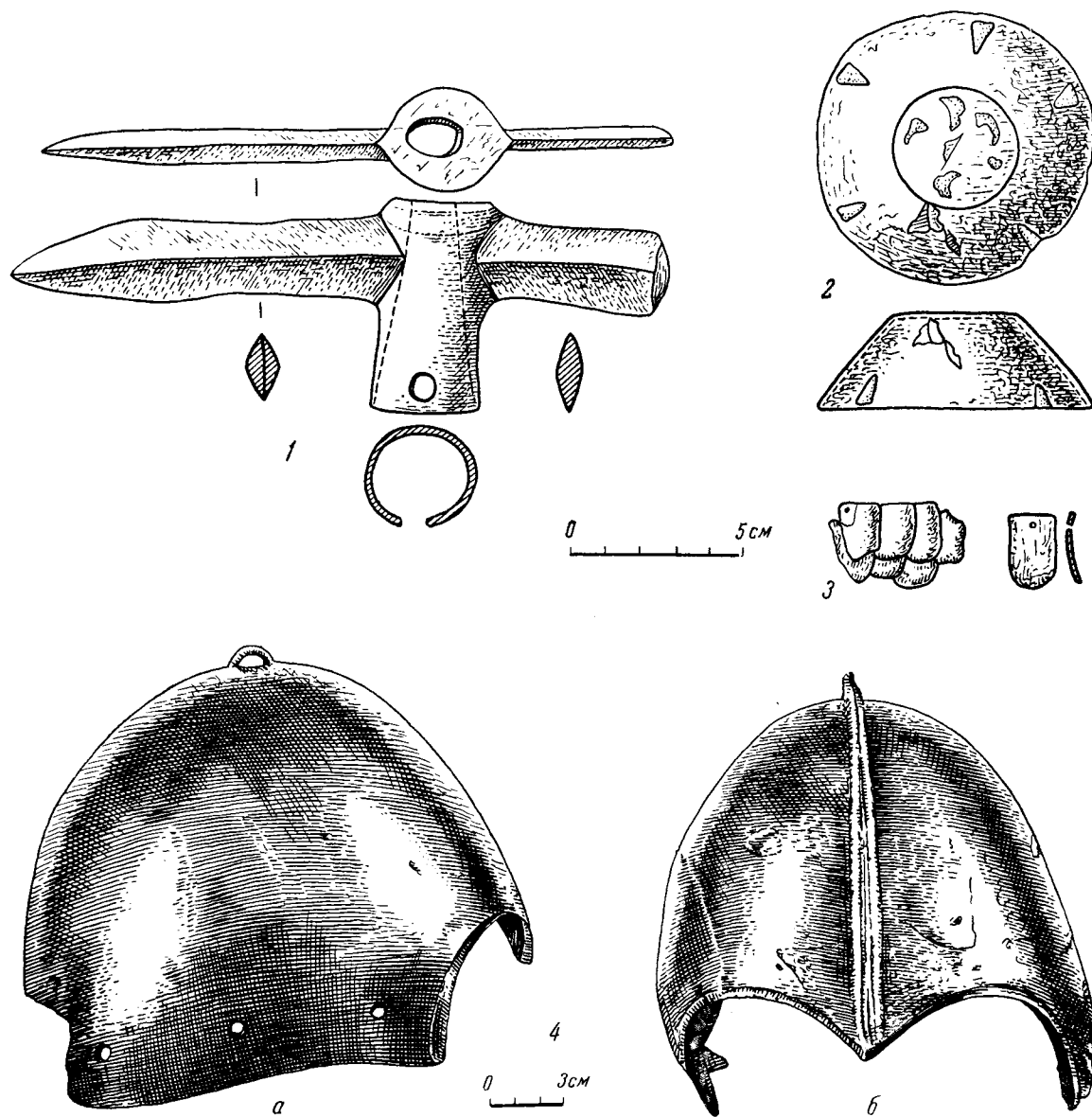

Рис. 42. Различное вооружение:

1 — бронзовый клевец, с. Красный Яр Самарского уезда, 1865, МАЭ, № 1531/1; 2 — железный умбон от щита (?), с. Саракурган 7, Д. И. Захаров, 1928 г.; 3 — железные чешуйки от панциря, с. Ковыловка, 1923 г.; 4, а, б — бронзовый шлем, с. Старый Печуур, 1895 г.

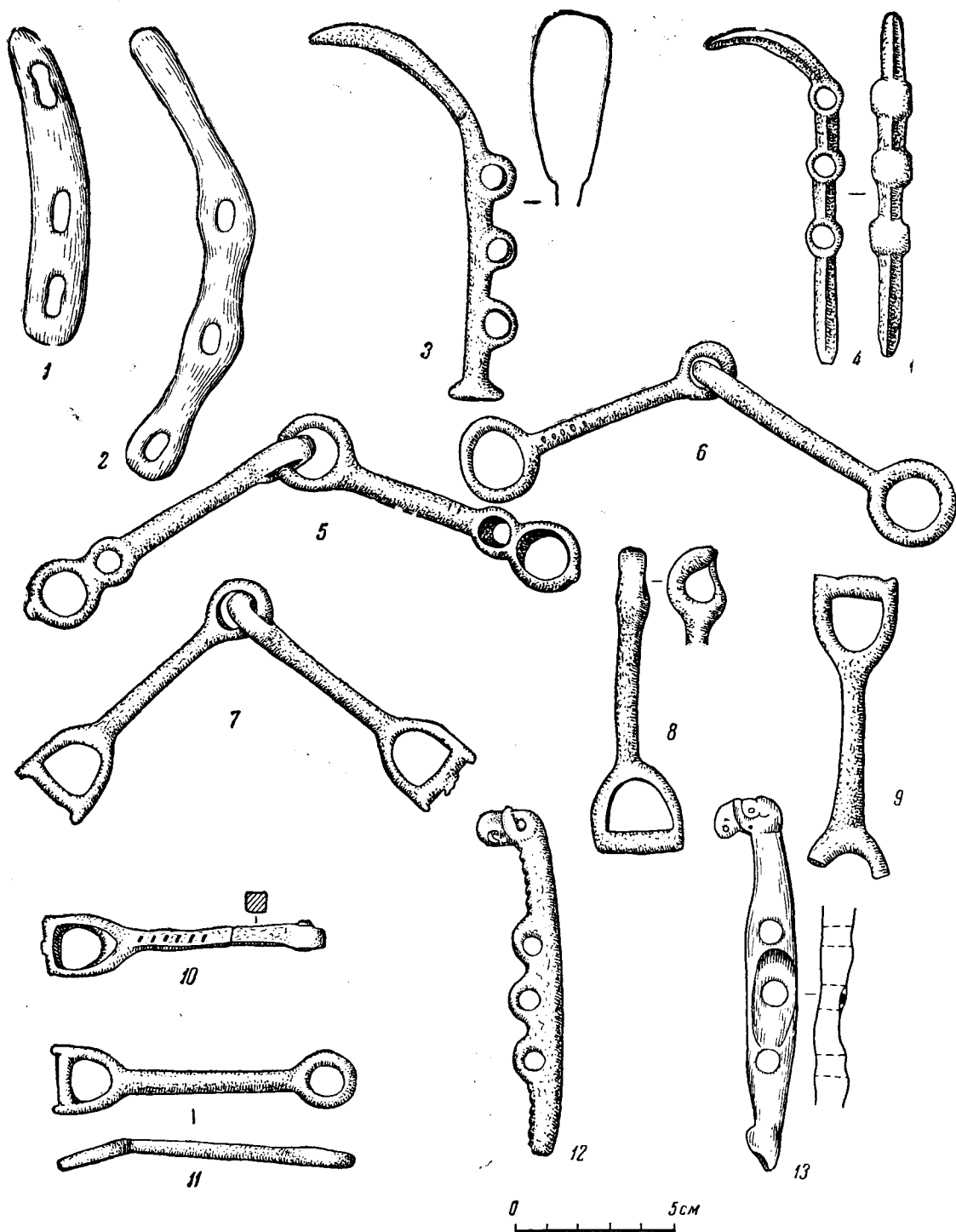

Рис. 43. Ранние удила и пса́лии (VIII—VI вв. н. э.):

1, 2 — хут. Карнауховский, курган 16, Г. В. Подгаецкий, 1934 г.; 3 — с. Кише, близ г. Элисты, случайная находка, 1904 г.; 4 — слободка Старая Толучеева, случайная находка, 1938 г.; 5 — с. Благодаровка курган «Железный мар» 1891 г.; 6 — станция Марычевка, А. Миллер, 1907 г.; 7 — собрание А. А. Ширинского-Шихматова, 1915 г., Саратовский музей, № 1008; 8, 9 — с. Нижняя Добринка, А. А. Ширинский-Шихматов, 1914 г.; 10 — Кара-Бутак под г. Срском, Э. А. Федорова-Давыдова, 1958 г.; 11 — с. Тамьян — Катайский кантон Башкирской АССР, Вильданов, 1930 г., Уфимский музей, № 322; 12 — Балашовский уезд 1895 г., Саратовский музей, № 599; 13 — с. Рысапкино, случайная находка, 1932 г., ГЭ; 1, 2, 13 — кость, остальные — бронза

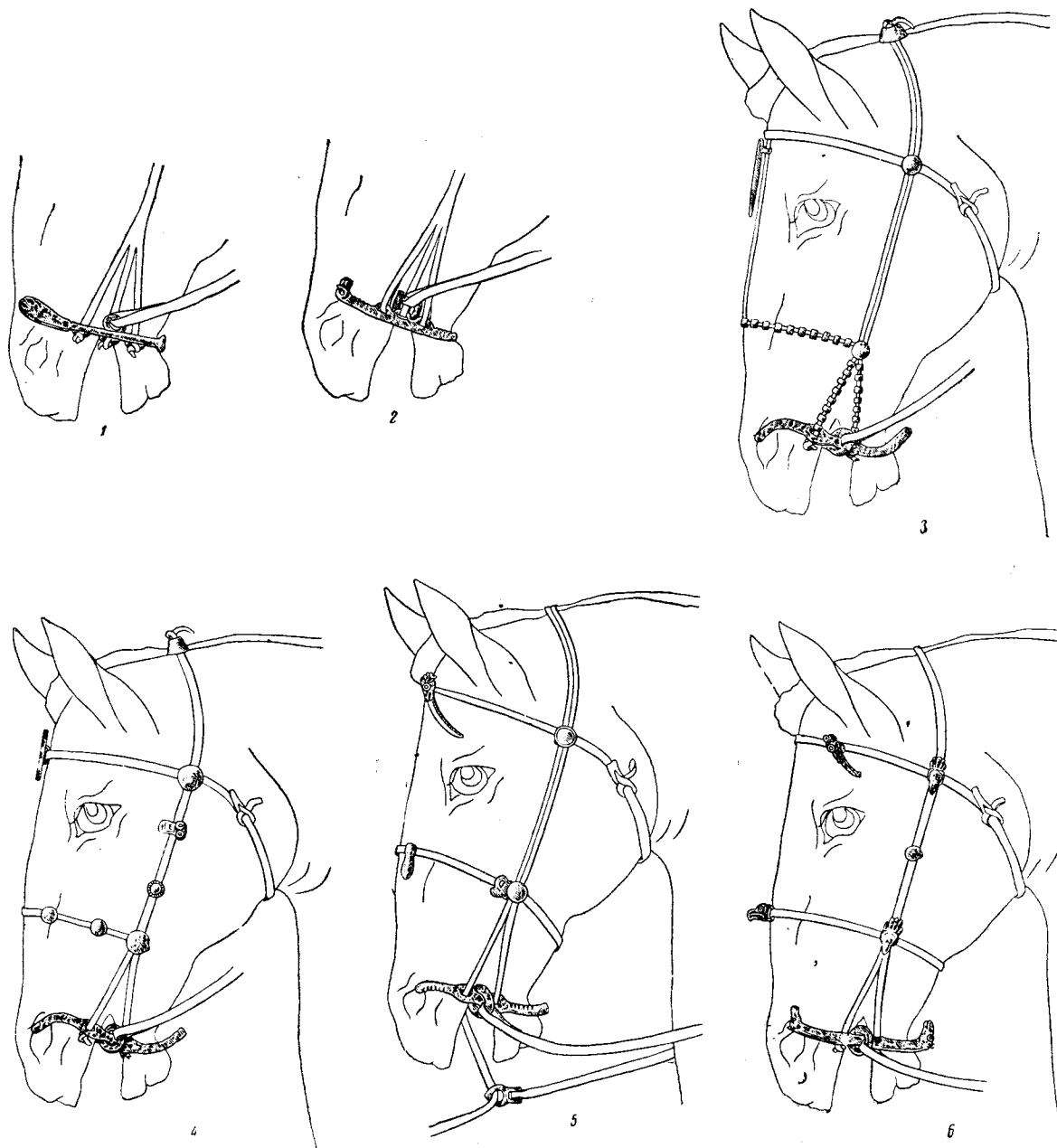

Рис. 44. Реконструкция уздечек:

1 — способ крепления бронзовых удил I типа с псалиями; 2 — способ крепления бронзовых удил III типа с псалиями; 3 — реконструкция уздечки № 1 Блюменфельдского кургана А 12; 4 — реконструкция уздечки из кургана 2 у с. Молчановки; 5 — реконструкция уздечки из погребения 2 кургана 2 урочища Мечет-Сай; 6 — реконструкция уздечки из кургана 3 группы Алебастрова гора

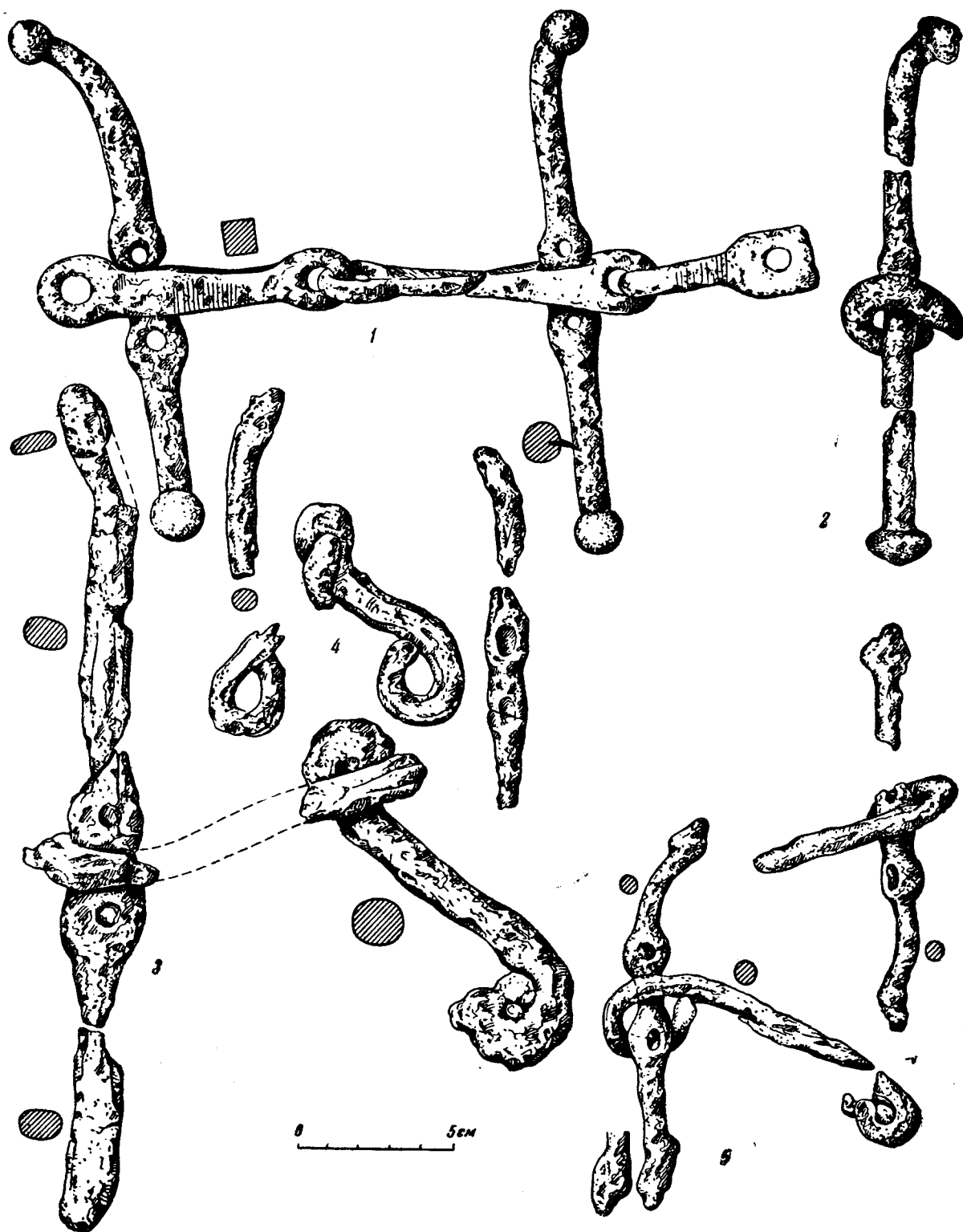

Рис. 45. Железные удила с псалиями I типа (Г-образными):

1 — с. Сара, курган 7; 2 — курган близ г. Ак-Булак; 3 — Тара-Бутак, курган 2, погребение 3; 4 — Ново-Кумакский могильник, курган 2, погребение 1; 5 — группа Мечет-Сай, курган 2, погребение 2, удила № 1

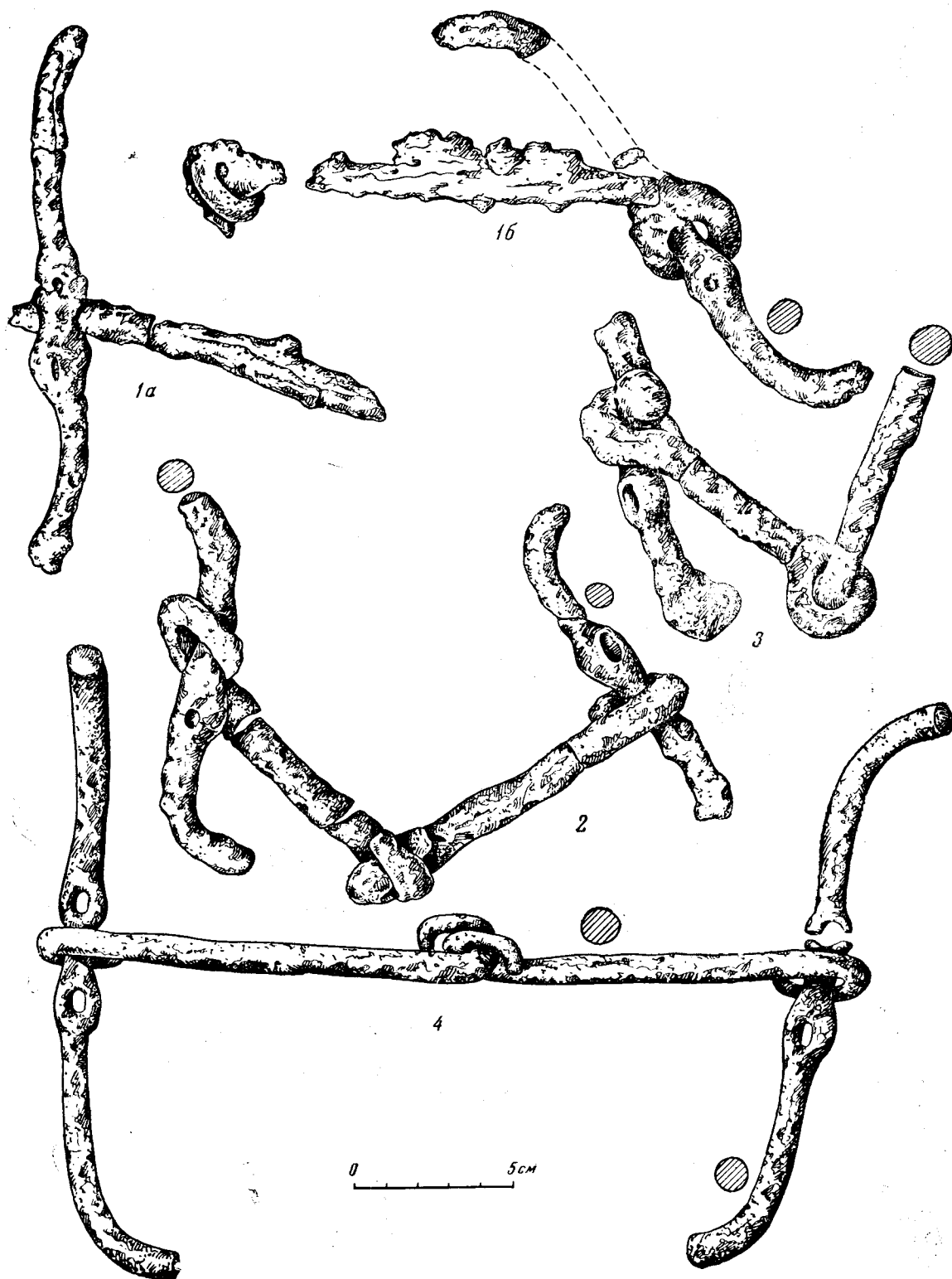

Рис. 46. Железные удила с псалнями I типа (S-видными):

1a, б — 3 — Блюменфельдский курган А 12; 4 — с. Сара, курган 7.

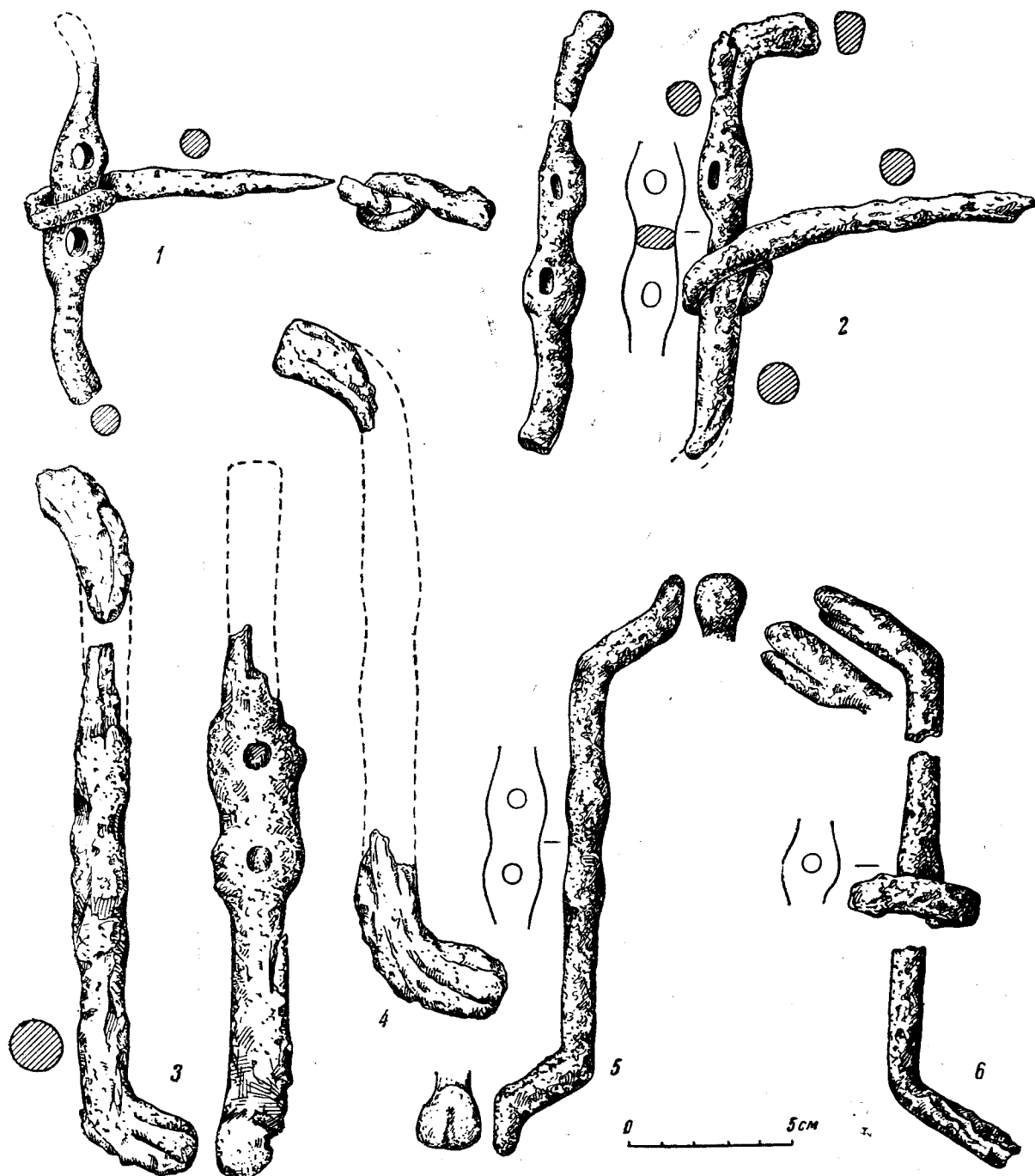

Рис. 47. Железные удила и псалии II типа (S-видные):

1 — группа Мечет-Сай, курган 2, погребение 2, удила № 3; 2 — там же, удила № 2; 3, 4 — группа Тара-Бутах, курган 2, погребение 3; 5, 6 — Ак-Булакский курган

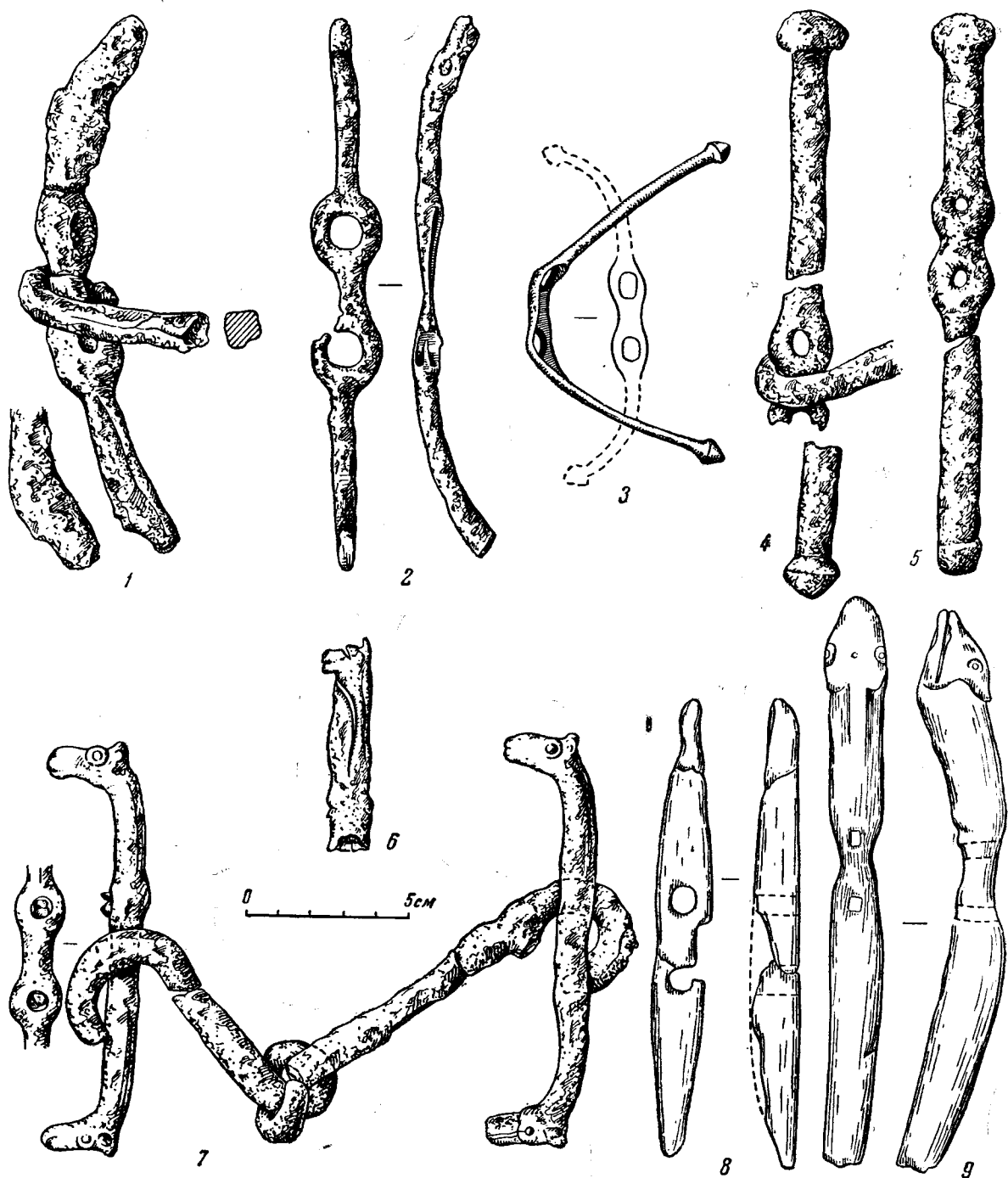

Рис. 48. Железные удила с псалиями III—V типов и костяные псалии:

1 — Блюменфельдский курган А 12; 2 — пос. Благословенский, урочище Бис-Оба, курган 8; 3 — Ново-Кумакский могильник, курган 13; 4, 5 — Ак-Булакский курган; 6 — пос. Матвеевский, курган 3; 7, 8 — пос. Нежинский, группа Алебастрова гора, курган 3; 9 — с. Абрамовка (?) Оренбургской области; 1—6 — железо, 7 — железо и бронза; 8, 9 — кость

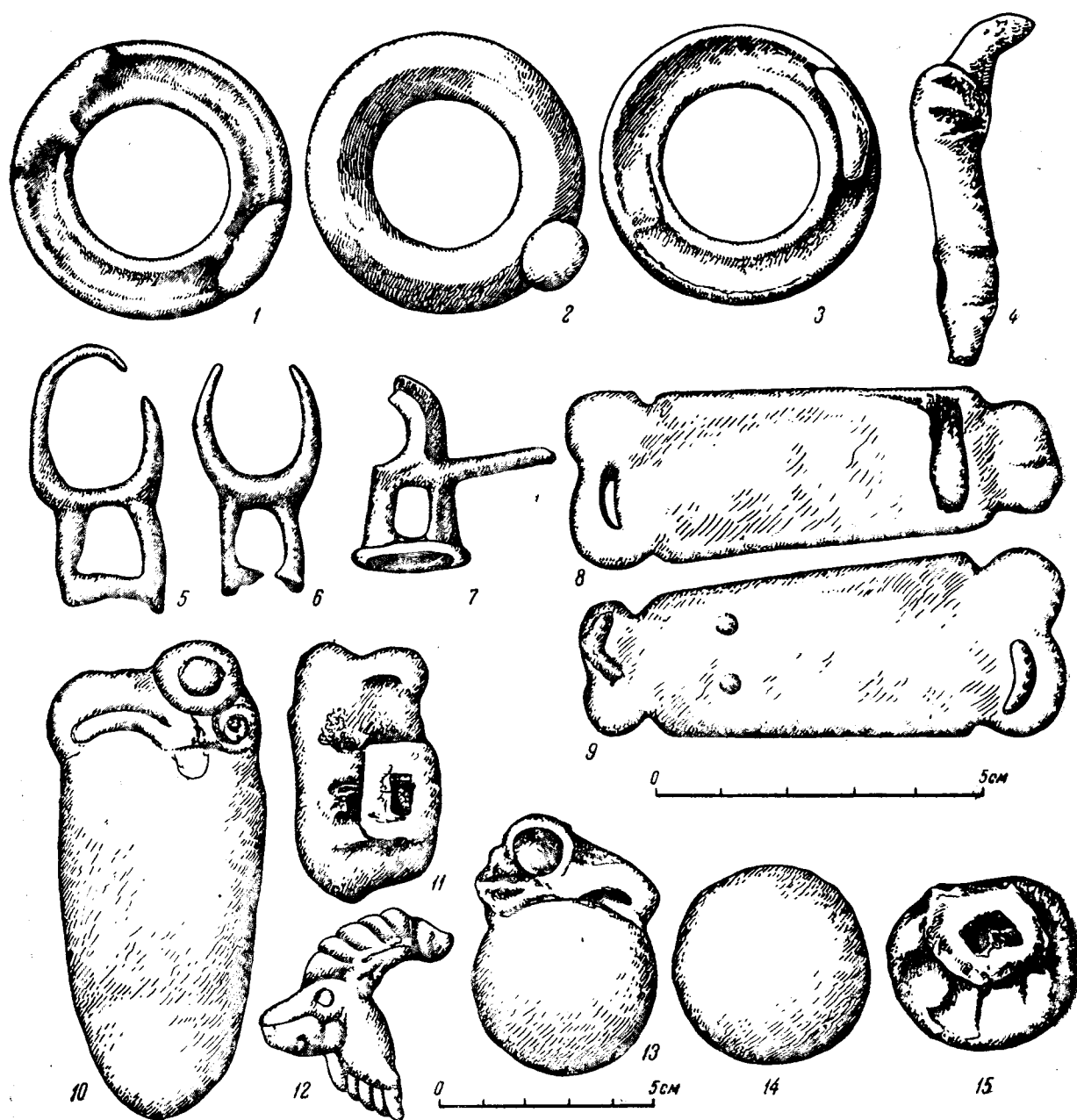

Рис. 49. Бронзовые предметы конского убора VI—V вв. до н. э. в Южном Приуралье:
1—9 — хут. Черниговский, 1888 г.; 10—15 — с. Покровка, курган 1, 1911 г.

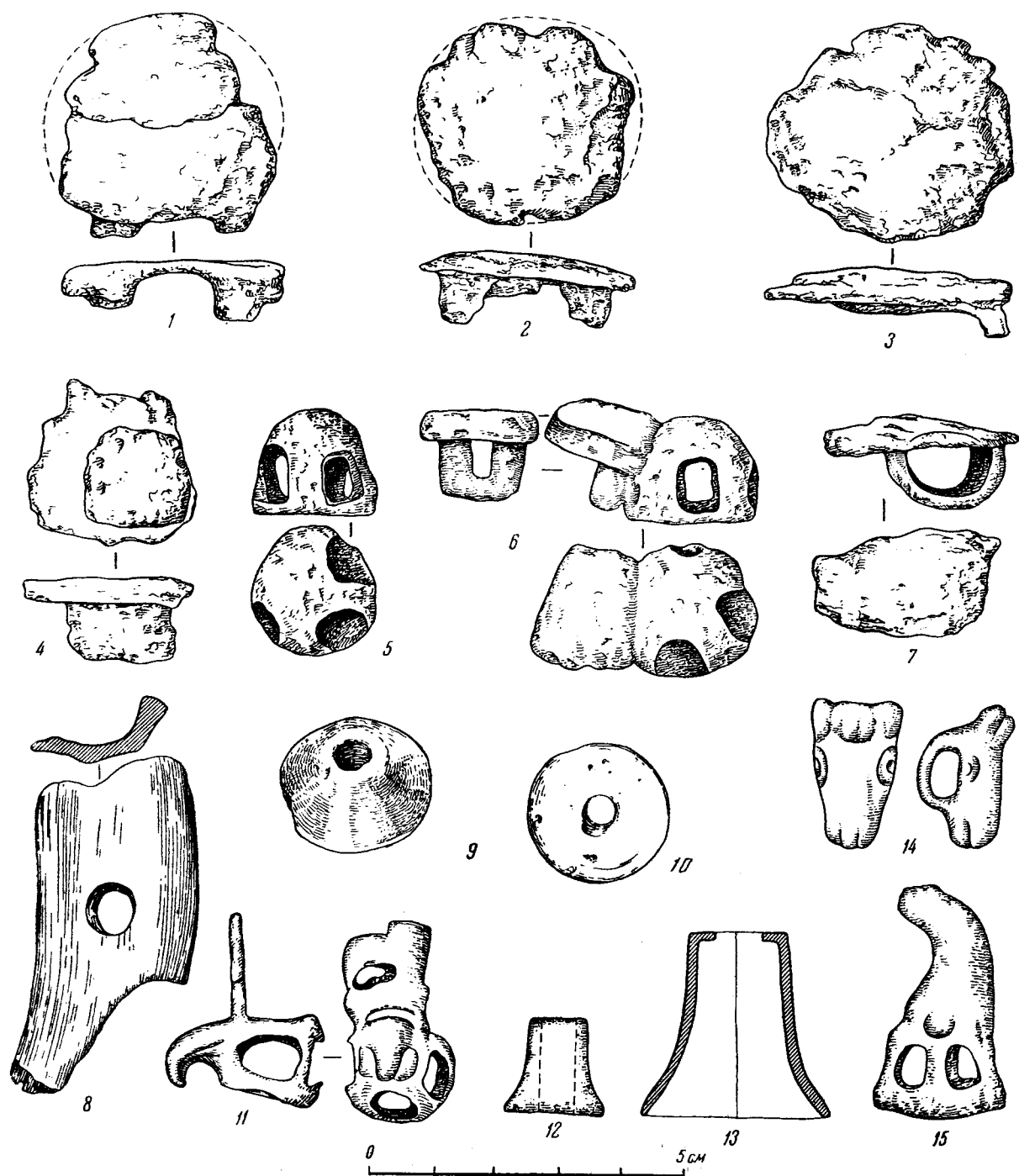

Рис. 50. Предметы конского убора конца VI—V вв. до н. э. в Южном Приуралье:

1—4 — с. Сара, курган 7, Д. Н. Захаров, 1928 г.; 5—10 — Тара-Бутак, курган 2, погребение 3, К. Ф. Смирнов, 1957 г.; 11 — курган на 336 версте Покровско-Уральской ж. д., 1895 г.; 12 — Соболевская волость, курган, 1927 г.; 13 — с. Овсянка Бузулукского уезда; 14, 15 — пос. Матвеевский, курган 5, Б. Н. Граков, 1930 г.; 1—7 — железо; 8 — кость; 9, 10 — стекло; 11—15 — бронза

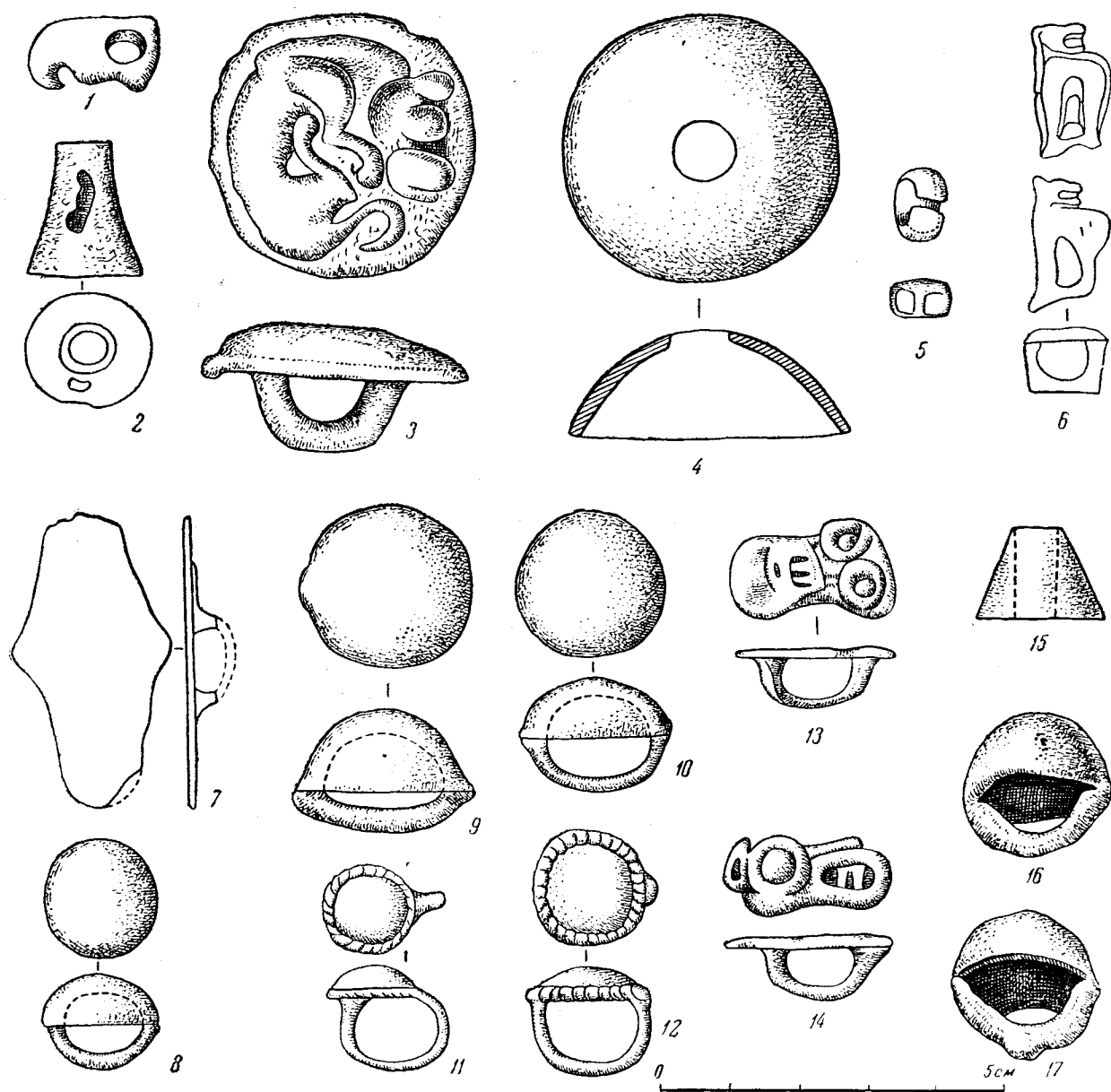

Рис. 51. Бронзовые предметы конского убора VI—V вв. до н. э. волго-донской группы савроматов:

1—слобода Владимировская, курган 2, В. Н. Тевяшов, 1900 г.; 2—Бичкин-Булак, курган 12, И. В. Силицын, 1937 г.; 3—г. Элиста, группа Три брата, курган 25, погребение 2, П. С. Рыков, 1936 г.; 4—там же, курган 7, погребение 2, П. С. Рыков, 1935 г.; 5, 6—с. Сулы, курган 43, погребение 2, П. С. Рыков, 1924 г.; 7—15—с. Молчановка, курган 2, И. В. Силицын, 1952 г.; 16, 17—Быково I, курган 21, Н. Я. Мерперт и В. П. Шилов, 1957 г.

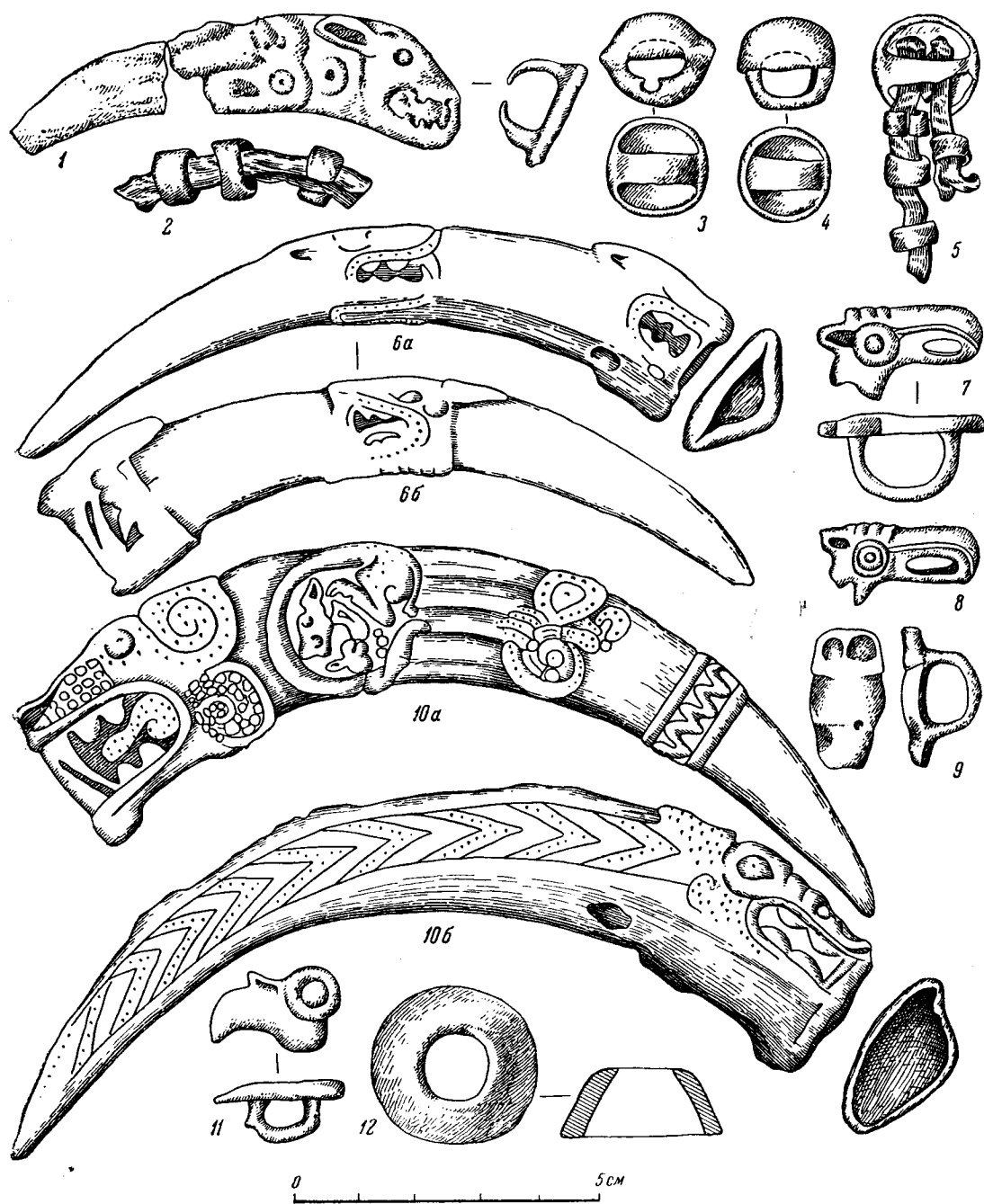

Рис. 52. Уздечные наборы Блюменфельдского кургана А 12:

4—5 — от уздечки № 1; 6—9 — от уздечки № 2; 10—12 — от уздечки № 3; 1—5, 7—9, 11, 12 — в куче лошадиных костей
1—5, 7—9, 11, 12 — бронза; 6, 10 — кость

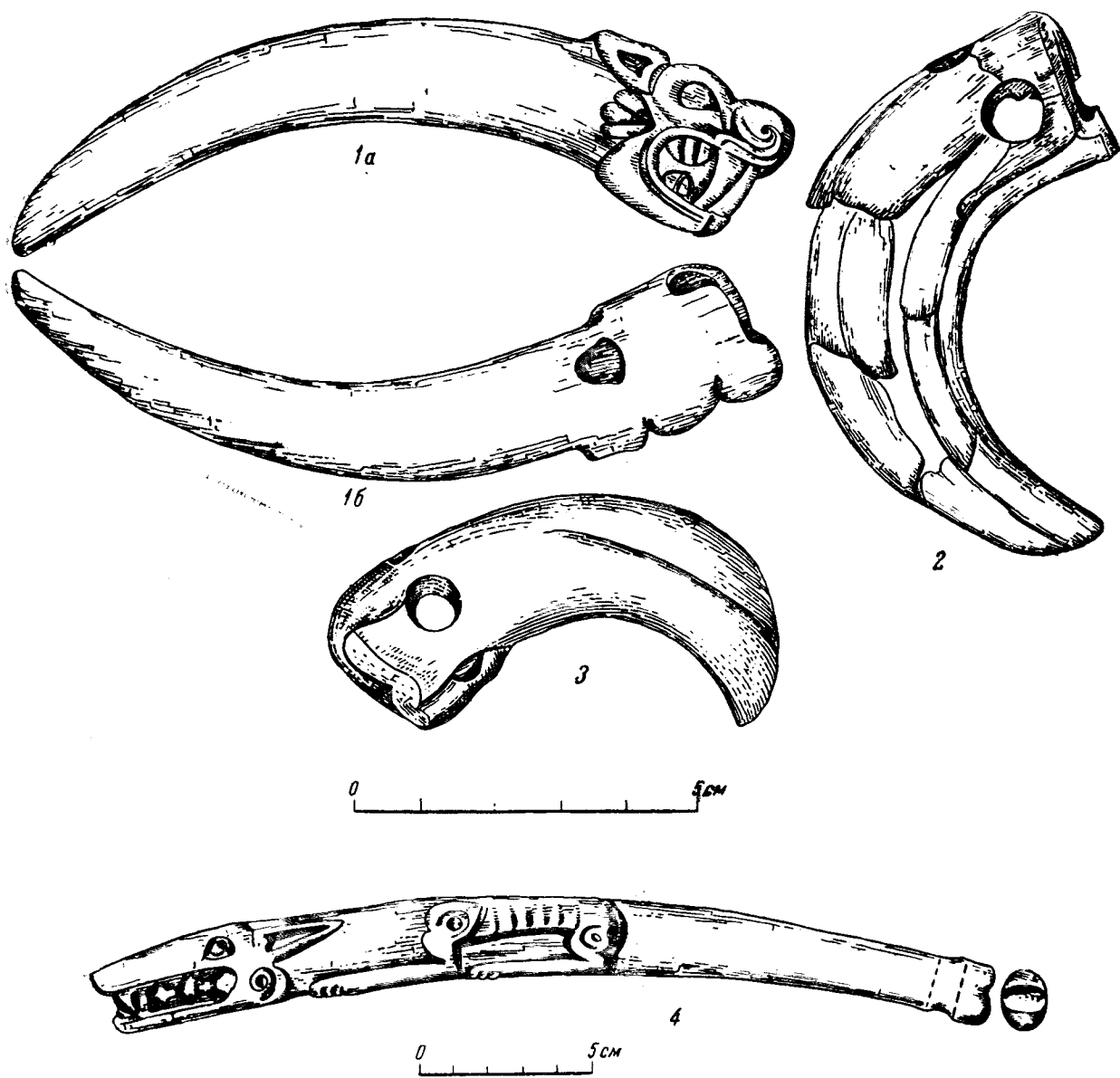

Рис. 53. Кабаныи клыки-амулеты и костяная рукоятка от нагайки или плети
 1—3 — Второй Бережновский могильник, курган 97, И. В. Сеницын, 1955 г.; 4 — с. Абрамовка, курган
 «Черная гора», 1894 г.

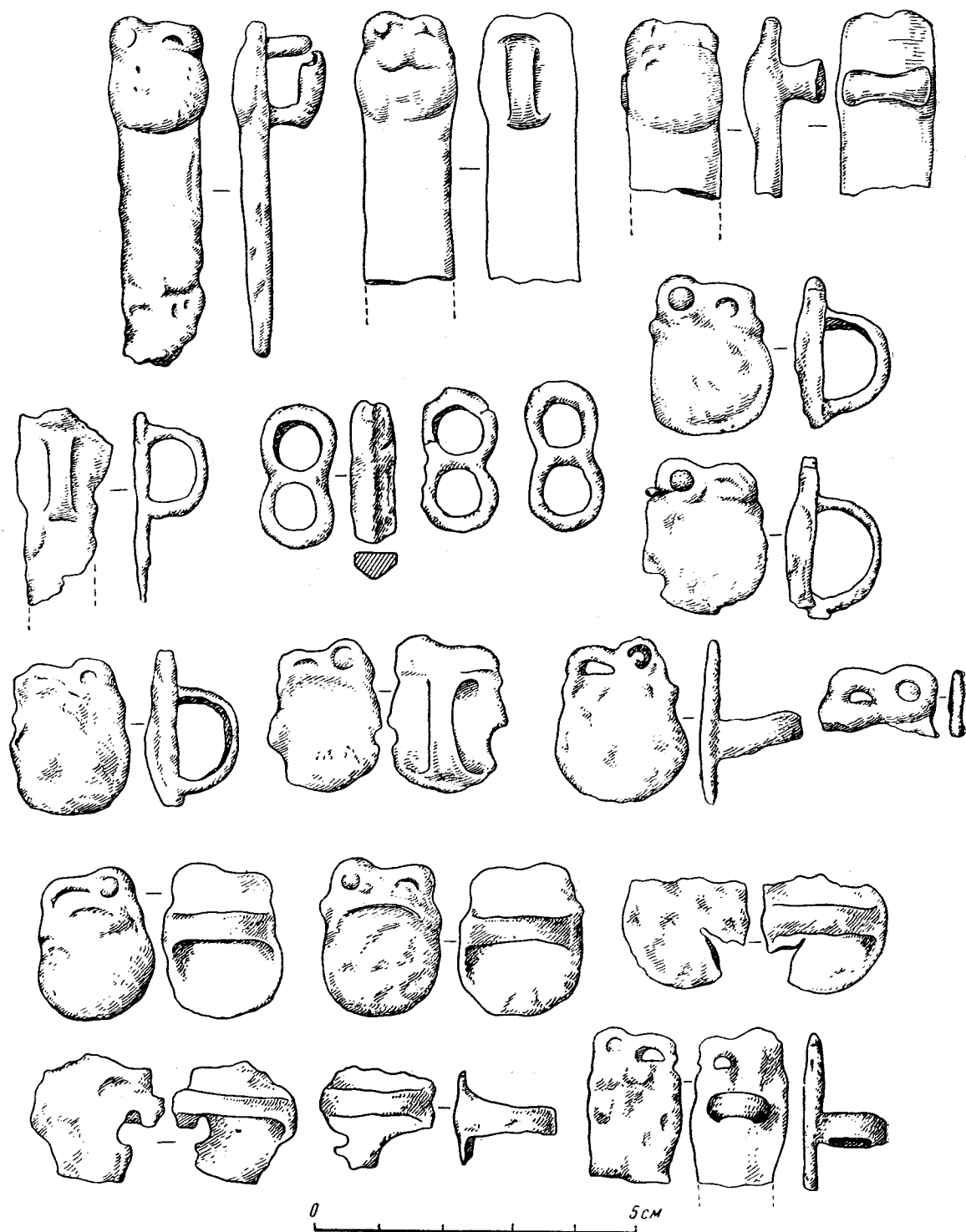

Рис. 54. Бронзовый уздечный набор из кургана группы Вторые Пятимары на Илеке, К. Ф. Смирнов, 1956
156

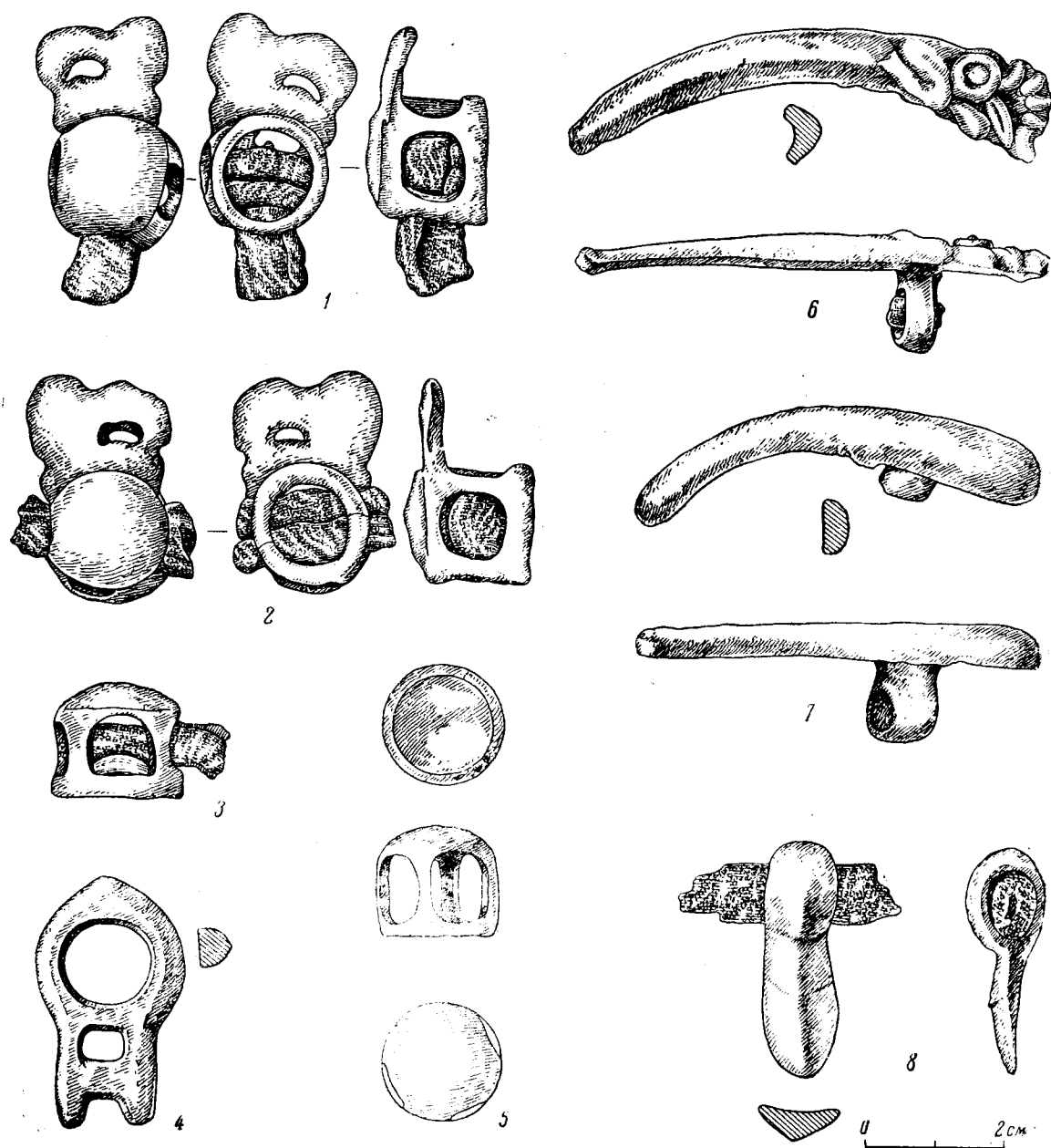

Рис. 55. Бронзовый уздечный набор из погребения 2 кургана 2 группы Мечет-Сай на Илеке, К. Ф. Смирнов, 1957 г.

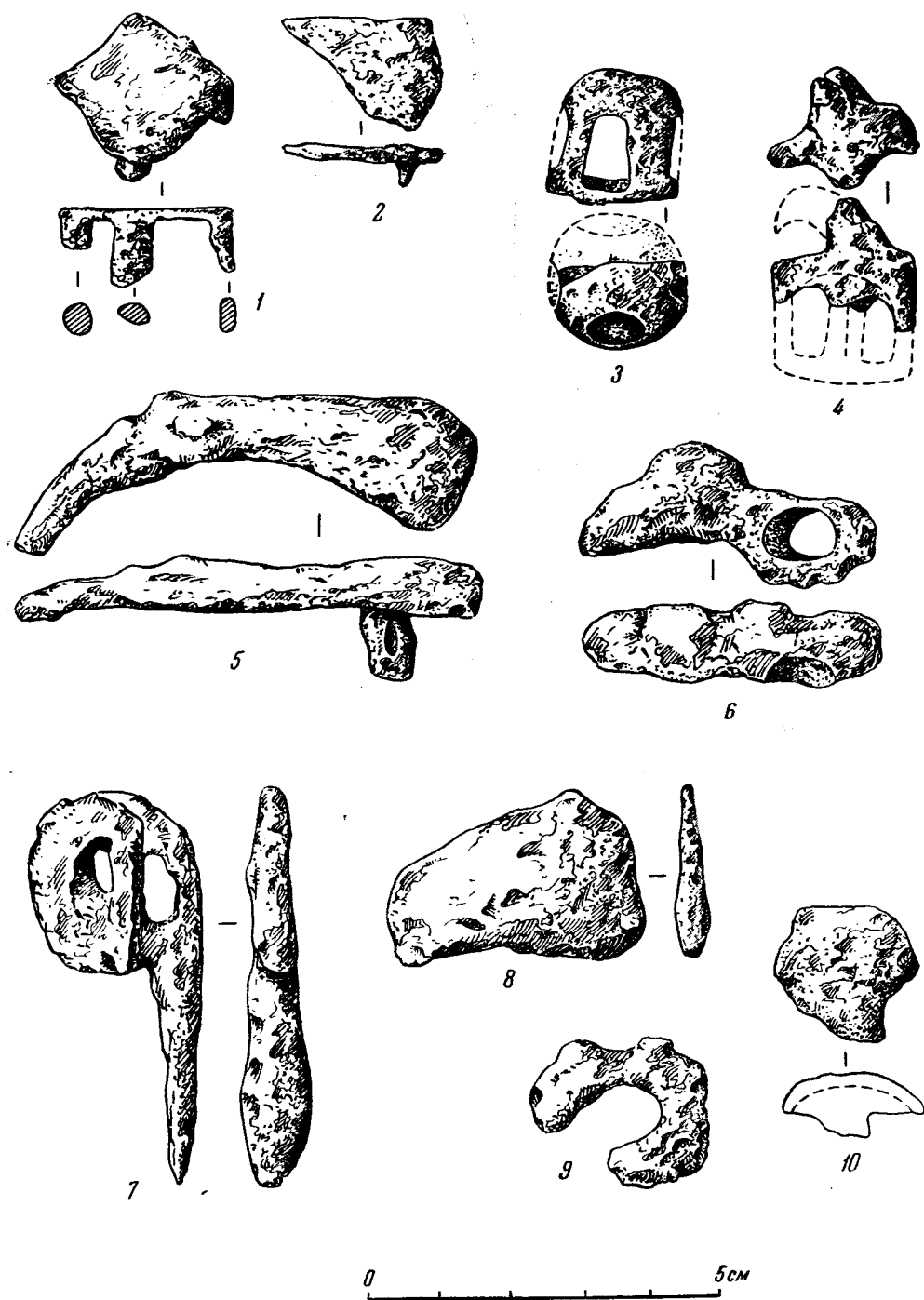

Рис. 56. Железные предметы конского убора, Мечет-Сай, курган 2, погребение 2, К. Ф. Смирнов, 1957 г.

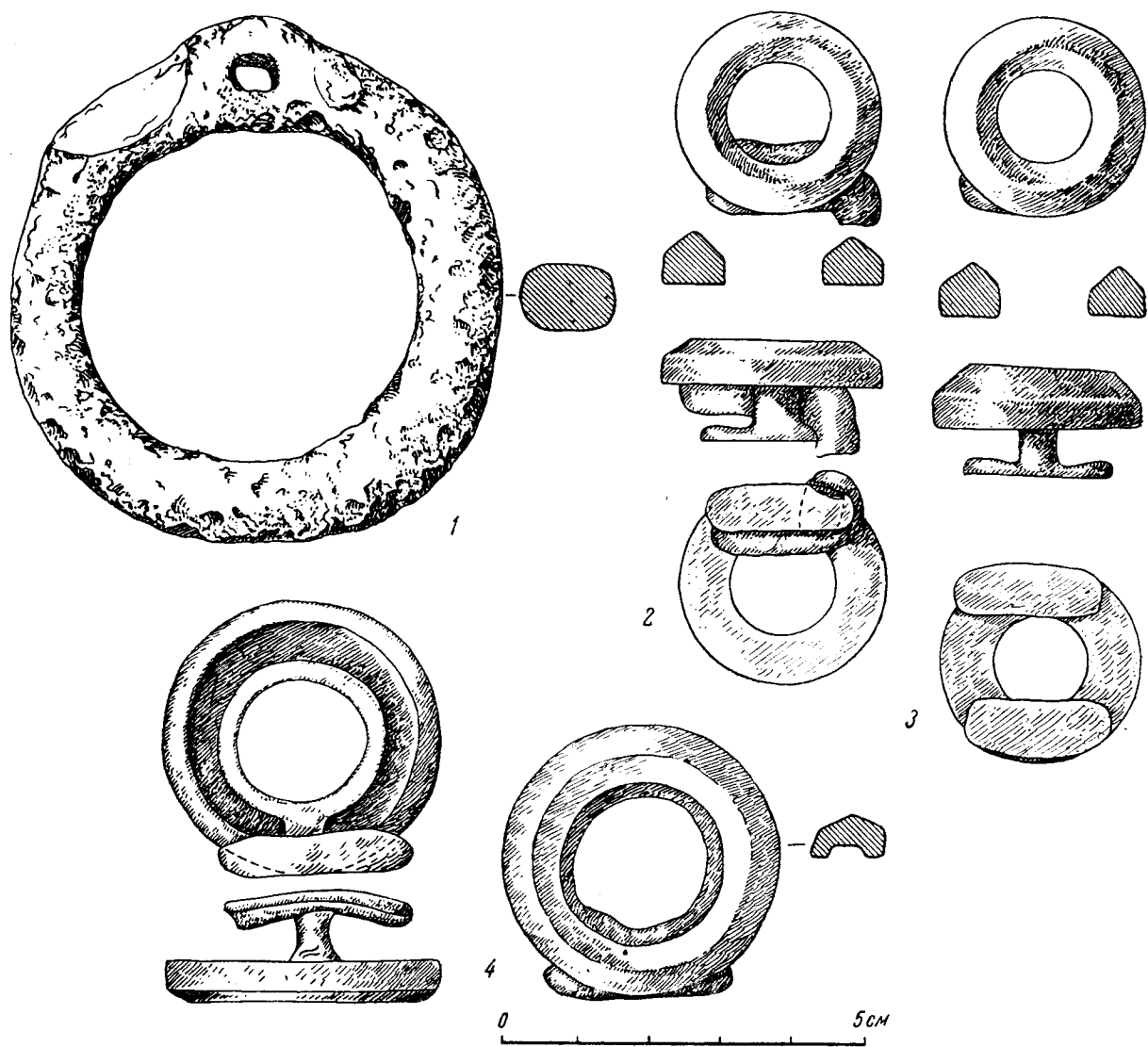

Рис. 57. Кольца и пряжки от конского убора, группа Мечет-Сай, курган 2:
1—3 — погребение 2; 4 — погребение 3; 1 — железо, остальное — бронза

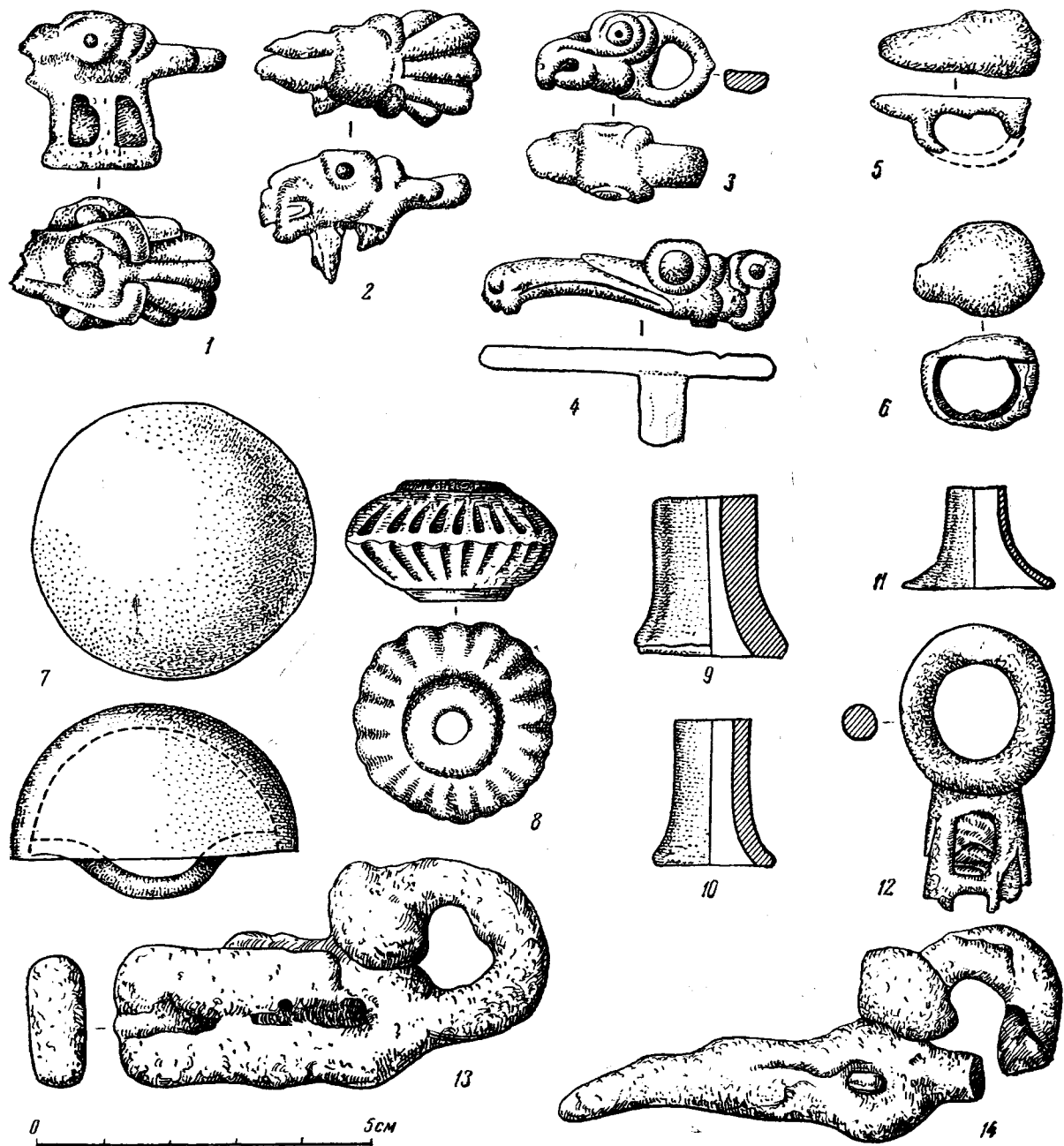

Рис. 58. Предметы конского убора конца V—начала IV вв. до н. э. в Южном Приуралье:
 1—6 — пос. Нежинский, группа Алебастрова гора, курган 3, Б. Н. Граков; 1928 г.; 7—14 — Ак-Булакский курган,
 И. А. Зарецкий, 1935 г.; 1—7, 9—12 — бронза; 13, 14 — железо; 8 — камень

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
 АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВУАК — Воронежская ученая архивная комиссия
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ДБК — Древности Боспора Киммерийского
 ДГС — Древности Геродотовой Скифии
 ДП — Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 ЗРАО — Записки русского археологического общества
 ЗОРСАРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
 ИА — Институт археологии Академии наук СССР
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
 ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
 ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
 МАР — Материалы по археологии России
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МРЗ — Д. Я. Самоквасов. Могила Русской земли. М., 1908
 ОАК — Отчет Археологической комиссии
 ОУАК — Оренбургская ученая архивная комиссия
 РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
 РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
 РД — И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства
 СА — Советская археология
 Смела — А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы
 СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия
 ТОИПК — Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
 ФАН — Филиал Академии наук СССР
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая экспедиция

О г л а в л е н и е

Введение	5
Г л а в а I. Оружие савроматов	9
1. Савроматские мечи (VII—IV вв. до н. э.)	9
2. Лук и стрелы	31
3. Копья и другие виды оружия	70
4. Оборонительное оружие	75
Г л а в а II. Конское снаряжение	77
1. Ранние бронзовые удила и пса́лины у савроматов	77
2. Конская сбруя эпохи расцвета савроматской культуры (VI—IV вв. до н. э.)	82
Иллюстрации	99
Список сокращений	161

Константин Федорович Смирнов

Вооружение савроматов

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

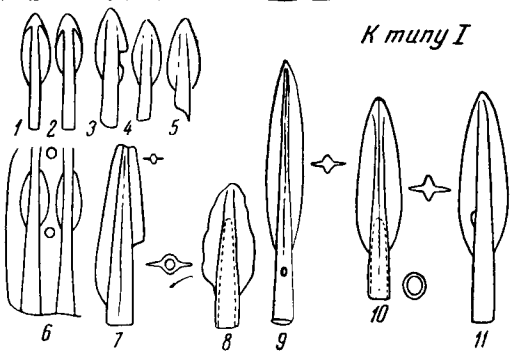
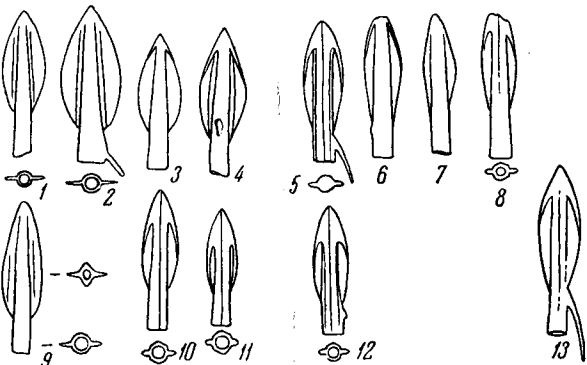
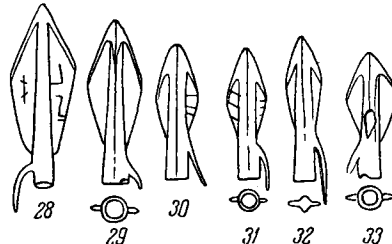
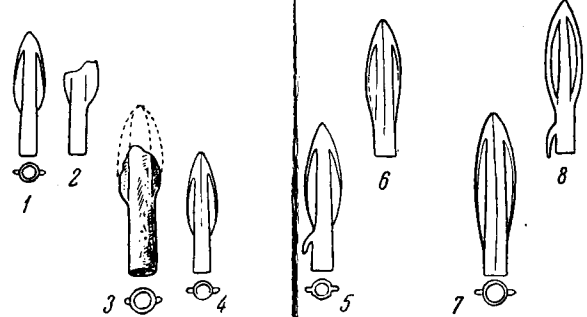
Редактор издательства *Н. И. Сергеевская*
Технический редактор *Н. Д. Новичкова*

РИСО АН СССР Р — 2161. Сдано в набор 22/IV 1961 г.
Подписано к печати 2/VII 1961 г. Формат 84×108¹/₁₆.
10,25 печ. л. + 4 вкл. 16,81 усл. печ. л. + 4 вкл.

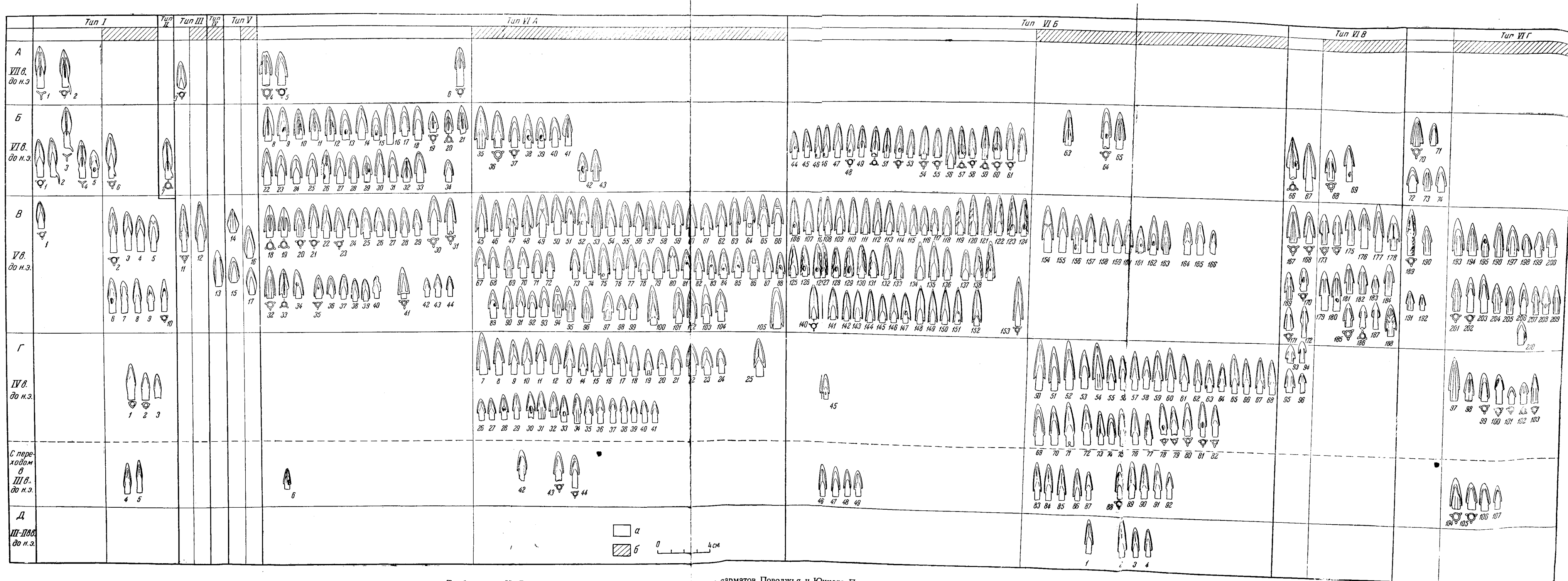
18,7 уч.-изд. л. (1,6 вкл.) Тираж 1250 экз.
Т—08652. Изд. № 58. Тип. зак. № 1803

Цена 1 р. 03 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

А																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																								
	<i>K muny II</i>				<i>K muny III</i>			<i>K muny IV</i>		<i>K muny V</i>					<i>K muny VII</i>	<i>K muny VIII</i>																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																								
Евразий- ский прототипы эпохи бронзы (по VIII в. до н.э.)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																											
Типы стрел	<i>Tun I</i>										<i>Tun II</i>	<i>Tun III</i>	<i>Tun IV</i>	<i>Tun V A</i>					<i>Tun V B</i>			<i>Tun VI</i>	<i>Tun VII</i>	<i>Tun VIII</i>	<i>Tun IX</i>	<i>Tun X</i>																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																														
Б											13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27				28	29	30	31	32	33	34	35	36																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																			
В											5	6	7	8	9	10	11	12																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																						

Т а б л и ц а II. Втульчатые трехлопастные стрелы савроматов и сарматов Поволжья и Южного Приуралья (в тексте типы обозначены арабскими цифрами)
 а — Нижнее Поволжье; б — Самаро-Уральская область

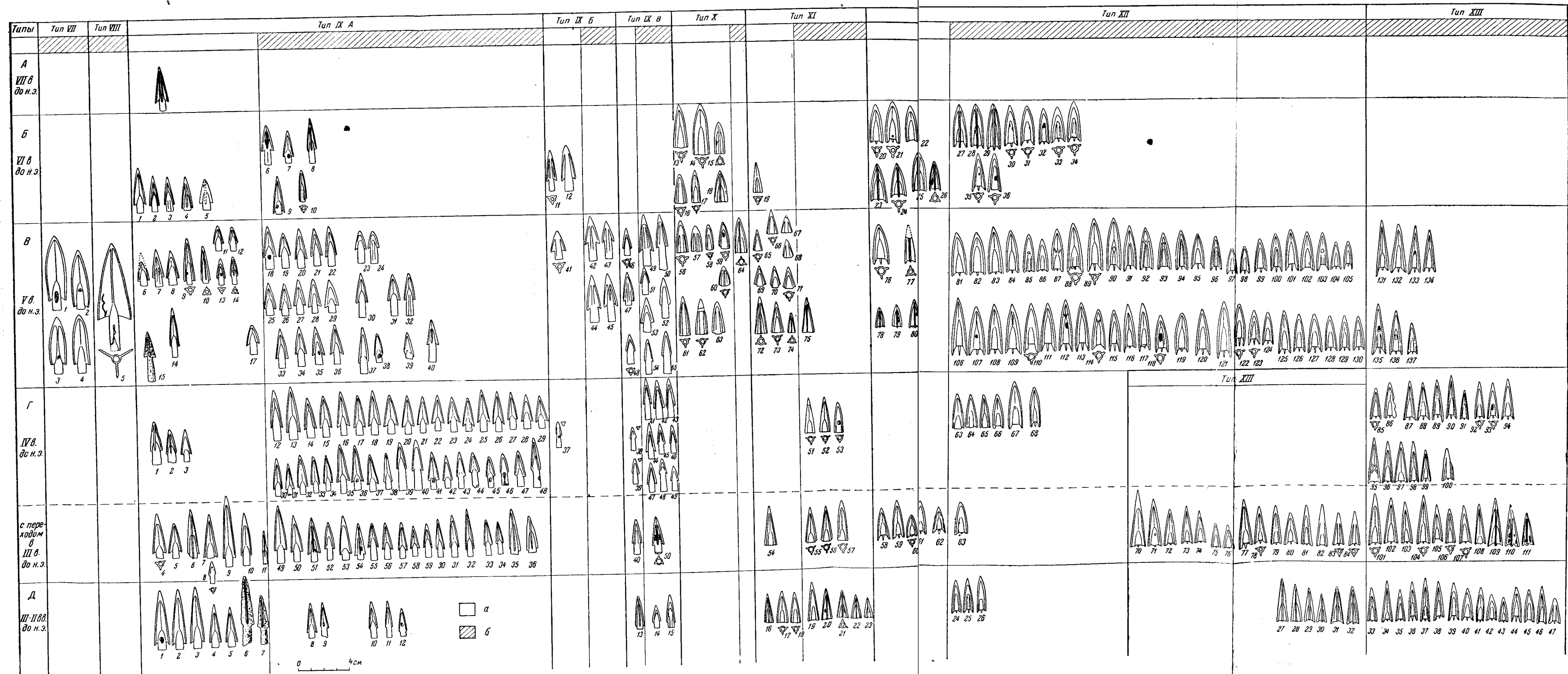

Таблица III. Втульчатые трехлопастные стрелы совроматов и сарматов Поволжья и Южного Приуралья (в тексте типы обозначены арабскими цифрами).

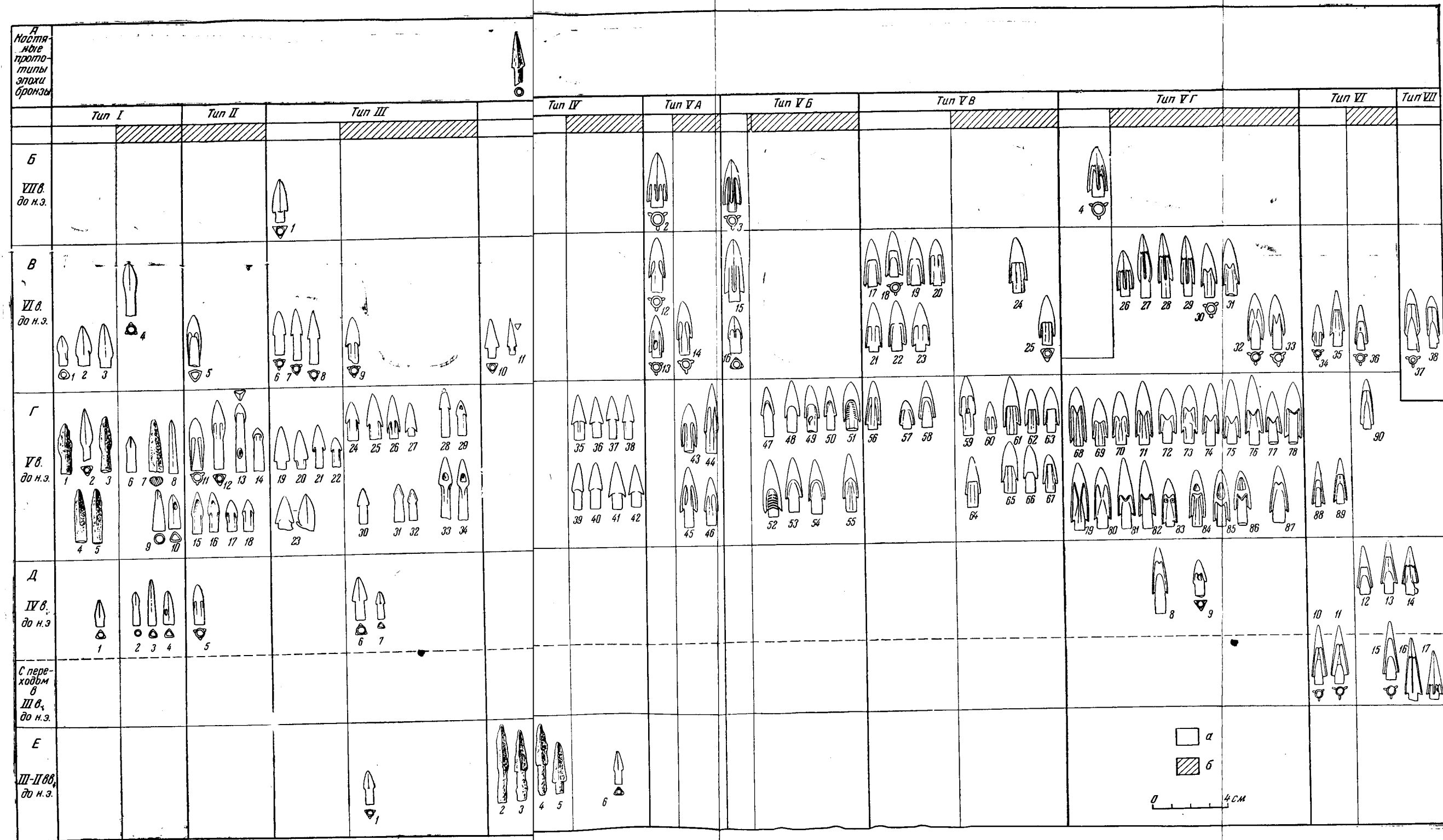

Таблица IV. Втульчатые трехгранные стрелы сарматов и сарматов Поволжья и Южного Приуралья, по локальн. типам обобщенно, по группам

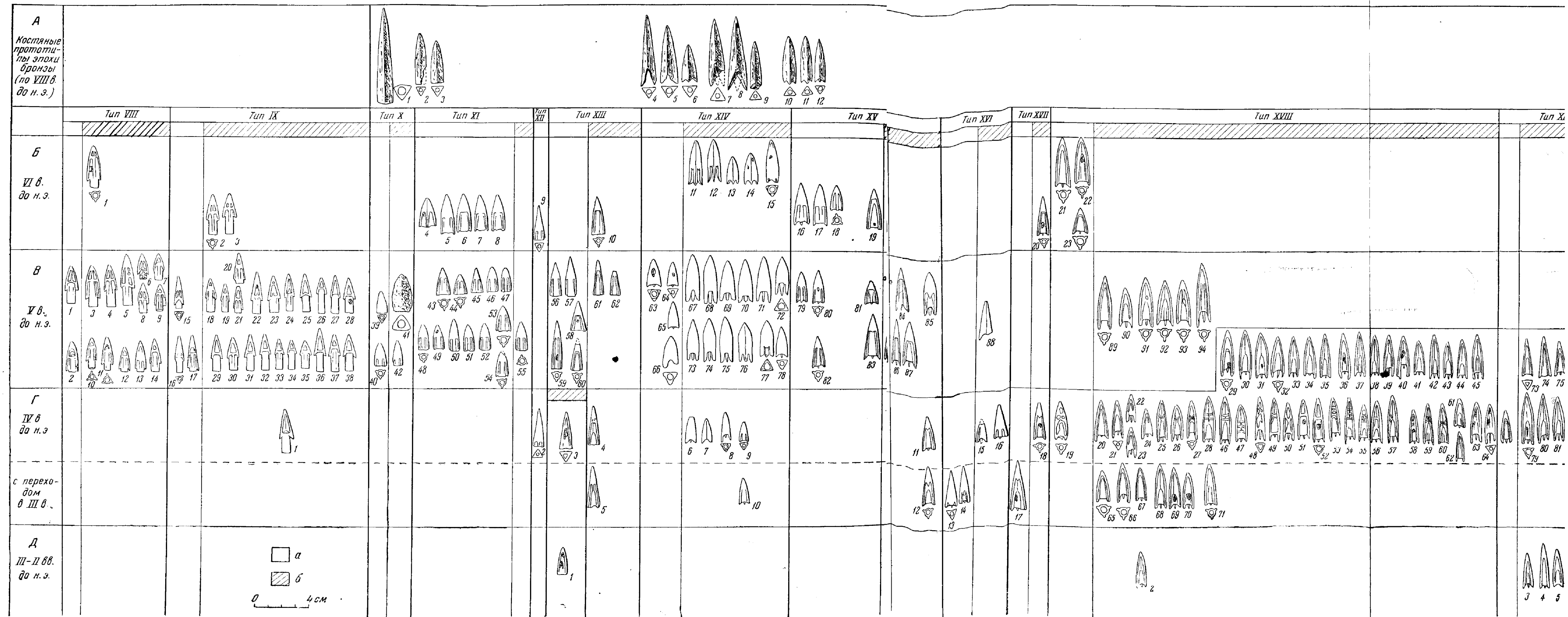

Таблица V. Втульчатые трехгранные стрелы савроматов и сарматов Поволжья и Южного Приуралья (в тексте типы обозначены арабскими цифрами)
а — Нижнее Поволжье; б — Самаро-Уральская область